ГЕРБЕРТ ФЕЙГЛ

«МЕНТАЛЬНОЕ» И «ФИЗИЧЕСКОЕ»

ЭССЕ И ПОСЛЕСЛОВИЕ

Герберт Фейгл

«МЕНТАЛЬНОЕ» И «ФИЗИЧЕСКОЕ»:

Эссе и послесловие

****

Herbert Feigl

THE «MENTAL» AND THE «PHYSICAL»:

The Essay and a Postscript

Minneapolis

University of Minnesota Press, 1967

Эссе «“Ментальное” и “физическое”» впервые опубликовано во втором томе *Minnesota Studies in the Philosophy of Science: Concepts, Theories, and the Mind-Body Problem* под редакцией Герберта Фейгла, Майкла Скривена и Гровера Максвелла (University of Minnesota Press, 1958).

Предисловие к эссе

Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность бесчисленным философам и учёным: их труды, а во многих случаях и личные беседы и переписка с ними помогли мне достичь той ясности, на которую я вправе претендовать. Назвать всех невозможно, но некоторые имена выделяются настолько отчётливо, что я должен их перечислить. Разумеется, у многих из этих мыслителей я учился, не соглашаясь с ними и вступая в споры. Во всяком случае, никто из них не несёт ответственности за возможные ошибки и путаницу в моих взглядах. Впервые я познакомился с философским монизмом, читая Алоиза Риля; по существу ту же позицию я затем нашёл у Морица Шлика, некоторые работы которого изучил ещё до того, как в 1922 году стал его учеником в Вене. Огромную пользу — хотя сам он, возможно, сочтёт её недостаточной — принесли мне беседы с моим добрым и терпеливым другом Р. Карнапом, с перерывами продолжавшиеся более тридцати лет. В венские годы (1922–1930) мою мысль во многом питали также разговоры со Шликом, Витгенштейном, Виктором Крафтом, Отто Нейратом, Э. Кайла, Карлом Поппером, Эдгаром Цильзелем и другими. Мои взгляды существенно укрепились благодаря раннему знакомству с выдающимся американским критическим реалистом Ч. А. Стронгом — во Фьезоле, в Италии, в 1927 и 1928 годах. Близкие по духу идеи, подтверждавшие мои собственные, я находил у Роя В. Селларса, Дюранта Дрейка и Рихарда Геченбергера, а также в некоторых сочинениях Бертрана Рассела. Беседы и многочисленные споры в мои американские годы, начавшиеся в 1930 году, — с Э. Г. Борингом, С. С. Стивенсом, П. У. Бриджменом, К. И. Льюисом, А. Н. Уайтхедом, Г. М. Шеффером, В. К. Олдричем, С. К. Пеппером, Э. Ч. Толменом, К. Л. Халлом, Б. Ф. Скиннером, К. Левином, Э. Брунсвиком, В. Кёлером, Альбертом Эйнштейном, Г.

Рейхенбахом, Ф. С. К. Нортропом и Филиппом Франком — оказались чрезвычайно плодотворными.

За последние три с половиной года работы Миннесотского центра философии науки у меня была не только замечательная возможность постоянно обсуждать эти вопросы с коллегами — Полом Э. Михлом, Уилфридом Селларсом и Майклом Скривеном, каждый из которых расходится со мной в ряде основных положений, причём по разным причинам. Многое дали мне и беседы с нашими гостями и сотрудниками: Гилбертом Райлом, Ч. Д. Броудом, Энтони Флю, Питером Стросоном, Эрнестом Нагелем, К. Г. Гемпелем, А. Капланом, Артуром Папом, Гербертом Бонертом, Генри Мельбергом, Хилари Патнэмом, Гэвином Александером, Уильямом Розебумом и Адольфом Грюнбаумом. Наконец, я глубоко благодарен моим студентам в Миннесоте: за многие годы семинаров по философским проблемам психологии их критика помогла мне яснее сформулировать свои мысли, преодолеть немало затруднений, избавиться от ошибок и путаницы. Для меня это была подлинная одиссея идей, и я вовсе не уверен, что уже «прибыл к цели»!

ГЕРБЕРТ ФЕЙГЛ, директор
Миннесотского центра философии науки

Февраль 1957 года

Предисловие к послесловию

Неожиданно многочисленные просьбы прислать оттиск моего эссе 1958 года и дружеская настойчивость Джона Эрвина, директора University of Minnesota Press, в конце концов убедили меня переиздать эссе отдельной книгой. Надеюсь, приложенное «Послесловие десять лет спустя» покажет, что с тех пор я не раз и не два пересматривал свои взгляды на теорию тождества, переживая и куда более сумрачные утра. Как я отмечаю в «Послесловии», основную мысль монистического подхода я по-прежнему считаю научно правдоподобной и философски — логически — приемлемой, при условии, что она будет сформулирована тщательнее. Моя собственная переформулировка пока остаётся лишь «проектом». Позволю себе вновь обратиться к сторонникам и противникам с приглашением помочь мне как созидательной, так и разрушительной критикой.

И на этот раз я многим обязан другим мыслителям. Если назвать тех, чья помощь была самой непосредственной и значительной, я прежде всего упомянул бы моих друзей Рудольфа Карнапа, Пола Фейерабенда, Гровера Максвелла, Пола Э. Михла и Уилфрида Селларса. Но были и многие другие: Дж. Дж. К. Смарт, Д. М. Армстронг, Брайан Медлин и Джон Пассмор в Австралии; несколько моих аспирантов — в особенности Уильям Демопулос и Генри Лакнер; а в последнее время особенно — профессор Кит Гандерсон и доктор Джудит Экономос, оба из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, чья острая и точная критика оказала мне неоценимую помощь. Не менее благодарен я профессорам Брюсу Ону и Джону Кекешу: придерживаясь разных взглядов, они не раз обсуждали со мной многие из этих трудных вопросов.

Наконец, я хочу с глубокой признательностью отметить поддержку Семейного фонда Луиса У. и Мод Хилл и Корпорации Карнеги.

Г. Ф.

Апрель 1967 года

Оглавление

ЭССЕ 3

БИБЛИОГРАФИЯ 136

ПОСЛЕСЛОВИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ 157

ИЗБРАННАЯ НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА 187

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 199

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 205

ПРИЛОЖЕНИЯ 211

У. Плейс
Является ли сознание мозговым процессом? 213

Дж. Смарт
Ощущения и мозговые процессы 225

Дж. Смарт
Материализм 243

Д. Льюис
Аргумент в пользу теории тождества 257

Д. Льюис
Редукция ментального 271

Д. Армстронг
Каузальная теория сознания 291

«МЕНТАЛЬНОЕ» И «ФИЗИЧЕСКОЕ»

«Ментальное» и «физическое»

I. Предварительный обзор некоторых затруднений и попыток их вытеснить

Учёные трезвого склада склонны отправлять психофизическую проблему (mind-body problem) в область умозрительной метафизики. Возможно, немного побившись над ней и едва ли добившись успеха, они обычно занимают одну из двух позиций. Либо оставляют эту головную боль философам, либо без обиняков объявляют её псевдопроблемой, над которой вообще никому не стоит задумываться. И всё же затруднения возникают вновь и вновь, нередко совершенно неожиданно: если не в самих научных исследованиях, то по крайней мере при попытках адекватно и последовательно сформулировать их проблемы, результаты и программы. Особенно наглядный пример — споры о самом предмете и определении психологии. Что она изучает: *психический опыт* (mental experience) или *поведение*?

Бихевиористская революция в психологии и противоположный ей философский подход — феноменализм в теории познания — каждый по-своему пытались обойти эту проблему. Но всевозможные затруднения продолжают преследовать обе стороны. Проблему можно вытеснить, однако вытеснение порождает симптомы — в данном случае логические, такие как парадоксы и противоречия. Психолог-бихевиорист уподобляет свой метод методам «объективных» естественных наук. Как гласит известная острота, научная психология сперва лишилась души, затем сознания (consciousness), а под конец, похоже, и вовсе лишается ума (mind). Конечно, за более чем сорок лет развития бихевиоризм во многом смягчил свою первоначально довольно жёсткую и радикальную позицию. Он примерял самые разные наряды из философского гардероба. И всё же, хотя совре-

менные исследования стали гораздо более искушёнными и в научном, и в логическом отношении, несколько удручает то, что основные философские позиции по-прежнему те же: материализм, менталистический интеракционизм, эволюционные теории эмерджентности, психонейрофизиологический параллелизм — эпифеноменализм, изоморфизм, теории двух аспектов — и нейтральный монизм. Характерно, что именно позитивисты прошлого и нынешнего столетий особенно решительно отстаивали феноменалистскую и бихевиористскую позиции — утончённых потомков или разновидности соответственно менталистской и материалистской философии. Позитивизм с его пресловутым страхом перед метафизическими проблемами и выраженной склонностью к редукционизму охотнее любого другого направления объявлял психофизическую загадку Scheinproblem — мнимой проблемой. Неудивительно, что на разных этапах истории позитивизма его излюбленными позициями оказывались, с одной стороны, феноменализм или нейтральный монизм, а с другой — физикализм.

В философии Просвещения XVIII века мы находим открытый и ясный феноменализм Юма, но также и столь же недвусмысленный, хотя и более прямолинейный, французский материализм, прежде всего материализм барона Гольбаха. Немецкие позитивисты XIX века во главе с Махом и Авенариусом были, по существу, последователями Юма. Таким же был и Бертран Рассел на одном из ранних этапов своей эпистемологической одиссеи. Совместное влияние расселовского феноменализма, или нейтрального монизма, и логики *Principia Mathematica* побудило Карнапа в ранней работе «Логическое построение мира» (*Der logische Aufbau der Welt*, 1928) весьма подробно и с замечательной точностью разработать логическую реконструкцию отношений между психологическими и физическими понятиями. В основу этой реконструкции он положил совокупность нейтральных данных опыта и показал, как можно конституировать понятия различных научных дисциплин в виде логических конструкций, возведённых на понятиях, которые относятся к элементам и отношениям этого бессубъектного, ещё не обработанного материала непосредственного опыта. Попытка Карнапа стала тем самым кульминацией целого ряда позитивистско-феноменалистских теорий познания. Однако вскоре

ряд серьёзных возражений и затруднений заставил его отказаться от этой схемы и заменить её другой, отличной и по основанию, и по структуре. Новая реконструкция физикалистская: её исходные элементы и отношения — это обозначаемые объекты интерсубъективного языка наблюдения, а именно физикалистского языка вещей (thing-language). Различие в логической структуре объясняется главным образом признанием того, что расселовская иерархия типов не даёт адекватной экспликации категориальных ошибок, которые, несомненно, порождают некоторые, хотя далеко не все, психофизические затруднения.

Физикалистские взгляды Лэшли (192), Карнапа (62, 64, 66, 67), Гемпеля (146), Блэка (37, 38), Куайна (268), Райла (294), Скиннера (321) и Уилфрида Селларса (315), при всех более или менее существенных расхождениях между ними, прежде всего исходят из глубокого сомнения в возможности чисто феноменального языка. Нам говорят, что язык наблюдения повседневной жизни укоренён в интерсубъективных терминах: мы учимся пользоваться ими в общей, публичной ситуации, усваивая названия вещей, свойств, отношений, состояний, событий, процессов и диспозиций. По мнению этих мыслителей, субъективные, или «менталистские», термины также вводятся и усваиваются на интерсубъективной основе. Устраните эту основу — и вы не просто лишите психологические понятия научной значимости: у вас останутся лишь невыразимые непосредственные переживания (raw feels) или восклицания, лишённые познавательного содержания.

Однако такой редукционистский подход не позволяет полностью справиться с проблемами. Интроспекция, пусть она и бывает ненадёжной, всё же даёт нам возможность описывать элементы, аспекты и конфигурации феноменальных полей непосредственного опыта. Когда врач спрашивает меня, болит ли у меня в груди, подавлен ли я или могу ли прочесть мелкий шрифт, он вполне может оставаться бихевиористом и проверять наличие этих переживаний совершенно объективным способом. Но боль, подавленное настроение или зрительные ощущения испытываю — либо не испытываю — я сам; и сообщить о них я могу на основе непосредственного опыта и интроспекции. Поэтому неизбежно возникает вопрос: как непосредственные переживания связаны с поведенче-

скими или нейрофизиологическими состояниями? Или, если предпочесть формальный способ речи материальному, каковы логические отношения между речью о непосредственных переживаниях — феноменальными терминами, если уж не феноменальным языком, — и терминами и высказываниями языка поведения или нейрофизиологии?

Как бы ни были мы искушены в логическом анализе и теории познания, старые затруднения сосредоточены именно здесь и никак не желают исчезать. Я сильно подозреваю, что многие философские позиции, по крайней мере начиная с XVIII века, были продиктованы прежде всего желанием избежать психофизической проблемы. К тому же её центральное значение для всякого мировоззрения обременяет её прояснение сильными чувствами, будь то чувства, порождённые материалистическими, идеалистическими или теологическими пристрастиями. Шопенгауэр справедливо считал психофизическую проблему «мировым узлом» (Weltknoten). Это действительно сплетение сложных загадок: научных, эпистемологических, синтаксических, семантических и прагматических. С ними тесно связаны столь же болезненные и спорные вопросы о телеологии, цели, интенциональности и свободе воли.

Вместе со многими современными философами-аналитиками и логиками науки я убеждён, что все эти проблемы неоправданно усложнены понятийной путаницей и в этой мере представляют собой надуманные загадки и псевдопроблемы. Однако, по-моему, ни одной из них мы ещё не отдали должного. К счастью, вытеснение проблем, свойственное редукционистским философским направлениям — позитивизму, феноменализму, логическому бихевиоризму, операционализму, — выходит из моды. На смену ему приходит гораздо более подробный и тщательный анализ: как витгенштейновский анализ «обыденного языка», так и карнаповские «реконструкции».

Коллингвуд однажды заметил, что «люди обычно болезненно чувствительны к своим абсолютным предпосылкам; они взрываются у вас перед глазами, потому что вы задели одну из этих предпосылок». Можно добавить, что столь же болезненно философы реагируют и на вытесненные ими затруднения. Если какая-то

загадка не поддаётся решению в рамках излюбленной философской системы, её вытесняют примерно так же, как неразрешённый внутренний конфликт. Полагаю, с психологической точки зрения первый случай можно считать разновидностью второго. Исследователи настолько сильно эмоционально вкладываются в некоторые идеи, настолько связывают с ними собственное «я», что возводят целые укрепления, лишь бы оградить любимые взгляды от ударов критики или от её медленного разъедающего действия. Никто не может быть уверен, что в том или ином случае не поступает именно так; себя я исключением не считаю. Лучшее, что нам остаётся, — сохранять честность и как можно чаще подвергать себя беспощадной критике, если это осуществимо и плодотворно. Приёмы самоанализа в философии не новы, но современные средства глубинной психологии, несомненно, могли бы сделать их гораздо действеннее. Именно в таком духе откровенности я начну с того, что открыто выложу карты на стол: в двух следующих разделах обозначу требования, которым, на мой взгляд, должно отвечать адекватное решение психофизических проблем. Я нисколько не сомневаюсь, что некоторые философы и психологи разойдутся со мной уже на этих первых шагах. Тогда мне остаётся лишь постараться, во-первых, как можно убедительнее обосновать эти требования, а во-вторых, настолько полно, насколько позволяет место, разобрать и оценить достоинства и недостатки некоторых из предложенных решений.

II. Научные и философские нити в психофизическом узле

Первый необходимый шаг к прояснению дела — отделить научные вопросы об отношении ментального к физическому от эпистемологических. Эпистемологию я понимаю здесь в современном смысле: как логический анализ понятий и высказываний и тесно связанную с ним логическую реконструкцию обоснования притязаний на знание. Однако некоторые из самих рассматриваемых высказываний по существу научны: судить о них надлежит на основании эмпирических данных. Именно здесь пути принципиально расходятся. Биологи, психологи, а вместе с ними и многие философы глубоко убеждены либо в автономии ментального, либо

в её отсутствии. Наиболее резкое расхождение разделяет сторонников взаимодействия ментального и физического и тех, кто отвергает интеракционизм и потому принимает либо параллелизм — например, в его популярной ныне форме изоморфизма, — либо какую-нибудь последовательно монистическую позицию. И интеракционизм, и параллелизм, разумеется, представляют собой формы дуализма. Имеющиеся данные пока не позволяют окончательно разрешить главное разногласие между ними. Но я полагаю, что в конечном счёте и в принципе этот спор подлежит решению на основании эмпирических данных.

Виталисты и интеракционисты, такие как Дриш, Макдугалл, Дж. Б. Пратт, Дюкасс, Капп и другие, считают биологические понятия и законы несводимыми к законам физики, а потому тем более несводимыми считают и понятия и законы психологии. Обычно это учение сочетается с теорией эмерджентной новизны жизни и сознания. Но есть и те, кто признаёт эмерджентность лишь в отношении ментального, допуская редукцию биологических фактов. «Редуцируемость» означает здесь то же, что и «объяснимость», и не связана необходимым образом с возможностью ввести биологические или психологические понятия — обеспечить им эмпирическую привязку (empirical anchorage) — на основе физикалистских терминов наблюдения. Как ясно показал Карнап (67), тезис о единстве языка науки — его собственный тезис — никоим образом не предрешает вопроса о возможности единого объяснения биологических и психологических фактов или законов на основе физической теории. Философам, конечно, не следует полагать, будто столь фундаментальный научный вопрос можно решить одним лишь логическим анализом. Логически вполне мыслимо, что биологические, психологические и социальные явления и их закономерности не поддаются объяснению с помощью тех физических или физико-химических законов и теоретических допущений, которых достаточно для объяснения и предсказания явлений и закономерностей неживой природы.

Логически сходные случаи несводимости очевидны даже внутри самой физики. «Механистические», ньютоновские предпосылки объяснения сегодня считаются совершенно недостаточными для объяснения электромагнитного излучения, динамики внутри-

молекулярных и внутриатомных процессов, а также взаимодействия электромагнитного излучения с частицами вещества. Физика XIX века ввела принципиально новые понятия и законы электромагнетизма; в свою очередь, в нашем столетии теория относительности и квантовая теория радикально их изменили и дополнили. Мыслимо, что для объяснения явлений жизни и сознания понадобятся сходные поправки. Современные дуалисты — виталисты, эмерджентисты, интеракционисты и сторонники параллелизма — утверждают, что без такого обогащения понятийной системы науки не обойтись. Их доводы опираются прежде всего на традиционно убедительные примеры телеологических процессов, целенаправленного поведения, психосоматических явлений, а также на мнемические и интенциональные особенности восприятия, познания, мышления, желания и воления. Некоторые, на первый взгляд весьма убедительные, аргументы указывают просто на существование, на сам факт наличия непосредственного опыта — непосредственных переживаний, или несомненных данных непосредственного опыта. Утверждается, что, хотя эти данные связаны с поведением и нейрофизиологическими процессами, они не сводятся к чисто физическим понятиям и не могут быть определены через них; более того, их возникновение нельзя предсказать или объяснить на основании одних лишь физических законов и физических описаний.

Здесь уже совершенно необходимо различить научные и философские аспекты психофизических проблем. «Несводимость» может означать невыводимость из определённого набора посылок; но в других контекстах она означает непереводимость — отсутствие синонимии или логической эквивалентности. Пример: многие физические явления, связанные со звуком или теплом, выводимы из кинетической теории молекулярного движения. В этом смысле некоторые разделы акустики и термодинамики сводимы к механике с высокой степенью приближения, по крайней мере в определённом ограниченном диапазоне соответствующих переменных. Но явления теплового излучения, как и явления оптики, электричества, магнетизма и химии, к механике не сводятся. Уайтхед высказывал умозрительное предположение, что законы движения электронов в живых организмах принципиально

отличаются от законов, которым подчиняются электроны в неживых телах. В сходном духе физик Эльзассер (95, 96, 97), развивая некоторые идеи Бергсона об органической жизни и памяти, рассматривает физические законы как частные или предельные случаи биологических законов. Это радикально переворачивает «викторианский» взгляд, согласно которому макрозакономерности обычно объясняются через фундаментальные микрозаконы[1].

Изучая историю и методологию современной науки и находясь под впечатлением от недавних успехов биофизики, биохимии и нейрофизиологии, я склонен твёрдо верить в плодотворность физикалистской исследовательской программы — с её объяснениями на микроуровне — для биологии и психологии. Но как философу-аналитику интеллектуальная совесть не позволяет мне априори предрешать вопросы редуцируемости, то есть объяснимости. Поэтому, помимо наброска эмпирически ориентированных доводов, который я вскоре предложу, далее я буду заниматься прежде всего логическими и эпистемологическими сторонами психофизической проблемы.

В эмпирическом плане я считаю, что между параллелизмом, с одной стороны, и интеракционизмом и/или эмерджентизмом — с другой, существуют различия, в принципе доступные проверке. Психонейрофизиологический параллелизм понимается здесь как учение, постулирующее одновременное соответствие между ментальным и физическим по типу «один к одному» или, по крайней мере, «один ко многим». В обычном понимании параллелизм явно исключает соответствия «многие к одному» и «многие ко многим». Последний тип соответствия — если на минуту обратиться к мотивам, а не к эмпирическому обоснованию, то есть подтверждению, — обычно неприемлем с научной, особенно «викторианской», точки зрения, поскольку очевидным образом ограничивал бы предсказуемость ментальных событий по нейрофизиологическим состояниям организма. Однако при наличии «словаря» — точнее, совокупности законов, связывающих физические состоя-

[1] Логику и методологию таких объяснений я рассматривал в других работах (106, 108, 112, 113, 115, 116). См. также важные статьи Э. Нагеля (230, 232); Гемпеля и Оппенгейма (152); Кемени и Оппенгейма (177); Оппенгейма и Патнэма — в Minnesota Studies in the Philosophy of Science, т. II.

ния с ментальными по типу «один к одному» или «многие к одному», — физический детерминизм не нарушается.

Здесь необходимы два важных уточнения. (1) Под «физическим детерминизмом» я, разумеется, понимаю ту степень точной и конкретной предсказуемости в принципе, которую допускает даже современная квантовая физика применительно к макропроцессам и некоторым микропроцессам в организмах. (2) Под «*физическим*»[2] я понимаю понятия и законы того типа, которого в принципе достаточно для объяснения и предсказания процессов неживой природы. Если для объяснения явлений органической жизни эмерджентизм не требуется, то «*физическое*» будет означать понятия и законы, достаточные для объяснения как неорганических, так и биологических явлений. Следуя терминологии Михла и Селларса (221), далее я буду обозначать это понятие словом «*физическое*$_2$», отличая его от «*физического*$_1$», которое практически синонимично «научному»: тому, что составляет существенную часть связного и адекватного описания и объяснения пространственно-временного каузального мира.

С учётом сказанного об эмпирическом характере проблем взаимодействия и эмерджентности понятия ментальных состояний вполне могли бы оказаться *физическими*$_1$: их можно было бы ввести на основе интерсубъективного языка наблюдения повседневной жизни, включающего и язык наблюдения науки. Понятие магнитного поля не обозначает ничего непосредственно наблюдаемого, но его можно ввести с помощью постулатов и правил соответствия (ср. Карнап, 73). Точно так же мыслимо, что понятия жизненных сил, энтелехий, «диатет» (diathetes; ср. Капп, 172, 173, 174) и ментальных событий могли бы получить свои значения через постулаты и правила соответствия. Разумеется, остаётся вопрос, нужны ли в самом деле такие «эмерджентные» понятия и выполнят ли они ожидаемую работу по объяснению и предсказанию поведения животных и человека. Лично я склонен считать — хотя это мнение предварительно и опирается на развитие и частичные успехи физикалистских объяснений на микроуровне, дополненных гештальтпсихологическими и кибернетическими соображениями,

[2] Только в этом контексте; другие значения слова «физический» будут перечислены и рассмотрены в разделах IV и V.

— что *физических*$_2$ законов окажется достаточно. Но, отказавшись от чрезмерно узких старых критериев осмысленности раннего логического позитивизма, я ни в коем случае не хотел бы тем самым объявить учения об эмерджентности или интеракционизм научно бессмысленными.

Вернёмся теперь к эмпирически проверяемому различию между интеракционизмом и эмерджентизмом, с одной стороны, и параллелизмом — с другой. Для наглядности интеракционистский взгляд можно представить с помощью простой и выразительной аналогии. По бильярдному столу катятся шары; предположим, их движения предсказуемы на основе законов механики — законов Ньютона, дополненных законами трения и частично упругого соударения. Но вообразим, что рядом стоит озорной мальчишка: время от времени он подталкивает то один, то другой шар или снимает какой-нибудь шар со стола. Тогда законов механики вместе с описанием состояния шаров и стола в исходный момент уже недостаточно, чтобы предсказать дальнейшее движение. Конечно, система в этом случае открыта. Если бы мы могли перейти к более широкой замкнутой системе, включающей мальчика, и располагали сведениями о его меняющихся желаниях и тому подобном, детерминистическая предсказуемость могла бы восстановиться. (Поскольку вопрос состоит как раз в предсказании действий мальчика, я не буду заранее предполагать ответ и пока оставлю его поведение без анализа.) Эта модель призвана лишь показать ясный и вполне определённый смысл слова «взаимодействие». Мальчик наблюдает за шарами, и его действия отчасти зависят от того, где они находятся и как движутся в данный момент. В свою очередь, происходящее на столе зависит от действий мальчика. В обычном словоупотреблении слово «взаимодействие», пожалуй, уместно лишь там, где между двумя сохраняющимися во времени сущностями (continuants) — вещами, организмами, людьми и т. д. — существуют каузальные отношения в обоих направлениях.

Но и теория эмерджентности — например, предложенная, хотя и без окончательного одобрения, Михлом и Селларсом (221), — в принципе допускает подтверждение: для этого нужно показать, что *физический*$_2$ детерминизм не соблюдается. Ментальные состояния, или непосредственные переживания, в любом случае озна-

чали бы его нарушение, независимо от того, понимаются ли они как состояния взаимодействующего с телом субстанциального сознания или души либо как значения эмерджентных научных переменных. Систему нейрофизиологических событий, поскольку она описывается в *физических*$_2$ терминах, пришлось бы считать открытой не только в обычном смысле — по отношению к событиям вне нервной системы, а тем более за пределами кожного покрова, — но и по отношению к совокупности ментальных событий. Предполагается, что последние связаны с нейрофизиологическими событиями каузально, или функционально, так, что принципиально отличаются от простых эпифеноменов. Хотя проверить предполагаемое нарушение *физического*$_2$ детерминизма сейчас, несомненно, трудно, эта идея не является метафизической в том предосудительном смысле, что никакие мыслимые эмпирические данные не могли бы её подтвердить или опровергнуть.

Многое здесь зависит от того, как именно понимаются «взаимодействующие» или «эмерджентные» сущности. Традиционный витализм, в культурно-историческом отношении, возможно, восходящий к более примитивным формам анимизма, подчёркивает своенравие vis vitalis и anima — жизненной силы и души. (В нашей модели предполагается, что мальчик у бильярдного стола совершает «свободный» выбор.) Но взаимодействие вовсе не обязательно означает индетерминизм в более широкой системе. Ветер и морские волны действительно взаимодействуют: даже если количественно влияние ветра сильнее, волны всё же воздействуют на воздушные потоки поблизости. И хотя точное предсказание деталей практически чрезвычайно затруднено огромной сложностью ситуации, такой тип взаимодействия в принципе поддаётся детерминистическому[3] анализу в терминах функциональных отношений между двумя типами переменных. Даже отдельные «свободные» или «своенравные» решения нашего мальчика в данный момент могли бы быть в принципе предсказуемы; однако практическая осуществимость подобных предсказаний лежит далеко за горизонтом современной психологии. В лучшем случае можно

[3] И вновь: лишь в той мере, в какой гидродинамика и аэродинамика макропроцессов приблизительно детерминистичны.

было бы сформулировать некоторые статистические закономерности.

Детерминизм в той мере, в какой его допускает современная физическая теория, служит предпосылкой и более разработанного понятия эмерджентности, представленного в статье Михла и Селларса. Здесь речь идёт не о взаимодействующих вещах или субстанциях, а о научных переменных, связанных так, что определённые значения переменных одного набора функционально соотносятся со значениями другого набора, причём отношения внутри второго набора номологически отличаются от тех, которые имели бы место при нулевых значениях переменных первого набора. Конкретнее: предполагается, что, однажды возникнув, ментальные состояния самим своим наличием изменяют функциональные отношения между нейрофизиологическими, *физическими*$_2$ переменными — и делают это способом, в принципе допускающим подтверждение. Хотя мои научные склонности совершенно несовместимы с этим изобретательным и причудливым допущением, я считаю его научно осмысленным. Просто, делая ставку на будущее психофизиологии, я выбираю «викторианское» направление. И признаю, что могу жестоко ошибаться[4].

Надеюсь, сказанное достаточно ясно показывает: эти основные вопросы я считаю по существу научными, а не философскими. Но полное прояснение и анализ точного смысла и следствий параллелизма, изоморфизма, интеракционизма и различных — наивных или более разработанных — форм эмерджентизма представляют собой *философскую* задачу. Я ещё немного разовью философскую экспликацию фактуально-эмпирического смысла этих учений и выделю их главные эпистемологические черты. Теперь, когда мы оправились от крайностей позитивизма и бихевиоризма, паралле-

[4] В ранних формулировках общей теории относительности Эйнштейн принимал так называемый принцип Маха, согласно которому центробежные силы и силы инерции обусловлены ускорениями относительно совокупной массы Вселенной неподвижных звёзд. Однако позднее, под влиянием физических и математических доводов, которые он счёл убедительными, он приписал эти эффекты относительно независимо существующему «направляющему полю» (Führungsfeld). Я упоминаю об этом лишь как о довольно отдалённой логической параллели из совершенно иной области науки. Разумеется, в этом случае я ожидаю, что нечто от принципа Маха, пусть и в сильно изменённом виде, всё же удастся сохранить. Мощные силы инерции как следствие самосущего метрического поля кажутся мне крайне неправдоподобными.

лизм и изоморфизм обычно рассматриваются как гипотезы, доступные индуктивному подтверждению. Откладывая до дальнейшего более глубокий эпистемологический анализ, особенно проблем «непосредственного опыта» и «других сознаний», я пока приму — в духе недавних позиций Айера (15, 18) и Папа (243, 248), — что отношения, или соответствия, ψ–Ф, то есть психонейрофизиологические, можно исследовать эмпирически. Я приму также, что ментальные состояния, непосредственные переживания, можно по аналогии приписывать другим людям и высшим животным, хотя в случае этих «других» они недоступны *непосредственному* подтверждению.

Итак, в своей наиболее строгой форме параллелизм предполагает взаимно однозначное соответствие между ψ и Ф. С эмпирической точки зрения чрезвычайно вероятно, что эти соответствия не «атомистичны»: не так, будто между каждым различимым ψ_i и его коррелятом $Ф_i$ действует отдельный закон соответствия. Вполне правдоподобно, например, что различные интенсивности феноменально данного тона — скажем, до первой октавы — по крайней мере в определённом диапазоне соотносятся с соответствующими значениями в ограниченном диапазоне некоторой переменной или нескольких переменных нервных процессов в височной доле мозга.

Изоморфизм в понимании гештальтпсихологов — Вертгеймера, Кёлера и Коффки — и кибернетиков — Винера, Маккаллоха, Питтса и других — предполагает ещё более полное взаимно однозначное соответствие между элементами, отношениями и конфигурациями феноменальных полей и их аналогами в нейрофизиологических полях, характеризующих некоторые мозговые, особенно корковые, процессы. Как уже говорилось, такой подход допускал бы и соответствие ψ и Ф по типу «один ко многим». В этом случае ментальные состояния по-прежнему можно было бы однозначно выводить из нейрофизиологических описаний с помощью «словаря» ψ–Ф. Но соответствия «многие к одному» или «многие ко многим», даже выраженные статистическими законами, серьёзно ограничивали бы возможность таких выводов от определённых Ф к определённым ψ. Мне неизвестны веские эмпирические основания предполагать какое-либо иное соответствие, кроме «один к

одному»; либо «один ко многим», если используются очень точные и подробные Ф-описания и учитываются пределы интроспективного различения отдельных ψ.

Интеракционизм, как я его понимаю, хотя и отвергаю, предполагал бы соответствие «многие к одному» или «многие ко многим». Артур Пап (242, с. 277), однако, утверждал, что между параллелизмом и интеракционизмом нет эмпирически подтверждаемого различия. Основание он видел в том, что закономерные отношения, или функциональные зависимости, — это современный научный эквивалент отношения причины и следствия. Временная последовательность, по его мнению, не служит критерием каузальной связи. Я признаю, что в самом общем виде понятие каузального отношения — это просто понятие синтетического достаточного условия[5] и потому не несёт никаких указаний на временную последовательность причины и следствия. Согласен я и с тем, что в случае отношений ψ–Ф предположение о каком-либо временном сдвиге выглядело бы довольно фантастическим. И всё же, по-моему, гипотеза взаимодействия отличается по своему эмпирическому смыслу от параллелизма и изоморфизма: она предполагает нарушение *физического*$_2$ детерминизма для Ф. Если такое нарушение действительно имеет место, его в принципе можно было бы подтвердить данными аутоцереброскопии (autocerebroscopy). Например, волевые переживания, непосредственно доступные интроспекции, не находились бы в соответствии «один к одному» или «один ко многим» с одновременными корковыми состояниями, наблюдаемыми — точнее, выводимыми — при взгляде на экран цереброскопа[6]. При этом за ними закономерно следовали бы определённые процессы в эфферентных нервах мозга, в конечном счёте воздействующие на мои мышцы или железы и тем самым приводящие к некоторому поведенческому акту. Это самый непосредственный вид данных, на

[5] А в законах классической механики и электродинамики — достаточного и необходимого условия.

[6] Пока это, разумеется, научно-фантастическое устройство, задуманное по аналогии с медицинским флюороскопом. Оно позволило бы мне устанавливать подробную конфигурацию нервных токов в собственной коре головного мозга, одновременно интроспективно отмечая другие непосредственные переживания — например, слуховые впечатления от музыки, свои мысли, чувства или желания.

который можно было бы надеяться при подтверждении действия ψ на Ф. Если же допустить взаимодействие, то есть действие в обоих направлениях между ψ и Ф, должны существовать и ощущения, которые порождаются цепочкой процессов, обычно предполагаемой каузальной теорией восприятия, но не находятся в строгой корреляции с её завершающими корковыми событиями.

Характерно, что философы гораздо больше подчёркивали действие «сознания на материю» — в произвольном поведении или в роли удовольствия, боли и внимания, — чем действие «материи на сознание». Такая асимметрия обычно объясняется увлечённостью загадкой свободы воли или, в связи с ней, остатками теологических представлений в учениях об идеальном, «ноуменальном», «я». Между тем проблема свободы воли, хотя некоторые подробности её моральных аспектов ещё требуют прояснения, в своих научных аспектах удовлетворительно разрешена благодаря необходимым различиям между каузальностью и принуждением, а также между индетерминизмом и свободным выбором. Извечная путаница, питающая эту проблему, — подлинный скандал в философии — была блестяще разоблачена философами-эмпириками[7].

Основные причины, по которым большинство психофизиологов, а вместе с ними и многие философы отвергают гипотезу соответствия ψ–Ф по типу «многие к одному» или «многие ко многим», таковы:

1. Обычная индуктивная экстраполяция достигнутых психофизиологией успехов делает правдоподобным предположение, что адекватную теорию поведения животных и человека можно построить на нейрофизиологической основе. Поэтому большинство физиологов склоняются к параллелизму ψ–Ф или эпифеноменализму. Повторю: под параллелизмом я понимаю утверждение о соответствии ψ–Ф по типу «один к одному» или, по крайней мере, «один ко многим», а не, как Вундт и некоторые философы, учение о двойной причинности — о параллельных рядах событий, в которых временные и каузальные отношения на одной стороне соответствуют одновременным с ними отношениям на другой. Каузаль-

[7] Гоббс, Локк и особенно Юм, Милль, Сиджвик, Рассел, Шлик (301); а также Дикинсон С. Миллер — ср. его превосходную статью, опубликованную под псевдонимом «Р. Э. Хобарт» (157). См. также Ч. Л. Стивенсон (329); University of California Associates (339); А. К. Стаут (330); Фрэнсис Рааб (271).

ность в ментальном ряду слишком прерывиста, чтобы образовать «цепь» событий, достаточно регулярную и саму по себе детерминистическую. Эпифеноменализм в оценочно нейтральном научном смысле можно понимать как гипотезу о взаимно однозначной корреляции ψ с некоторыми, но не всеми Ф, причём детерминизм — или та его мера, которую допускает современная физика, — действует в Ф-ряду, а Ф и ψ связывают, разумеется, «повисающие» номологические отношения (dangling nomological relations). Согласно этому пониманию, произвольные действия, как и психосоматические процессы — истерия, невротические симптомы и психогенные органические заболевания, например язва желудка, — в конечном счёте вполне правдоподобно объясняются каузальным воздействием мозговых состояний и процессов на другие части организма. При этом с осознаваемыми или бессознательными[8] ментальными состояниями коррелируют лишь сами мозговые состояния.

2. Пусть культурно-исторические корни эпифеноменализма совпадают с корнями традиционного материализма; мы всё же можем отделить в материалистическом подходе методологически обоснованное и плодотворное от познавательно ложного, путаного или бессмысленного. Но основной методологический довод в пользу отказа от интеракционизма — или, что равнозначно, принятия соответствия ψ–Ф «один к одному» либо «один ко многим» в качестве рабочей гипотезы или исследовательской программы — состоит в следующем. Если ψ нельзя вывести на основании интерсубъективно доступных Ф, наблюдаемых или, как бывает чаще, выводимых, то их роль подозрительно напоминает deus ex machina, «бога из машины». Немецкий биолог и философ Дриш откровенно это признал, тем самым выдав слабость своих доводов в пользу витализма. Он говорил, что о намерениях энтелехии можно судить лишь post factum, но нельзя предсказать их по предшествующим физическим условиям. В нашей грубой аналогии дело обстоит точно так же со своенравным мальчиком у бильярдного стола. После того как он убрал шар, мы можем сказать, что он, возможно, хотел предотвратить столкновение красного шара с

[8] Терминологический вопрос о том, следует ли называть бессознательное «ментальным», будет рассмотрен в разделах IV и V.

белым. Согласно виталистскому интеракционизму, воления мальчика в принципе непредсказуемы на основании любых и всех предшествующих условий в его организме и окружающей среде. Интеракционизм в таком понимании допускает каузальные отношения и между элементами ряда ментальных состояний, и между элементами ряда физических состояний, а также отношения, пересекающие границу между рядами в обоих направлениях. Именно такую схему иллюстрирует модель ветра и волн. Но обратите внимание на решающее различие. В этом случае мыслима замкнутая система — или система с известными начальными и граничными условиями, — в которой все существенные переменные можно установить *интерсубъективно и до* предсказания последующих состояний системы. Между тем при взаимодействии ψ–Ф интерсубъективное и предварительное подтверждение ψ-состояний исключено *по самому условию гипотезы*.

Интеракционистские объяснения проникнуты духом теологических аргументов от замысла и примитивных анимистических объяснений природы и человеческого поведения. В лучшем случае это объяснения задним числом, ex post facto. Такой тип объяснения, хотя и менее удовлетворителен, чем объяснение, обладающее также предсказательной силой, всё же вполне правомерен и в сложных ситуациях нередко оказывается лучшим из доступных. Землетрясения, как известно, непредсказуемы — то есть практически непредсказуемы; однако, обнаружив масштабные разрушения, мы вполне правомерно объясняем их землетрясением, хотя точное положение каждого обломка в развалинах далеко не поддаётся предсказанию. Биологи довольствуются эволюционными, ретроспективными объяснениями возникновения нового вида, хотя никогда не смогли бы заранее предсказать его появление во всех конкретных подробностях. Зная виды кембрийской эпохи, принципы генетики и неодарвиновской эволюции, никто не мог бы индуктивно вывести появление шимпанзе или орхидеи. Тем не менее весьма неполные объяснения эволюционной теории научно значимы, приемлемы и полезны. Ещё один пример объяснений задним числом дают объяснения исторических явлений: войн, революций, новых форм искусства. Наконец, пример из психологии: узнав, что человек отправил десятки писем с просьбой при-

нять его на работу определённого рода, мы заключаем, что им двигало желание получить такую работу, хотя и не могли предсказать возникновение этого желания на основе предшествующих, интерсубъективно подтверждаемых условий.

Однако здесь вновь важно заметить решающее различие: одни объяснения хотя бы в принципе могли бы быть не только ретродиктивными, то есть восстанавливающими прошлое, но и предсказательными, другие же *по условию гипотезы* допускают только ретродикцию. Учёные прежде всего заинтересованы в расширении области предсказательных объяснений. Поэтому сопротивление витализму связано с нежеланием признать поражение в вопросе предсказуемости. Сопротивление интеракционизму ψ–Ф связано, кроме того, с нежеланием включать доступные лишь субъективно предшествующие факторы в посылки о начальных условиях, на которых строится предсказание. Выражая ту же мысль положительно, можно сказать: часть методологии, или общей рабочей гипотезы, современной науки составляет положение о том, что предсказание, в какой бы мере оно вообще ни было возможно с учётом фундаментальных квантовых неопределённостей, в принципе всегда можно получить, исходя из *интерсубъективно* подтверждаемых высказываний о начальных условиях. В целом учёные уже примирились с ограничениями статистического предсказания и вероятностного объяснения. Скорее всего, ничего лучшего и не появится нигде, кроме немногих областей, где классический детерминизм выполняется с высокой степенью приближения. Разумеется, нужно логически различать случаи, когда ограничение вероятностной предсказуемостью обусловлено сложностью ситуации, и случаи, когда сами теоретические постулаты данной области формулируют статистические законы. Хотя никогда нельзя быть уверенным, что различие проведено правильно или что граница останется на прежнем месте по мере развития науки, предварительно провести её можно в свете теорий, хорошо подтверждённых в данный момент.

Но учёные решительно возражают против того, чтобы в основу предсказания или объяснения включались *чисто* субъективные факторы или данные, понимаемые как в принципе недоступные интерсубъективному подтверждению. Это действительно было бы

научно бессмысленно, если бы нельзя было предположить даже статистических отношений между субъективными состояниями и предшествующими или последующими интерсубъективно наблюдаемыми явлениями. Если же такие отношения предполагаются, субъективные состояния уже не являются *чисто* субъективными, или «приватными», в том радикальном смысле, который имеют в виду некоторые интеракционисты. «Эмерджентные» непосредственные переживания в интерпретации Михла и Селларса, разумеется, субъективны лишь в том смысле, что могут быть предметами непосредственной интроспективной проверки. Но они также интерсубъективны, то есть *физичны*$_1$, в том смысле, что их могут предполагать, постулировать, выводить или гипотетически конструировать учёные, у которых в собственном непосредственном опыте нет подобных переживаний. Так, слепой от рождения учёный, располагающий современными электронными приборами, мог бы построить бихевиористскую психологию зрения для зрячих испытуемых. Тем самым он мог бы подтверждать всевозможные высказывания о зрительных ощущениях и качествах, которые в его знании были бы представлены «гипотетическими конструктами». Но если *по условию гипотезы* радикально разорваны все связи субъективных непосредственных переживаний с интерсубъективно доступными фактами, то такие переживания, я бы сказал, по определению исключены из области науки. Вопрос о том, осмысленна ли речь о столь абсолютно приватных непосредственных переживаниях в каком бы то ни было смысле слова «смысл», будет рассмотрен позднее.

Итог этого несколько затянувшегося обсуждения различий между научными и философскими составляющими психофизических проблем таков. Если интеракционизм или какая-либо подлинная гипотеза эмерджентности сформулированы осмысленно, они обладают эмпирическим содержанием и предполагают существенные ограничения области действия *физического*$_2$ детерминизма. Осмысленно сформулировать интеракционизм труднее, чем гипотезу эмерджентности Михла и Селларса. В одной из своих форм интеракционизм требует субстанций — вещей, сохраняющихся сущностей или их систем, — чтобы термин «взаимодействие» употреблялся в обычном смысле; однако научных данных в под-

держку такой формы, по-видимому, мало. Я прочёл немало доводов метафизиков, пытавшихся обосновать идею полностью или частично нематериального «я». Но за их эмоционально насыщенными и ярко образными фразами мне ни разу не удалось обнаружить веских познавательных оснований. Какую бы роль «я» — в терминах Фрейда, возможно, вся структура Сверх-Я, Я и Оно — ни играло в определении человеческого поведения, эта роль вполне может объясняться более или менее устойчивой структурой диспозиций. Последняя, в свою очередь, обусловлена устройством организма, особенно нервной и эндокринной систем: отчасти наследственным, изменяющимся в процессе созревания и под влиянием среды и постоянно подвергающимся модуляции.

В другой своей форме интеракционизм без «я» потребовал бы «спонтанно» возникающих ментальных состояний, то есть индетерминизма, не ограниченного даже статистическими закономерностями. Это опять-таки не подтверждается эмпирическими данными и едва ли целесообразно как регулятивная идея исследования. Не требуется оно и для решения проблемы свободы воли или объяснения каузальной действенности ментальных событий в ходе поведения. Что же до гипотезы эмерджентности в духе Михла и Селларса, она, несомненно, осмысленна, но вопрос о том, нужна ли она в действительности для объяснения поведения, остаётся открытым. Следуя обычным процедурам научной индукции и построения теорий, я сохраняю консервативную позицию: правило экономии — бритва Оккама, или первое ньютоновское правило философствования, regula philosophandi, — предостерегает нас от умножения сущностей, факторов и переменных сверх необходимости. Если дальнейшие исследования обнаружат такую необходимость, я охотно приму это обогащение понятийного аппарата науки — или, говоря онтологически, это открытие новых сущностей в нашем мире. Пока же я скептически отношусь к эмерджентности, то есть оптимистически оцениваю перспективы *физического*$_2$ детерминизма. И, как я буду доказывать с эпистемологической точки зрения в разделах IV и V, само существование непосредственных переживаний не служит достаточным основанием для учения об эмерджентности.

Ещё один философский вопрос, который следует тщательно отделять от научных проблем в психофизическом узле, — вопрос об «интенциональности» ментального. (По соображениям изложения его обсуждение отложено до раздела IV F.)

III. Требования и пожелания к адекватному решению психофизической проблемы. Краткое изложение основных вопросов

Если бы заглавие этого раздела и без того не было несколько длинноватым, я добавил бы: «как *я* понимаю эти требования и пожелания и как представляю себе адекватность решения». В оправдание своих личных пристрастий могу сказать лишь то, что серьёзно и неоднократно обращаюсь к этой проблеме уже около тридцати шести лет; что изучил большинство посвящённых ей работ мыслителей разных стран, принадлежащих к новой и новейшей философии и науке; и что это моя четвёртая опубликованная попытка добиться прояснения, удовлетворительного во всех отношениях. Нередко меня охватывало отчаяние, когда я тщетно пытался отдать должное множеству впечатляющих, но, по-видимому, несовместимых утверждений, звучавших с самых разных сторон. Поэтому я приступаю к перечислению требований, пожеланий и соображений с острым чувством интеллектуальной ответственности и не без опасений. Они представляются мне условиями — или по крайней мере некоторыми из условий, — которые могут служить критериями адекватности решения этой проблемы: решения, удовлетворительного и с точки зрения современной науки, и в свете современного философского анализа. Без всякого смущения признаю, что в некоторых отношениях разделяю здесь установку тех метафизиков — скажем так, не слишком наивных в эпистемологическом отношении, — которые бились над этой проблемой и стремились к целостному решению: такому, которое справедливо, непротиворечиво и связно охватывало бы все существенные стороны дела.

Итак, вот мой перечень требований и пожеланий — или «того, что надлежит сохранить» и «того, что предстоит прояснить» (conservanda и explicanda):

1. Термины «ментальное» и «физическое» опасно многозначны и расплывчаты. Поэтому первое условие прояснения и адекватного решения основных вопросов — аналитическое исследование значений каждого из этих двух ключевых терминов и сравнительная критическая оценка достоинств и недостатков их различных определений и смысловых оттенков. Должное внимание будет уделено и отчасти терминологическому вопросу: следует ли включать в «ментальное», наряду с непосредственно переживаемым и доступным интроспекции, также бессознательные состояния и процессы, о которых говорят теории глубинной психологии — фрейдистские и неофрейдистские. Всем этим мы займёмся в следующем разделе эссе.

2. В свете сказанного в предыдущем разделе о научных, эмпирических составляющих психофизической проблемы следует искать такой анализ отношения сознания и тела, который учитывал бы доводы в пользу их единства — единства, всё сильнее убеждающего большинство современных психологов, психофизиологов и психиатров. Хотя вопрос как об эволюционной, так и о логической «эмерджентности» нельзя решить априорными философскими соображениями, с эмпирической и методологической точек зрения виталистские и интеракционистские учения выглядят сомнительными и нежелательными. Что могут означать для психофизической проблемы предполагаемые факты парапсихологии — телепатия, ясновидение, предвидение, психокинез и т. д., — пока совершенно неясно. И здесь любые интеракционистские спекуляции, по-моему, мягко говоря, преждевременны, а теологические истолкования представляют собой скачок к совершенно необоснованным выводам. К экспериментам со статистическими схемами проверки экстрасенсорного восприятия и тому подобного я отношусь непредвзято. Книга Соула и Бейтмана (325) и её разбор М. Скривеном (305) содержат данные и доводы, от которых нельзя отмахнуться по лености или с высокомерием. Возможность объяснить эти «факты» экспериментальной или статистической ошибкой, не говоря уже об откровенной мистификации или обмане, теперь представляется довольно малой. Но даже если признать эти факты, я полагаю, что прежде, чем пускаться в рассуждения о нематериальных душах или «я», следует попытаться объяснить их,

пересмотрев и дополнив физическую теорию поведения. Эти замечания ясно обнаруживают мою склонность к натуралистической, если не монистической, позиции. Позднее я объясню, в чём и каким образом она отличается от «грубого материализма», которым так любят пугать метафизики идеалистического и спиритуалистического толка.

3. Любое заслуживающее внимания решение психофизической проблемы должно адекватно объяснять *действенность* ментальных состояний, событий и процессов в поведении человека, а также некоторых животных. Надеюсь, не мягкотелость и не метафизическая путаница побуждают меня отвергнуть материалистически ориентированный эпифеноменализм. Разумеется, свидетельства непосредственного опыта и интроспекции могут быть ошибочными. Но утверждать, что планирование, обдумывание, предпочтение, выбор, воление, удовольствие, боль, неудовольствие, любовь, ненависть, внимание, бдительность, воодушевление, горе, негодование, ожидания, воспоминания, надежды, желания и т. д. не входят в число каузальных факторов, определяющих человеческое поведение, — значит либо идти наперекор самым обыденным свидетельствам, либо странным и неоправданным образом отступать от обычного словоупотребления. Задача состоит не в том, чтобы отрицать эти очевидные факты или запрещать такой способ их описания. Нужно выяснить логический статус этого описания в его отношении к поведенческим и/или нейрофизиологическим описаниям. Разумеется, на этом пути необходимо избежать как интеракционизма, так и эпифеноменализма; желательно также сформулировать решение так, чтобы оно не предполагало эмерджентизма в смысле *физического*$_2$ индетерминизма, хотя закрывать дверь перед научно сформулированным эмерджентизмом и не требуется.

В этой же связи следует отдать должное тому, что осмысленно и научно защитимо в понятии свободной воли, или свободного выбора. Если в совершённом выборе выражается наша личность, какова она в момент выбора; если наши решения согласуются с самыми глубокими нашими желаниями, то есть не навязаны каким-либо принуждением, давлением или ограничениями — грубой физической силой, другими людьми или даже теми состав-

ляющими нашей личности, которые мы не признаём «ядром» собственного «я», — тогда мы «свободны» в том смысле, что сами совершаем свои поступки, сами выбираем и принимаем решения. Иначе говоря, именно в этом случае центральная структура нашей личности становится звеном в каузальной цепи поведения и играет преобладающую, пусть и не исключительную, роль в определении наших действий. Такая свобода, по превосходной формулировке Р. Э. Хобарта — Дикинсона Миллера, «*предполагает детерминизм и немыслима без него*»[9].

4. Важнейшее логическое требование к анализу психофизической проблемы — признание *синтетического, или эмпирического,* характера высказываний о корреляции психологических состояний с нейрофизиологическими. Неоднократно указывалось[10], что ранний редукционистский логический бихевиоризм не сумел дать адекватного и правдоподобного истолкования менталистских понятий через их явные определения на основе чисто поведенче-(Если воспользоваться здесь менее подходящим материальным способом речи, можно сказать прямо: сознание нельзя отождествить с поведением.) Однако долгое время я испытывал соблазн отождествить — в смысле логического тождества — ментальное с нейрофизиологическим, точнее, с некоторыми конфигурационными аспектами нервных процессов. Именно в этом смысле я (103) предложил двуязыковую теорию ментального и физического (double-language theory). Но если понимать её как утверждение о *логической переводимости*, то есть аналитической преобразуемости, высказываний одного языка в высказывания другого, такая теория, безусловно, неприемлема. Перевод с одного языка на другой — например, французского «Il ne fait pas beau temps» в английское «The weather is not fine» — аналитичен, если значения закреплены с помощью общих для французского и английского синтаксических и семантических метаязыков. Точно так же геоцентрическое описание чистой кинематики планетной системы аналитически переводимо в соответствующее гелиоцентрическое

[9] Ср. Р. Э. Хобарт (157).

[10] Ср. Ф. Кауфман (175), Н. Джейкобс (163), К. И. Льюис (196), Э. Нагель (230), А. Пап (243) и др.

описание именно потому, что здесь мы пользуемся правилами преобразования четырёхмерной геометрии, то есть кинематики.

Но вопрос о том, какие ментальные состояния соответствуют каким мозговым состояниям, в некотором смысле — его эпистемологический анализ последует ниже — является эмпирическим. Иначе увлекательную и весьма далёкую от завершения науку психофизиологию можно было бы развивать и довести до конца одними априорными рассуждениями. Древние люди и люди первобытных обществ обладали немалым неформальным, практическим знанием психологии, но не знали о тесной связи ментальных состояний с состояниями мозга. Аристотель полагал, что наши чувства и эмоции помещаются в сердце; это представление сохранилось в поэтической традиции. Однако, говоря, что Аристотель ошибался, мы имеем в виду, что теперь располагаем эмпирическими данными, доказывающими связь эмоций с мозговыми процессами. Поэтому необходимо сохранить *синтетический* характер этого утверждения, какая бы конкретная формулировка в итоге ни оказалась самой проясняющей.

Если среди моих читателей есть убеждённые бихевиористы или «грубые» материалисты, мне будет трудно убедить их в том, что здесь вообще существует проблема. Я могу лишь обратиться к ним с вопросами, рассчитанными на убеждение или на их собственный опыт: разве вы не захотите анестезии, если вам предстоит операция? И если да, то разве вы не хотите предотвратить возникновение непосредственных — и ещё каких! — болевых переживаний? Если вы искренне заботитесь о других людях и сочувствуете им, а возможно, и своим собакам, лошадям и т. д., то что именно в последствиях жестокого обращения вызывает у вас неприятие? Разве не боль, которую испытывают эти «другие»? Ведь речь не может идти лишь об их физических увечьях и вызванных ими нарушениях функций. Моральное осуждение бессмысленной жестокости предполагает осмысленность приписывания другим непосредственного опыта. Субъективный опыт в этом смысле не может быть *логически* тождественным состояниям организма: феноменальные термины нельзя явно определить на основе *физических*$_1$ или *физических*$_2$ терминов.

Заметим, что мы отвергаем тезис о логической переводимости вовсе не из-за вполне допускаемой возможности соответствия ψ–Ф по типу «один ко многим». Такое соответствие всегда можно выразить через общую эквивалентность между высказываниями, содержащими отдельные ψ-предикаты, с одной стороны, и дизъюнкциями высказываний, содержащих несколько различных Ф-предикатов, — с другой. Отвергается здесь именно *логическая необходимость* эквивалентности. Эту эквивалентность следует понимать как логически контингентную.

5. В духе предыдущего обсуждения, но теперь уже явным образом, нужно сформулировать три тесно связанных эпистемологических требования. Кратко перечислю их:

(a) необходимость критерия научной осмысленности, основанного на *интерсубъективной подтверждаемости*;

(b) признание того, что для адекватной реконструкции подтверждения притязаний на знание эпистемология должна использовать понятие непосредственного опыта как основы подтверждения: «данное» не может быть сплошным мифом! При этом «знакомство» (acquaintance) и «знание через знакомство» (knowledge by acquaintance) требуют тщательного разбора;

(c) необходимость *реалистической*, в противоположность операционалистской или феноменалистской, интерпретации эмпирического знания вообще и научных теорий в частности.

К пункту (a). Общепризнанно, что притязания на научное знание должны быть не только интерсубъективно сообщаемыми, то есть понятными другим, но и интерсубъективно проверяемыми. Следующие соображения пояснят эту мысль. Если бы поток моего сознательного опыта продолжался после смерти и распада моего тела, то я, возможно, мог бы в этом удостовериться — в некотором, не слишком ясном смысле слова «я», который пока оставим без обсуждения. Но если другие не могли бы подтвердить такое посмертное существование даже самым косвенным и неполным образом; если бы оно никак закономерно не связывалось с какой-либо особенностью жизни до смерти — моей или чужой — и потому не могло быть выведено из неё, тогда соответствующее

высказывание, пусть и обладая субъективным смыслом, не могло бы стать частью науки в обычном понимании этого слова[11].

К пункту (b). Несмотря на недавние возражения бихевиористов и физикалистов, я по-прежнему убеждён, что чисто феноменальные высказывания осмысленны и составляют последнюю эпистемическую основу подтверждения или опровержения притязаний на знание. Я вовсе не хочу этим сказать, что феноменальные высказывания безошибочны, «неисправимы», или что они непременно достовернее интерсубъективно подтверждаемых высказываний об обычных предметах нашего общего жизненного окружения. Признаю, что, особенно для задач философии науки, полезнее выбрать в качестве основы подтверждения знания физикалистский язык вещей. Но когда я сужу, например, о том, что некая боль усиливается или что я слышу определённый звон, — независимо от того, вызван ли этот переживаемый звук дверным звонком, полицейской сиреной, «звоном в ушах» или галлюцинацией, — то самое нечто, которому позднее, возможно, найдётся место в каузальной структуре мира, прежде всего и само по себе есть данное непосредственного опыта. Добираюсь ли я до него «после анализа» или просто имею его ещё до анализа; прихожу ли к нему, анализируя предложения с выражениями «кажется», «представляется», «выглядит как», «звучит как» и т. п.; или устанавливаю наличие определённого данного посредством одновременной интроспекции, самонаблюдения, либо непосредственного обращения к только что пережитому — я не сомневаюсь, что говорить о феноменальных данных и феноменальных полях осмысленно. И в рациональной реконструкции подтверждения обычных высказываний наблюдения мы можем, если пожелаем, проникнуть до этого глубочайшего уровня свидетельств[12].

[11] Более подробное обсуждение критерия научной осмысленности см. в моих статьях (103, 105, 109, 110, 114, 116) и у Карнапа (64, 67, 73). Интересные обсуждения смысла выражения «бестелесные сознания» см. у Олдрича (6) и Леви (199).

[12] Убедительные доводы в этом направлении см. у Б. Рассела (284, 287); Г. Г. Прайса (264); К. И. Льюиса (195, 197, 198); Айера (12, 13, 18); Н. Гудмена (135, 136, 137). Острую критику аргументов в пользу «неисправимости» см. у К. Р. Поппера (258); Р. Карнапа (62, 64); Г. Рейхенбаха (273, 276); М. Блэка (38); Дж. Эпстайна (98).

Меня не убедили доводы Поппера (258), согласно которым поиски «несомненных данных» обречены, а «данное» подобно бездонной трясине. Не убедило меня и утверждение, что чисто приватный язык немыслим[13]. Конечно, если под «языком» понимать средство межличностного общения, идея абсолютно приватного языка окажется самопротиворечивой. Но даже признав, что в обычном случае владение языком приобретается в процессе воспитания, нельзя считать *логически* немыслимым, что ребёнок, растущий в полном одиночестве, создаст собственную систему символов не только для предметов и событий своего окружения, но и для непосредственных переживаний. Такой ребёнок вполне мог бы выработать обозначения для разнообразных видов ломоты, боли, зуда, щекотки, настроений, эмоций и т. д. Я ни в коем случае не отрицаю, что в обычной, нормальной ситуации употребление таких субъективных терминов усваивается методом проб и ошибок и в значительной мере прививается ребёнку другими людьми, которые говорят ему, например: «Сейчас ты устал», «Сейчас ты рад», «Тебе, наверное, очень больно». При этом другие люди руководствуются мимикой, звуками голоса, позой и т. д. — в общем, наблюдаемым поведением ребёнка, в том числе последовательностями «условие проверки → результат проверки», охватывающими как внешние стимульные ситуации, так и разнообразные реакции[14].

Итак, я полагаю, что в полной и адекватной эпистемологии «знакомство» и «знание через знакомство» занимают необходимое место. Более подробное изложение и анализ значений этих терминов я дам в двух следующих разделах эссе.

К пункту (c). Последнее эпистемологическое требование, которое следует здесь кратко обсудить, состоит в реалистической, а не феноменалистской или операционалистской реконструкции знания. С нынешним расширением критерия эмпирической осмысленности[15] узкий позитивизм Венского кружка окончательно отвергнут и уступает место «гиперкритическому» реализму. Мы

[13] Ср. дискуссию Айера и Риза (16, 278).

[14] Ср. Карнап (62, 63); Скиннер (320, 321); Витгенштейн (357).

[15] Ср. Карнап (64, 73); Гемпель (149, 151); Фейгл (105, 106, 109, 110, 112, 114, 116); Айер (18); А. Пап (243, 246, 248). См. также Грюнбаум (139); Фейерабенд (119).

больше не отождествляем смысл высказывания с методом его проверки. Не считаем мы и значение понятия равнозначным совокупности операций, которые в условиях проверки позволяют установить, с большей или меньшей вероятностью, его применимость. Вместо этого мы различаем основания, на которых подтверждается притязание на знание, и его фактическое содержание, или референцию. Ранние, грубые формы бихевиоризма отождествляли ментальные состояния с их — именно так! — наблюдаемыми симптомами. Тогда смущение могло означать лишь покраснение. Со временем, однако, появились уточнения и поправки. Ментальные состояния стали рассматривать как «логические» конструкции на основе наблюдаемого поведения, а высказывания о них — как логически переводимые в высказывания о действительном или возможном поведении либо в высказывания или их совокупности об условиях проверки и последующих её результатах, относящихся к поведению. Психические черты стали понимать как корреляционные пучки их — опять-таки именно так! — симптомов и проявлений и т. д.

Но теперь и этот уточнённый, «логический» бихевиоризм отвергается как неадекватная реконструкция. Было признано, что поведенческие условные высказывания вида «условие проверки → результат проверки» нужно выводить из законов и постулатов о центральных состояниях. Подобные выводы, или объяснения, оказались чрезвычайно успешными в физических и некоторых биологических науках. Так, в атомной теории и теории генов всё чаще удаётся выводить макрозакономерности — например, образования химических соединений или менделевского наследования — из законоподобных постулатов и гипотез о существовании соответствующих сущностей. Однако центральные состояния молярной теории поведения (molar behavior theory), как и «факторы» в факторном анализе личностных черт, пока не конкретизированы в отношении своей нейрофизиологической основы. Это напоминает ранние этапы атомной теории, когда о массе и строении отдельных атомов ещё ничего не знали, или ранние этапы теории наследственности, когда менделевские «единицы» ещё не были отождествлены с генами, определённым образом расположенными и пространственно упорядоченными в хромосомах половых клеток.

Я почти не сомневаюсь, что психоаналитическая теория, по крайней мере некоторые её составляющие, обладает подлинной объяснительной силой, хотя до сколько-нибудь точного отождествления вытеснения, Я, Сверх-Я, Оно и т. д. с нервными процессами и структурами ещё очень далеко. Я ничуть не оспариваю ценности теорий, основные понятия которых никак не конкретизированы на микроуровне. Я утверждаю лишь, что ещё до появления такой возможности значение научных терминов можно эксплицировать с помощью постулатов и правил соответствия (ср. Карнап, 73), а впоследствии существенно обогатить — определить гораздо полнее, — добавляя новые постулаты и правила соответствия[16].

Оправившись от радикального бихевиоризма и операционализма, мы можем без колебаний различать *свидетельства* и *референцию*, то есть проявления или симптомы, с одной стороны, и центральные состояния — с другой, независимо от того, конкретизированы ли эти состояния на микроуровне, отождествлены ли они с нейрофизиологическими состояниями.

Смысл научных высказываний действительно состоит в условиях их истинности. Но «условия истинности» — не то же самое, что «подтверждающие данные». (Единственные возможные исключения — непосредственно и полностью подтверждаемые единичные высказывания о непосредственно наблюдаемых ситуациях.) Чтобы установить, какие наблюдения служат подтверждающими данными для научных высказываний о недоступном непосредственному наблюдению, нужна теория. Именно в свете таких теорий мы затем можем указать, насколько определённое свидетельство поддерживает данную гипотезу.

В разделе V я вернусь к решающим вопросам редукции и отождествления. Там я рассмотрю логическую природу отношения между центральными состояниями, описываемыми менталистски, поведенчески и нейрофизиологически.

Здесь едва ли требуется подробно доказывать правомерность реалистической интерпретации высказываний о «физических»

[16] Защиту психологической теории без явного обращения к микроуровням см. у Линдзи (200). Логика теоретических понятий в психологии довольно подробно обсуждается у Маккоркодейла и Михла (213); Фейгла (113); Кронбаха и Михла (79); Гинзберга (133, 134); Мейза (212); Сьюарда (317); Розебума (283); Скривена (306).

объектах повседневной жизни или теоретической физики[17]. В контексте объяснения, или «номологической сети», понятия, относящиеся к ненаблюдаемому, связаны с наблюдаемыми явлениями, но не тождественны им; последние служат данными для подтверждения высказываний о ненаблюдаемом. Например, спектральные линии, треки в камере Вильсона, вспышки на экранах, показания счётчика Гейгера и т. д. представляют собой свидетельства, которые в полной логической реконструкции следует считать *номологически* связанными с теми характеристиками атомных и субатомных частиц, наличие которых они подтверждают. Менее впечатляющий, но логически аналогичный пример — анализ повседневных высказываний об обычных, отчасти или полностью наблюдаемых предметах. Воспринимаемые виды гор, деревьев, облаков и т. д., а также показания приборов, измеряющих давление воздуха, ветер, влажность и прочее, здесь нужно понимать как свидетельства. С тем, о чём они свидетельствуют, их связывают геометрико-оптические законы, лежащие в основе проекций зрительного восприятия, или физические законы, объясняющие работу барометров, анемометров, гигрометров и т. д.

6. Существо адекватного решения психофизической проблемы будет состоять в конкретном анализе характеристик и отношений между атрибутами ментального, особенно феноменального, и физического, прежде всего нейрофизиологического. С самого начала должно быть ясно: если полное решение этих проблем когда-нибудь и будет достигнуто, оно возникнет из соединения результатов научного исследования и философского анализа. Во всех этих вопросах оба компонента столь тесно переплетены, что пренебрежение любым из них серьёзно угрожает всему предприятию. Философские аспекты будут подробнее разобраны в следующем разделе, где я постараюсь разделить различные значения терминов «ментальное» и «физическое» вместе с сопутствующими смысловыми оттенками. Разумеется, самые спорные, запутанные и трудные вопросы касаются тех различий между ментальным и физическим, которые — правомерно или нет — проводит картези-

[17] Ср. Б. Рассел (288); Р. Б. Брейтуэйт (48); Нил (179); Л. У. Бек (24); Фейгл (110, 111, 114).

анская и последующая дуалистическая традиция на основе предполагаемых критериев, перечисленных в таблице.

Ментальное	*Физическое*
субъективное (приватное)	объективное (публичное)
непространственное (nonspatial)	пространственное (spatial)
качественное (qualitative)	количественное (quantitative)
целесообразное (purposive)	механическое (mechanical)
мнемическое (mnemic)	немнемическое (non-mnemic)
холистическое (holistic)	атомистическое (atomistic)
эмерджентное (emergent)	композициональное (compositional)
интенциональное	«слепое»; неинтенциональное

Почти все извечные затруднения психофизической проблемы сосредоточены вокруг этих противопоставлений. На первый взгляд позиции дуалистов выглядят превосходно. Более проницательные монисты всегда понимали, что любая попытка обосновать отождествление — в каком-либо смысле! — ментального с физическим сталкивается с серьёзными трудностями. Неудивительно, что многие из наиболее искушённых современных философов-аналитиков либо принимают некоторую форму дуализма, обычно параллелизм, либо объявляют спор монизма и дуализма псевдопроблемой, порождённой логической или терминологической путаницей. Я этого взгляда не разделяю. В следующем разделе я подготовлю почву для «теории тождества», а в разделе V изложу собственную формулировку и доводы в её пользу.

IV. Различные значения «ментального» и «физического». Сравнительный и критический анализ

Многие трудности психофизической проблемы возникают из-за многозначности и расплывчатости терминов «ментальное» и «физическое». Некоторые их смысловые оттенки были кратко

намечены в противопоставлениях, перечисленных ближе к концу предыдущего раздела. Теперь я попытаюсь тщательнее разобрать эти и другие значения, указав достоинства и недостатки различных существующих и возможных способов употребления обоих терминов. Философы Нового времени явно расходятся в том, что составляет смысловое ядро ментального и физического или — если здесь вообще достижима такая ясность! — каковы их критерии. Одни считают первостепенной одну пару различий, другие — иную.

А. «Субъективное» и «объективное». Противопоставление субъективного и объективного на протяжении столетий порождало бесконечные и крайне запутанные споры. И всё же в этом различии есть нечто существенное, заслуживающее сохранения. Сказать, что приступ боли, переживаемый человеком А, «субъективен» или «приватен» для него, может означать лишь следующее: другой человек, В, наблюдая поведение А, способен заключить, что тому больно, но сам этой боли не испытывает, то есть непосредственно её не переживает. Зубные врачи не испытывают зубной боли своих пациентов. В одном смысле это явно аналитическое, тавтологическое, утверждение[18]. Оно аналитично по причинам, сходным с теми, по которым самопротиворечиво сказать: «У меня растут волосы моей жены». (Известно, что больные шизофренией делают подобные заявления.) Фраза «Я ем зубами моей жены» просто смешна, но не самопротиворечива. Высказывание «Зубные врачи всегда испытывают зубную боль, когда их бормашина приближается к пульпе зуба пациента» синтетично, но эмпирически ложно. «Я слушаю ушами моей жены», если понимать это буквально, а не метафорически, — пограничный случай: всё зависит от конкретного истолкования. «Я наслаждаюсь музыкой Моцарта точно так же, как моя жена» — синтетическое высказывание; его можно передать и так: «Я испытываю такое же музыкальное переживание, как моя жена». (К двум значениям выражения «то же самое» мы вскоре вернёмся.)

В случае восприятия дело немного сложнее. О двух людях, сидящих рядом в концертном зале, говорят, что они слышат одну и ту же музыку или в данный момент одни и те же тоны и аккорды,

[18] Теперь это признаёт даже Айер (18), хотя раньше (15) он считал его синтетическим. Впрочем, его прежнюю позицию убедительно критиковали Пап (243, 248) и Уотлинг (341).

извлекаемые пианистом на сцене. Но по существу положение здесь ничем не отличается от первого примера. У А нет музыкального переживания В, и наоборот, даже если их способность различать звуки, восприимчивость к музыке и т. д. ничем заметно не различаются. Можно сказать, что они слышат одни и те же звуки, что оба одинаково впечатлены или взволнованы ими. Но и здравый смысл, и научное рассуждение ясно указывают, что их переживания нумерически различны. По существу этот случай ничем не отличается, например, от двух термометров, опущенных рядом в один стакан воды. Совершенно правильно сказать, что эти приборы показывают одно и то же физическое состояние. Столь же правильно сказать, что два термометра не только показывают, но и «имеют» «одну и ту же» температуру. (Логически это очень похоже на утверждение, что два стеклянных шарика имеют одинаковый цвет.) Но было бы крайне неуместно и парадоксально утверждать, что события, происходящие в одном термометре, тождественны событиям в другом. Здесь не место обсуждать платоновскую проблему «единого и многого». Достаточно указать на двусмысленность выражений «тот же самый» и «тождественный». «Одинаковость» или «тождество» могут означать полное сходство — как в случае двух музыкальных переживаний или двух показаний термометров. Но в других контекстах «то же самое» или «тождество» означает, что два разных имени либо два разных однозначных описания — расселовских дескрипций — относятся к одному и тому же единичному объекту. Поэтому я заключаю: говорить о субъективности, или приватности, непосредственного опыта вполне осмысленно. Два или более человека могут иметь нумерически различные, но качественно тождественные, неразличимые, переживания; при этом сами события переживания «приватны» для каждого из этих людей.

Терминологические затруднения, однако, возникают сразу же, как только мы подходим к непосредственному опыту научно и пытаемся «объективно» его подтвердить, описать или объяснить. Разве не «объективный» факт мира то, что Эйзенхауэр испытывал сильную боль во время сердечного приступа? Разве не часть общей истории мира то, что Черчилль, произнося определённую речь, испытывал сильное негодование и презрение к Гитлеру?

Конечно! Здесь имеется в виду лишь то, что высказывания о таких фактах в принципе *интерсубъективно подтверждаемы* и потому могли бы войти в полную историю событий нашей Вселенной. Разумеется, бывают случаи, когда подтверждение практически совершенно невозможно. О последних мыслях и чувствах человека непосредственно перед смертью, особенно при полном параличе или смерти от поражения электрическим током, можно судить лишь с малой надёжностью. Но это ничем не отличается от случая подтверждения электрического заряда определённой дождевой капли, упавшей в Тихий океан вдали от каких-либо наблюдателей (ср. Карнап, 67, с. 419 и далее). Нынешняя расширенная формулировка эмпиристского критерия осмысленности допускает все подобные высказывания как вполне осмысленные. Они принципиально не отличаются от легче подтверждаемых высказываний — например, об «истинных мыслях» лжеца или притворщика. Современные устройства, такие как детектор лжи, и разнообразные клинико-психологические методы позволяют всё надёжнее, хотя в целом всё ещё с довольно низкой надёжностью, проверять наличие подобных «приватных» событий.

Эти соображения наводят на мысль, что термины «субъективное» и «приватное», по крайней мере в одном из своих обычных, правомерных и полезных употреблений, не следует считать логически несовместимыми с «объективным» или «публичным» в смысле «в принципе интерсубъективно подтверждаемого». Приватные состояния в этом философски вполне безобидном смысле — просто центральные состояния. (Пока можно оставить в стороне вопрос, следует ли в конечном счёте понимать их менталистски или нейрофизиологически; разумеется, далее он будет подробно обсуждаться.) «Субъективное» или «приватное» в таком смысле может обозначать референты непосредственных интроспективных сообщений. При этом подразумевается, что те же самые референты вполне могут быть охарактеризованы более косвенно: через описания, опирающиеся на выводы из поведенческих симптомов или результатов экспериментов с поведением. Когда мы без колебаний говорим о переживаемых животными боли, удовлетворении, ярости, ожиданиях и т. д., интроспективных сообщений, разумеется, нет. Но другие стороны их поведения во многих отношениях

настолько сходны с человеческими, что приписывание непосредственных переживаний обычно оправданно по аналогии. И здесь «приватное» означает центральное состояние, которое каузально порождает или по крайней мере изменяет внешне выраженное, публично наблюдаемое поведение.

Термины «субъективное» и «объективное» действительно взаимно исключают друг друга, если употреблять их иным, тоже хорошо знакомым образом. Называя какие-либо впечатления, мнения, убеждения, оценочные суждения и т. д. «субъективными», мы иногда противопоставляем их «объективной истине» или «объективной реальности». Если, например, мой друг утверждает, что в комнате холодно, я склонен возразить ему, указав на термометр, который показывает, скажем, 23 °C; а затем, возможно, объяснить его «впечатление» тем, что он слишком легко одет, болен, испытывает тревогу и т. д. Точно так же в более явных случаях — снах, иллюзиях, бредовых представлениях и прочем — мы критикуем некоторые интерпретирующие суждения как основанные на «всего лишь субъективных» свидетельствах. Само собой разумеется и то, что расхождения в эстетических оценках часто можно объяснить индивидуальными или культурными различиями. Если согласовать объективно оправданный стандарт не удаётся, нам остаётся последнее прибежище: «О вкусах не спорят»[19]. Но там, где убеждения можно критиковать как «предвзятые», «слишком оптимистичные», «слишком пессимистичные» и т. д., существуют стандарты — например, обычные правила индуктивного вывода, — которые действительно могут оправдывать отказ от «чересчур субъективных» убеждений или их исправление. Здесь «субъективное» и «объективное» в самом деле несовместимы, хотя возникновение «субъективных убеждений», разумеется, вновь может получить «объективное» объяснение.

Но есть и философский, спекулятивно расширенный смысл «субъективного» или «приватного». В этом весьма особом и проблематичном смысле допускается существование субъективных состояний, в принципе недоступных интерсубъективному подтверждению. Здесь лучше прямо говорить об «абсолютной субъективности» или «абсолютной приватности». Именно такой смысл пред-

[19] О смысле и границах обоснования норм см. моё эссе (109).

полагают некоторые наиболее радикальные интеракционистские формы дуализма. И именно он по определению несовместим с «объективностью», понимаемой как интерсубъективная подтверждаемость. Как я уже отмечал, я больше не настаиваю на том, что учение, включающее понятие абсолютной приватности, совершенно лишено познавательного смысла. Но я склонен считать его научно бессмысленным. Повторю: если научная деятельность по определению требует интерсубъективной подтверждаемости притязаний на знание, этот вывод следует немедленно и вполне тривиально.

Я полагаю, что существенная черта основной исследовательской программы и рабочих гипотез науки состоит в следующем: нет ничего существующего, что в принципе ускользало бы от интерсубъективного подтверждения. О порой непреодолимых практических трудностях даже самого неполного и косвенного подтверждения уже было сказано. Но оптимистическая установка, вдохновляющая развитие науки и лежащая в основе её эвристических принципов[20], не допускает объективно непознаваемого, «недосягаемого». Как бы отдалённа, сложна и косвенна ни была связь научных понятий с некоторыми интерсубъективными свидетельствами, без возможности таким способом «закрепить» их посредством «триангуляции в логическом пространстве» они не были бы понятиями эмпирической науки, в отличие от понятий чистой логики или математики. Достижимое «закрепление» может оставаться столь же неопределённым, каким оно было при первых пробных введениях теоретических понятий с помощью лишь схематично сформулированных постулатов: позитрона, нейтрино или мезона в физике; единицы наследственности, следов памяти, Сверх-Я, прогрессивного паралича или шизофрении — в биологии, психологии и психиатрии. Но понятия абсолютно субъективных, совершенно приватных данных задуманы так, что применимы лишь на основе непосредственных переживаний внутри данного потока сознания. Полностью «заточённое сознание»[21] могло бы переживать чувственные качества, мысли, эмоции, воления и т. д.,

[20] Некоторые философы предпочитают говорить о «метафизических предпосылках». Критику такого понимания науки см. в моих работах (110, 114).

[21] Идея и выражение принадлежат Хилари Патнэму.

но они по условию гипотезы никак — даже слабыми статистическими корреляциями — не были бы связаны ни с публично наблюдаемым поведением, ни с нейрофизиологическими процессами организма.

Хотя развить эту выдумку непротиворечиво, не говоря уже о правдоподобии, трудно, я не считаю это невозможным в том смысле, что она непременно содержит самопротиворечие. Некоторые философы анализировали смысл «продолжения чистого, нематериального потока опыта после телесной смерти» или проблему «инвертированного спектра»: могут ли чистые чувственные качества, такие как красное и зелёное, синее и жёлтое, систематически меняться местами у разных людей при полном сходстве их способности к различению, речевого поведения и нейрофизиологических процессов? Ранние логические позитивисты объявляли подобные рассуждения запретными и совершенно бессмысленными. Их ставили в один ряд с утверждениями об абсолютных пространстве и времени, лоренцевском эфире, «связи» между причиной и следствием или о существовании метафизической субстанции сверх всего, что наука может проверяемым образом знать о пространственно-временных отношениях, преобразованиях координат, функциональных отношениях между наблюдаемыми свойствами или измеряемыми величинами, а также об отношениях совместной данности различных наблюдаемых свойств. Несомненно, эта позитивистская расчистка авгиевых конюшен метафизики оказалась чрезвычайно благотворной. Но позитивисты, по темпераменту нередко негативисты, в своём рвении очистить науку от бессмысленного и избыточного часто заходили слишком далеко. Потребовалось восстановить равновесие; сегодня мы ведём ответственный анализ, например, каузальной необходимости[22], вполне совместимый с основными антиметафизическими прозрениями Юма. Так же и с понятием абсолютной приватности: полезно допустить его хотя бы как логическую возможность, а затем как можно яснее изложить основания, по которым можно отвергнуть эту идею применительно к нашему миру, каким его представляет современная наука.

[22] Ср. Бёркс (59); У. Селларс (312, 313, 314).

Понятие абсолютно приватных данных опыта, если эти данные подлежат описанию, потребовало бы чисто феноменального, или абсолютно приватного, языка. Такой язык по определению и по условию гипотезы не мог бы служить средством общения. Даже совершенно одинокое человекоподобное существо не могло бы осуществлять символическую деятельность в слышимой, видимой и тому подобной форме. Невозможны были бы даже разговоры с самим собой в такой физически выражаемой форме. Ведь обычные монологи, если они не сводятся к невысказанным мыслям частного мыслителя, выразимы, и сами выражения давали бы, пусть и ненадёжные, ключи к «внутренним» мыслительным процессам[23].

Разумеется, если понимать под «языком» то, что обычно и имеется в виду, — средство интерсубъективного общения, — абсолютно приватный язык исключается по определению. Язык, каким мы его знаем и используем, действительно не является абсолютно приватным в разъяснённом смысле. Но его интерсубъективность отражает основную эмпирическую черту нашего мира или по крайней мере мира, каким мы представляем его в повседневной жизни и в науке. Обсуждение всех следствий этой черты мне, однако, придётся отложить до заключительного раздела, где я предложу свою развязку «мирового узла». Пока же я утверждаю, что под «языком» не обязательно понимать средство межличностного общения. Понятие разговора с самим собой, внутриличностного общения, намеченное выше, можно сузить и изменить так, чтобы оно относилось к невысказанным и невыразимым мыслям. При этом сохраняется достаточное «семейное сходство» с обычным понятием языка. Такой абсолютно приватный язык всё ещё позволял бы одинокому мыслителю безмолвно обозначать качества своего непосредственного опыта и мыслить безмолвные мысли, обладающие логической формой повествовательных высказываний — единичных, общих и т. д. Я мог бы, например, опираясь на память, думать, что сильный гнев всегда постепенно стихает или что определённый слышимый тон становится громче. Знание, сформулированное таким образом в приватном языке, вполне можно назвать «знанием через знакомство». Правда, в обыденной речи это понятие гораздо шире. Оно охватывает знание,

[23] Предельно ясное и сжатое обсуждение этой мысли см. у П. Э. Михла (219).

основанное на наблюдениях, дополненных весьма умеренными и ограниченными выводами, и существенно за их пределы не выходящее. Так, мы вполне вправе говорить, что знаем свойства палок и камней, яблок и апельсинов, нравы и привычки близких друзей «через знакомство».

Но это обыденное понятие знакомства определено не слишком чётко. Увидев Уинстона Черчилля собственными глазами на несколько секунд — 10 июля 1954 года, когда он вышел из дома 10 на Даунинг-стрит в Лондоне и сел в свой чёрный лимузин, держа сигару и приветственно помахивая собравшейся небольшой толпе, — вправе ли я сказать, что знаю его «через знакомство»? Знал бы я Черчилля «через знакомство», если бы видел его, точнее, его изображение, только в кинохронике? Я предоставляю более тонким и чутким к языку оксфордским философам-аналитикам решить эти вопросы или сказать мне, что «знание через знакомство» — расплывчатое понятие, чьи границы скользят в разных направлениях. (Во всяком случае, именно последний ответ я считаю лучшим анализом обычного употребления этого термина.)

Для *философского* употребления я, однако, предлагаю понимать «знание через знакомство» как знание без каких-либо компонентов вывода. А если это несбыточно — как знание, включающее лишь тот минимум вывода, который присутствует, когда для распознавания сходств и различий используется одна память. Именно в таком смысле я мог бы утверждать на основе знакомства: «А, опять этот странный запах! Я не знаю, чем он вызван, не знаю даже, как его назвать; он настолько отличается от любых ароматов цветов, духов, сигарного дыма, подгоревших тостов, мандаринов и т. д., что я не могу даже поместить его в многомерную схему ранжирования запахов. Но я знаю, что уже ощущал его прежде, и субъективно уверен: если я почувствую его вновь, то узнаю».

Как я уже говорил, я не утверждаю, что знание через знакомство безошибочно. Наш мир устроен так, что с позиции интерсубъективного наблюдения вполне можно исправлять суждения о субъективном опыте — притязания на знание, основанные на непосредственном знакомстве. Кроме того, едва ли нужно напоминать, что я решительно настаиваю на различии между знакомством и знанием через знакомство. «Знакомство как таковое» в философски

суженном смысле означает просто сам непосредственный опыт — то, что переживается, доставляет удовольствие или причиняет страдание. Знание же через знакомство пропозиционально. Притязания на знание любого рода могут быть обоснованными или необоснованными; формулирующие их высказывания — истинными или ложными. Почти во всех случаях знания, имеющего научный статус, подтверждение истинности неполно и косвенно. Знание через знакомство, однако, непосредственно и полно в следующем смысле: представляется совершенно неуместным спрашивать человека, на каких свидетельствах основано его утверждение о том, что сейчас он чувствует подъём, подавленность, тревогу, головокружение, жар, холод и так далее по всем модальностям и качествам опыта.

Термин «самоочевидное», которым в философии столь часто злоупотребляли, можно было бы переопределить, ограничив его именно такими сообщениями непосредственной интроспекции или самонаблюдения. Это, возможно, неудачное терминологическое предложение не означает, что я защищаю какое-либо учение о «неисправимости» подобных протоколов непосредственного опыта. Я допускаю, что и такие протокольные высказывания могут быть ошибочными — не только по общепризнанным причинам, например из-за оговорок или описок, но и потому, что используемые в них предикаты или слова, обозначающие отношения, если они действительно являются тем, чем должны быть, а именно универсалиями, для правильного применения даже в воображаемом выше «абсолютно приватном» языке предполагают хотя бы надёжность памяти. Только она могла бы гарантировать, что тот же термин применяется к переживаемому качеству того же рода, что и прежде. Иначе протокольное высказывание свелось бы к тому, что фактически стало бы первым введением соответствующего

предиката посредством стипулятивно-остенсивного определения[24]. Иными словами, оно означало бы решение употреблять тот же термин в будущем в случаях, достаточно сходных с нынешним. Но при первом употреблении нового термина содержащее его предложение было бы истинным лишь в предельно узком, очень близком к аналитическому, смысле: «А» — обозначение, которое я произвольно даю совершенно новому, ни с чем не сравнимому аромату, переживаемому сейчас, — обозначает качество, испытываемое в каждый момент его временного, конечного по длительности присутствия.

Помимо уже названных, при употреблении имеющихся предикатов для качеств непосредственного опыта возникают и другие неопределённости. Как описать своё состояние в данный момент: «счастливый», «радостный», «весёлый», «бодрый», «игривый», «беззаботный», «неунывающий», «непринуждённый», «жизнерадостный», «сияющий», «оживлённый», «ликующий», «хохочущий», «развесёлый» — или как-то ещё?

Пора подвести некоторые итоги этого обсуждения. Есть значение слова «ментальное», совпадающее с одним из значений «субъективного». Назовём его «феноменальным». При этом мы можем пока отложить вопрос о том, всегда ли феноменально данное и феноменально обозначенное можно также косвенно охарактеризовать в интерсубъективно осмысленной терминологии. Во всяком случае, мы выделили одну контрастирующую, хотя и не обязательно несовместимую, пару значений «ментального» и «физического»: феноменальное, то есть субъективно подтверждаемое, и интерсубъективно подтверждаемое, то есть *физическое*$_1$ в предложенной выше терминологии. Значение «ментального», синонимич-

[24] Понятие «остенсивного определения», разумеется, весьма проблематично. В отличие от того, что обычно понимается под «определением» — явным, контекстуальным, рекурсивным, абстрактивным, условным, координационным или даже неявным, — остенсивное определение нельзя передать устно, письменно или в печати. «Определение» в нормальном употреблении всегда означает уточнение значения некоторого символа через значения других символов. Поэтому «остенсивные определения», если вообще сохранять это выражение, лучше понимать как установление или приобретение языковой привычки, привитие некоторого управляемого правилами языкового поведения. В абсолютно приватном языке оно может сводиться к установлению правила, связывающего определённые мысли или образы с конкретными другими элементами или аспектами непосредственного опыта.

ное «феноменальному», занимает важное место в интроспективной и феноменологической психологии. Оно преобладает и в гештальтпсихологических описаниях конфигураций феноменальных полей.

Но в «глубинно-психологических» высказываниях психоаналитических школ «ментальное» включает также подсознательные и некоторые бессознательные состояния и процессы. Они описываются преимущественно с помощью метафор и сравнений, заимствованных из феноменальной сферы, — оставим здесь в стороне заимствования из физической сферы, например механические и гидравлические. А поскольку подробных нейрофизиологических описаний пока нет, следует помнить, что слово «ментальное» в обычном употреблении современных психологов охватывает и феноменальные, и нефеноменальные состояния и события. Включение подсознательного, «предсознательного», и бессознательного в область ментального, разумеется, оправдывается другими атрибутами, традиционно считающимися критериями ментальности. Теперь мы обратимся к ним. Правда, тот, который по историко-философским причинам будет рассмотрен первым, в этой связи менее существен, чем некоторые из следующих в нашем перечне.

B. Непространственное и пространственное. Картезианское различие между мыслящей и протяжённой вещью — *res cogitans* и *res extensa* — до сих пор кажется некоторым современным философам одним из сильнейших доводов в пользу радикального дуализма. Ментальные состояния и события, утверждают они, в отличие от физических тел нигде не расположены; им нельзя приписать ни формы, ни размеров. На мой взгляд, кажущаяся правдоподобность этого учения объясняется главным образом, во-первых, путаницей, а во-вторых — невниманием к феноменальной пространственности и её отношениям с физической пространственностью. Путаница обнаруживается в риторических вопросах дуалистов: «Где находится чувство материнской любви?», «Сколько в нём дюймов длины?», «Оно квадратное или пятиугольное?» Признаюсь, у меня мало терпения к этим нелепым играм. Чувство материнской любви — универсалия, абстрактное понятие, и спрашивать о его пространственном местоположении столь же бес-

смысленно, как о местоположении физического понятия температуры. Перед нами грубейшая категориальная ошибка: смешение универсалий и единичных сущностей. Спрашивать о местоположении отдельных вещей или событий осмысленно, но спрашивать, где находится понятие — свойство или отношение, взятое абстрактно, — просто бессмысленно.

Такая же бессмыслица получается, если, услышав фразу «Подавленность наконец покинула его», кто-нибудь спросит: «Куда же она ушла?» Этот вопрос возникает лишь тогда, когда исходное метафорическое высказывание понимают столь же буквально, как слова «Жена наконец покинула его». Понятия, обозначают ли они актуально наличные или диспозициональные свойства, сами по себе не имеют пространственного местоположения; точнее, приписывать им его бессмысленно. Но понятия, входящие в единичные, конкретно-описательные высказывания[25], применяются к единичным сущностям. Мы говорим: «Энтони Иден чувствовал подавленность после провала египетской кампании». Здесь чувство подавленности совершенно определённо где-то находится — в самом этом человеке! Вопрос о местоположении становится более осмысленным, но и логически более тонким, когда мы задаём его об отдельных ментальных состояниях.

Пока мы употребляем «ментальное» в смысле «феноменального», лучше без лишних проволочек ввести необходимое различие между феноменальным пространством, или пространствами, и физическим пространством. Возможно, я не слишком силён в феноменологическом описании, но мне всё же кажется, что мои чувства и эмоции пронизывают значительные части моего тела, каким я его переживаю. Уильям Джеймс привёл несколько ярких иллюстраций этого. В феноменальном поле субъекта отдельные чувства могут находиться — пусть смутно и расплывчато — в какой-нибудь не слишком чётко очерченной части организма. Мои чувства подъёма, подавленности, восторга, отвращения, воодушевления, негодования, восхищения, презрения и т. д., как мне кажется, распространяются примерно по верхней половине или верхним двум третям тела.

[25] То есть в предложения, содержащие собственные имена или координаты.

Звуки и запахи, по крайней мере в обычных случаях «достоверного» восприятия, кажутся расположенными отчасти снаружи, отчасти внутри феноменально данной головы. Цвета обычно воспринимаются как поверхностные качества предметов за пределами кожного покрова; когда же мы смотрим на кожу собственных рук или ног — как поверхностные качества этих конечностей. Цвета, видимые при надавливании на веки закрытых глаз, смутно локализуются либо непосредственно перед глазами, либо даже внутри них. Так же и музыкальные звуковые образы, особенно у эйдетиков, возникают либо внутри головы, либо словно приходят извне, как в концертном зале. Вкус яблока явственно ощущается во рту. Звёзды, видимые безоблачной ночью, — крошечные яркие точки на довольно далёком тёмном фоне. Эти точки явно находятся в пространственных отношениях друг к другу. Небольшой участок воспринимаемого неба представляет собой приблизительно плоскую поверхность, по которой мерцающие звёзды распределены в определённые созвездия. Если на минуту использовать названия звёзд как собственные имена ярких точек в зрительном поле, вполне можно сказать, например, что Сириус находится левее и намного ниже трёх звёзд пояса Ориона. Несомненно, стало быть, что мы «знакомы» с элементами и отношениями зрительного пространства.

Подробное обсуждение различий между зрительным, осязательным, кинестетическим и слуховым «пространствами» — задача феноменальной психологии. Для наших целей достаточно заметить, что «пространственность» означает качественно весьма разные вещи в разных чувственных модальностях. Но *физическое* пространство в том смысле, в каком его понимает физика, включая, разумеется, астрономию, — нечто радикально иное. Измерения астрономов и основанные на выводах интерпретации дали нам описание трёхмерного расположения звёзд в «объективном» пространстве. Этот трёхмерный порядок правильнее всего рассматривать как понятийную систему, которую невозможно вполне адекватно наглядно представить или вообразить феноменально. Я нисколько не отрицаю, что в комнате или в пейзаже мы непосредственно воспринимаем хотя бы некоторые стороны этого трёхмерного порядка. (В случае звёзд — нет.) Но в каждый данный момент

в восприятии присутствует лишь определённая перспектива, а не тот геометрический порядок, который мы должны предположить вместе с некоторыми законами геометрической оптики, чтобы объяснить особенности любой конкретной перспективы или их всех.

Не стану подробно останавливаться на явно аналогичном случае времени. Феноменальное и физическое время различаются и соотносятся примерно так же, как феноменальное и физическое пространство. При томительном ожидании переживаемая длительность может казаться очень большой, тогда как время, наполненное увлекательными событиями, будто бы «летит быстро». Но физически измеренная длительность в обоих случаях может быть совершенно одинаковой. Разумеется, *психологическую* относительность феноменального времени нельзя смешивать с эйнштейновской *физической* относительностью одновременности и длительности, которая по самой своей природе вообще недоступна непосредственному наблюдению[26].

Итак, мы заключаем, что ментальные данные обладают собственными, феноменальными, видами пространственности, а физическое пространство — теоретическая конструкция, введённая для объяснения особенностей и закономерностей феноменально пространственных отношений. Точно и подробно вывести хотя бы особенности зрительного пространства, связанные с перспективой, — уже довольно сложная задача, требующая геометрических, физических, психофизических и психофизиологических законов. Пока наши доводы опровергли лишь картезианское утверждение о непространственности ментального. Выразим это как можно резче: ментальные события, непосредственно переживаемые и феноменально описываемые, пространственны. Физические тела, геометрически характеризуемые через измеримые положения, ориентации, формы и размеры, вовсе не пространственны в зрительном или вообще *феноменальном* смысле. «Пространство» в физическом смысле — абстрактная теоретическая система упорядочения. Читатель, принимающий мои доводы, может, однако, настаивать на том, что подчёркнутое различие между феноменаль-

[26] За исключением, разумеется, случаев вроде путешествия и возвращения одного из братьев-близнецов: хотя соответствующий эффект строго следует из хорошо подтверждённых принципов теории Эйнштейна, до сих пор он не поддавался непосредственной проверке из-за очевидных практических трудностей.

ной и физической пространственностью, а также временностью ещё убедительнее подтверждает дуализм ментального и физического. Ответ на это возражение я дам в заключительных разделах. Пока достаточно предположить: если под «физическим» понимать не род, тип, часть или аспект реальности, а метод, язык или понятийную систему, то для дуалистического противопоставления ментальных и физических событий или процессов, не говоря уже о субстанциях, места не остаётся.

С. Качество и количество. Ещё одно давнее различие между ментальным и физическим проводится через качественное и количественное. И оно тоже чревато всевозможной путаницей. На первый взгляд правдоподобен следующий довод: качества переживаемых цветов, слышимых звуков, ощущаемых запахов, чувствуемой интенсивности тепла и т. д., несомненно, принципиально отличаются от количественно измеряемых длин волн светового излучения, частот и энергий звуковых волн, химического состава пахучих веществ, средней кинетической энергии молекул и т. д. Разумеется, отличаются. Но этот довод упускает главное. Физик измеряет количественные стороны стимулов или их конфигураций. При определённых, «нормальных», обстоятельствах эти стимулы вызывают в феноменальных полях определённые ощущения, допускающие качественную характеристику. Знакомый первокурсникам вопрос: «Есть ли звук, когда на необитаемом острове, где нет ни людей, ни зверей, на землю падает дерево?» — быстро проясняется, если различить звуковые волны, колебания воздуха, и слышимые звуки. Однако дуалистический довод бил бы точно в цель, если бы речь шла о различии между переживаемыми чувственными качествами и «коррелирующими» с ними корковыми процессами в мозге переживающего субъекта. Эти корковые процессы можно было бы количественно описать в завершённой нейрофизиологии. Предметом «физического» описания стали бы различные, более или менее локализованные конфигурации нервных токов, возбуждения нейронов и т. д. Какие именно феноменальные качества соответствуют каким конфигурациям корковых процессов — это должно установить эмпирическое исследование. В предшествующем обсуждении того, что следует сохранить и прояснить, мы не просто допускали, а настаивали на *синтетическом*

характере высказываний, формулирующих эти корреляции. Вновь оставляя более полное обоснование монизма до заключительных разделов, сделаю здесь несколько предварительных критических замечаний.

(а) Чисто феноменальные описания обычно не ограничены одной лишь качественной формой. По крайней мере для качеств внутри каждой модальности опыта возможны полуколичественные описания, или описания, задающие ранговый порядок, — «топологические». «Моя боль усиливается»; «этот ощущаемый синий темнее того»; «моё смущение было сильнее, чем когда-либо прежде» — всё это примеры полуколичественных единичных высказываний. Возможны и общие высказывания такого вида, например: «В пурпурном больше синевы, чем в алом»; «Ре выше до». Общие высказывания подобного рода можно организовать в одно-, двух-, трёхмерные или многомерные топологические системы, такие как звуковая шкала, цветовая пирамида, призма запахов и т. д. Более того, даже в чисто интроспективных суждениях о *метрических* отношениях данных качеств или интенсивностей встречается поразительное интерсубъективное согласие. Например, С. С. Стивенс[27] в тщательно поставленных экспериментах обнаружил, что испытуемые одинаково определяли среднюю точку в ряду звуков различной интенсивности. Формы, размеры, расстояния, длительности — всё непосредственно переживаемое — нередко допускают метрические оценки, по точности далеко превосходящие любые ожидания несведущего человека.

Что касается различий между такими модальностями опыта, как цвета, звуки и запахи, или между более широкими классами, такими как чувственные качества и эмоции, следует, конечно, признать, что они качественно отличаются друг от друга. Никакое чисто количественное различие не послужит критерием, характеризующим их разные родовые особенности. Дуалисты пытались воспользоваться этим, спрашивая: почему вообще должно существовать более одного основного качества — или, если на то пошло, более одной модальности, — если всё многообразие феноменальных данных представляет собой лишь субъективные

[27] Ср. его статью в *Handbook of Experimental Psychology* под редакцией С. С. Стивенса. New York: Wiley, 1951.

аспекты в основе своей однородных мозговых процессов? Но ответ вполне может состоять в том, что даже между этими «однородными» нервными процессами существует достаточно топографических, конфигурационных и количественных различий.

(b) Величины, определяемые физическим измерением и синтаксически представленные в научном языке *функторами*[28], различаются между собой так, что едва ли эти различия можно назвать иначе, чем «качественными». Как ещё охарактеризовать различия, например, между массой, температурой, давлением, силой электрического тока, электродвижущей силой, напряжённостью гравитационного поля и т. д.? Что именно показывают соответственно термометры, манометры, амперметры, вольтметры и прочие приборы? По-моему, говорить об этих научных переменных как о качественно различных совершенно оправданно. Разумеется, это не непосредственно переживаемые качества. Но есть ли веское основание ограничивать слово «качество» только феноменально данным?

Я заключаю, что попытка определить «ментальное» и «физическое» через различие качественного и количественного заранее предполагает то, что ещё требуется доказать. Говорить о ментальных величинах и физических качествах вполне осмысленно.

D. «Целесообразное» и «механическое». Наряду с непосредственным опытом едва ли не важнейшую черту обыденного понятия ментального составляет *интеллект*. А интеллект обычно и прежде всего характеризуют как способность использовать средства для достижения целей. Одна из трудностей здесь в том, что обыденный язык склонен называть «разумным» даже инстинктивное поведение многих животных. Например, у общественных насекомых — термитов, муравьёв, пчёл и т. д. — поведение поразительно целесообразно, высокоорганизованно и сложно. И всё же мы не решаемся приписать этим совершенно иным организмам способность к субъективному опыту — непосредственным переживаниям, хотя бы отдалённо напоминающим наши. Кроме того, в нынешнем научном употреблении слово «интеллект» обычно ограничивается теми эволюционными уровнями и видами, у которых ведущую роль играет обучение в сочетании с изобретательным и

[28] Ср. Карнап (65, 68); Рейхенбах (274).

символическим поведением. Голуби, крысы, кошки, собаки — любимые лабораторные животные психологов-бихевиористов — обнаруживают внутри каждого вида заметные индивидуальные различия в скорости обучения и в том, чему они способны научиться. Человекообразные обезьяны, такие как шимпанзе, со времён первых экспериментов В. Кёлера славятся своей изобретательностью, помимо всем известных способностей к подражанию. Подлинно языковое поведение, обладающее синтаксическими, семантическими и прагматическими особенностями, по-видимому, присуще лишь *homo sapiens*; так называемый язык пчёл, очевидно инстинктивный и лишённый синтаксической и семантической гибкости, едва ли составляет исключение.

Если бы интеллект или просто целесообразность были выбраны единственным критерием ментального, провести чёткую границу где бы то ни было в области живой природы оказалось бы трудно. Даже в растительном мире мы встречаем процессы, телеологические характеристики которых принципиально не отличаются от особенностей целесообразного поведения низших животных. Конечно, можно намеренно провести часто предлагаемое и, несомненно, полезное различие между двумя типами телеологии: один предполагает сознательные цели, другой их исключает, — а «целесообразным» назвать только первый. Тогда эмпирические данные подсказывают, хотя и не навязывают, решение считать «разумным» лишь поведение высших животных или, возможно, ограничить обозначение «интеллект» людьми — если и когда они ведут себя действительно *разумно*.

Выясняется, таким образом, что объёмы двух критериев — *способности переживать* и *разумности* — не обязательно совпадают. Соответствующие понятия не равнообъёмны. В наше время положение ещё более осложнилось созданием «разумных» машин. Логические рассуждения, математические доказательства и вычисления, прогнозирование, игры и т. д. выполняются всевозможными, обычно весьма сложными электронными устройствами. Здесь соблазн приписать «непосредственные переживания» ещё слабее, чем в случае низших животных[29]. Индуктивно правдопо-

[29] Ср., однако, замечательное и побуждающее к размышлению обсуждение проблемы роботов у Скривена (304). Мы вернёмся к этому вопросу в разделе V, разбирая аргумент по аналогии в пользу «других сознаний».

добно, что способность переживать требует сложных органических процессов.

Возможно, Декарт был не совсем неправ, ограничивая ментальное людьми. Если под «сознанием» понимать способность к рефлексивному мышлению, у нас действительно могут быть основания отрицать его наличие — в этом смысле! — у животных, а возможно, даже у электронных вычислительных машин. Решить этот вопрос трудно, поскольку выражение «рефлексивное мышление» имеет много неопределённых смысловых оттенков. Но если оно означает совокупность следующих черт — способности переживать и обучаться; спонтанности, то есть свободного выбора; целесообразности в смысле направленности на цель; оригинальной изобретательности; интенциональности в смысле символической референции; умения формулировать практические, моральные, языковые и другие правила поведения, — тогда сознание в этом смысле явно составляет прерогативу человека.

Все эти соображения не должны нас тревожить. Они лишь приводят к едва ли удивительному выводу: термин «ментальное» в обыденном и даже научном употреблении представляет целое семейство понятий, и во избежание путаницы нужны специальные различения вроде «ментального$_1$», «ментального$_2$», «ментального$_3$» и т. д. (Кратко к «интенциональности» мы вернёмся в подразделе F.)

Что же касается исходного различия *целесообразного* и *механического*, оно едва ли помогает определить различие ментального и физического. Если вопреки нашим предостережениям понимать «целесообразное» как синоним «телеологического», получится различие, почти не относящееся к вопросу о ментальном и физическом, но всё же небесполезное в естествознании и технике. Однако тогда его уже нельзя считать ни строго взаимоисключающим, ни особенно проясняющим. Течение реки к морю — механическое, нетелеологическое явление; работа сервомеханизмов и механична, и телеологична; работа сердца телеологична и, по-видимому, «механична» в том же широком смысле, в каком сложные сервомеханизмы с отрицательной обратной связью представляют собой регулирующие *физические* устройства. Словом, в

наш век кибернетики выражение «телеологические механизмы» больше не содержит противоречия в терминах.

Е. «Мнемическое», «холистическое», «эмерджентное» и «немнемическое», «атомистическое», «композициональное». Этот пучок противопоставлений часто связывали с различием ментального и физического. К счастью, за исключением одной стороны вопроса об эмерджентности, обсуждение может быть довольно кратким. *Мнемические* свойства как критерий ментального особенно подчёркивал Бертран Рассел. Но задолго до него физиолог Эвальд Геринг и его ученик Земон считали мнемическое общим свойством всей органической материи. Даже в неорганической материи различные воздействия могут вызывать более или менее устойчивые изменения диспозициональных свойств. Некоторые особенности упругости и магнитного гистерезиса «мнемичны» именно в этом смысле. А хранение информации в современных вычислительных машинах ясно показывает, что мнемические свойства, как и «целесообразно-разумные», не обязательно совпадают с ментальностью в смысле способности переживать или осознавать.

Холистические аспекты феноменальных полей выдвинули на первый план гештальтпсихологи. Но почти с самого начала, особенно со времени книги В. Кёлера «*Физические гештальты*», вышедшей в 1920 году, это направление подчёркивало идею изоморфизма феноменальных и нейрофизиологических конфигураций. И здесь, следовательно, без добавления критерия непосредственного опыта мы не получаем различия между ментальными и физическими конфигурациями, «органическими целыми» или «динамическими гештальтами».

С холизмом и гештальтфилософией неразрывно связано учение об эмерджентности. Старый лозунг «целое больше суммы своих частей», разумеется, не отличается ясностью. Во многом его туманность объясняется отсутствием определения «суммы частей». Недавние исследования[30] всё ещё спорного смысла «органической целостности» и «эмерджентной новизны» немало способствовали прояснению этих вопросов. Углубляться здесь в

[30] Шлик (299); Нагель (232, 235); Хенле (153); Бергман (28, 34); Гемпель и Оппенгейм (152); Решер и Оппенгейм (277); Пап (244).

подробности нам не требуется. Для наших целей достаточно понять, что в современном естествознании нельзя провести резкой границы между *результантами* (resultants) — как при композиции, то есть векторном сложении сил или скоростей, — и эмерджентами (emergents). Объясняя свойства и поведение сложных систем, мы всегда нуждаемся в законах композиции: будь то простое арифметическое сложение объёмов, масс, электрических зарядов и т. д.; чуть более сложное векторное сложение; ещё немного более сложная релятивистская формула «сложения» скоростей; или чрезвычайно сложные и пока не вполне сформулированные законы композиции, необходимые для предсказания поведения организмов на основе полного знания их микроструктуры и динамических законов, связывающих составляющие их микроэлементы.

Современная квантовая физика на самом фундаментальном уровне использует законы «организмического» характера — например, принцип запрета В. Паули[31], действующий даже для отдельных атомов. Мыслимо, что многое из называемого «эмерджентной новизной» на химическом и биологическом уровнях сложности в конечном счёте можно объяснить организмическими, или холистическими, особенностями законов атомной и молекулярной динамики. Тогда при наличии этих основных микрозаконов единственными законами композиции, которые учёные нередко принимают как нечто само собой разумеющееся, словно «молчаливых партнёров», окажутся просто постулаты и теоремы геометрии и кинематики. Таково и моё собственное, признаю, рискованное и спекулятивное предположение. Иначе говоря, я верю, что, как только квантовая динамика сможет объяснить факты и закономерности органической химии — неживых, но сложных соединений, — она в принципе сможет объяснить и факты и закономерности органической жизни. Но верны эти догадки или нет, с логической или методологической точки зрения эмерджентная новизна означает лишь невозможность вывести законы комплексов, «целых», из законов, достаточных для предсказания и объяснения поведения их составляющих в относительной изоляции. Так,

[31] Ср. проясняющее обсуждение у Маргенау (208), а также интересные, хотя, возможно, несколько спекулятивные идеи Кайла (169).

законов, достаточных для описания движения свободных электронов — например, в катодных лучах или при прохождении через электрические и магнитные поля, — явно недостаточно для объяснения поведения электронов в составе атомов.

Разумеется, чтобы «выведать», то есть установить, законы природы, учёные не могут ограничиться исследованием очень низкого уровня сложности. В некоторых случаях нам везёт: при переходе от такого низкого уровня к сколь угодно высоким степеням сложности никаких новых *физических* законов, а только геометрических законов композиции, не требуется. Это верно, например, для закона рычага, который остаётся применимым даже к самой сложной системе блоков. Верно это и для закона тяготения и законов движения в их ньютоновской форме. «Задача многих тел» не решена лишь в математическом смысле: до сих пор не найдена единая система уравнений для предсказания движений в сложных звёздных системах. Но последовательные приближения можно вычислять с любой желаемой точностью. В других случаях, как с поведением электронов, мы никогда не смогли бы установить все существенные законы, оставаясь ниже определённого уровня сложности. И я уже признавал в разделе II: всегда логически мыслимо, что наши научные теории придётся исправить и обогатить, введя новые основные понятия, переменные, а это, разумеется, равносильно введению новых законоподобных постулатов и/или гипотез о существовании соответствующих сущностей.

Мы видели, что мнемические, телеологические, холистические и эмерджентные свойства непригодны как критерии ментального, поскольку характеризуют даже неорганические структуры и процессы. Большинство дуалистов, однако, понимают под эмерджентностью эволюционную новизну способности к субъективному опыту и невозможность вывести непосредственные переживания из $физических_2$ законов. Поэтому весь вопрос снова упирается в критерий субъективного опыта. Его суть можно выявить следующим примером. Допустим, мы способны предсказать подробную химическую структуру совершенно новых духов, которые выпустят в Париже в 1995 году. Допустим также, что мы столь же точно можем предсказать нейрофизиологическое воздействие этих духов на слизистые оболочки человеческого носа и возникающие в

результате корковые процессы у человека, ощущающего их запах. Сможем ли мы тогда предсказать и качество переживаемого аромата? Обычно на этот вопрос отвечают отрицательно, поскольку предполагают, что аромат будет «эмерджентной новизной». Но бихевиористам и физикалистам вообще незачем смотреть на дело столь пессимистично. Ведь при наших исходных допущениях должно быть возможно предсказать и ответы на вопросы анкеты, например: «Этот аромат больше похож на Chanel № 5 или на Nuit d'Amour?» Иначе говоря, мы должны суметь предсказать место данного качества в топологическом пространстве запахов, если располагаем достаточным числом законов психофизиологической корреляции, позволяющих рассматривать этот случай как интерполяцию или ограниченную экстраполяцию.

Однако вопрос становится острее, если речь идёт о предсказании качеств в пределах совершенно новой модальности. Для слепого от рождения, внезапно обретающего зрение после операции по удалению катаракты, переживание цветов и зрительных форм совершенно ново. Допустим, всё человечество до некоторого момента своей истории было полностью слепым, а затем обрело зрение. Если предположить $физический_2$ детерминизм, мы, согласно моей основной гипотезе, должны в принципе уметь предсказать соответствующие нервные и поведенческие процессы, а значит, и всё различительное и речевое поведение, зависящее от новых корковых процессов, которым соответствуют эмерджентные, новые качества опыта. Чего же мы не знали бы или не могли бы знать в момент первоначального предсказания? По-моему, ответ очевиден. Мы тогда не знали бы и не могли бы знать цветовые переживания через знакомство, то есть: (1) не имели бы их; (2) не могли бы их вообразить; (3) не могли бы распознать или обозначить их как «красное», «зелёное» и т. д., даже если бы они каким-то чудом внезапно у нас возникли, — разве что установив совершенно новые правила обозначения[32].

Я заключаю, что центральная загадка психофизической проблемы — логическая природа законов корреляции, связывающих качества непосредственных переживаний с нейрофизиологиче-

[32] Ср. обсуждение абсолютной эмерджентности у Папа (244).

скими процессами. Но прежде, чем взяться за этот трудный вопрос, нужно взглянуть ещё на одну проблему.

F. «Интенциональное» и «неинтенциональное». Ментальная жизнь по крайней мере взрослого *homo sapiens* характеризуется способностью к осознанию (awareness), помимо наличия одних лишь непосредственных переживаний. (Последние мы в любом случае приписываем некоторым животным и, несомненно, маленьким детям.) По-моему, нельзя обойти различие между тем, чтобы переживать что-либо, и тем, чтобы осознавать наличие этого переживания, хотя в отдельном случае решить, присоединилось ли к нему осознание, бывает весьма трудно. Это один из заведомо сложных вопросов феноменологического описания. Но если принять это различие, довольно правдоподобно, что осознание невозможно без какой-либо символики — пусть даже «безмолвной» символики образов или, если такое существует, мышления без образов. Именно здесь существенным становится понятие «*интенции*» (intention) — не в смысле цели, предвосхищаемого результата или решения, а в смысле *референции* (reference).

Я постараюсь показать, что научно значимые вопросы о выборе между интеракционизмом и параллелизмом, или эпифеноменализмом, следует тщательно отделять от философских вопросов, возникающих из «интенциональных» особенностей сознания, которые подчёркивали Брентано и феноменологические школы. С этой точки зрения наиболее фундаментальное различие между ментальным и физическим состоит в том, что ментальная жизнь складывается из *актов, направленных на объекты*, независимо от того, существуют ли эти объекты в мире, являются ли они чистыми понятиями или созданиями воображения. Дуализм картезианской традиции действительно подчёркивал и интенциональные особенности сознания, и свойства непосредственных переживаний. Поэтому психофизические проблемы в широком смысле обычно включали такие вопросы: можем ли мы дать физическое — в смысле $физического_1$ или $физического_2$ — объяснение того, как мысли, убеждения, желания, чувства и т. д. могут быть *о чём-то*? Можем ли мы натуралистически перевести язык рассуждения, используемый в аргументации, то есть речь, в которой мы приводим доводы в поддержку притязаний на знание или оценочных

суждений? Мне кажется, всё яснее становится[33], что ответ должен быть отрицательным. Но не потому, что человеческое поведение, включающее «высшие мыслительные процессы», в принципе не допускает физического, хотя бы *физического*$_1$, объяснения и предсказания. Причина в другом: здесь речь о логической сводимости или несводимости высказываний, предполагающих отнесённость к чему-либо, то есть интенциональные термины, к языку поведенческого или нейрофизиологического описания. Довольно очевидно, что такие высказывания, подобно высказываниям о должном, нормативной речи, логически не переводятся в чисто фактические утверждения. Отношение обозначения, формализованное в чистой семантике, — не эмпирическое отношение, а конструкция семантического дискурса.

Поэтому я лично считаю проблему интенциональности частью не психофизической, а скорее психо-логической проблемы: отношения психологических и логических форм дискурса. Это становится ещё очевиднее, если допустить, что в конечном счёте возможно полное нейрофизиологическое объяснение поведения, включая речевое. Тогда перед нами встанет проблема отношения физиологических форм дискурса к логическим. Если многие авторы сегодня позволяют себе говорить о «мыслящих машинах» — электронных вычислительных машинах, устройствах для игры в шахматы и т. д., — то столь же оправданно исследовать отношение механического или электрического к логическому. Машины мы сами построили так, чтобы в своей работе они следовали определённым правилам логических, математических или семантических операций. У людей же есть нервные системы, которые благодаря воспитанию и обучению приобретают диспозиции к определённым видам символического поведения; на практике оно затем в большей или меньшей мере соответствует некоторым правилам.

Но абстрактное выражение правила нельзя смешивать с формулировкой статистической эмпирической закономерности символического поведения. Неправомерный вывод или ошибка в вычислении — нарушение *правила*, а не случай, опровергающий *закон* поведения. Современный этап прояснения этих вопросов по суще-

[33] Ср. особенно Уилфрид Селларс (310, 311).

ству начался с критики *психологизма* у Гуссерля и Фреге, то есть смешения логического дискурса с психологическим. Тем самым была убедительно и окончательно опровергнута панэмпиристская позиция, например Джона Стюарта Милля, который ставил логические истины в один ряд с истинами естественных наук. Позднее Карнап (65, 68, 69, 71, 72) внёс крайне необходимые уточнения в антипсихологистскую позицию, а У. Селларс в уже названных работах обстоятельно исследовал логический статус правил и поведения, управляемого правилами.

Каким бы в итоге ни оказался наиболее проясняющий анализ символического поведения, управляемого правилами, в его отношении к самим правилам, несомненно одно: если сохранять физический, по крайней мере *физический*$_1$, детерминизм, должно выполняться следующее условие. Состояние мозга человека, думающего, например, о поражении Наполеона при Ватерлоо, должно качественно или структурно отличаться от состояния мозга того же или другого человека, думающего о переходе Цезаря через Рубикон. Этот аспект психологии и физиологии мышления безусловно важен для нашей проблемы.

V. Тождество сознания и тела. Экспликации и доводы в его пользу

Теперь, с понятным трепетом, я перейду к выводам из предшествующего обсуждения и предложу развязку философских узлов. Во многих вопросах меня не оставляют искренние и серьёзные сомнения. Некоторые трудные стороны проблемы ещё требуют большой аналитической работы; пока я могу лишь наметить тот путь решения, который кажется мне особенно правдоподобным.

А. Обзор основных значений и смысловых оттенков «ментального» и «физического». Выводы об их достоинствах и недостатках. Обзоры и обсуждения предыдущих разделов подготовили почву для обобщения и систематической оценки различных характеристик, предлагаемых в качестве определяющих критериев ментального и физического. Среди критериев ментального выделяются два: (1) непосредственный опыт и (2) интеллект. «Непосредственный опыт» синонимичен одному из смыслов «субъективности»: способности переживать, непосредственным

переживаниям, феноменальной данности. «Интеллект» предполагает способность к обучению, целесообразное, направленное на цель поведение, а на человеческом уровне — и интенциональность, символическое поведение. Хотя области применения этих двух критериев фактически отчасти совпадают, такое совпадение, или пересечение, не является логически необходимым. В целом, стало быть, два критерия ментальности определяют два совершенно разных понятия.

«Сознание», как мы уже давно начали подозревать, — многозначный термин или, в лучшем случае, группа понятий с семейным сходством в витгенштейновском смысле. Основные составляющие смысла «интеллекта» можно приписать не только высшим животным, но и «мыслящим машинам», которые мы обычно считаем не просто неживыми, но и лишёнными способности переживать. Непосредственный опыт, напротив, вполне можно приписать некоторым низшим животным, младенцам, людям с глубокой умственной отсталостью или тяжёлыми психическими заболеваниями. Но в каждой из этих групп отсутствуют по крайней мере некоторые, если не все, признаки интеллекта. Кроме того, в современной психологии принято относить к ментальному бессознательные, глубоко вытесненные травмы, тревоги, желания, конфликты и т. д. Это вновь показывает, что непосредственный опыт здесь не служит критерием, даже если, согласно психоаналитическому учению, глубоко вытесненное потенциально доступно сознанию и может быть выведено на его передний план особыми приёмами. Гипнотические и постгипнотические явления также часто предполагают глубоко бессознательные процессы, которые из-за других сходств с сознательными процессами без колебаний относят к ментальным.

Можно было бы ожидать, что термин «физическое», которому мы до сих пор уделяли лишь эпизодическое внимание, гораздо определённее по смыслу, чем «ментальное». К сожалению, дело обстоит наоборот. Некоторые поверхностные и совершенно неудовлетворительные определения «физического» достаточно упомянуть, чтобы сразу отвергнуть. Например, определять «физическое» как «внешнюю» сторону в противоположность «внутренней» ментальной жизни — значит пользоваться вводящими в заблуждение

метафорами. «Внутри» и «снаружи», «внутреннее» и «внешнее» имеют ясный смысл в обычном употреблении. Буквально внутри, например, кожи человека находится большая часть его тела — тело за вычетом кожи, — и это «физическое» по крайней мере в одном вполне добротном смысле слова. Ведь анатомия и физиология изучают физическое строение и функции организмов. Внутри черепа находится человеческий мозг, и он «физичен» в том же хорошо понятном смысле.

Столь же бесполезно определение «физического» как механико-композиционального в противоположность целесообразно-холистическому. Мы уже отвергли такое определение через противопоставление, указав, что «механическое» в строгом смысле — «характеризуемое понятиями и законами ньютоновской механики» — обозначает лишь узкий подкласс физических событий или процессов, если употреблять «физическое» в смысле современной физики, охватывающем также электродинамические, релятивистские и квантово-теоретические характеристики. Если же под «целесообразным» понимать не больше, чем под «телеологическим» и «холистическим», то и в природе, и среди технических устройств существует бесчисленное множество телеологических механизмов, многие из которых обладают типичными чертами органической целостности. Если понимать «целесообразное» в более узком и плодотворном смысле, оно предполагает интеллект, который на человеческом уровне включает интенциональность.

Но тот факт, что некоторые организмы — человеческие — действуют разумно и проявляют символическое поведение, свидетельствующее об интенциональных актах, можно описать интерсубъективно, «физически». Поэтому и он не даёт основания определять физическое, в данном случае *физическое*$_1$, через противопоставление ментальному. При этом остаётся верным, что между объектами и процессами, описываемыми в *физических*$_1$ терминах, существуют различия по крайней мере в степени, нередко весьма значительные, если не фундаментальные, эволюционно-эмерджентные различия: таковы различия в строении и динамике электронов, атомов, молекул, генов, вирусов, одноклеточных и многоклеточных организмов. Огромные различия, например, между про-

стой неорганической структурой и человеком, таким образом, нисколько не отрицаются. Как говорит Кастелл (74), Солнечная система и размышляющий о ней астроном действительно весьма несходны во многих существенных отношениях. (Но дуалистические выводы Кастелла, на мой взгляд, из этого всё же не следуют.)

Эти соображения подсказывают некоторые более плодотворные определения «физического». *«Физическое$_1$»* можно определить как тот род объектов или процессов, которые допускают описание, а возможно, объяснение или предсказание в понятиях языка с интерсубъективной основой наблюдения. В мире нашего типа этот язык, или понятийная система, характеризуется пространственно-временной каузальной структурой. Эта черта нашего мира настолько фундаментальна, что чрезвычайно трудно вообразить мир иного типа, где интерсубъективность с нею не связана. Кантовские утверждения о синтетическом априорном характере этой «предпосылки» можно понять, но принимать их необязательно[34]. Понятие *«физического$_1$»* тесно связано, но отнюдь не равнозначно одному из основных обыденных значений «физического» — наблюдаемому посредством чувственного восприятия. В самом естественном употреблении «чувственно наблюдаемое» явно охватывает твёрдые и жидкие предметы нашего окружения, включая, разумеется, наши собственные тела; чуть менее явно — воздух, который можно почувствовать, если он движется достаточно быстро, или другие газы, если они имеют запах; ещё менее очевидно — некоторые диспозициональные свойства разных видов вещества, такие как твёрдость, упругость, растворимость, плавкость и т. д. И едва ли оно охватывает электрические или магнитные поля, атомы и электроны или тайные мысли других людей.

Но в одном из употреблений «чувственно наблюдаемое» включает и чувства, эмоции, даже некоторые диспозициональные черты личности других людей. Например, мы говорим: «Я видел, как он был разочарован»; «Я вижу, что он склонен к подавленности», и т. д. С точки зрения логического анализа это, возможно, принципиально не отличается от случая физика, который, глядя на фотографию конденсационных треков в камере Вильсона, говорит: «Здесь

[34] Критику этой рационалистической позиции см. у Папа (242); Нагеля (233); Рейхенбаха (275); Фейгла (114).

я вижу столкновение электрона с фотоном». Такие расширительно понимаемые «высказывания наблюдения» настоятельно требуют логического разложения на *непосредственно* проверяемые компоненты и компоненты интерпретации и вывода. Поэтому логический анализ, задача которого — эпистемологическая реконструкция, нужно отличать от феноменологического описания.

С точки зрения феноменологического описания «доаналитические данные» клинического психолога содержат его непосредственное впечатление о некоторых личностных чертах пациентов, подобно тому как суждения опытного врача могут основываться на непосредственном впечатлении о болезни пациента — диабете, рассеянном склерозе, болезни Паркинсона и т. д. Феноменологическое описание — дело тонкое и интересное, но философски оно гораздо менее существенно, чем часто полагают. Немного воспользовавшись аналитическими способностями, мы можем — а для целей эпистемологии должны — отделить непосредственно проверяемую ситуацию от основанных на выводе интерпретаций, то есть заключений о психической или физической болезни. Непосредственно проверяемо, например, то, что пациент очень медленно двигается, опускает голову, говорит тихим голосом; или что у него сухая кожа, фруктовый запах изо рта, дрожат руки и т. д.

Поскольку употребление терминов вроде «психоневроз» устанавливается на интерсубъективной основе и диагнозы психоневрозов благодаря этому поддаются подтверждению, понятие психоневроза очевидным образом является *физическим*$_1$. На *физической*$_1$, приблизительно говоря бихевиористской, основе уже даны и по крайней мере частичные объяснения поведения и субъективного опыта людей с психоневрозами. Мы можем правдоподобно объяснить невротические диспозиции, проследив их причинные связи с детскими обстоятельствами жизни пациента, не обязательно пренебрегая при этом некоторыми биологически унаследованными конституциональными особенностями. Мы можем также предсказать его тревоги, подавленные настроения и т. д. на основе интерсубъективно подтверждаемой информации — например, о предшествующем периоде чрезмерного потакания влечениям «оно», властного или враждебного поведения. Такие *«физические*$_1$*»* объяснения принципиально не отличаются от объ-

яснений, например, роста растений или поведения низших животных. Плохой рост растения можно объяснить песчаной почвой, в которой оно укоренено, недостатком осадков и т. д. Поведение амёбы или некоторые его стороны можно объяснить температурными и химическими условиями её ближайшего окружения.

Различие между психоневрозами и «физическими» расстройствами нервной системы возникает из тех же соображений здравого смысла, которые традиционно вели к противопоставлению «состояний сознания» и состояний тела. Идёт ли речь о нормальных или патологических процессах, когда люди, не искушённые в науке или философии, называют что-либо находящимся «в сознании» или «лишь в сознании», это, по-видимому, означает, что оно недоступно непосредственному чувственному наблюдению. Но есть и положительная характеристика: об этих «состояниях сознания» обычно могут сообщить те, кто их испытывает, а иногда на них можно повлиять разговором. Палки и камни нельзя заставить двигаться, просто разговаривая с ними[35]. Людей, обладающих сознанием, можно побудить к действию внушением, пропагандой, просьбами, приказами и т. д., нередко — просто сообщив им некоторую информацию.

Но как бы ни было важно и интересно такое различие, в научном отношении оно уже не устанавливает фундаментальной границы между неодушевлёнными вещами и людьми, наделёнными сознанием. Уже построены роботы, которые сообщают о своих «внутренних», физических, состояниях и которых можно побудить к действию речью. Однако, если проницательные и учёные люди[36] всерьёз обсуждают, действительно ли у роботов есть ментальная жизнь, включающая мысли и/или чувства, значит, здесь есть вопрос, явно выходящий за пределы чисто *научной и технической* задачи: можно ли построить роботов, чьё поведение воспроизводит все существенные особенности человеческого поведения? Разумеется, нужно спросить, какие именно и насколько полно. Если «мышление» означает деятельность, начинающуюся с «входных» посылок и завершающуюся «выходными» заключениями,

[35] Это утверждение по-прежнему кажется надёжным даже с учётом предполагаемых, но весьма сомнительных «фактов» психокинеза.

[36] Ср. Тьюринг (338); Маккей (216); Спилсбери (326); Скривен (304).

которые дедуктивно или индуктивно следуют из посылок, и если эта деятельность состоит хотя бы в определённых наблюдаемых отношениях между входом и выходом, то некоторые типы роботов или вычислительных машин, несомненно, мыслят. Если под «чувством» понимать то, что имеют в виду логические — или нелогичные? — бихевиористы, то по крайней мере мыслимо (ср. Скривен, 304) существование машиноподобных структур, искусственно созданных или даже естественно возникших в иных звёздных мирах, которые во всём ведут себя и реагируют так, словно у них есть чувства и эмоции[37]. Логически это явно тот же вопрос, что и вопросы: «Чувствуют ли бабочки?», «Испытывают ли боль черви, когда их насаживают на крючок?», «Есть ли чувства у растений?», «Есть ли какой-либо непосредственный опыт у четырёхмесячного человеческого зародыша?» Природу этих вопросов я попытаюсь прояснить в следующем подразделе. Пока достаточно указать: здесь мы имеем дело с различием «ментального» в смысле способности переживать и *физического*$_1$. *Интеллект*, в отличие от способности переживать, явно определим в *физических*$_1$ терминах. Но определима ли так сама способность переживать — возможно, центральное затруднение среди психофизических загадок.

Теперь завершим анализ значений «физического». Мы различили *«физическое*$_1$*»* и *«физическое*$_2$*»*. Под *«физическими*$_1$ *терминами»* я понимаю все эмпирические термины, определение значения которых существенно предполагает логические — необходимые или, чаще, *вероятностные* — связи с интерсубъективным языком наблюдения, а также сами термины этого языка. Следовательно, теоретические понятия физики, биологии, психологии и социальных наук — все по крайней мере *физические*$_1$. Под *«физическим*$_2$*»* я понимаю теоретические понятия и высказывания того рода, которого достаточно для объяснения, то есть дедуктив-

[37] Вопрос в такой форме вовсе не нов. Уильям Джеймс обсуждал его в первом томе «*Принципов психологии*» на примере «автоматической возлюбленной». Э. А. Сингер (319) резко критиковал его, по иронии судьбы апеллируя к собственному принципу прагматизма Джеймса, восходящему к критерию смысла Пирса, который предвосхитил по существу равнозначные позднейшие операционалистские и логико-позитивистские формулировки этого критерия. Но затем Д. С. Миллер (224) подверг острой критике самого Сингера, а много лет спустя (226) на тех же основаниях выступил против гораздо более тонкого лингвистического бихевиоризма Гилберта Райла, изложенного в «*Понятии сознания*».

ного или вероятностного вывода, высказываний наблюдения о неорганической, неживой области природы. Если моя обсуждавшаяся выше гипотеза верна, объёмы теоретических *«физических$_1$»* и *«физических$_2$»* терминов совпадают. Но если в области органических, ментальных и/или социальных явлений существует подлинная эмерджентность, то есть логическая невыводимость, объём *«физических$_2$»* терминов явно уже объёма *«физических$_1$»* теоретических терминов.

Внутри категории *«физических$_1$»* терминов, очевидно, важно различать термины наблюдения и теоретические термины. А среди последних можно выделить несколько уровней — если не логически, то методологически. Так, понятия классической термодинамики образуют один уровень, а понятия статистической, или молекулярной, механики, через которые с некоторыми изменениями можно определить понятия термодинамики, — «более высокий». Понятия молярной теории поведения аналогично соотносятся с понятиями нейрофизиологии более высокого уровня; с соответствующими изменениями это справедливо и для других областей научных теорий.

Итак, выражение «х физично» крайне многозначно. Прежде всего очевидно различие между физическими *языками*, обозначениями физического языка, и физическими *объектами*, обозначаемыми объектами физического языка. Оно сохраняется при обоих дальнейших различениях и для наших целей не требует подробного обсуждения. Например, электромагнитное поле, как и планета Юпитер, — то, что обозначается терминами физического языка. При этом *термины наблюдения физического$_1$* языка служат также основой свидетельств для *физических$_1$* или *физических$_2$* теоретических языков. *Теоретические* термины понимаются здесь как явно не определимые на основе терминов наблюдения (ср. Карнап, 73; Фейгл, 110; Селларс, 315), но задаваемые постулатами и правилами соответствия, которые связывают их с терминами языка наблюдения. Повторю иначе: если выше уровня неживых явлений нет подлинной эмерджентности в логическом смысле, между теоретическими терминами *физического$_1$* и *физического$_2$* языков нет принципиального различия. Это значит, что теоретические термины биологии и психологии явно определимы на основе теорети-

ческих понятий физики в том же смысле, в каком теоретические термины химии, например «химическая связь», сегодня явно определимы на основе теоретических терминов *физического*$_2$ языка, то есть атомной и квантовой теорий.

Центральные вопросы психофизической проблемы, таким образом, сводятся к следующему: определимы ли понятия интроспективной психологии, относящиеся к феноменальным данным или феноменальным полям, на основе *физических*$_1$ теоретических терминов? И если да, определимы ли они также на основе *физических*$_2$ теоретических терминов? Первый вопрос — дело *философского* анализа. Второй на нынешнем уровне научного исследования не решён, хотя лично я — признаю, смело и рискованно — предполагаю, что дальнейшее развитие науки даст на него утвердительный ответ. Теперь мы обратимся главным образом к первому вопросу, хотя время от времени я позволю себе замечания и о втором.

В. Вывод о существовании других сознаний. Бихевиоризм и феноменализм обнаруживают и любопытное сходство, и фундаментальные различия. Согласно логическому бихевиоризму, понятия ментальных состояний, диспозиций и событий — логические конструкции, основанные на *физических*$_1$ характеристиках поведения. Согласно более поздним формулировкам физикализма (Фейгл, 113, 116; Карнап, 73; Селларс, 315), тезис о «логической конструкции» неудовлетворителен и должен быть заменён анализом в терминах постулатов и правил соответствия. Совсем просто и грубо говоря, в материальном способе речи это означает: для физикализма к ментальным состояниям приходят посредством вывода — это «illata» (ср. Рейхенбах, 273). Напротив, современный феноменализм (Карнап, 60; Айер, 12; Гудмен, 135) утверждал, что понятия физических вещей, состояний, диспозиций и событий — логические конструкции на основе понятий, обозначающих явления непосредственного опыта. В «пересмотренной» же версии феноменализма — подлинно реалистической эпистемологии на основе феноменальных данных, которую вообще не следовало бы называть «феноменализмом», — понятия физических объектов вводятся посредством вывода: это «гипотетические конструкты», «illata». Но во многих положениях такое учение согласуется с

классическим критическим реализмом фон Гартмана, Кюльпе, Шлика, Р. В. Селларса, Д. Дрейка, Ч. А. Стронга, Дж. Б. Пратта, А. О. Лавджоя и Дж. Сантаяны. В отличие от критического реализма, существует более раннее учение *нейтрального монизма*, разработанное неореалистами, особенно Э. Б. Холтом и Бертраном Расселом до его позднейшего перехода к критическому реализму, и исторически восходящее к позитивизму и эмпириокритицизму Юма, Милля, Маха и Авенариуса. Рассел (284, 287) оказал главное влияние на раннюю эпистемологию Карнапа (60, 61). Такого рода нейтральный монизм принимали и некоторые психологи — например, Э. Ч. Толмен (336), К. К. Пратт (260) и другие — в предварительных философских замечаниях к своим работам.

Отличительный признак нейтрального монизма — такое понимание «данного», при котором оно (1) бессубъектно, то есть не допускает употребления личного местоимения «я», и (2) «нейтрально» в том смысле, что не характеризуется ни как «ментальное», ни как «физическое». Утверждается, что и менталистские понятия, понятия психологии, и физические, понятия физики, логически конституируются из более основных понятий, обозначающих нейтральные данные. Психология и физика понимаются здесь как более или менее систематическое знание и на уровне обыденной жизни, и на более высоком научном уровне. Если оставить в стороне некоторые специальные логические вопросы, данные, на которых строится эта конструкция, оказываются элементами непосредственного опыта, переживания, и тем самым всё-таки «ментальны» в одном из двух смыслов, которые мы с таким трудом старались прояснить.

Здесь не место обозревать многочисленные доводы[38], выдвинутые против феноменализма. Если эпистемологию на феноменальной основе вообще можно удовлетворительно разработать, эти данные следует понимать как *закономерно* связанные с физическими объектами повседневной жизни. Это означает, что от учения о логическом конструировании, или редукционизме, то

[38] Ср. Фрейтаг (128); Кюльпе (191); Броуд (50, 51); Шлик (298); Рейхенбах (273); Пап (248); Лавджой (204); Р. В. Селларс (307); У. С. Селларс (308); Б. Рассел (288); Нил (179); Бек (24); Фейгл (110, 111); Берлин (35); Уотлинг (342); Брейтуэйт (48); Э. Дж. Нельсон (237, 238). Теперь, после резкой перемены взглядов, к позиции критического реализма близок даже Айер (18).

есть о явной определимости физических понятий через феноменальные, нужно отказаться. Соответствующие логические отношения *синтетичны*, а тезис о переводимости не просто утопичен из-за всегда признававшейся сложности задачи: он совершенно неудовлетворителен, если не донкихотичен. Значение теоремы Крейга в этой связи по-прежнему не производит на меня впечатления (ср. эссе Гемпеля во втором томе *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*). Бесконечное множество постулатов — совсем не то, что когда-либо имели в виду феноменалисты. Полагаю, существуют и другие серьёзные возражения против такой доктрины переводимости. Переводимость, допускаемая теоремой Крейга, касается лишь эмпирического содержания теорий в смысле всех мыслимых высказываний-свидетельств, подтверждающих высказываний, но не в смысле *фактической референции* постулатов и, следовательно, теорем.

С соответствующими изменениями в разных философских и психологических кругах теперь признают[39], что тезис о переводимости высказываний о ментальных состояниях на феноменальном языке в высказывания о периферическом поведении на описательном, а не теоретическом *физическом*$_1$ языке также следует отвергнуть.

Если твёрдо принять этот подход, вывод о наличии способности переживать, непосредственных переживаний, у других организмов на первый взгляд возвращается к своей исходной форме — аргументу по аналогии. Я не сомневаюсь, что аналогия — существенный критерий приписывания способности переживать. Но стоит внимательнее присмотреться к логике этого вывода. Вывод от периферического поведения к центральным процессам, подобно выводу от черепов к находящемуся в них мозгу, интерсубъективно подтверждаем в том смысле, что в принципе доступны независимые интерсубъективные свидетельства истинности заключений. Но именно этого нет в случае заключений о ментальных состояниях, если под ними — способностью переживать, непосредственными переживаниями — понимать нечто, не отождествимое ни с внешним поведением, ни с центральными нервными состояниями

[39] Ср. Гемпель (146); Карнап (64, 67, 73); Кауфман (175); Джейкобс (163); Пап (242, 243, 245, 248); Айер (18); Фейгл (113, 116); Кронбах и Михл (79); Скривен (306).

или процессами, то есть явно не определимое в *физических*$_1$ терминах[40]. Если бы, вопреки принятому подходу, такие отождествления были возможны, то есть если бы явное определение можно было правдоподобно предложить как анализ значения феноменальных терминов, никакие выводы по аналогии действительно не требовались бы. Тем не менее соображения аналогии могли бы подсказывать, хотя никогда не определять окончательно, терминологические соглашения, по которым мы применяем или не применяем феноменальные термины к поведению животных и растений, не говоря уже о неживых вещах.

Если же феноменальные термины логически несводимы к физикалистским, наиболее правдоподобной альтернативой становится параллелистский, эпифеноменалистский, дуализм. Интеракционистский дуализм гораздо хуже защищён эмпирически, а его методологическая установка слишком пораженческая, чтобы современная наука могла его принять (ср. раздел II). Но и эпифеноменализм обычно вызывал возражения: он отрицает каузальную действенность непосредственных переживаний и вводит своеобразные законоподобные отношения между мозговыми и ментальными событиями. Эти законы корреляции совершенно отличаются от любых других законов *физической*$_2$ науки. Во-первых, они представляют собой номологические «повисающие» отношения: связывают интерсубъективно подтверждаемые события с событиями, которые *по условию гипотезы* в принципе недоступны независимому интерсубъективному подтверждению. Поэтому наличие или отсутствие феноменальных данных не составляет такого различия, которое могло бы хоть как-то сказаться на подтверждающих *физических*$_1$ данных наблюдения — публично наблюдаемом поведении или, впрочем, нервных процессах, которые нейрофизиологи наблюдают либо выводят. Во-вторых, эти законы корреляции, в отличие от других корреляционных законов естествознания, опять-таки по условию гипотезы, были бы абсолютно невыводимы из посылок даже самого всеохватывающего и

[40] Так я кратко формулирую загадку «других сознаний» в том виде, в каком она понимается в длинной, незавершённой серии статей Джона Уиздома (354), посвящённых мучительному разбору этой проблемы и в работах многих других авторов, в особенности: Карнап (61, 62); Шлик (299); Айер (15, 18); Остин (10); Пап (243, 248); Хэмпшир (141); Уотлинг (341); Меллор (223).

обогащённого набора постулатов любой будущей теоретической физики или биологии.

Неудивительно, что после периода примирения с эпифеноменализмом в прошлом столетии — у Т. Г. Гексли и других — бихевиористское движение в психологии набрало силу и приобрело беспрецедентное влияние во множестве областей. Бихевиористы по-своему вытеснили проблему. Они либо *отрицали* существование непосредственных переживаний — материализм; либо определяли их в *физических*$_1$ терминах наблюдения — логический бихевиоризм; либо утверждали, что предметом научной и экспериментальной психологии может быть только поведение — методологический бихевиоризм, оставляющий существование непосредственных переживаний открытым вопросом, но не относящим его к науке. Надеюсь, предшествующее обсуждение ясно показало, что бихевиоризм в первом смысле абсурдно ложен; во втором — неудовлетворителен как логический анализ значения феноменальных терминов; в третьем же — представляет собой, несомненно, плодотворную, но ограниченную исследовательскую программу, из которой не следует никакого вывода, прямо относящегося к центральному философскому вопросу.

Отказ от радикального и логического бихевиоризма предполагает принятие некоторого параллелистского учения. Недавние доводы в пользу этой позиции[41] на первый взгляд весьма убедительны. Основная мысль проста: каждый из нас знает собственные состояния непосредственного опыта через знакомство, а рассуждая по аналогии, может выводить сходные состояния опыта у других, хотя непосредственно наблюдать их никогда не может. Непосредственное наблюдение ментальных состояний других людей теперь обычно считают *логически* невозможным. Например, сослагательное условное высказывание «Если бы я был тобой, я испытывал бы твою боль» не просто противоречит фактам, но и противоречит логике: его условие содержит прямое противоречие. Видимость правдоподобия возникает здесь благодаря совсем иным, вполне правомерным сослагательным условным высказываниям: «Если бы у меня была сломана нога, как у тебя, я чувствовал бы боль» или «Если бы у меня были некоторые черты твоей личности, лесть

[41] У Папа (243); Хэмпшира (141); Уотлинга (341); Айера (18).

доставляла бы мне удовольствие». Но логическая грамматика личных собственных имён и местоимений такова, что сказать в разумно построенном и истолкованном языке «Смит — это Джонс» или «Я — это ты» — прямое самопротиворечие. Нельзя и помыслить, чтобы Монблан был тождествен Эвересту!

Косвенная проверка или подтверждение высказываний о ментальных состояниях других людей, однако, явно возможна, как только мы установили для собственного случая законы корреляции между Ф и ψ. Как мы уже отмечали, в принципе наиболее непосредственно их можно было бы установить с помощью аутоцереброскопа. На уровне повседневной жизни корреляции между нервными и ментальными состояниями, разумеется, совершенно неизвестны. Но при вероятностном приписывании ментальных состояний мы постоянно пользуемся множеством поведенческих показателей. Логический анализ (Карнап, 73; Скривен, 306; Фейерабенд, 119; Уотлинг, 342; Фейгл, 110, 111, 112, 114), по-моему, довольно убедительно показал необходимость различать основания подтверждения и фактическую референцию понятий и высказываний. Поведенческие показатели служат свидетельствами для приписывания ментальных состояний. Лишь человек, переживающий данное состояние, может непосредственно удостовериться в его наличии. Но нет никаких оснований предполагать, что, когда А сообщает о своём ментальном состоянии, а В говорит о нём на основе поведенческих или, если это осуществимо, нейрофизиологических данных, они говорят не об одном и том же ментальном состоянии. Именно так и понимается обычное общение. Например, если врач за мгновение до вскрытия моего нарыва говорит: «Сейчас будет больно», непосредственно проверить это предсказание могу я. К тому же большинство из нас с детства учится скрывать мысли, чувства и настроения, притворяться, разыгрывать роли и т. д. Поэтому мы с полным основанием можем сказать, что поведенческие симптомы ненадёжно указывают на ментальные состояния. В свете основных принципов обычной индукции и аналогии, предполагающих соображения симметрии, солипсизм с его произвольными асимметриями следует считать абсурдно ложным, а не бессмысленным учением.

Если бы мы располагали совершенно адекватным и подробным знанием нервных процессов в человеческом мозге, а также законов корреляции ψ–Ф по типу «один к одному» или хотя бы «один ко многим», описание нервного состояния служило бы совершенно надёжным свидетельством, или подлинным критерием, наличия соответствующего ментального состояния. Если эти центральные нервные события — необходимые промежуточные звенья каузальной цепи, связывающей стимулы с реакциями, то центральные состояния вероятностно выводимы из ситуаций «стимул — реакция». В этом отношении их логический статус сходен со статусом ментальных состояний, выводимых из поведения в повседневной жизни или на основе психологических тестов. Поэтому можно спросить: действительно ли для полной логической реконструкции научного приписывания ментальных состояний другим людям нужны два шага вывода — сначала от внешнего поведения к центральным нервным событиям, затем от нервных событий к ментальным состояниям? Я вернусь к этому вопросу в подразделе Е, где рассмотрю доводы за и против отождествления непосредственных переживаний с денотатами некоторых теоретических *физических*$_1$ или *физических*$_2$ понятий.

С. Познавательные функции знакомства. Различные значения «знакомства» и «знания через знакомство» мы разграничили в разделе IV.А. Теперь нас интересует, какую роль знакомство и знание через знакомство играют в научном познании, особенно в психологии. Первый вопрос, который я хотел бы обсудить, касается познавательного «приращения», то есть предполагаемых преимуществ знания через знакомство перед знанием по описанию. Можно спросить, например: что знает зрячий человек такого, чего не мог бы знать слепой от рождения? Или, воспользовавшись двумя примерами Эддингтона (93, 94): что мог бы знать о действии шуток человек, лишённый чувства юмора? Мог бы марсианин, совершенно не знающий ни сострадания, ни благоговения, понять, что происходит на церемонии в память о перемирии? Ради рассуждения допустим полную физическую — в смысле 1 или 2 — предсказуемость и объяснимость поведения людей, наделённых зрением, чувством юмора и способностью благоговеть. Тогда марсианин мог бы предсказывать все реакции землян, включая речевые

высказывания, в ситуациях, связанных с их зрительным восприятием, смехом над шутками или торжественным поведением на памятной церемонии. Но по условию у марсианина совершенно отсутствовала бы та способность к образному представлению и сопереживанию, которая зависит от близкого знакомства — непосредственного знакомства — с теми видами квалиа (qualia), которые предстоит вообразить или ощутить, сопереживая другому.

Как мы уже отмечали, «знание» квалиа, то есть «знакомство» с ними, не является необходимым условием «знания о» них, иначе говоря, знания, полученного путём вывода. Психиатр может очень многое знать о крайних состояниях маниакальной эйфории или глубочайшей меланхолической депрессии, сам никогда не испытав ничего даже отдалённо подобного. В этом случае, правда, нужно признать, что он может составить себе «представление» об этих крайних состояниях, мысленно продолжая за пределы знакомого более слабые приступы подъёма или подавленности, которые, как и все люди, знает через знакомство. Но иначе обстоит дело с наблюдателями, от рождения лишёнными знакомства с целой модальностью непосредственного опыта. Таковы слепые или глухие от рождения, а также наш воображаемый марсианин, которому вообще неведомы эмоции и чувства. Однако, думаю, в таком же положении оказываются и люди, наделённые всем многообразием нормального чувственного и эмоционального опыта, когда вводят в свою науку такие теоретические понятия, как электромагнитные или гравитационные поля, электрические токи и ядерные силы. Мы «знакомы» с воспринимаемыми вещами, свойствами и отношениями, составляющими соответствующие основания подтверждения: они подсказывают введение этих понятий в систему науки вообще или оправдывают их применение в отдельных случаях наблюдения.

Для нашего обсуждения не столь существенно, пользуемся ли мы более узким, философским понятием непосредственного знакомства, ограниченным квалиа непосредственных переживаний, или более широким, обыденным либо физикалистским понятием знакомства, включающим непосредственно наблюдаемые свойства и отношения окружающих нас в повседневной жизни предметов. По-моему, вполне осмысленно сказать, что «природа» электриче-

ских токов или сил внутри атомных ядер не известна нам через знакомство. И хотя слепые от рождения не знакомы с цветовыми качествами и зрительными формами, они всё же могут путём вывода узнать по крайней мере об их нервных коррелятах — процессах в затылочных долях мозга зрячих людей. «Внутренняя природа» этих нервных процессов остаётся неизвестной слепому учёному через знакомство, подобно тому как «внутренняя природа» электрического тока остаётся неизвестной учёным, которые обладают зрением, видели электрические машины и провода, ощущали покалывание или удары тока, видели электрические искры, чувствовали выделяемое током тепло, снимали показания вольтметров и амперметров, наблюдали химическое и магнитное действие токов и т. д.

Надеюсь, читатели не заподозрят меня в склонности к обскурантизму. Я совершенно не разделяю мнения, например бергсоновского, будто подлинное знание обретается только в непосредственном знакомстве или интуиции. Во «Введении в метафизику» Бергсон парадоксальным образом утверждал, что метафизика — интуитивное знание внутренней реальности — есть «наука, совершенно обходящаяся без символов». Я, напротив, хочу утверждать, что подлинное знание всегда символично: и знание через знакомство, выраженное в высказываниях непосредственного интроспективного отчёта, и знание по описанию, представленное, например, гипотезами современной ядерной физики. Если бы мы знали всё об электричестве, магнетизме, ядерных силах и т. д., то есть располагали полным набором относящихся к ним законов, это было бы всё, чего мы могли бы желать от научного познания. Всё, что «знакомство» прибавило бы к этому знанию, сводилось бы к образам, не имеющим познавательного значения. С поэтической или художественной точки зрения такие образы могли бы быть желательны. Иногда они могли бы помогать в исследовании или преподавании, но даже тогда оставались бы лишь вспомогательными картинками, нередко опасно вводящими в заблуждение. «Не делай себе кумира и никакого изображения…»

Мир, каков он есть, конечно, может быть познан по описанию — в любой своей части или аспекте — лишь при условии, что где-то у нас есть опора в непосредственном знакомстве. Это, на мой

взгляд, один из краеугольных камней всякой эмпиристской эпистемологии, старой или новой. Но новый эмпиризм последних лет признал, что не столь уж важно, какие именно области знакомства доступны или фактически используются для «триангуляции» фактов или сущностей за пределами непосредственного знакомства. Ещё раз подчеркну: человек, слепой и глухой от рождения, в принципе мог бы построить и подтвердить полную систему естественных наук, включая астрономию, и общественных наук, включая психологию зрения и слуха, а также психологию восприятия искусства и музыки! Разумеется, обычно такой человек, подобно Хелен Келлер, зависел бы от сведений, получаемых от людей со зрением и слухом.

Но допустим, что такой человек мог бы долго прожить как единственный наблюдатель и обладал бы исключительным умом и изобретательностью. Тогда нетрудно представить себе разнообразные современные приборы и устройства — с фотоэлементами, усилителями, электромагнитными индикаторами и т. д., — которые он мог бы изобрести, чтобы обнаруживать звёзды, определять химический состав веществ, изучать поведение животных и т. п. В конечном счёте всё это было бы ему доступно, например, через осязательное считывание тех или иных показаний приборов. Это лишь образный способ сказать, что «номологическую сеть», то есть систему научных понятий и законов, можно «закрепить» различными способами: либо в нескольких чувственных модальностях, как обычно и бывает, либо даже в одной. Конечно, в обычном случае «триангуляция сущностей в логическом пространстве» гораздо легче и надёжнее. Но, как мы уже отмечали, и нормального восприятия без вспомогательных средств совершенно недостаточно для подтверждения наших знаний о радиоволнах, инфракрасном, ультрафиолетовом и гамма-излучении, космических лучах, молекулярной и атомной структуре вещества, движении и других физических и химических характеристиках звёзд и галактик и т. д. Сложные приборы и остроумные теоретические построения необходимы и при нормальном, многомодальном восприятии. Различие между людьми, располагающими всеми обычными органами чувств, и слепоглухими — лишь различие в степени или

в скорости, с которой они приобретают знание о мире, в котором живут и частью которого являются.

Подобные соображения применимы и к преимуществам, которыми люди с полным набором чувственных способностей обладают в области психологического и лингвистического, или описательно-семантического, знания. Если в ходе обычного воспитания я научился применять феноменальные термины вроде «красный», «зелёный», «запах сирени», «запах розы», «сладкий», «кислый» и т. д. к квалиа собственного непосредственного опыта, то мне гораздо легче предсказать, как другие люди применят эти термины при определённых зрительных, обонятельных или вкусовых стимулах. Но предсказания такого рода основаны на выводе по аналогии и в принципе могут быть заменены другими способами предсказания, поскольку различительное и речевое поведение других людей поддаётся интерсубъективной проверке. Кроме того, если бы у нас было полное нейрофизиологическое объяснение различительных и речевых реакций, мы могли бы вывести их из вызывающих их состояний мозга, которые, в свою очередь, были порождены чувственной стимуляцией. Точно так же надёжность эмпатического понимания в повседневной жизни или «клинической интуиции» в практике психолога в конечном счёте должна оцениваться посредством интерсубъективных проверок. Однако быстрота, с которой работают эмпатия или интуиция, зависит от широты и богатства «опыта» судящего. Зависит она и от того, подвергает ли он свои суждения критической проверке.

Если тип личности психолога резко отличается от типа личности испытуемого, психологу придётся исправлять свои первые интуитивные впечатления, нередко — вплоть до их полной противоположности. Например, крайнему экстраверту трудно «понять» крайнего интроверта, и наоборот. Но при большом сходстве личностей интуиция может срабатывать сразу и даже довольно часто оказываться верной. Во всех таких случаях роль непосредственного знакомства состоит лишь в том, что в собственном опыте человека присутствуют хорошо знакомые ему черты и закономерности, которые он поэтому быстро проецирует на других и использует при истолковании их поведения. Я заключаю, что преимущества непосредственного знакомства относятся к контексту откры-

тия (ср. Рейхенбах, 273), а не к контексту обоснования. Все рассмотренные примеры принципиально не отличаются от очевидных примеров людей с «богатым опытом» в сравнении с людьми, чей «опыт ограничен», — в самом обычном смысле этих слов. Тот, кто основательно знаком с погодой Миннесоты или с ведением дел в Конгрессе Соединённых Штатов — возьмём две весьма разные иллюстрации одной и той же мысли, — сможет гораздо быстрее делать выводы и, как правило, надёжнее предсказывать события, чем тот, у кого не было возможности долго наблюдать ни то ни другое.

Философски интересные вопросы о знакомстве, думаю, имеют иной характер. Лучше всего выразить их, спросив, например: чего именно слепой не может знать о цветовых качествах? Чего именно марсианин, лишённый эмоций, не мог бы знать о человеческих чувствах и переживаниях? Если допустить полную физическую, то есть по меньшей мере *физическую*$_1$, предсказуемость человеческого поведения — в той мере, в какой её вообще могла бы обеспечить самая развитая физическая наука будущего, — то ясно, что слепому или марсианину недоставало бы лишь *знакомства* и *знания через знакомство* в некоторых областях мира квалиа. Отсутствие знакомства означает отсутствие у них соответствующих квалиа опыта; а вытекающее отсюда отсутствие знания через знакомство сводится к неспособности обозначить эти квалиа теми терминами, которыми субъект или другой субъект прежде пользовался, встречаясь с ними в непосредственном опыте. Но просто иметь опыт, или переживать («erleben»), — ещё не значит знать в каком бы то ни было смысле. «Знание через знакомство», как мы здесь его понимаем, пропозиционально: оно содержит притязания на истину. И хотя оно не безошибочно, в благоприятных обстоятельствах оно настолько надёжно, что мы редко колеблемся назвать его «достоверным». Во всяком случае, оно остаётся последним основанием подтверждения всех притязаний на знание.

Во многих предшествующих рассуждениях мы предполагали, что то, что один человек имеет и знает через знакомство, может быть тождественно тому, что другой знает по описанию. Цветовые переживания зрячего известны ему через знакомство, но слепой может знать о тех же самых переживаниях путём вывода, или по

описанию. В конце концов, применительно к отдельному цветовому переживанию это верно и тогда, когда другой человек обладает зрением. Другой человек не имеет — и немыслимо, чтобы имел, — нумерически тождественного переживания (см. выше, раздел IV.A). Почему бы тогда не заключить, что психолог-бихевиорист может «триангулировать» непосредственные переживания других людей? По-моему, именно это он и делает, если отказывается от узкой периферической позиции, то есть позволяет себе вводить теоретические понятия, лишь логически связанные с понятиями внешнего молярного поведения, но никогда явно через них не определимые. Эти состояния, возможно, незнакомые по собственному опыту, бихевиорист вынужден вводить ради теоретического объяснения внешнего поведения; он, уже не «радикальный» бихевиорист, ссылается на них как на центральные причины периферических поведенческих симптомов и проявлений. Они вполне могут быть тождественны референтам феноменальных терминов — терминов знакомства, — которыми испытуемый пользуется, интроспективно описывая собственный непосредственный опыт. Как уже отмечалось, в обычном разговоре о собственных ментальных состояниях мы безоговорочно предполагаем это тождество. Учёным пришлось долго упражняться в философском сомнении, прежде чем они поставили это допущение под вопрос.

Однако философское сомнение, здесь, как и в других случаях[42], хотя и побуждает искать ясность, в конечном счёте возникает из понятийной путаницы. Мы научились избегать этой путаницы и тем самым с чистой философской совестью возвращаться хотя бы к некоторым убеждениям здравого смысла. Мы поняли, что философские сомнения, в отличие от обычных эмпирических сомнений, нельзя устранить логическим доказательством или экспериментом. Логически показать можно лишь то, как используются некоторые вводящие в заблуждение расширения значений терминов или отступления от их осмысленного и плодотворного употребления в обыденном или научном языке. Так, сомневаться в самой возможности знания о «приватном» опыте других людей — значит лишь философски расширять обычные и вполне законные сомнения,

[42] Например, в вопросах индукции, надёжности памяти, достоверности восприятия и т. д.

возникающие в отдельных случаях, например когда мы спрашиваем: «Действительно ли он так разочарован, как можно подумать по его поведению?» Это значит смешивать практические трудности познания с его якобы принципиальной невозможностью. В полной мере осознав болезнь философского скептицизма, можно излечиться от неё посредством своего рода самоанализа. Здесь я имею в виду логический анализ, хотя в некоторых случаях может помочь и психоанализ — или даже оказаться необходимым.

Итак, допустим, что референты терминов знакомства и теоретических *физических*$_1$ терминов в некоторых случаях могут быть тождественны. Само по себе это ещё не решает спор между монизмом и дуализмом. Как мы видели в предыдущем подразделе, вывод к непосредственным переживаниям других людей можно *логически* отличить от вывода к их центральным нервным процессам. Дуалистический параллелизм или эпифеноменализм вполне совместим с утверждением тождества субъективно обозначенного ментального состояния и интерсубъективно выводимого состояния, необходимого для объяснения молярного поведения. Ментальное состояние логически отличимо от «коррелирующего» с ним нейрофизиологического состояния. В самом деле, как отмечалось в разделе III, пункте 4, говорить о корреляции не имеет смысла — во всяком случае, обычного смысла, — если отношение «корреляции» есть отношение тождества. Этим решающим вопросом мы займёмся в следующих двух подразделах.

Но прежде чем перейти к обсуждению тождества и отождествления, подытожим некоторые важные выводы нашего рассмотрения знакомства. Данные непосредственного опыта выступают в трёх ролях. Во-первых, когда типичные структуры и закономерности данных одного человека используются для интуитивного или эмпатического приписывания сходных структур и закономерностей непосредственного опыта или даже бессознательных процессов другим людям, эти данные подсказывают соответствующие предположения, но сами по себе никогда не дают достаточно прочного обоснования притязаниям на знание о ментальной жизни других. Чтобы такие выводы получили научно приемлемую степень подтверждения, нужны дополнительные клинические, экспериментальные или статистические исследования поведения этих

людей. Во-вторых, несмотря на это — и с философской точки зрения это ещё важнее, — данные непосредственного опыта от первого лица в конечном эпистемологическом анализе служат основанием подтверждения *всех* видов фактических притязаний на знание. Здесь вновь выражена сама суть эмпиристского тезиса. Но, в-третьих, данные бывают также *объектами* — целями, референтами — некоторых притязаний на знание, а именно тех высказываний, которые касаются только наличия непосредственных переживаний или любых закономерностей, если таковые вообще существуют, формулируемых о непосредственных переживаниях в чисто феноменальных терминах. В качестве примеров последних назову трёхмерное упорядочение цветовых квалиа по цветовому тону, светлоте и насыщенности; закономерности постепенного угасания во времени сильных эмоций — радости, ярости, ликования, смущения, сожаления, горя и т. д.; закономерные корреляции, например, между переживаемым содержанием грёз наяву и сопутствующими эмоциями надежды или страха. Во всех таких случаях, принадлежат ли непосредственные переживания нам самим или кому-то другому, они являются объектами наших притязаний на знание или референтами определённых терминов в описывающих их предложениях. Я подчёркиваю это потому, что новейшие эмпиристские эпистемологии, сосредоточившись на основаниях подтверждения наших притязаний на знание и на высказываниях наблюдения, формулирующих подтверждающие или опровергающие свидетельства, склонны были упускать из виду случаи, когда предметом притязания на знание служит состояние или закономерность непосредственного опыта.

Свидетельство и референт совпадают лишь в высказываниях о непосредственных данных опыта от первого лица. Во всех остальных случаях они явно различны: например, когда референтом служит положение дел во внешнем для наблюдателя мире или же внутри его собственного тела в анатомическом и физиологическом смысле, будь то состояние неорганических вещей или процессы в организмах. Даже собственный непосредственный опыт, относящийся к иному моменту времени, чем настоящий, и, конечно, непосредственный опыт других организмов или людей нумерически отличны от данных, служащих подтверждающими свидетель-

ствами. Итак, данные непосредственного опыта выступают либо как верификаторы, либо как референты притязаний на знание.

D. Редукция и отождествление в научных теориях. Чтобы решить, можно ли в каком-либо смысле отождествить ментальное и физическое, необходимо хотя бы бегло рассмотреть логику редукции и отождествления в науках, прежде всего в физике, биологии и психологии. Эти размышления не дадут нам полного решения проблемы, но помогут продвинуться к нему и подскажут некоторые мысли.

В разделе II мы отметили и кратко обсудили, что развитие научных теорий по существу состоит в сведении многообразных, первоначально разнородных наблюдаемых фактов и закономерностей к единой системе объясняющих понятий и постулатов. Обычно говорят, например, что видимый свет есть электромагнитное излучение в определённом интервале длин волн; что поваренная соль есть NaCl; что намагниченное железо — это совокупность атомов железа с характерным спином некоторых их электронов; что носители наследственных признаков — гены в хромосомах половых клеток; что по крайней мере кратковременные следы памяти — реверберирующие цепи (reverberating circuits) в ансамблях клеток мозга и т. д. Связка «есть» в этих предложениях выражает тождество. Но по способу установления такие тождества отличаются от аналитических тождеств чистой логики и математики. В качестве простейших примеров последних возьмём общую теорему теории множеств «$[S \vee T] = -[-S \cdot -T]$» и частное арифметическое тождество «$\sqrt{64} = 2^3$»: они верны в силу принятых определений и принципов логики или арифметики.

Однако тождества, устанавливаемые в фактуальных науках, подтверждаются на основе эмпирических свидетельств. Это очень похоже на эмпирически устанавливаемое тождество Шекспира — или, быть может, Марло? — с автором «Гамлета» либо автора «Гамлета» с автором «Короля Лира». Разумеется, существуют и такие эмпирически устанавливаемые тождества, как тождество Туллия и Цицерона, Уильяма Томсона и лорда Кельвина, вечерней звезды и утренней звезды. Во всех этих примерах перед нами экстенсиональные тождества индивидов, названных или однозначно описанных двумя и более способами. Когда речь идёт о свойствах

— универсалиях, — тождество может быть интенсиональным (intensional) либо экстенсиональным (extensional). Пример первого — тождество ре-диеза и ми-бемоля в равномерно темперированном музыкальном строе. Пример второго — тождество химического элемента с атомным номером, или зарядом ядра, 20 и кальция, характеризуемого как составная часть известняка, имеющего атомный вес 40, температуру плавления 810 °C, удельную теплоёмкость 0,169 при 20 °C и т. д.

В случае аналитических тождеств индивидов или свойств можно говорить соответственно о синонимии имён или предикатов. Разумеется, это относится и к двухместным, трёхместным и т. д. предикатам, то есть к диадическим, триадическим и т. д. отношениям. Так, «раньше, чем» логически синонимично выражению «предшествует во времени» или обращению отношения «позже, чем». Тождество класса разумных животных с классом двуногих без перьев, если не считать ощипанных птиц, или с классом смеющихся животных, если не считать гиен, — *экстенсионально и эмпирично*. Конечно, экстенсиональное тождество, будь оно логически необходимым или эмпирическим, следует из интенсионального, но не наоборот. Уже нет оснований недоумевать по поводу того, что тождество является отношением. Надлежащая экспликация тождества состоит просто в признании, что один и тот же индивид или универсалия может обозначаться разными именами или описываться с помощью разных характеристик. Это можно, хотя и не обязательно, выразить так: полностью эксплицированное отношение тождества сводится к трёхместному отношению между именами (L) или описаниями (D) и референтом (R). Следующие схемы представляют простейшие образцовые случаи.

$$L_1 \rightarrow R \leftarrow L_2 \text{ или } L \rightarrow R \leftarrow D \text{ или } D_1 \rightarrow R \leftarrow D_2$$

Поскольку я не номиналист — доводы Куайна, Гудмена и Уайта (269, 242) меня не убедили, — я не вижу препятствий к введению универсалий в качестве референтов предикатов или отношений. А поскольку я не платонический реалист, я вполне готов считать разговор об универсалиях удобным способом выражения, façon de parler, а не чем-то имеющим глубокое «онтологическое» значение. В предыдущем примере я рассматривал «ре-диез» и «ми-бемоль» как разные обозначения одного и того же вида слы-

шимого музыкального тона. Точно так же я не вижу никаких оснований отрицать, что «кальций» и «элемент с атомным номером 20» обозначают один и тот же вид вещества. Это означает, что тождество универсалий, если оно не основано на логической синонимии интенсионалов, может сводиться лишь к экстенсиональной — в данном случае эмпирической — эквивалентности двух классов.

На первый взгляд отождествления, достигаемые с помощью научных законов и теорий, представляются случаями совпадения объёмов, то есть экстенсиональной эквивалентности. Это несомненно верно для отождествлений, основанных на эмпирических законах. Металл, характеризуемый по теплопроводности, может быть тождествен металлу, характеризуемому по электропроводности. Установление тождества в данном случае зависит от справедливости закона Видемана — Франца, согласно которому между этими двумя видами проводимости существует линейная зависимость. Я согласен, что слово «тождество» имеет лишь одно значение, определяемое правильно понятым лейбницевским принципом *identitas indiscernibilium*, тождества неразличимых. Но для наших целей существенны способы установления тождества. Поэтому я позволю себе терминологическую вольность и буду говорить о разных видах тождества: (1) логическом и (2) эмпирическом; а внутри второго выделю тождества (a) случайные, (b) номологические и (c) теоретические. На более точном, но и более громоздком языке это означало бы различение способов установления тождества или видов значимости, которыми могут обладать утверждения о тождестве.

Тождество класса разумных животных с классом двуногих без перьев можно считать не только логически контингентным, но и эмпирически случайным — в том же смысле, в каком мы считаем эмпирически случайным тождество города, где находится правительство Соединённых Штатов, и города, в котором 17 января 1956 года в 11 часов утра температура составляла, скажем, 43 °F, атмосферное давление — 30 дюймов ртутного столба, а относительная влажность — 89 процентов. Референт этих описаний — один город, Вашингтон, округ Колумбия. Это тождество индивидов. Номологические тождества опираются на эмпирические законы; теоретические тождества зависят от постулатов и опреде-

лений научной теории. Поскольку все виды тождества, кроме логического, устанавливаются на основе эмпирических свидетельств, они должны формулироваться в синтетических высказываниях.

Однако возникает соблазн считать некоторые прочно установленные теоретические тождества аналитическими. Например, если «давление газа» определяется через сумму импульсов, передаваемых молекулами газа стенкам сосуда, то, конечно, в контексте кинетической теории газов отождествление давления с суммой молекулярных импульсов аналитично. Но, как разъяснил Эрнест Нагель (230), если под «давлением газа» понимать его свойство, измеряемое манометрами и имеющее ряд хорошо известных закономерных связей с объёмом, температурой и т. д., то есть «проявляющееся» различными способами, тогда связь давления газа — «макропонятия» — с определёнными аспектами молекулярного движения, несомненно, была открытием, которое принесло новую информацию. Это явно *синтетическое* знание. Однако интересный момент, делающий столь соблазнительным взгляд на эту связь как на аналитическую, стоит краткого обсуждения. Дело не просто в столь превозносимой произвольности определений[43]. Дело скорее в том, что макросвойства и макрозакономерности газов можно вывести[44] из допущений молекулярно-кинетической теории. Полноценная микротеория теплопроводности, конвекции, диффузии и т. д. позволяет нам, помимо прочего, вывести закономерности работы таких измерительных приборов, как манометры, термометры и т. д. Увеличение объёма газа в газовом термометре — непосредственное логическое следствие предполагаемого увеличения средних скоростей составляющих его молекул, а также

[43] Произвольное в определениях обычно малоинтересно и несущественно, в отличие от того, что в них не произвольно.

[44] Обычно предполагалось, что эти выводы дедуктивны. Но некоторые посылки здесь — статистические законы; поэтому часть выводов, приводящих к описательно-наблюдательным заключениям или заключениям об эмпирических закономерностях, имеет вероятностный характер. Строгие дедукции, однако, можно найти в классической термодинамике, классической электродинамике, теории относительности и других «классических» научных теориях. Даже в статистической механике одни выводы строго дедуктивны, а другие имеют столь высокую вероятность, что для практических целей их можно считать «почти» дедуктивными.

начальных и граничных условий, характеризующих микросостояние прибора. Совершенно аналогичные соображения применимы к электронной теории электрических токов и измерению электродвижущей силы и силы тока с помощью таких приборов, как вольтметр и амперметр.

Объяснение макроповедения организмов ищут методологически сходным путём. Нейрофизиологические законы и состояния нервной, эндокринной, мышечной и других систем, по-видимому, окажутся достаточными для объяснения даже столь сложного и тонко организованного поведения, как человеческое. Если отвлечься от в конечном счёте, возможно, неизбежных статистических аспектов некоторых законов или допущений о начальных и граничных условиях, нейрофизиология будущего — 3000 года н. э.? — должна дать полные дедуктивные выводы поведенческих симптомов различных центральных состояний, ψ-коррелятами которых служат знакомые нам ощущения, восприятия, мысли, убеждения, желания, воления, эмоции и чувства, известные через знакомство и описываемые на феноменальном языке. Пожалуй, следует пояснить: я не столько пытаюсь убедить читателя в осуществимости научной программы, которая может казаться ему совершенно утопической и донкихотской. Я скорее стремлюсь рассуждать условно: если эта физикалистская программа осуществима, то возникло бы нечто вроде эмпирического отождествления референтов понятий молярной теории поведения с референтами некоторых нейрофизиологических понятий. В логическом и методологическом отношениях это было бы вполне аналогично отождествлению, например, свойства магнетизма, как оно понимается в макротеориях физики, с определёнными микроструктурами и процессами, включающими электронные спины и т. д. и приписываемыми атому и квантовой динамике ферромагнитных веществ. Эти отождествления, как и все подобные им[45], кажутся аналитическими лишь благодаря упомянутым отношениям выводимости, которые, как мы знаем или полагаем, существуют между микроте-

[45] Например: поваренная соль = NaCl; единицы наследственности = гены; свет = электромагнитные волны; химическая связь = электромагнитные силы, действующие между атомами внутри молекулы; следы памяти = реверберирующие нервные цепи; и т. д.

оретическими и макрономологическими либо макроописательными суждениями.

Однако более точный анализ неизменно обнаруживает где-то в контексте таких научных объяснений синтетический, эмпирический момент. Где именно он обнаружится, во многом зависит от характера логической реконструкции, посредством которой мы анализируем эти объяснения. В случае длины ртутного столбика в термометре или объёма газа в газовом термометре вывод их соответствующего увеличения при повышении температуры столь непосредствен, что «тождество» обманчиво предстаёт логическим. Но и здесь участвуют эмпирические закономерности. Помимо соотношения коэффициентов теплового расширения газа или ртути и стекла прибора, необходимо учитывать законы геометрической оптики о ходе световых лучей и законы психофизики и психофизиологии, касающиеся зрительного восприятия ртутного столбика или указателя, например капли чернил, в газовом термометре.

Таким образом, место, где мы решаем провести границу, или «перегородку», между данными наблюдения и выводимым положением дел, определяется удобством эпистемологической реконструкции. Но где-то провести её необходимо, если мы не хотим упустить из виду эмпирический характер отношения между данными и *illata*. В одной из реконструкций высказывания о данных касаются наблюдаемых явлений повседневной жизни. Такую эпистемологию предпочитают Поппер, Карнап, Рейхенбах, Гемпель, Райл, Блэк, Скиннер и У. Селларс. В этом отношении они согласны, хотя в других резко расходятся. Все они в той или иной форме принимают интерсубъективный, физикалистский язык вещей за основу эпистемологической реконструкции. Бертран Рассел в своих поздних работах — едва ли не единственный мыслитель, смело попытавшийся соединить принятие феноменального базиса с реалистической, нефеноменалистской реконструкцией. Это означает, что, будучи реалистом, он давно отказался от прежней феноменалистской доктрины переводимости и с тех пор рассматривал отношение между высказываниями о физических объектах и высказываниями о феноменальных данных как отношение вероятностного вывода. На мой взгляд, эта позиция всё ещё

нуждается в существенном логическом прояснении, но в основе своей она верна, поскольку доводит эпистемологический анализ до данных, предполагающих лишь тот минимум вывода, который необходим для знания через знакомство. В предыдущем подразделе мы обсудили это подробнее.

Где бы ни проходила граница между наблюдаемыми и выводимыми сущностями, наиболее адекватная реконструкция, по-моему, в любом случае должна быть представлена в терминах номологических сетей. Возвращаясь к примеру с температурой, можно сказать, что на степень нагрева печи указывают различные наблюдаемые следствия, но она не тождественна ни одному из них в отдельности и не может быть отождествлена с дизъюнкцией или иной логической функцией наблюдаемых показателей. Степень нагрева связана с показаниями индикаторов номологически, а значит, синтетически. Это не следует смешивать с совершенно очевидным синтетическим характером функциональных или статистических отношений между самими показаниями. Эмпиристы, позитивисты и операционисты, конечно, всегда подчёркивали эмпирический характер этих корреляций.

Но даже когда теории, раскрывающие номологические сети, намечены лишь в виде крайне туманных «долговых расписок», практика научного мышления ясно показывает, что теоретические понятия — гипотетические сущности — никогда не сводимы к наблюдаемым данным или логическим конструкциям из них и не отождествимы с ними. Например, когда спирохета *Treponema pallida* ещё не была открыта, «нозологическая единица» — прогрессивный паралич — понималась как причинный фактор, «порождающий» различные симптомы этой болезни. Примеры такого рода можно без конца черпать из всех наук. Теоретические понятия «закреплены» в наблюдаемом, но логически — посредством явных определений — через наблюдаемое не определимы. Конечно, именно «согласованность», «сходимость» (consilience), «конвергенция», или как бы мы ни назвали проверяемые корреляции между наблюдаемыми явлениями, позволяет вводить плодотворные теоретические понятия. Именно эта сходимость и обеспечивает эмпирическую основу для уточнения смысла теоретических понятий. Одни лишь абстрактные постулаты определяют только

их логическую или математическую структуру, но никогда — их эмпирическое содержание.

Новые основания подтверждения, например результаты микроскопических бактериологических исследований, дают дополнительные опорные точки для уточнения теоретических понятия. Тем не менее по существу они обогащают номологическую сеть и тем самым изменяют «веса» различных других показателей. Так, в современной патологии присутствие спирохеты служит критерием прогрессивного паралича; даже если многие обычные симптомы отсутствуют, больному припишут эту болезнь, если подтвердится достаточная концентрация спирохет в нервных тканях. То, что бактериологические данные коррелируют с более «поверхностными» симптомами, конечно, могло быть подтверждено только наблюдениями. Но это не мешает нам сказать, что нозологическую единицу «прогрессивный паралич», как она понималась до получения свидетельств присутствия спирохеты или независимо от них, правомерно отождествить с болезнью, охарактеризованной на основе бактериологических данных.

Я заключаю, что об «отождествлении» уместно говорить не только в чисто формальных науках, где тождество состоит в логической синонимии двух или более выражений, но и в случаях, когда способ его установления эмпиричен. Важное для нашей проблемы следствие таково: понятия молярной теории поведения — сила привычки, ожидание, влечение, инстинкт, след памяти, вытеснение, Сверх-Я и т. д. — ещё могут быть отождествлены в будущей психофизиологии с определёнными типами структурно-процессуальных конфигураций нервной системы. Такое отождествление будет включать фактические открытия и потому по способу обоснования будет эмпирическим, но от этого оно не перестанет быть отождествлением.

Е. Доводы за и против отождествления субъективного опыта с нервными событиями. Теперь я постараюсь как можно яснее изложить основания для эмпирического отождествления непосредственных переживаний с нервными процессами. Я рассмотрю также несколько на первый взгляд весьма убедительных доводов, выдвинутых против этой теории тождества ментального и физиче-

ского. Лучше всего будет сначала кратко сформулировать мой тезис, а затем подробнее разобрать доводы за и против него.

Если принять во внимание всё сказанное до сих пор о научных и философских аспектах психофизической проблемы, напрашивается следующий взгляд. Непосредственные переживания — в том виде, в каком мы их «имеем», — эмпирически отождествимы с референтами некоторых определённых понятий молярной теории поведения; последние, в свою очередь, как было показано в предыдущем подразделе D, эмпирически отождествимы с референтами некоторых нейрофизиологических понятий. Однако, как мы отмечали, в современной психологии слово «ментальное» охватывает не только события и процессы непосредственного опыта, то есть непосредственные переживания, но и бессознательные события и процессы, а также «интенциональные акты» восприятия, интроспективного осознания, ожидания, мышления, убеждения, сомнения, желания, воления, принятия решения и т. д. Выше я утверждал: поскольку, с одной стороны, *интенциональность* как таковая должна анализироваться в терминах чистой семантики и тем самым относится к логическому, а не психологическому, попытка нейрофизиологически отождествить этот аспект «сознания» была бы самой явной категориальной ошибкой. Но поскольку, с другой стороны, интенциональные акты как *актуально наличные явления* непосредственного опыта поддаются интроспективному или феноменологическому описанию в терминах, весьма близких к терминам непосредственных переживаний, отождествление этого аспекта сознания с нервными процессами, на первый взгляд, не исключается чисто логическими соображениями. *Бессознательные* процессы, например описываемые психоаналитической теорией, в методологическом отношении стоят в одном ряду с понятиями молярных теорий поведения — инстинктом, силой привычки, ожиданием, влечением и т. д. Поэтому их нейрофизиологическое отождествление в принципе не вызывает больших трудностей, чем отождествление понятий молярной теории поведения, относящихся к сознательным событиям или процессам: непосредственно переживаемым ощущениям, мыслям, чувствам, эмоциям и т. д. Как мы неоднократно отмечали, суть психофизической проблемы состоит в истолковании отношения между непо-

средственными переживаниями и нервными процессами. Поэтому нам предстоит обсудить следующие вопросы.

1. Что утверждает тезис тождества об отношении непосредственных переживаний к нервным событиям?

2. В чём состоит различие, если оно вообще есть, между психофизиологическим параллелизмом или эпифеноменализмом и тезисом тождества?

3. Можно ли защитить тезис тождества от эмпирических доводов в пользу интеракционистского дуализма?

4. Можно ли защитить тезис тождества от философских доводов в пользу дуализма, основанных на предполагаемых фундаментальных различиях между свойствами непосредственного опыта и характеристиками физических, нейрофизиологических процессов?

Поскольку я уже подготовил почву хотя бы для частичного ответа на третий вопрос, а в некоторой мере и на четвёртый, теперь я сосредоточусь главным образом на первом и втором; остальные буду затрагивать кратко, по мере необходимости.

Тезис тождества, который я хочу прояснить и защитить, утверждает, что состояния непосредственного опыта, «переживаемые» людьми, обладающими сознанием, и те состояния, которые мы с уверенностью приписываем некоторым высшим животным, тождественны определённым, предположительно конфигурационным, аспектам нервных процессов в этих организмах. В разъяснённой выше терминологии ту же мысль можно выразить так: то, что *имеется в опыте* и, в случае человека, *познаваемо через знакомство*, тождественно предмету знания по описанию, которое первоначально даёт молярная теория поведения; а он, в свою очередь, тождествен тому, что нейрофизиология описывает — вернее, опишет, достигнув достаточного развития, — как процессы в центральной нервной системе, возможно прежде всего в коре головного мозга. В своей основе это теория «двойного знания», которой придержи-

ваются многие современные критические реалисты монистического направления[46].

Такой взгляд свободен от недостатков спинозистского учения о неизвестном или непознаваемом третьем, аспектами которого являются ментальное и физическое. «Ментальные» состояния или события в смысле непосредственных переживаний служат референтами, денотатами, как феноменальных терминов языка интроспекции, так и некоторых терминов нейрофизиологического языка. Поэтому в прежних публикациях я называл свой взгляд «двуязыковой теорией». Но, как я уже пояснил, эта формулировка может вводить в заблуждение, внушая мысль о чисто аналитической, логической переводимости высказываний одного языка в высказывания другого. Поэтому, возможно, разумнее говорить о *двояком доступе* или *двойном знании*. Отождествление, как я подчёркивал, нуждается в эмпирическом обосновании; следовательно, логической эквивалентности между понятиями или высказываниями этих двух языков быть не может.

При поверхностном размышлении может возникнуть соблазн считать отождествление феноменальных данных с нейрофизиологическими событиями одним из случаев теоретически устанавливаемого тождества в естественных науках. «Теоретическое тождество», эксплицированное в разделе V.D, означает, что два или

[46] Прежде всего Алоиз Риль, Мориц Шлик, Рихард Геченбергер, Г. Рейхенбах, Гюнтер Якоби, Бертран Рассел, Рой В. Селларс, Дюрант Дрейк и Ч. А. Стронг. Разумеется, между этими мыслителями существуют весьма существенные различия. Рассел так и не вполне освободился от нейтрального монизма, или феноменализма, своего раннего неореалистического периода. Р. В. Селларс, а вслед за ним, на более высоком уровне логической разработки, его сын Уилфрид сочетали реалистический взгляд двойного знания с учением об эволюционной эмерджентности. Стронг и Дрейк, первоначально испытавшие влияние Ф. Паульсена, выступили против эмерджентизма и приняли панпсихическую метафизику. Мой собственный взгляд развивает в более современных терминах эпистемологическую позицию, общую Рилю, Шлику, Расселу и отчасти Геченбергеру — мыслителю неровному, но блестящему. Французский философ Раймон Рюйе (289, 290), особенно до своего поворота к спекулятивному и сомнительному неовитализму (293), придерживался сходного взгляда. Среди психологов сходные монистические позиции занимают В. Кёлер (182, 183), Э. Г. Боринг (40) и Д. К. Адамс (1), также расходящиеся во многих важных отношениях. Лично я считаю §§ 22–35 работы Шлика (298) первой по-настоящему проницательной, ясной и убедительной формулировкой защищаемой здесь реалистически-монистической точки зрения. Хочется надеяться, что со временем появится английский перевод этого классического труда современной эпистемологии.

более *интерсубъективных* описания имеют один и тот же референт — универсалию или отдельный объект. Например, оптический показатель преломления, диэлектрическая постоянная, коэффициент магнитной проницаемости указывают на атомную микроструктуру кристалла, «описывают» её; более подробные свидетельства о ней дают рентгеновские дифракционные картины. Подобным образом различные поведенческие показатели силы привычки относятся к некоторой ещё не вполне определённой нейрофизиологической структуре мозга, которая в конечном счёте может быть установлена более прямыми гистологическими свидетельствами. Логический бихевиоризм допускает только интерсубъективно подтверждаемые высказывания и поэтому явно определяет менталистские, феноменальные термины на основе понятий молярной теории поведения. Так, приписать человеку переживание, например последовательного образа (after-image) в интерсубъективной системе отсчёта означает приписать ему гипотетический конструкт, теоретическое понятие, закреплённое в наблюдаемых переменных стимула и реакции. Впоследствии это теоретическое понятие может быть отождествлено с более подробным и дедуктивно более мощным нейрофизиологическим понятием, то есть признано эмпирически имеющим с ним один и тот же референт.

Эмпирический характер отождествления основан на экстенсиональных эквивалентностях или экстенсиональных импликациях между высказываниями о поведенческих и нейрофизиологических свидетельствах. В нашем примере это означает, что у всех людей, которым мы приписываем последовательный образ на основании определённых условий стимула и реакции, имеются также мозговые процессы определённого рода, и наоборот. Из-за неопределённости и неточности экспериментальных методов сегодня мы, конечно, можем утверждать лишь статистическую корреляцию между этими двумя областями свидетельств. Иначе говоря, практически эти эквивалентности или импликации имеют лишь вероятностный характер. Но в любом случае и корреляции, и теоретическое отождествление референтов, на которые указывают различные свидетельства, формулируются в *интерсубъективно* подтверждаемых высказываниях.

Однако отождествление непосредственных переживаний с нервными состояниями пересекает то, что на языке метафизики иногда называют «онтологическим барьером». Оно связывает «субъективное» с «интерсубъективным», отождествляя референты субъективных терминов с референтами некоторых объективных терминов. Но с моей точки зрения непреодолимой пропасти здесь уже нет, а значит, нет и повода для метафизического трепета. Если принять во внимание выводы предшествующего анализа «приватности», «знакомства», «физического» и «отождествления», то приватные состояния, известные через непосредственное знакомство и обозначаемые феноменальными, субъективными терминами, можно описать на общедоступном, по меньшей мере *физическом*$_1$, языке; следовательно, они могут быть эмпирически отождествимы с референтами некоторых нейрофизиологических терминов. Приватное допускает общедоступное, интерсубъективное описание, а свидетельствами об объектах интерсубъективной науки могут служить данные приватного опыта.

В высказываниях знания через знакомство феноменальные термины применяются прямо, а потому и проверка таких высказываний — о настоящем моменте субъективного опыта — непосредственна. Применительно к другим людям или организмам феноменальные термины используются косвенно, и подтверждение содержащих их высказываний опосредуется правилами вывода: в качестве таких правил используются различные связи номологической сети. Судя по структуре собственного опыта, нет оснований предполагать существование *абсолютно* приватных ментальных состояний; по-видимому, «сознаний в заточении» в нашем мире нет. Разумеется, это основополагающая онтологическая черта природы в том виде, в каком мы научились её понимать. Это эмпирическая черта весьма фундаментального рода, по своему характеру «базовой рамки» сходная с размерностью пространства-времени 3 + 1 или с каузальным порядком Вселенной. Такие рамочные принципы отличаются от постулатов научных теорий степенью общности, но не по существу. Их принятие в основном регулируется правилами гипотетико-дедуктивного метода.

Логический эмпиризм в его формулировках последних лет (Карнап, 70, 73; Фейгл, 116) признаёт различие между высказыва-

ниями непосредственного наблюдения, или знания через знакомство, и высказываниями, основанными на выводе, контекстуальным различием между прямым и косвенным подтверждением. Не столь важно, где именно в нашей эпистемологической реконструкции проходит граница между наблюдаемыми и выводимыми сущностями. Но где бы мы её ни провели, область непосредственно переживаемого или непосредственно наблюдаемого зависит от того, кто именно переживает и/или наблюдает[47]. То, что один субъект может непосредственно проверить, другой способен подтвердить лишь косвенно. И сами эти утверждения, высказанные в двух предыдущих предложениях, можно формализовать в прагматическом интерсубъективном метаязыке.

Сформулировав и в общих чертах эксплицировав тезис тождества, мы должны теперь рассмотреть несколько важных вопросов его философского истолкования. Я отвергаю спинозистскую теорию двух аспектов, потому что она предполагает неизвестную, если не непознаваемую, нейтральную «третью» субстанцию, или реальность саму по себе, взаимодополняющими аспектами которой выступают ментальное — способность переживать — и физическое: явление, свойства, структура и т. д. Если нейтральное третье мыслится как неизвестное, его можно устранить по принципу экономии, существенному для обычного гипотетико-дедуктивного метода построения теорий. Если же оно определяется как принципиально непознаваемое, его следует отвергнуть как лишённое фактического смысла даже при самом свободном истолковании эмпиристского критерия осмысленности. Но наш взгляд ни в малейшей мере не предполагает необходимости какого-либо нейтрального третьего. Сейчас я покажу это яснее.

Если бы физиолог мозга располагал знаниями и приборами, которые, возможно, появятся через тысячу лет, и мог бы исследовать процессы в моём мозге и описать их во всех подробностях, он

[47] Насколько я понимаю Дьюи и других прагматистов, а также контекстуалистов вроде С. К. Пеппера (254, 255), они прямо признавали это обстоятельство. Ср. также обсуждения у аналитических философов: Хэмпшира (141), Уотлинга (341) и Айера (18). Точный логический разбор того, как непосредственная и косвенная проверяемость отражаются в языке, дан в анализе эгоцентрических партикулярий — выражений, отсылающих к собственному употреблению (token-reflexive), индексальных терминов, — у Б. Рассела (286), Рейхенбаха (274), Бёркса (58), У. Селларса (308, 312) и Бар-Хиллела (20).

мог бы сформулировать свои выводы на нейрофизиологическом языке и, возможно, даже дать полное микрофизическое описание в атомных и субатомных понятиях. В логическом анализе значений слова «физическое» мы утверждали, что физические науки состоят из притязаний на знание по описанию. Это значит, что объекты — цели, референты — таких притязаний на знание «триангулируются» на основе различных областей наблюдательных, чувственных свидетельств. Что представляют собой эти объекты со стороны знакомства, остаётся совершенно открытым, пока мы не выходим за пределы образования физических понятий и построения теорий. Но поскольку я в силу эмпирического факта непосредственно знаком с квалиа собственного непосредственного опыта, мне известно через знакомство, о чём говорит нейрофизиолог, когда описывает некоторые конфигурационные аспекты процессов в моём мозге.

Здесь есть опасность впасть в заблуждения известного учения структурализма, согласно которому физическое знание касается только формы или структуры событий Вселенной, тогда как знакомство — содержания или квалиа существования[48]. Это учение следует отвергнуть по двум причинам. Во-первых, не различая знакомство — простое наличие данных или способность представить некоторые из них — и знание через знакомство — суждения, например, о сходстве или несходстве, порядковых отношениях и т. д. между квалиа данного, — оно упускает из виду, что даже интроспективные или феноменологические притязания на знание структурны в том же самом смысле, в каком структурно всякое знание: оно состоит в формулировке отношений того или иного рода. Во-вторых, защищаемое нами реалистическое истолкование физического знания предполагает, что всё «триангулируемое» на основе различных чувственных наблюдений следует считать «качественным» в обобщённом смысле слова. В подавляющем большинстве случаев качественное содержание референтов физических описаний не «дано», то есть не входит в феноменальное поле. Но в случае некоторых определённых нейрофизиологических процессов оно представляет собой данное содержание.

[48] В различных формах этого учения придерживались Пуанкаре (257), Эддингтон (93), К. И. Льюис (195), Шлик (299) и другие.

Если искать исторические истоки такого взгляда, его можно обнаружить если не у Аристотеля, то уж несомненно у Канта, который почти прямо сказал, что переживаемое содержание есть вещь сама по себе, *Ding-an-sich*, соответствующая мозговому процессу, как он познаётся в пространственно-временно-каузальных понятиях естествознания[49]. Выражаясь образнее, в физической картине Вселенной, представленной четырёхмерной диаграммой Минковского, кое-где встречаются очень небольшие области, представляющие мозг живых и бодрствующих организмов, которые «озарены внутренним светом» непосредственного опыта, или способности переживать. Этот взгляд отличается от панпсихизма, согласно которому «внутренний свет» пронизывает *всю* физическую реальность. Но гипотеза панпсихистов несовместима с теми самыми принципами аналогии, которыми они, по их словам, руководствуются в рассуждении. Если действительно следовать аналогиям, то естественно предположить, что огромным различиям в поведении и нервных процессах, например между людьми и насекомыми, отвечают столь же значительные различия в их непосредственном опыте, или способности переживать. Воображать, каковы качества переживаний низших животных, лучше предоставить поэтическим авторам вроде Фехнера, Бергсона или Метерлинка. Что до ментальной жизни роботов или «андроидов» Скривена (304), я не могу поверить, что они способны проявлять все или хотя бы большинство особенностей человеческого поведения, если не состоят из белков, образующих нервные системы; но в таком случае никакой загадки они бы не представляли.

Предлагаемая здесь теория тождества встретила сильное сопротивление, особенно среди современных аналитических философов. Разумеется, существуют отождествления, которые «вне подозрений». Например, высказывалось предположение, что правомерное эмпирическое отождествление представлено такими образцами, как тождество «зрительно воспринимаемой» монеты с «осязательно воспринимаемой» монетой — или розы, воспринимаемой зрением, осязанием и обонянием; колокольчика, воспринимаемого зрением, осязанием и слухом. В каждом случае можно отличить

[49] Ср. И. Кант, «Критика чистого разума», раздел «О паралогизмах чистого разума».

различные области чувственных свидетельств от отдельной вещи или вида вещей, на которые эти свидетельства указывают или ссылаются. Феноменалисты, конечно, поспешат заметить, что бессмысленно говорить о вещи, существующей сверх действительных и возможных «свидетельствующих» данных и существенных корреляций между ними. Но с моей реалистической точки зрения совершенно осмысленно объяснять в терминах физических, психофизических и психофизиологических теорий, как, например, колокольчик, отражая свет, порождая звуковые волны и будучи твёрдым, жёстким телом, при определённых условиях восприятия воздействует на нашу сетчатку, улитку внутреннего уха и осязательные нервные окончания и тем самым порождает зрительные, осязательные и слуховые данные нашего непосредственного опыта. Именно это и есть «каузальная теория восприятия», которую так поносили феноменалисты.

Мы признаём: как эмпиристы, мы должны в конечном счёте обосновать каузальную теорию восприятия — действительно научную теорию, а не эпистемологический анализ — ссылкой на подтверждающие её данные. И мы можем это сделать независимо от того, идёт ли речь о нашем собственном восприятии, рассматриваемом с эгоцентрической позиции, или о восприятии других людей, которое предстаёт нам «со стороны», когда мы наблюдаем относящиеся к ним стимулы, центральные процессы и реакции. Различные чувственные «аспекты» колокольчика следует поэтому понимать как воздействия колокольчика, рассматриваемого на уровне здравого смысла или на микроуровне научного анализа, на наши органы чувств и в конечном счёте на наше осознание. Последнее воздействие эмпирически отождествимо с процессами в различных участках коры. Поскольку феноменалистский тезис о переводимости высказываний о физических объектах в высказывания о данных несостоятелен, эпистемологический анализ должен согласоваться с каузальной, научной теорией восприятия и отдавать ей должное, явно реконструируя номологические, а не чисто логические отношения между данными и *illata*. Это по-прежнему понятийный анализ: он прослеживает отношения между понятиями предметов-стимулов и понятиями, относящимися к централь-

ным, корково-ментальным процессам в воспринимающих организмах.

Однако наше отождествление ψ и Ф нельзя понимать по образцу тождества предметов-стимулов, например колокольчика или розы. Эта аналогия вводит в заблуждение: для предметов-стимулов у нас имеются физические описания, которые вместе с эмпирическими законами психофизики и психофизиологии позволяют в принципе вывести их различные чувственные «явления». Обыденное знание, и особенно научная теория, вовсе не нуждается в неизвестном или непознаваемом «третьем», в «нейтральной субстанции без свойств»: оно содержит множество сведений о природе и структуре предметов-стимулов. В случае ψ–Ф положение принципиально иное. Здесь у нас нет двух видов свидетельств об одной и той же сущности — событии, процессе и т. д. В непосредственном знакомстве мы имеем данное, переживаем его: оно не *подтверждается свидетельствами*, оно *самоочевидно*! И мы отождествляем его с физическим процессом, который полагаем как *illatum*, утверждая его существование на основании многообразных данных в других областях свидетельств.

Теперь, надеюсь, ясно, чем предлагаемый взгляд отличается от спинозистского учения о двух аспектах. Данные опыта и есть та реальность, которую обозначает очень узкий класс нейрофизиологических понятий. Признаю, что это звучит весьма «метафизично». Меня, несомненно, обвинят в неправомерном расширении обычного значения слова «денотация». Я вполне сознаю, что расширяю его значение, но прошу учесть: это не вовлекает мой взгляд ни в парадоксы, ни в ненужные затруднения. Верно, что и в обыденной речи, и в общепринятом философском употреблении мы сказали бы: термин «нервный процесс в затылочной доле» обозначает определённую конфигурацию нервных токов, а не зрительное переживание. Но это замечание явно сводится к верному, хотя и тривиальному семантическому утверждению: термин обозначает свой десигнат; например, «нейрон» обозначает нейрон!

Уточнить значение посредством семантических правил обозначения можно лишь тогда, когда значение переводного эквивалента определяемого выражения уже понятно в метаязыке. Очевидно, в общепринятом смысле слова «денотат» — это референт собствен-

ных имён, а также, кроме случаев пустой референции, предикатов, отношений и т. д. Подлинное уточнение значения эмпирических терминов возможно лишь при сочетании семантических, синтаксических и прагматических правил. Последние два вида правил особенно важны. Синтаксические правила определяют отношения понятий друг к другу, а прагматические проясняют, какие понятия относятся к базису непосредственных свидетельств. Реалистическое истолкование эмпирических понятий зависит от надлежащего анализа, прежде всего роли собственных имён, а в научных языках — координат, и индивидных переменных, то есть переменных координат[50].

Учитывая этот анализ, мы можем признать верные положения прежней критико-реалистической эпистемологии перцептивной и понятийной референции. Физический объект или процесс, воспринимаемый в повседневной жизни или мыслимый в науке, является референтом определённых символических представлений. Я полагаю, что именно сосредоточенность на подтверждающих свидетельствах побудила позитивистов и некоторых прагматистов — феноменалистов, радикальных эмпиристов или операционистов — отождествить смысл высказываний о физических объектах с действительными и/или возможными данными, которые, на наш взгляд, составляют лишь основания их подтверждения. Хуже того, даже искушённые аналитические философы склонны смешивать смысл физических понятий с воспринимаемым или воображаемым обликом физических вещей. Неудивительно, что нам затем объявляют тождество некоторых нейрофизиологических состояний или их особенностей с непосредственными переживаниями логической ошибкой. Если денотат выражения «мозговой процесс определённого рода» смешать с видом серой массы мозга, который открывается взгляду через вскрытый череп, тогда отождествить этот вид с непосредственным переживанием, например зелени или тревоги, действительно логически невозможно.

Столь же грубой логической ошибкой было бы отождествить такие непосредственные переживания с научными, эвристическими или учебными моделями сложных молекулярных структур — например аминокислот или белков, — которые преподаватели

[50] Ср. прежде всего У. Селларс (308); Г. Фейгл (110, 111); Бар-Хиллел (20).

химии собирают из деталей конструктора и показывают на занятиях. Не знаю, следует ли называть эти ошибки «категориальными». Первая состоит просто в смешении свидетельства с тем, о чём оно свидетельствует, или показателя с тем, на что он указывает. Какую ошибку совершает тот, кто путает дым с огнём, следы ног с идущим человеком, некоторые тёмные пятна на рентгеновском снимке с туберкулёзом? Странно, что именно аналитические философы, которые разоблачили бы эти заблуждения с беспощадной иронией, не замечают, что сами совершают такую же ошибку, полагая, будто понятия физических объектов обозначают воспринимаемый облик физических вещей.

Как я старался показать в разделе IV, единственный последовательный и философски плодотворный смысл «физического», точнее *«физического$_1$»*, — это понятийная система, закреплённая в чувственном наблюдении и предназначенная для всё более всеобъемлющего и согласованного объяснения интерсубъективно подтверждаемых фактов наблюдения. Эта понятийная система и любая её часть в принципе ненаглядны — *unanschaulich*, как говорят немцы, то есть не допускают зрительного представления. Поэтому вопрос об отождествлении небольшого подмножества её референтов с чем-то непосредственно данным и познаваемым через знакомство в принципе остаётся совершенно открытым. На деле образы, которыми обычно, а иногда и с пользой, оперируют в мышлении физики-теоретики, биологи или нейрофизиологи, имеют преимущественно характер наглядных картин. В лучшем случае это интеллектуальные подпорки, плодотворные лишь в исследовании или преподавании; смешивать их со значениями понятий нельзя. Ошибка «интроекции»[51], которую так решительно критиковал Авенариус, эмпириокритик прошлого столетия, состоит в наглядном приписывании непосредственных переживаний другим организмам. Как мы видели, такое приписывание действительно сталкивается с приписыванием другим людям или животным свойств физического облика — столь же наглядным.

В чувственном восприятии других организмов нам дано их поведение: реакции, выражение лица, тон голоса, походка, поза,

[51] Термин «интроекция» в употреблении Р. Авенариуса не имеет отношения к известному одноимённому психоаналитическому понятию.

речевые высказывания и т. д., — но никогда не их непосредственные переживания. Непосредственные переживания не входят и не могут входить в картину воспринимаемого облика. Поэтому их следует понимать как субъективную сторону этих явлений. Как таковые они достижимы путём вывода, но недоступны восприятию. Ранее мы уже обсуждали феноменологию предполагаемого интуитивного или эмпатического постижения ментальных состояний других организмов. Поскольку мы должны признать интуитивные или эмпатические приписывания подверженными ошибкам и исправлению, с точки зрения логической реконструкции, то есть в контексте обоснования, их нужно рассматривать как выводы, сколь бы непосредственными, «самоочевидными», неотразимыми или убедительными они ни были психологически.

То, что «интроекция» в этом смысле ведёт к нелепостям, становится особенно ясно при рассмотрении приписывания другим людям феноменальных полей, например зрительной пространственности. Если мы не солипсисты, у нас есть все основания приписывать другим такое же «жизненное пространство», феноменальное окружение, какое мы столь отчётливо находим в собственном опыте. Но если мы мыслим других людей через их облик в нашем собственном феноменальном окружении, то невозможно ещё и наглядно приписать им те особые перспективы, в которых они воспринимают своё окружение или части собственного тела. Это столь же грубое заблуждение, как надежда найти в мозге человека, смотрящего на зелёное дерево, маленькое изображение этого дерева. Но образное мышление — одно, а понятийное — совсем другое. Для понятийного приписывания здесь трудности нет. Понятия нейрофизиологии ненаглядны, и их нельзя смешивать с логически несущественными образными коннотациями. Психологически эти коннотации придают понятиям наглядную окраску. Но наглядные образы, связанные с эмпирической основой наших физических и нейрофизиологических понятий, следует признать несущественными и отбросить; тогда они перестанут занимать в понятийной системе те места, о которых мы тогда сможем сказать, что они обозначают некоторые непосредственные переживания.

По этим причинам я считаю: если принять надлежащие меры предосторожности, сочетание феноменальных и физических терминов не ведёт к категориальным ошибкам. Ведь мы совершенно непринуждённо сочетаем их не только в обыденной речи, но и в языке психологии. Нет оснований не говорить, например: «Предвкушение успеха ускорило его шаг»; «Болезненные, мучительные мысли лишили его аппетита»; «Прикосновение к горячей печке вызвало сильную боль»; «Подавленная враждебность в конце концов привела у него к язве желудка» и т. д. Категориальные ошибки возникают из смешения универсалий с отдельными объектами или диспозиций с актуально наличными явлениями. Первый вид категориальной ошибки, несомненно, состоит в нарушении расселовского правила типов. Не уверен, что второй всегда можно свести к первому. Но первоначальное объяснение психофизических затруднений смешением расселовских типов, предложенное прежде всего Карнапом в его ранней феноменалистской работе (60), более неприемлемо. Физические понятия не являются логическими конструкциями из феноменальных понятий.

Более серьёзное возражение против отождествления возникает из размышлений о лейбницевском принципе тождества неразличимых. Поскольку мы не только признали, но и неоднократно подчёркивали эмпирический характер отождествления ψ и Ф, вполне можно спросить: как мы можем говорить о тождестве, если его подтверждение требует наблюдения эмпирических закономерностей? Самое прямое мыслимое подтверждение пришлось бы осуществлять с помощью аутоцереброскопа. Вообразим «совершенного аутоцереброскописта», который, интроспективно следя, например, за нарастающим гневом — или любовью, ненавистью, смущением, ликованием, переживанием слышимой мелодии и т. д., — одновременно наблюдал бы на проекционном экране многократно увеличенную зрительную «картину» собственных мозговых нервных токов. Эта научная фантазия задумана по аналогии с рентгеноскопическим аппаратом, позволяющим наблюдать, например, работу собственного сердца. В соответствии с предлагаемым реалистическим истолкованием он принимал бы меняющиеся узоры на экране за свидетельства о процессах в собственном мозге. Если допустить эмпирическое ядро параллелизма или изо-

морфизма, он обнаружил бы, что «крещендо» гнева или слышимой мелодии соответствует «крещендо» в «коррелирующих» корковых процессах. Так же обстояло бы дело с «аччелерандо», «ритардандо» и т. д. По-видимому, опыты Эдриана и Маккаллоха показали удивительно простой изоморфизм очертаний геометрических фигур в зрительном поле и конфигураций повышенных электрических потенциалов в затылочной доле коры. Согласно тезису тождества непосредственно переживаемые квалиа и конфигурации и есть *реальности сами по себе*, обозначаемые нейрофизиологическими описаниями. Следовательно, это отождествление денотатов эмпирично, и самым прямым мыслимым свидетельством в его пользу были бы аутоцереброскопически наблюдаемые закономерности.

Любое подробное описание тождеств ψ–Ф — дело будущего развития психофизиологических исследований. Но даже скудные нынешние знания позволяют предположить, что лишь некоторые типы мозговых процессов в определённых, вероятно конфигурационных, аспектах тождественны переживаемым и познаваемым через знакомство непосредственным переживаниям. Поэтому «психологическая физиология»[52], строящая гипотезы о нервных структурах и процессах на основе знания особенностей феноменальных полей и закономерностей их изменения, неизбежно должна оставаться крайне схематичной. Одно лишь знание феноменальных полей через знакомство никак не может дать больше нескольких нитей той полной номологической сети нейрофизиологических понятий, которая необходима для объяснения молярного поведения. Поэтому отождествление ограничено теми элементами, свойствами или отношениями в нервных процессах, которые на языке дуализма являются «коррелятами» непосредственных переживаний. В нашем монистическом описании это равнозначно тождеству денотатов, прямо обозначаемых феноменальными терминами, с денотатами нейрофизиологических описаний. Последние неизвестны нейрофизиологу через знакомство, если только он сам не пользуется аутоцереброскопом.

[52] Которую отстаивает В. Кёлер (184, 185) и критически обсуждает К. К. Пратт (260).

Теперь ясно, что нервные корреляты — ещё раз воспользуемся ради простоты изложения дуалистическим языком — обозначаются понятиями, гораздо более богатыми по смыслу, чем соответствующие феноменальные понятия. Нейрофизиологические понятия относятся к сложным, сильно разветвлённым конфигурациям нейронных разрядов, тогда как их коррелятами среди непосредственных переживаний могут быть простые качества или отношения в феноменальном поле. Как, например, однородное пятно зелени, отдельный музыкальный тон или колющая боль могут быть тождественны сложной совокупности нервных событий? Здесь вновь необходимо отличать научные компоненты вопроса от философских. Наше незнание в психофизиологии пока слишком велико, чтобы с научной стороны можно было предложить что-либо, кроме смелых догадок.

Говорили о «порогах» и «слиянии»: предполагалось, что непосредственные переживания возникают лишь тогда, когда интенсивность конфигураций нервных процессов достигает определённой степени, и что сложные нервные конфигурации могут «сливаться», так что возникающее качество «кажется» простым и однородным. Такие выражения, хотя и способны опасным образом вводить в заблуждение, не совсем неправомерны. Говорить о порогах, предельных значениях и слиянии, конечно, вполне обычно и уместно в психофизике, но переносить эту речь в психофизиологию рискованно. Совершенно осмысленно и верно утверждать, что белые и чёрные секторы быстро вращающегося диска феноменально сливаются и дают однородный серый облик. Столь же осмысленно и верно, что интенсивность физических стимулов — света, звука, давления на кожу, концентрации химических веществ в воздухе и т. д. — должна превысить определённую нижнюю границу, чтобы вызвать ощущение в той или иной модальности: зрении, слухе, осязании, обонянии и т. д.

Если у этих фактов есть аналоги во внутримозговой сфере, пришлось бы допустить, что один участок коры «снимает сигналы» с других участков или «сканирует» их и потому начинает реагировать лишь тогда, когда входной сигнал достигает определённой интенсивности. Точно так же пришлось бы предположить, что воздействие во втором участке отражает только некоторые общие

черты сложных и многообразных конфигураций процессов в первом. Это были бы аналоги психофизических порогов и слияний. Наконец, можно допустить, что второй участок, соответствующий ощущению непосредственных переживаний, связан с другим участком, соответствующим осознанию или суждению, как при интроспекции, а в конечном счёте — с двигательной областью коры, иннервирующей выразительные реакции или речь[53]. Ещё раз подчеркну: я ни на минуту не настаиваю на научной адекватности именно этой модели. Я не пытаюсь заниматься кабинетной нейрофизиологией. Мне нужно лишь показать, что мыслимы модели, которые позволили бы устранить препятствия, возникающие из кажущихся несоответствий между феноменальным единством и физической множественностью, феноменальными пространствами и физическим пространством, феноменальным и физическим временем, феноменальной целесообразностью и физической каузальностью и т. д. Сейчас я очень кратко намечу эти соображения.

В. Кёлер (182, 183, 185) и Р. Рюйе (290, 292, 293) убедительно показали, что пресловутые картезианские затруднения с пространственностью можно устранить, внимательнее рассмотрев факты психофизиологии и логически прояснив различие между феноменальным пространством или пространствами и физическим пространством. Основу для этого мы заложили в разделе IV.B. Поверхности объектов, «физически» находящихся за пределами моего тела, естественным образом предстают в моём зрительном пространстве вне зрительного облика тех частей тела, которые я могу видеть. Гистологические и физиологические данные свидетельствуют об относительно простой проекции конфигураций возбуждения сетчатки глаза в область затылочной доли коры головного мозга. В физических и геометрических отношениях эта проекция сходна с проекцией на экран перископа внутри подводной лодки. На экран проецируются не только части окружающей морской поверхности и других кораблей, но и части самой всплывающей подводной лодки. Точно так же, лёжа на кушетке, я нахожу в своём зрительном поле не только облики столов, стульев, стен и окон: эти облики предметов феноменально находятся вне той

[53] За предложенную в беседах модель мозга такого рода я признателен Р. Карнапу.

части моего феноменального тела — груди, рук, кистей, ног, ступней, — которая также входит в моё зрительное поле. Эти простые соображения показывают, что некоторые старые философские загадки о проекции зрительных восприятий из моего сознания или мозга во внешний мир надуманны, основаны на путанице и разрешимы, если уделить должное внимание, с одной стороны, научным фактам, а с другой — значениям пространственных терминов и оборотов речи.

Совершенно аналогично разрешаются затруднения, связанные с феноменальным и физическим временем, а также с переживаемой целесообразностью и физической или физиологической каузальностью. В феноменально-временной «проекции» мы помещаем намеченные цели на некотором расстоянии в будущем, а затем начинаем достигать их действием, то есть используя средства. Например, решив пойти на лекцию, я могу совершить длинную цепь действий: дойти до гаража, завести машину, доехать до аудитории и занять место. Мои действия явно направлены на цель, но нет никакой нужды в мифе о том, будто более поздние события, цель, влияют на предшествующее поведение. Моё поведение направляется, контролируется или модулируется представлением о цели, которое существует одновременно с действиями, служащими средством её достижения, или, возможно, предшествует им. То, что в феноменальном описании выглядит как определение моего нынешнего поведения будущим событием моей жизни, в каузальном объяснении становится воздействием одной части мозговых процессов на другую. Конечно, здесь, как и в случае памяти, воспоминания, наше мышление существенно опосредовано символами; поэтому «интенциональность» (ср. раздел IV.F) играет важную роль. Но символическое представление прошлых или будущих событий осуществляется процессами, происходящими сейчас: эти представления выступают каузальными факторами, определяющими нынешнее поведение. Как нет нужды в странном понятии «конечных» причин или, по выражению Леконта дю Нуи, «телефинальности», так нет нужды и в предположении о буквальном присутствии прошлого в настоящих воспоминаниях. Каким бы в конечном счёте ни оказалось адекватное и подробное нейрофизиологическое описание следов памяти, именно они, а не какое-

то непосредственное и таинственное постижение прошлых событий каузально объяснят факты воспоминания и изменения поведения благодаря научению.

Подобные соображения, по-видимому, применимы и к извечным загадкам природы «самости», то есть единства «я» или единства сознания. Здесь, как и в только что рассмотренных случаях, феноменологические описания можно соотнести с нейрофизиологическими объяснениями. В феноменальном отношении во всех моих переживаниях может присутствовать или отсутствовать некое «центральное ядро» — «я». Вслед за Юмом и позднейшими эмпиристами юмовской традиции мы можем признать, что нет особого элемента, данного или впечатления, которое было бы правомерно считать самостью. Но трудно отрицать, что непосредственно данным и их последовательности в переживаемом времени присуща определённая черта централизации, координации, организации или интеграции — читатель может выбрать слово, которое кажется ему наиболее подходящим. Эта единая организация, по-видимому, опирается на постоянно имеющуюся возможность вспомнить множество событий или последовательностей событий *собственного* — именно так! — прошлого; на постоянную возможность появления соматических данных, относящихся к собственному телу; на существование набора диспозиций или поведенческих склонностей, в том числе тех, что психоанализ приписывает Сверх-Я, то есть, говоря просто, наших ценностей и идеалов, воплощённых в совести; и, наконец, на представление о самом себе, которое в значительной мере возникает из осознания собственного характера и личности, более или менее адекватного, а часто весьма неадекватного, и выводится из истолкований собственного поведения и своей социальной роли — как её воспринимаем мы сами или другие люди в общественном контексте.

Какие бы из этих аспектов ни были в некотором смысле феноменально «даны» — а я полагаю, что таковыми вполне могут быть многие, — они, весьма вероятно, «соответствуют» определённым относительно устойчивым конфигурациям мозговых структур и функций или, согласно моему взгляду, тождественны им. Для патологических случаев расщеплённой или чередующейся личности — типа Салли Бошан или доктора Джекила и мистера Хайда

— нередко выдвигалось предположение о мозговых подсистемах, каждая из которых обладает собственным «органическим единством», но лишь одна в определённый промежуток времени господствует в определении поведения. Если, согласно психоаналитической теории, значительные части как оно, так и Сверх-Я бессознательны, это вполне можно истолковать так: некоторые участки мозговых процессов отгорожены от областей осознания и словесного отчёта, что соответствует «вытеснению».

Показав правдоподобие научной возможности хотя бы параллелистского объяснения некоторых ярких и примечательных черт ментальной жизни, я возвращаюсь к философской, или логической, сути тезиса тождества. Мы подчёркивали, что эмпирическое отождествление ментального и физического состоит в признании того, что обозначается в знании через знакомство как квалиа непосредственного опыта, тождественным денотату некоторого нейрофизиологического понятия. Научные свидетельства в пользу параллелизма или изоморфизма истолковываются тогда как эмпирическое основание отождествления. Переход от параллелизма к признанию тождества — по существу дело философской интерпретации. Принцип экономии в его научном употреблении даёт лишь одно из оснований в пользу монизма. Если признать изоморфизм, дуалистическую, параллелистскую позицию можно сохранить, но веских оснований для такого удвоения реальностей или даже «аспектов» реальности привести нельзя. Принцип экономии, или индуктивной — гипотетико-дедуктивной — простоты, действительно противостоит склонности операционистов говорить о двух или более понятиях, если свидетельствующие факты, хотя и полностью коррелируют, качественно разнородны.

Надеюсь, наш взгляд на «триангуляцию» при такой сходимости свидетельств показал, что позиция операционистов чрезмерно ограничительна. Но остаётся логический вопрос: как можно понимать понятия со столь фундаментально различными основаниями подтверждения как эмпирически отождествимые? В случае понятия электрического тока, измеряемого по его магнитному, химическому, тепловому и другим действиям (ср. раздел V.C), отождествление нескольких операционально введённых понятий достаточно правдоподобно. Но снова спросят: как можно говорить о

тождестве в совершенно ином психофизиологическом случае, где одно понятие характеризуется прямой применимостью субъективных терминов знакомства, а другое, физиологическое, вводится на интерсубъективной основе и потому коренится в чувственных данных любого квалифицированного наблюдателя? Думаю, ответ уже не так труден. Если для начала взять «знакомство» в его обычном употреблении, мы, конечно, можем сказать, что Энтони Иден знаком с королевой Елизаветой II, а я — нет: мне никогда не представлялось случая с ней встретиться. И всё же я могу притязать на некоторое знание о королеве, основанное на газетных сообщениях, изображениях и тому подобном. Несомненно, Иден и я знаем одного и того же человека, каждый по-своему. Возьмём пример ближе к делу: я знаю через знакомство, что значит переживать эйдетический музыкальный образ; иногда я «слышу внутренним слухом» целые отрывки симфоний, струнных квартетов и т. д. во всём богатстве их тембров. Другой человек, лишённый такого опыта, не знает его через знакомство, но может знать о нём, особенно если он искусный психолог-экспериментатор. Было бы нарушением принципа экономии предполагать, что психолог и я говорим о двух разных, хотя и коррелирующих, процессах.

Непосредственное знакомство с «приватными» непосредственными переживаниями также описывается на интерсубъективном языке науки. Его окончательное объяснение, возможно, опять должно будет обратиться к различным областям мозга, одна из которых — ради простоты изложения вновь говорю дуалистически — «соответствует» *ощущению*, другая — *суждению*, а возможно, ещё одна — интроспективному отчёту. Я заключаю, что высказывания знакомства отличаются от некоторых нейрофизиологических высказываний лишь типом и областью свидетельств, но не референцией. Поскольку нервный аппарат интроспекции резко отличается от аппарата внешнего восприятия, не должно удивлять, что знание через знакомство, теперь понимаемое в узком эпистемологическом смысле, гораздо грубее, менее подробно и менее точно, чем знание, основанное на чувственном восприятии, особенно при помощи научных приборов.

Как мы уже отмечали, непосредственное осознание обычно даёт лишь качественные или топологические упорядочения содер-

жаний феноменальных полей. Само по себе оно не может сообщить нам о локализации субъективного опыта в мозге. Прояснить это может одна весьма грубая аналогия, хотя, боюсь, при буквальном понимании она сильно введёт в заблуждение. Человек, заблудившийся в джунглях, воспринимает деревья и подлесок в своём ближайшем окружении. Но местоположение этой самой части джунглей гораздо точнее и в более широком охвате может определить картограф, проводящий измерения с самолёта или воздушного шара высоко над лесом. Конечно, сравнение вводит в заблуждение тем, что и заблудившийся путник, и картограф используют чувственное восприятие как основание подтверждения своих притязаний на знание. Это явно отличается от случая, когда я сообщаю, или, по выражению Райла, «изъявляю» (avow), например, чувство тревоги, а психолог-бихевиорист выводит мою тревогу из «симптомов» или нейрофизиолог распознаёт её в «соответствующих» мозговых процессах. Но я не вижу, чтобы это различие, при всей его важности во многих отношениях, затрагивало довод в пользу отождествления референтов интроспективного изъявления с референтами двух научных описаний.

Я заключаю, что тождество ψ–Ф в моём понимании по-прежнему является тождеством неразличимых, как его определили Лейбниц и Рассел. Но прояснение «парадокса анализа» (ср. Фейерабенд, 120) и связанных с ним загадок высказываний об убеждениях должно было уже вполне показать: взаимная заменимость даже логически синонимичных выражений действует лишь в непрагматических контекстах. Эмпирическая синонимия терминов ψ и Ф, или, выражаясь, возможно, осторожнее, их эмпирическая кореферентность, тем более не допускает заменимости в прагматических контекстах. Я имею в виду, что условие *salva veritate*, сохранения истинности, выполняется лишь в таких контекстах замены, которые не зависят от того, что мы знаем или какими свидетельствами располагаем в пользу наших притязаний на знание. Как мы уже отмечали, существует или существовало множество людей — первобытных, древних и т. д., — которые не имеют представления о связи ментальной жизни с мозговыми процессами. Тем не менее говорить здесь о тождестве столь же правомерно, как в случае «Вальтер Скотт = автор романов уэверлийского цикла»,

независимо от того, известен этот факт данному человеку или нет. В этом конкретном, давно привычном примере тождество касается индивида. Но, не будучи номиналистом, я не вижу трудностей в тождестве универсалии, называемой или описываемой различными способами. Психофизиологическое тождество может быть тождеством отдельных событий — этого приступа боли и определённого мозгового события в определённый момент — или универсалий: боли определённого рода и типа мозгового процесса.

Наконец, я обращусь более прямо и определённо к вопросу: в чём практически значимое различие между учениями параллелизма и тождества? Прагматистско-позитивистский оттенок вопроса подсказывает, что речь идёт об эмпирически проверяемых различиях. Но я уже признал, что таких различий нет и быть не может, если говорить о мыслимых эмпирических свидетельствах. Не оказывается ли тогда тезис тождества праздной метафизикой? Метафизика ли это — зависит, конечно, от смысла слова «метафизика». На мой взгляд, этот вопрос не просто сходен, но тесно связан с такими «метафизическими» спорами, как спор реализма с феноменализмом или модального понимания каузальности с её пониманием через регулярность. Как ныне признаёт большинство философов, эти споры, в отличие от споров о научных теориях, нельзя решить эмпирическими проверками. Они касаются экспликации смысла понятий и допущений. Их предмет относится к логическому анализу.

Существует ли состоятельный смысл «каузальной необходимости», связанный с регулярностью, но не сводимый к ней, — вопрос, который сегодня остаётся спорным. Мои собственные размышления склоняют меня к такому взгляду на каузальные модальности — возможность, необходимость, невозможность, — который эксплицирует употребление этих терминов метаязыковым образом и при этом не противоречит основному и, по-моему, неопровержимому положению Юма: если выразить его по-своему, единственными доступными нам свидетельствами для утверждения каузальных связей могут быть наблюдаемые регулярности. Как я это понимаю, нет проверки каузальной необходимости сверх проверок регулярности. Но это не лишает смысла различение случайных и необходимых всеобщих синтетических высказываний.

Мыслим мир, в котором некоторый металл с высокой температурой плавления, например платина, повсюду и всегда на протяжении бесконечной истории этого мира находится в твёрдом состоянии в силу случайного обстоятельства: температура в нём нигде и никогда не превышает определённого верхнего предела. В таком мире всеобщее высказывание «$(x, y, z; t)(Pt_{xyzt} \supset S_{xyzt})$», то есть «платина повсюду и всегда тверда», было бы истинным всеобщим высказыванием. Но контрфактическое условное «если бы температура когда-либо достигла определённого значения или превысила его, платина расплавилась бы» могло бы даже выводиться из основных законов физики этого мира. Рассматриваемое всеобщее высказывание истинно случайно. Оно не является следствием основного закона природы: его истинность зависит от некоторых контингентных особенностей начальных и граничных условий воображаемого мира. Это показывает, что существуют осмысленные различия, для которых невозможно придумать никакой мыслимой эмпирической проверки.

Ещё ближе к нашей проблеме спор реализма с феноменализмом. Как я показал в другой работе (110), между этими двумя интерпретациями фактического знания опять-таки нет проверяемого различия, но есть превосходные основания отвергнуть феноменализм и тем самым принять реалистическую эпистемологию. Отправить этот вопрос в метафизическое чистилище — ленивый способ избавить себя от труда тщательного анализа. Но пристальное внимание к логике свидетельства и референции показывает, что феноменализм даже в самых свободных формах не обосновывает и не может обосновать свою доктрину переводимости и что в конечном счёте состоятелен лишь взгляд, синтетически связывающий феноменальные свидетельства с высказываниями о физических объектах.

Именно потому, что реалисты помещают в номологическую сеть и свидетельство, и то, о чём оно свидетельствует, они могут адекватнее объяснить отношение между «познающим и познаваемым», чем когда-либо удавалось позитивистам, прагматистам или операционистам. По той же самой причине наш взгляд на природу физических понятий позволяет отождествить некоторые — конечно, лишь очень немногие! — их референты с референтами

терминов непосредственных переживаний. Ослеплённые, бесспорно, огромной важностью оснований подтверждения наших притязаний на знание, позитивисты, к сожалению, упустили из виду сами объекты этих притязаний. По близорукости они свели их к плоскости свидетельств и тем самым лишили себя возможности дать жизнеспособное объяснение понятий физики; от психофизической же проблемы они лишь уклонились или вытеснили её, полагая, что она исчезнет, если принять их феноменалистские или бихевиористские «редукции». Как бы изобретательны и соблазнительны ни были наиболее тонкие попытки такой редукции, успеха они не принесли. Вот почему я счёл своевременным и полезным открыто вернуть в обсуждение реалистическое решение психофизической проблемы и выступить в его защиту.

VI. Круг нерешённых проблем. Направления дальнейшего анализа и исследования

Хотя я предложил, как мне представляется, по меньшей мере достаточно взвешенный набросок адекватного решения психофизических проблем, ряд составляющих их частных вопросов ещё требует серьёзного прояснения и исследования. Меня больше интересует продолжение работы в этой области, чем возможность сказать в ней «последнее слово» — в философии это во всяком случае почти немыслимо! Поэтому теперь я попытаюсь кратко сформулировать и обсудить несколько вопросов, на которые пока не могу дать вполне удовлетворительного ответа. Я был бы чрезвычайно рад, если бы другие обратились к этим вопросам в собственной работе.

Предшествующий анализ и обсуждение были призваны вывести на уровень полного осознания многие вытесненные трудности нашей проблемы. Я особенно старался по возможности отделить научные вопросы от философских и показать, что перед теорией тождества ментального и физического нет непреодолимых логических препятствий. Обсуждение я вновь разделю на две части. В первой, A, B и C, речь пойдёт об открытых философских вопросах и трудностях. Во второй, D, я гораздо короче оценю приемлемость теории тождества в свете возможных будущих научных открытий, расходящихся с общепринятыми представлениями.

А. Существует ли феноменальный язык? Отношения смысла, свидетельства и референции. В основе предложенного решения лежит различение свидетельства и референции. Какими бы косвенными, поведенческими свидетельствами мы ни пользовались для приписывания ментальных состояний, приписываемое состояние нельзя смешивать со свидетельствами, которые лишь подкрепляют его приписывание. Тем более необходимо устранить ещё худшее смешение образных представлений, связанных с терминами свидетельства, с понятийным смыслом или референцией нейрофизиологических понятий. Единственный случай, когда можно думать, что образные представления играют существенную роль в притязаниях на знание, относится к предельному феноменальному основанию подтверждения всех таких притязаний. И, как мы отмечали, тогда и только тогда, когда притязание на знание ограничено настолько строго, что относится исключительно к переживаемому сейчас данному, — в этом совершенно особом случае — свидетельство и референт совпадают. Примерами могут служить «сейчас зелень», «сейчас гнев», «сейчас зелёное пятно на сером фоне», «колющая боль внезапно усиливается» и т. д. Последний пример показывает, что индексальный термин «сейчас» не обязательно должен присутствовать в феноменальном предложении; но предложение, конечно, стоит в настоящем времени, а это, по-видимому, равнозначно присутствию индексального «сейчас».

Трудно решить, являются ли индексальные термины, то есть эгоцентрические партикулярии вроде «сейчас», «я», «здесь», «это», необходимыми составными частями единичных феноменальных предложений. Конечно, есть много примеров всеобщих высказываний, в которых описательными знаками, помимо чисто логических, служат только феноменальные термины: «Оранжевый цвет ближе к красному, чем к зелёному»; «Всё окрашенное протяжённо в зрительном поле»; «Гнев всегда через некоторое время стихает» и т. д. Есть и трудный вопрос: могут ли феноменальные предложения содержать собственные имена или нечто вроде топологических координат для элементов феноменальных полей? В одном из моих примеров предполагалось, что маленьким светлым пятнам на тёмном фоне зрительного поля можно дать собственные имена и затем описывать их взаимное расположение

посредством отношений «слева от», «над», «значительно ниже». По-видимому, если попытаться смешать феноменальные предложения такого рода с обычным приписыванием организмам ментальных состояний на основе поведения, возникнет опасность логических парадоксов, порождённых категориальными ошибками. При таком поведенческом приписывании индивидом, представленным субъектным термином предложения, является организм — или личность? — а предикат имеет вид «видит зелёное», «видит ряд светлых пятен на тёмном фоне». Поэтому прямой перевод предложений, субъектные термины которых обозначают элементы феноменального поля, в предложения, субъектные термины которых обозначают отдельные организмы, невозможен. Но, возможно, высказывания о некоторых конфигурационных аспектах нервных полей и высказывания о феноменальных полях могут эмпирически иметь один и тот же референт.

Точная логическая экспликация эмпирического тождества или кореферентности сопряжена со многими трудностями. Некоторые из них возникают из склонности понимать смысл как интенсионал, а затем мыслить интенсионал по образцу простейших наглядных примеров. Синева действительно является интенсионалом; но каковы интенсионалы выражений «энергия», «энтропия», «напряжённость электрического поля», «электрический заряд», «нейронный разряд», «реверберационная нейронная цепь»? Во всех этих случаях интенсионалы ненаглядны и могут быть определены лишь посредством постулатов и правил соответствия. Столь же ненаглядны элементы соответствующих экстенсионалов, или денотаты. Мне кажется вполне правомерным сказать, что и интенсионалы, и экстенсионалы теоретических понятий физических наук в значительной мере неизвестны через знакомство и потому лишь очень немногие из них можно отождествить с интенсионалами и экстенсионалами понятий знакомства. Но последние, конечно, предполагают существование феноменального языка. Между тем само существование такого языка всерьёз ставилось под сомнение. В обычном, полноценном смысле «язык» означает символическую систему с определимыми синтаксическими правилами образования и преобразования, семантическими правилами обозначения и прагматическими правилами проверки. Отдельные

фрагменты феноменальной речи, по-видимому, удовлетворяют этим требованиям, но целостная система, подобная системе физического языка, кажется недостижимой.

Трудности усугубляет вопрос, на каком уровне анализа следует определять элементы и отношения, описываемые феноменальными предложениями. Возражения против предпринятого Юмом, Махом, Расселом и Прайсом анализа опыта на «твёрдые» (hard data) и «мягкие» данные (soft data) имеют долгую историю. Феноменологи, гештальтпсихологи, а в последнее время и многие аналитические философы выдвигали серьёзные возражения не только против атомизма или элементаризма учения о чувственных данных, но и против всякого учения о непосредственности или данном[54].

На протяжении всего эссе я отстаивал и обосновывал необходимость подлинно феноменальных терминов, или терминов знакомства, не только для реконструкции косвенного подтверждения практически всех наших притязаний на знание, но и как обозначений референтов некоторых из них — касаются ли они моих непосредственных переживаний или переживаний других людей и животных. Я допускал, что «твёрдые данные», то есть те, о которых мы можем говорить с минимумом вывода, могут быть «даны» не до анализа, а лишь после него. Но вопрос, на каком именно уровне психологического, интроспективного, феноменологического или логического анализа мы находим данные, находящиеся в требуемом взаимно однозначном соответствии с нервными событиями, остаётся открытым. Вместе с В. Кёлером я склонен думать, что анализ, останавливающийся на сравнительно простом конфигурационном уровне и не продолжающий «атомизацию» данного, вполне может выявить искомые элементы на стороне ψ в изоморфизме ψ–Ф. Но феноменальное описание, даже гештальтного типа, — дело нелёгкое.

[54] Некоторые веские доводы против атомизма см. у В. Кёлера (183, 184, 185), Брунсвика (56), Уоллраффа (340); против непосредственности — у Лина (193), Чизолма (75), Витгенштейна (357), Риза (278), Куинтона (270), У. Селларса (315). Другие, в том числе Райл (294), Блэк (38) и Куайн (268), вообще отрицали возможность феноменального языка. У. Селларс допускает феноменальные понятия лишь в качестве теоретических терминов языка теории поведения.

B. Реконструкция в едином языке или в двух языках? В большинстве ключевых частей этого эссе я принимал единый язык за идеальное средство эпистемологической реконструкции. Я имею в виду следующее: в языке здравого смысла или науки присутствуют и феноменальные термины, обозначающие данные непосредственных переживаний, и термины для *illata*, обозначающие ненаблюдаемое; они связаны нитями номологической сети. По-моему, если строить такой единый язык с должной осторожностью, категориальных ошибок можно избежать. Эта реконструкция существенно отличается от реконструкции в двух языках, которую проводят Карнап и У. Селларс (ср. их работы 73, 315). Чисто феноменальные термины у них исключены, по-видимому, из убеждения, что при выборе феноменального базиса реконструкции неизбежны и категориальные ошибки, и солипсизм. Но при восстановлении реализма, то есть при признании синтетического характера связей номологической сети, солипсизм уже не следует как вывод. А категориальных ошибок можно избежать, если отбросить образные представления как познавательно несущественные и строго отличать универсалии от отдельных объектов как среди феноменальных, так и среди нефеноменальных терминов.

Конечно, я признаю, что реконструкция в двух языках обладает определёнными преимуществами. Все высказывания о свидетельствах в ней формулируются на языке наблюдения, который с самого начала понимается как *интерсубъективно* осмысленный. Связи между языком наблюдения и теоретическим языком формулируются посредством правил соответствия. Такой тип реконструкции весьма многое проясняет в анализе смысла и подтверждения научных теорий. Но, как я отмечал, он не вполне отдаёт должное высказываниям о данных непосредственного опыта — как собственного, так и чужого. В нашем едином языке «перегородка» между данными и *illata* расположена совершенно иначе. Правила соответствия в нём в конечном счёте были бы высказываниями о корреляциях ψ–Ф, то есть о денотатах нейрофизиологических терминов, представляющих собой непосредственные переживания. Поскольку на точное знание этих корреляций можно лишь надеяться в будущей психофизиологии, единый язык в значитель-

ной мере остаётся на стадии «долговой расписки». Поэтому он мало что проясняет, если наша эпистемологическая реконструкция должна отражать развитие знания в нашей весьма незавершённой и продолжающейся научной работе. Для этой цели реконструкция в двух языках гораздо адекватнее.

Но если нас удовлетворяют сравнительно низкие вероятности связей в номологической сети, реконструкция в едином языке тоже могла бы справиться с задачей. А как набросок реконструкции идеально завершённой науки подход единого языка предпочтительнее. Сегодня пояснить, что это означало бы, можно лишь своего рода «научно-фантастической» иллюстрацией. Допустим, мы обладаем полным знанием нейрофизиологии и можем упорядочить все возможные состояния человеческого мозга — если не метрически, то хотя бы топологически — в n-мерном фазовом пространстве. Каждая точка в нём представляла бы тогда вполне определённый тип мозгового состояния. А если принять изоморфизм, подмножество этих точек представляло бы также совокупность всех возможных ментальных состояний.

Допустим далее, что мы можем обучать детей словарю языка мозговых состояний. Если для этого нужны упорядоченные наборы из n чисел, то в речь ребёнка можно было бы ввести простые выражения вроде «17-9-6-53-12» или даже сокращённые символы для них. Позаботившись, чтобы эти выражения заменили все интроспективные обозначения ментальных состояний, мы сразу научили бы ребёнка говорить о собственных состояниях на языке нейрофизиологии. Конечно, сначала ребёнок не знал бы этого: он употреблял бы, например, «17-9-6-53-12» так, как мы говорим «напряжён, нетерпелив, тревожен, но всё же полон надежды и ожидания». Однако, усвоив этот словарь, он, когда вырастет и станет учёным, без труда согласовал бы эту терминологию с понятийной системой нейрофизиологии, включив её в эту систему, а в конечном счёте, возможно, и в систему теоретической физики. Разумеется, я не только признаю, но и подчёркиваю, что при таком преобразовании смысл исходных терминов существенно меняется. Но эту перемену можно считать прежде всего огромным обогащением, а не радикальным сдвигом или «переходом через онтологические барьеры». Иначе говоря, интроспекцию можно рассматри-

вать как путь к нейрофизиологическому знанию, хотя сама по себе она даёт лишь чрезвычайно грубые и схематичные сведения о мозговых процессах. Такие сведения могут касаться некоторых гештальтных конфигураций, качественных и полуколичественных различий и градаций; но сами по себе они не содержали бы никаких указаний на мозговые связи, тем более на локализацию.

С. Взаимно однозначное соответствие и «мировая загадка». Изоморфизм ментального и физического, согласно нашему истолкованию, состоит во взаимно однозначном соответствии элементов и отношений среди феноменальных данных элементам и отношениям среди референтов некоторых нейрофизиологических терминов. Мы предложили объяснить этот изоморфизм простейшим способом: допустить тождество феноменальных данных с референтами некоторых нейрофизиологических терминов. Возникает вопрос: можно ли сохранить теорию тождества, если эмпирические основания заставят нас отказаться от взаимно однозначного соответствия ψ–Ф и заменить его учением о соответствии «один ко многим»? Как отмечалось ранее, при таком соответствии физикалистское предсказание возникновения ментальных состояний в принципе всё ещё оставалось бы однозначным. Сравнение с примером отождествления чисто физических понятий может пролить свет на этот вопрос. Макротемпературе, устанавливаемой термометрически, соответствует по типу «один ко многим» множество микроусловий, а именно очень большая совокупность молекулярных состояний. Строго говоря, это соответствие между одним описанием состояния на макроуровне и определимой бесконечной дизъюнкцией описаний состояний микроуровня. Поскольку, как мы также отмечали, это соответствие устанавливается эмпирически, оснований говорить здесь о логическом тождестве не больше, чем в случае ψ–Ф. Тем не менее мы видели, что отношение температуры к средней молекулярной кинетической энергии осмысленно рассматривать как пример теоретического тождества, и выяснили, в каком именно смысле.

В психофизическом случае, как и в случае температуры, при допущении соответствия «один ко многим» предсказание последующих микро-, а в конечном счёте даже макроконфигураций на основе сведений соответственно о ментальном состоянии или

состоянии макротемпературы не могло бы быть однозначным. Для примера с температурой это очевидно в свете принципов статистической механики. Аналогично нельзя было бы точно предсказать и поведение, следующее за определённым ментальным состоянием. Само по себе это не слишком тревожит. Ведь даже при взаимно однозначном соответствии нервные корреляты ментального состояния составляли бы лишь весьма незначительную часть всех существенных начальных условий. Однако говорить о тождестве при соответствии «один ко многим» кажется неоправданным: здесь мы по условию знакомы с феноменальным данным, а соответствующую дизъюнкцию мозговых состояний вряд ли можно правдоподобно отождествить с этим отдельным данным.

Даже если принять взаимно однозначное соответствие, против теории тождества остаётся любопытное возражение[55]. Согласно взгляду, изложенному в разделе V, между учениями тождества и параллелизма нет эмпирически проверяемого различия. Мы говорили, что переход к признанию тождества — дело философской интерпретации. Но, как гласит возражение, если допустить тождество, то сохранение потока непосредственного опыта, «бестелесного сознания», после смерти и распада тела стало бы логически невозможным. Далее утверждается, что из параллелизма такое следствие логически не вытекает. Ведь можно было бы считать, что взаимно однозначное соответствие действует лишь при жизни человека, а столь радикальное событие, как смерть тела, обозначает предел его действия. Тогда ментальные состояния могли бы возникать независимо от физических коррелятов.

Получается, будто из нашей философской теории тождества вытекают следствия, проверяемо отличные от следствий параллелизма. Это весьма парадоксально. Мой предварительный ответ двояк. Во-первых, поскольку отождествление ψ и Φ эмпирично, оно, конечно, может оказаться ошибочным. Но если тождество действительно имеет место, то посмертное существование и в самом деле логически невозможно. Логически это вполне аналогично условному высказыванию: если действует закон сохранения энергии, то вечный двигатель «первого рода» тем самым логиче-

[55] Выдвинутое г-ном Г. Гэвином Александером в дискуссиях Миннесотского центра философии науки.

ски исключён. Но закон сохранения энергии, конечно, имеет лишь эмпирическую значимость и однажды может быть опровергнут убедительными эмпирическими свидетельствами. Во-вторых, и это, возможно, важнее, учение параллелизма, как я его понимаю, утверждает взаимно однозначное соответствие ψ–Ф как *всеобщий и несводимый* закон. По-моему, это исключает бестелесные сознания в той же мере, что и тезис тождества. Поэтому я считаю, что тезис тождества относится к эпистемологической и семантической интерпретации и по своим эмпирическим следствиям не отличается от тщательно сформулированного параллелизма.

Ещё одно затруднение было сформулировано в монадологии Лейбница, а в иной форме представлено Э. Дюбуа-Реймоном как одна из его знаменитых неразрешимых «мировых загадок». Если выразить суть этой загадки современным языком, она касается несводимого, синтетического характера корреляций ψ–Ф. Где бы мы ни находили в природе закономерности сосуществования или корреляции, мы надеемся найти для них единое объяснение; во многих случаях научные теории дали плодотворные и хорошо подтверждённые объяснения такого рода. Но в случае корреляции ψ–Ф мы, по-видимому, сталкиваемся с принципиально иным положением. Нигде не видно правдоподобной научной теории, которая объясняла бы, почему именно феноменальные состояния связаны с мозговыми. Многие философы смирились с тем, что корреляции ψ–Ф следует считать «предельными», «несводимыми», «грубыми фактами» (brute facts). Поскольку всякое объяснение предполагает объясняющие посылки, которые хотя бы в его контексте должны быть приняты, а введение более высоких уровней объяснения обычно достигает предела после трёх-четырёх «шагов вверх», можно было бы примириться с положением и сказать: «Мир таков, каков он есть, и на этом всё». Но, по-моему, одно из преимуществ теории тождества как раз в том, что она устраняет двойственность двух рядов коррелирующих событий, заменяя её гораздо менее загадочной двойственностью двух способов познания одного события: прямого и косвенного.

Тем не менее и теория тождества признаёт некоторые «грубые факты», только располагает их иначе. Помимо основных физических законов и начальных условий, наш взгляд допускает лишь

эмпирически устанавливаемое совпадение референтов феноменальных и физических терминов. Это совпадение нельзя сформулировать в виде законов, законоподобных предложений или формул. Оно сводится лишь к общей референции терминов знакомства, с одной стороны, и однозначных физических описаний — с другой. Любая иная формулировка этого отношения создаёт надуманные загадки и устранимые затруднения. Например, вопрос «Почему ментальное состояние “предстаёт” физиологу как мозговое?» вводит в заблуждение. Мозговое состояние в том виде, в каком оно предстаёт физиологу[56], конечно, поддаётся анализу на феноменальные данные, входящие в непосредственный опыт самого физиолога. «Грубый факт» состоит просто в том, что феноменальные качества, известные одному человеку через знакомство, другому известны косвенно, по описанию, на основе феноменальных данных-свидетельств, которые в подавляющем большинстве случаев качественно совершенно отличны от данных, имеющихся у первого человека или ему приписываемых. Я не вижу в таком понимании ничего парадоксального или особенно загадочного.

Небольшое размышление над аутоцереброскопической ситуацией ясно показывает: соответствие, например, между непосредственно переживаемыми музыкальными тонами и определёнными конфигурациями возбуждения в височных долях собственного мозга, представленными зрительными узорами на экране, — это просто корреляция конфигураций в двух феноменальных полях. Понятийное нейрофизиологическое объяснение зрительных данных здесь состоит в гипотезах о мозговых процессах, каузально ответственных за появление изображения на экране; последнее, в свою очередь, каузально ответственно за возникновение определённых конфигураций в зрительном поле. Строго говоря, с учётом физических законов между моментом нервного события в височной доле и его «представлением» через аутоцереброскоп в собственном зрительном поле должна существовать даже небольшая временная задержка. Переживаемые конфигурации зрительного поля в этой ситуации являются каузальными следствиями,

[56] Независимо от того, наблюдает ли физиолог чужой мозг или аутоцереброскопически свой собственный.

помимо прочего, слуховых данных. Если пренебречь малой задержкой, здесь действительно можно говорить о параллелизме. Но это параллелизм между данными или конфигурациями разных чувственных модальностей либо, когда зрительный опыт аутоцереброскопически «представлен» другими зрительными данными, — внутри одной и той же модальности. Предоставлю читателю самому продумать этот случай и убедиться, что никаких парадоксальных следствий такой особый случай аутоцереброскопии не влечёт.

Можно поставить и другой вопрос: не влечёт ли предлагаемая теория тождества нежелательных следствий эпифеноменализма? Теперь уже должно быть очевидно, что наше решение психофизической проблемы принципиально отличается от материалистического эпифеноменализма. (1) Оно монистично, тогда как эпифеноменализм — форма дуалистического параллелизма. (2) «Физическое» понимается как понятийная система или описываемые ею реальности, а не как первичный вид существования, к которому ментальное присоединяется в виде каузально бессильной роскоши, «теневого» вторичного существования. (3) Напротив, ментальные состояния, переживаемые и/или познаваемые через знакомство, понимаются как те самые реальности, которые обозначаются также очень небольшим подмножеством физических понятий. Поэтому действенность удовольствия, боли, эмоций, обдумывания, волений и т. д. утверждается вполне определённо. В этом отношении монизм разделяет состоятельные и защитимые положения интеракционизма, не принимая его уязвимых положений.

Если на время перейти к «онтологическому» языку, теория тождества считает базовой реальностью способность переживать — переживаемые качества, у человека познаваемые через знакомство, — и другие качества, не переживаемые и познаваемые лишь по описанию. Избегая неоправданного панпсихического обобщения, она обходит весьма сомнительную разновидность индуктивной метафизики. В очень ограниченном и, надеюсь, очищенном виде она разделяет с некоторыми формами идеалистической метафизики определённое понимание реальности и соединяет его с состоятельной частью материализма: убеждением, что основные законы Вселенной «физичны». Это, в частности, означает, что

телеология органических процессов, направленность поведения на цель, или его целесообразность, — макрохарактеристики, объяснимые через нетелеологические понятия и законы, действующие на лежащих в их основе микроуровнях. Иначе говоря, предлагаемая монистическая теория не требует несводимых телеологических понятий в своих объясняющих посылках.

Однако здесь возникает затруднение, заставляющее задуматься. Поскольку мы считаем эмпирическим фактом и, следовательно, логически контингентным обстоятельством то, какие именно физические, нейрофизиологические понятия обозначают данные непосредственного опыта, можно усомниться, удовлетворительно ли объяснена каузальная действенность непосредственных переживаний. В органической жизни бесчисленное множество телеологических процессов, которые, если мы не панпсихисты или психовиталисты, должны считаться протекающими без участия способности переживать. Возьмём, например, чрезвычайно «изобретательные» процессы размножения, роста, приспособления, восстановления и регенерации, происходящие как в низших организмах, так и во многих частях человеческого организма. С другой стороны, каузальная действенность внимания, осознания, бдительности, удовольствия, боли и т. д. у человека столь поразительна, что возникает искушение вслед за панпсихистами допустить некие неизвестные через знакомство качества, весьма родственные действительно переживаемым. Новая загадка эпифеноменализма, по-видимому, сводится к следующему: эволюционное, физиологическое и, возможно, физическое объяснение приспособления, научения, направленного на цель поведения избегания (abient) или приближения (adient) можно дать вообще без обращения к непосредственным переживаниям. Распределение непосредственных переживаний по различным возможным нервным состояниям могло бы быть совершенно иным. Например, они могли бы связываться с перистальтическими движениями желудка или самовосстановлением коронарных сосудов, а не с корковыми процессами. Но, повторяю, иное распределение непосредственных переживаний или даже полное их отсутствие всё равно не препятствовало бы адекватному объяснению телеологического поведения. Конечно, если мы принимаем действительное распределение, то

есть всю совокупность правил корреляции ψ–Ф как предельные законы параллелизма, и истолковываем их в духе теории тождества, мы вполне правомерно можем говорить о действенности непосредственных переживаний. Ведь термины непосредственных переживаний тогда занимают в номологической сети именно те места, куда наука помещает то, что дуалистический параллелизм считает их нервными коррелятами. Но если биопсихологические объяснения, предлагаемые теориями эволюции и научения, способны таким образом включить действенность непосредственных переживаний, сами эти теории предполагают корреляции ψ–Ф, но не объясняют их.

То, что удовольствие или удовлетворение подкрепляет определённые формы поведения приближения, можно сформулировать в виде закона эффекта (ср. Михл, 220). Но в окончательном нейрофизиологическом выводе этого эмпирического закона поведения корреляция удовольствия или удовлетворения с определёнными состояниями мозга не требуется. Бихевиористы, особенно «логические бихевиористы», избрали здесь слишком лёгкий выход, просто определив приятное как поведенчески привлекательное, а болезненное — как поведенчески отталкивающее. «Озарение» некоторых физически описываемых процессов непосредственными переживаниями — явно то, о чём радикальный бихевиорист не может даже начать говорить. Но если признать синтетический элемент в отношениях ψ–Ф, который мы всё время подчёркивали, то остаётся нечто, чего чисто физическая теория не объясняет и объяснить не может. Нет ли тогда своего рода «грубого факта», который наша монистическая теория должна принять, но для которого, возможно, не существует объяснения — в том же смысле, в каком в рамках натуралистического эмпиризма невозможно объяснить, почему наш мир в своих основных законах и условиях таков, каков он есть? Впрочем, возможно, я вижу здесь загадку лишь потому, что сам стал жертвой одной из тех путаниц, которые столь усердно стремлюсь устранить из психофизической проблемы. Откровенно говоря, я подозреваю, что моё недоумение порождено своего рода «регрессией», а не «вытеснением». Если так, я был бы очень признателен за «терапевтические» предложения, которые помогли бы прояснить дело. Возможно, решение следует искать в направле-

нии, которое кажется правдоподобным по крайней мере для отчасти родственной загадки «инвертированного спектра».

Как мы видели, логический бихевиоризм не даёт удовлетворительного «устранения» этой старой загадки. «Сознание в заточении» логически мыслимо и могло бы знать через знакомство, что его чувственные квалиа не находятся во взаимно однозначном соответствии с аутоцереброскопически устанавливаемыми нервными состояниями. Если допустить физический детерминизм, такое знание действительно должно было бы навсегда остаться приватным и несообщаемым. Но при этих условиях логически мыслима систематическая перестановка квалиа как у одного человека в разное время, так и между разными людьми. Конечно, по условию она не поддавалась бы интерсубъективному подтверждению и потому никогда не могла бы стать предметом научного притязания на знание. Но логическая мыслимость ситуации инвертированного спектра вновь показывает эмпирический характер соответствия ψ–Ф. Этот эмпирический характер, однако, как мы тоже подчёркивали, чрезвычайно фундаментален: он тесно связан с основным принципом каузальности, или «достаточного основания». Для систематической перестановки квалиа при одних и тех же типах нервных состояний мы по условию не могли бы указать вообще никаких веских оснований.

Кроме того, допущение, что сознание в заточении способно хотя бы «приватно» знать о перестановке, сопряжено с серьёзной трудностью. Обычное воспоминание, по-видимому, предполагает по меньшей мере квазидетерминистические нервные процессы. Сознание в заточении могло бы осознавать перестановку квалиа по типу инвертированного спектра лишь при допущении какого-то особого разрыва в нормальной каузальности. Чтобы знать, что сегодня корреляция непосредственных переживаний с нервными состояниями отличается от вчерашней, ему пришлось бы помнить вчерашние корреляции. Но как это возможно, если память зависит от изменений нервных структур коры? Эти соображения ясно показывают: при допущении нормальной физической каузальности систематическая перестановка оставалась бы непознаваемой даже для самого приватного сознания в заточении. Обратные, но в остальном аналогичные загадки возникают при допущении сохра-

нения приватного потока опыта после смерти тела. Как такое приватное сознание могло бы знать, что его «физическое» окружение продолжает существовать?

Все эти размышления, по-моему, указывают на то, что по крайней мере в нашем мире нет ничего принципиально недоступного «триангуляции» на интерсубъективной чувственной основе. Само наличие непосредственных переживаний вообще не является знанием, а знание через знакомство не даёт истин, которые в принципе не могли бы быть косвенно подтверждены и другими людьми, помимо того, кто проверяет их непосредственно. Теория тождества ψ–Ф в моём понимании делает явной эту «онтологическую» черту нашего мира. Поэтому критерий научной осмысленности, сформулированный через интерсубъективную подтверждаемость, можно рассматривать вовсе не как произвольное установление или условное соглашение, а как нечто имеющее онтологическое значение — «онтологическое» в безобидном смысле отражения индуктивно правдоподобной, основополагающей характеристики нашего мира.

Эмпирическое тождество, как я его понимаю, «слабее» логического, но «сильнее» случайного эмпирического тождества и, подобно теоретическому тождеству, сильнее номологического тождества в физических науках — так же как каузальная необходимость слабее логической необходимости, но сильнее простой эмпирической регулярности. Если кореферентность феноменального и нейрофизиологического терминов понимать как нечто большее, чем простая экстенсиональная эквивалентность, если считать её характеристикой самой природы нашего мира — подобно тому как основные законы природы характеризуют наш тип мира и отличают его от других типов, — то, возможно, вывод от нервного состояния к «коррелирующему» с ним непосредственному переживанию по меньшей мере столь же «необходим», хотя, конечно, и не чисто дедуктивен, как вывод, например, от атомной структуры химического соединения к его макрофизическим и химическим свойствам.

Надеюсь, читатели, сочувственно относящиеся к моим, признаю, спекулятивным поискам, попытаются выразить в логически более точной и ясной форме то, что мне удалось наметить лишь

столь расплывчато. Во всяком случае, им следует помнить одну из идей, которые кажутся мне необходимыми для адекватного решения как спора феноменализма с реализмом, так и психофизической проблемы. Образец символического обозначения и денотации следует видеть в отношении отдельного употребления феноменального термина к его референту — непосредственному переживанию. Все нефеноменальные описательные термины нашего языка, то есть все физические термины на любом уровне иерархии объяснения, обозначают сущности, которые в рамках физического знания неизвестны через знакомство. Но если принять наш «гиперкритический» реализм, мы должны приписать денотаты всем физическим терминам, обозначающим индивидов, свойства, отношения, структуры, поля и т. д., — то есть сущности, о которых можно обоснованно сказать, что они описаны, однозначно охарактеризованы на основе данных-свидетельств посредством расселовских дескрипций на том или ином уровне иерархии логических типов. «Существовать» — значит просто быть объектом истинного, однозначно описывающего высказывания. Но поскольку такое описательное знание, основанное на чувственных свидетельствах, само по себе никогда не позволяет *дедуктивно* вывести известные через знакомство качества своих объектов, всегда остаётся возможность своего рода модального отождествления данного с определимым предметом описания, *descriptum*. Это и есть центральное положение настоящего эссе.

D. Несколько замечаний о философском значении открытых научных вопросов психофизиологии. Среди разнообразных психофизических загадок немало проблем преимущественно научного характера. Их решение должно дождаться дальнейшего развития биологии, нейрофизиологии и особенно психофизиологии[57]. Многих из этих вопросов мы касались в различных частях и фрагментах эссе. Если вновь, лишь ради удобства изложения, восполь-

[57] Особенно важными или по меньшей мере наводящими на размышления в этих областях мне кажутся следующие книги и статьи: Боринг (40); Кёлер (183, 184); Винер (349); Хебб (145); Херрик (154); Эдриан (3, 4, 5); Брейн (46); Экклз (92); Эшби (9); Маккаллох (214, 215); фон Фёрстер (122, 123); Блум (39); Бриллюэн (49); Калбертсон (80); Колби (76); Гелльгорн (132); Креч (188, 189). Восторженная, полная энтузиазма оценка значения кибернетики для психофизической проблемы у Нортропа (240) показывает по меньшей мере реакцию одного философа на вызов этой новой пограничной дисциплины.

зоваться языком параллелизма, дальнейшие исследования конкретных соответствий ψ–Ф должны решить, например, следующие вопросы.

1. Проблема мозговой локализации ментальных состояний и функций. Классические и недавние эксперименты указывают на весьма определённую локализацию многих процессов. С другой стороны, результаты Лэшли, Кёлера и других свидетельствуют о принципе массового действия или эквипотенциальности различных областей мозга.

2. Проблема отношения феноменальных пространств — зрительного, осязательного, кинестетического, слухового и т. д. — к физическому пространству. Давняя загадка «локальных знаков» Лотце, насколько мне известно, ещё не вполне разрешена. Вопрос в том, какие нервные механизмы позволяют нам более или менее верно локализовать строго ограниченные события, например ощущения прикосновения или боли, на коже или внутри организма. Можно ли предположить существование проекционных областей коры, которые благодаря научению связывают афферентные нервные импульсы различных чувственных модальностей и тем самым позволяют, например, зрительно локализовать то, что первоначально дано как осязательное или болевое ощущение?

3. Проблема природы следов памяти. Сейчас большую роль отводят реверберирующим цепям в нервных структурах. Но, по-видимому, это объяснение, хотя и может подойти для кратковременной памяти, едва ли достаточно для долговременной. Чем объяснять снижение нервного или синаптического сопротивления — «нейробиотаксисом», утолщением концевых почек дендритов или каким-то химическим, квантово-динамическим изменением в нейронах, — сегодня совершенно неясно.

4. Проблема «кажущегося настоящего» (specious present). То, что непосредственный опыт одного момента сознания охватывает события короткого отрезка конечной длительности, а не просто «бесконечно малый» момент физического времени, представляет загадку, особенно интересную с философской точки зрения. Трудно, но, думаю, возможно представить механизмы сканирования, которые «принимают к сведению» только что накопившиеся

следы и даже включают элемент экстраполяции на ближайшее будущее.

5. Проблема воспоминания об упорядоченных последовательностях прошлых переживаний. Как мозговой процесс в данный момент может обеспечить верное одновременное представление такой последовательности? Философы привыкли отличать последовательность воспоминаний от воспоминания о последовательности событий. По-видимому, последнее в некоторых случаях может происходить в один момент кажущегося настоящего. Так, мне кажется, что я осознаю последовательность тем и их развития в первой части Седьмой симфонии Бетховена, причём это осознание, по-видимому, не требует быстрого внутреннего проигрывания. Всё словно «присутствует сразу». Я также обычно могу достаточно надёжно вспомнить временную последовательность многих событий своей жизни: различных поездок, выступлений с лекциями, первого, второго, третьего и т. д. посещения Парижа и прочего. Может ли это вновь объясняться каким-то механизмом «сканирования»? Дриш (87) считал совершенно невозможным представить нейрофизиологический механизм, объясняющий эти явления, и полагал, что отдать им должное способен лишь дуалистический интеракционизм, предполагающий строго нематериальное сознание или «я», в согласии с прочими его виталистскими учениями. Хотя я не знаю явно работоспособной нервной модели, которая справилась бы с этой задачей, я считаю, что здесь, как и в других случаях, Дриш преждевременно объявил о поражении натуралистических объяснений. Современные научные результаты и теоретические построения уже в стольких случаях показали возможность физико-химического объяснения биологических явлений, что у нас есть веские основания ожидать успешного решения проблемы воспоминания о последовательностях прошлых событий.

6. Проблемы «качества», «слияния» и «порогов». Я разобрал их выше, в разделе V.E, насколько мог, но нет сомнения, что для адекватного объяснения этих примечательных явлений нужны дальнейшие исследования.

7. Проблемы «целостности», гештальта, телеологического функционирования и целесообразного поведения. Они тоже обсуждались выше, в разделе IV.E. Достижения гештальттеории и её

учения об изоморфизме в значительной мере вошли в современную психофизиологию (ср. прежде всего Хебб, 145). Столь же важен и многообещающ анализ процессов отрицательной обратной связи, предлагаемый кибернетикой. Однако положения «общей теории систем», хотя по духу и родственны кибернетике, гештальттеории и математической биофизике, весьма сомнительны с логической точки зрения (ср. Бак, 57). Мы обсуждали и связанный с этим вопрос эмерджентной новизны. Если «абсолютная эмерджентность» (Пап, 244) — факт, то, возможно, стоит всерьёз рассмотреть объяснение, подобное предложенному Михлом и Селларсом (221). Я всё ещё ожидаю, что будущие научные исследования покажут достаточность физических$_2$ объяснений. Но если я ошибаюсь, теория, допускающая подлинную эмерджентность, кажется гораздо более правдоподобной альтернативой, чем дуалистический интеракционизм. Однако такая теория имела бы важные философские следствия. Вывод к ментальным состояниям опирался бы на предполагаемые номологические отношения между физическими$_2$ событиями мозга и ментальными состояниями, которые можно было бы определить лишь через теоретические понятия физического$_1$ языка. Между референтами некоторых теоретических физических$_1$ терминов и референтами феноменальных терминов по-прежнему сохранялось бы эмпирическое тождество, но научное объяснение поведения заметно отличалось бы от чисто физических$_2$ объяснений. Некоторые философские загадки психофизической проблемы при этой гипотезе, возможно, разрешались бы даже правдоподобнее. Например, на вопрос об «инвертированном спектре» можно было бы ответить совершенно прямо, на основе обычного индуктивного вывода или вывода по аналогии. Непосредственно данные квалиа, представленные в научном описании теоретическими физическими$_1$ терминами, тогда были бы функционально связаны с мозговыми процессами, описываемыми теоретическими физическими$_2$ терминами. Принцип достаточного основания говорил бы нам, что допущение любого отклонения от хорошо подтверждённых функциональных отношений между ментальными состояниями и физическими$_2$ состояниями мозга столь же произвольно, как, например, допущение, что одни электрические токи связаны с магнитными полями совершенно иной струк-

туры, чем другие, несмотря на полное сходство этих токов во всех прочих отношениях. Как я уже указывал, вопрос об истинности эмерджентистской теории в любом случае находится в ведении будущего эмпирического исследования.

8. Проблема нейрофизиологического объяснения *самости*. Это важное, хотя и спорное понятие описывает форму организации или интеграции переживаний и диспозиций, которой на нервной стороне соответствуют прежде всего относительно устойчивая структура мозга и других частей нервной системы, а также некоторые целостные формы функционирования. В какой мере психоаналитические понятия Я, Сверх-Я и Оно могут быть «отождествлены» с такими структурами и функциями, пока совершенно неясно. Весьма вероятно, что, когда подробные нейрофизиологические факты станут лучше известны, психологические понятия окажутся лишь первыми грубыми приближениями.

9. Проблемы нейрофизиологических теорий, которые объяснят бессознательные процессы, предполагаемые различными «глубинными психологиями», особенно психоанализом. Один из философски интересных вопросов здесь — можно ли эксплицировать такие психоаналитические понятия, как «вытесненные желания», «бессознательная тревога», «эдипов комплекс» и т. д., как диспозиции или же необходимо допустить и бессознательные события. Даже вне области фрейдовской проблематики есть, например, нередко описываемые случаи, когда человек «просыпается с решением математической задачи». Возникает вопрос, совершал ли мозг во сне некоторую «работу» и, если да, не могут ли «бессознательные мысли» входить в объяснение первого уровня для подобных явлений. Я склонен думать, что нужны и диспозиции, и события и что дальнейшее развитие науки вполне может дать более надёжные нейрофизиологические объяснения, чем предлагаемые сегодня, хотя и наводящие на размышления, модели мозга (ср. Колби, 76).

10. Гораздо проблематичнее всех вопросов, обсуждавшихся до сих пор в этом разделе, следствия предполагаемых результатов парапсихологических исследований. Будучи воспитан в духе научного метода, я прежде всего настаивал бы на дальнейшей экспериментальной проверке этих результатов. Но если принять всерьёз впечатляющие статистические свидетельства в пользу телепатии,

ясновидения и предвидения, возникает чрезвычайно трудная проблема: как объяснить эти факты посредством научной теории? Мне неизвестна ни одна попытка, которая дала бы хотя бы правдоподобный набросок такой теории. Все предложенные до сих пор гипотезы настолько фантастичны, что пока научно бесплодны. Однако логический анализ, например у Ч. Д. Брода (52) и М. Скривена (304), проясняющий, в каких отношениях факты парапсихологии — если это факты! — несовместимы с некоторыми руководящими принципами «викторианской» науки, полезен и наводит на размышления. Трудно сказать, стоим ли мы перед научной революцией, более радикальной, чем все прежние перестройки научной картины, или необходимые изменения сведутся лишь к небольшим поправкам.

Заключительное замечание. Существенная часть обоснования предложенного в этом эссе философского монизма зависит от эмпирических, научных допущений. Лишь дальнейшее развитие психофизиологии решит, состоятельны ли они. Поскольку я не исследователь-экспериментатор, хотя в молодости и занимался некоторой лабораторной работой по физике и химии, я не могу ответственно строить психофизиологические гипотезы. Не стремился я и закрыть путь альтернативным философским взглядам на отношения ментального и физического. Но я действительно пытался показать, что монизм:

(1) по-прежнему весьма правдоподобен с научной точки зрения;

(2) философски защитим, поскольку не влечёт непреодолимых логических или эпистемологических трудностей и парадоксов.

Я вполне сознаю, что смог рассмотреть лишь некоторые затруднения, веками, а особенно в последние десятилетия, тревожившие философов и психологов. Что именно тревожит нас в философии, какие проблемы кажутся важными — это, конечно, зависит от множества более или менее случайных личных обстоятельств, особенностей образования и культуры. Несмотря на все усилия разобраться в вопросах, которые кажутся мне важными и озадачивающими, я, конечно, мог даже не коснуться других сторон, в которых некоторые читатели видят самую суть проблемы сознания и тела. Пусть другие возьмутся за них!

Библиография

В приведённой ниже довольно обширной библиографии я постарался собрать не только ссылки на работы, действительно обсуждаемые или цитируемые в этом эссе, но и многое из того, что представляется мне принципиально важным для дальнейших философских исследований в данной области. При пугающем количестве философских публикаций, появившихся за последние десятилетия, многие ценные книги и статьи слишком быстро забываются, а многие и вовсе остаются незамеченными. Учёные и студенты, желающие распутать «мировой узел», вероятно, найдут в большинстве этих трудов пищу для размышлений, а во многих — и настоящее прояснение.

Что касается моих прежних публикаций о психофизической проблеме, то изложение 1934 года (103) я теперь считаю отчасти запутанным. Более поздняя, довольно краткая работа 1950 года (112) в целом достаточно верно предвосхищает и подытоживает мои нынешние взгляды, хотя некоторые использованные там поясняющие аналогии меня уже не удовлетворяют. Более подробное обсуждение моей теории тождества в её отношении к современной, большей частью неопубликованной версии карнаповского физикализма, а также к проблемам эмпиристского критерия фактической осмысленности содержится в моём эссе (116) для тома, посвящённого Карнапу в серии П. А. Шилппа Library of Living Philosophers.

1. Adams, D. K. "Learning and explanation," Learning Theory, Personality Theory, and Clinical Research: The Kentucky Symposium, pp. 66-80. New York: Wiley; London: Chapman & Hall, Ltd., 1954.

2. Adams, G. P., J. Loewenberg, and S. C. Pepper (eds.). The Nature of Mind, University of California Publications in Philosophy, Vol. 19, 1936 (especially articles by P. Marhenke and S. C. Pepper).

3. Adrian, E. D. The Mechanism of Nervous Action. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1932.

4. Adrian, E. D. The Physical Background of Perception. Oxford: The Clarendon Press, 1947.

5. Adrian, E. D., F. Bremer, H. H. Jasper (consulting eds.), and J. F. Delafresnaye (ed. for the Council). Brain Mechanisms and Consciousness: a Symposium—Council for International Organizations of Medical Sciences. Springfield (Ill.): Charles C. Thomas, 1954.

6. Aldrich, V. C. "Messrs. Schlick and Ayer on Immortality," Philosophical Review, 47:209-213 (1938). Reprinted in H. Feigl and W. Sellars, Readings in Philosophical Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

7. Aldrich, V. C. "What Appears?" Philosophical Review, 63:232-240 (1954).

8. Alexander, P. "Complementary Descriptions," Mind, 65:145-65 (1956).

9. Ashby, W. R. Design for a Brain. New York: Wiley, 1952.

10. Austin, J. L. "Other Minds," Aristotelian Society Supplementary Volume, 20: 148-187 (1946). Reprinted in A. G. N. Flew, Logic and Language (2nd series) 123-58. Oxford: Blackwell; New York: Philosophical Library, 1953.

11. Avenarius, R. Der Menschliche Weltbegrift. Leipzig: Reisland, 1912.

12. Ayer, A. J. Language, Truth and Logic. New York: Oxford Univ. Press, 1936; 2nd ed., London: Gollanz, 1946.

13. Ayer, A. J. The Foundations of Empirical Knowledge. New York: Macmillan, 1940.

14. Ayer, A. J. "The Physical Basis of Mind: A Philosophers' Symposium II," in Peter Laslett (ed.), The Physical Basis of Mind, pp. 70-74. New York: Macmillan, 1950.

15. Ayer, A. J. "One's Knowledge of Other Minds," Theoria, 19:1-20, Part 1-2 (1953).

16. Ayer, A. J. "Can There be a Private Language?" A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 28:63-76 (1954).

17. Ayer, A. J. "Phenomenalism," in A. J. Ayer, Philosophical Essays. New York: St. Martin's Press, 1954.

18. Ayer, A. J. The Problem of Knowledge. New York: St. Martin's Press, 1956.

19. Bakan, D. "A Reconsideration of the Problem of Introspection," Psychological Bulletin, 51:106-118, March 1954.

20. Bar-Hillel, Y. "Indexical Expressions," Mind, 63:359-379 (1954).

21. Beck, L. W. "The Psychophysical as a Pseudo-Problem," journal of Philosophy, 37:561-571 (1940).

22. Beck, L. W. "The Principle of Parsimony in Empirical Science," Journal of Philosophy, 40:617-633 (1943).

23. Beck, L. W. "Secondary Quality," Journal of Philosophy, 43:599-610 (1946).

24. Beck, L. W. "Constructions and Inferred Entities," Philosophy of Science, 17: 74-86 (1950). Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 368-381. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

25. Berenda, C. W. "On Emergence and Prediction," Journal of Philosophy, 50: 269-274(1953).

26. Bergmann, G. "On Physicalistic Models of Non-physical Terms," Philosophy of Science, 7:151-158 (1940).

27. Bergmann, G. "On Some Methodological Problems of Psychology," Philosophy of Science, 7:205-219 (1940). Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 627-636. New York: Appleton- Century-Crofts, 1953.

28. Bergmann, G. "Holism, Historicism and Emergence," Philosophy of Science, 11:209-221 (1944).

29. Bergmann, G. "The Logic of Psychological Concepts," Philosophy of Science, 18:93-110(1951).

30. Bergmann, G. "The Problem of Relations in Classical Psychology," Philosophical Quarterly, 2:140-152 (1952).

31. Bergmann, G. "Theoretical Psychology," Annual Review of Psychology, 4:435-458(1953).

32. Bergmann, G. "Sense and Nonsense in Operationism," Science Monthly, 79: 210-214 (1954).

33. Bergmann, G. "Intentionality," Archivio di Filosofia, 6:177-216 (1955).

34. Bergmann, G. Philosophy of Science. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1957.

35. Berlin, I. "Empirical Propositions and Hypothetical Statements," Mind, 59:289- 312(1950).

36. Bichowsky, F. R. "Factors Common to the Mind and to the External World," Journal of Philosophy, 37:18 (1940).

37. Black, M. "Linguistic Method in Philosophy," Philosophical and Phenomeno-logical Research, 8:4 (1948). Reprinted in M. Black, Language and Philosophy. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1949.

38. Black, M. "Symposium: Phenomenalism." Science, Language, and Human Rights. American Philosophical Association, Vol. 1, Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1952.

39. Blum, H. F. Time's Arrow and Evolution. Princeton: Princeton Univ. Press, 1955.

40. Boring, E. G. The Physical Dimensions of Consciousness. New York, London: The Century Co., 1933.

41. Boring, E. G. "Psychophysiological Systems and Isomorphic Relations," Psychological Review, 43:565-587 (1936).

42. Boring, E. G. "A Psychological Function is the Relation of Successive Differen-tiations of Events in the Organism," Psychological Review, 44:445-461 (19371.

43. Boring, E. G., et al. Symposium on Operationism. Psychological Review, 52: 241-294 (1945).

44. Boring, E. G. "Mind and Mechanism," American Journal of Psychology, 59: 173-192 (1946).

45. Boring, E. G. "A History of Introspection," Psychological Bulletin, 50:169-189 (1953).

46. Brain, W. R. The Contribution of Medicine to Our Idea of Mind. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1952.

47. Braithwaite, M. "Causal Laws in Psychology," A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 23:45-60 (1949).

48. Braithwaite, R. B. Scientific Explanation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1953.

49. Brillouin, L. Science and Information Theory. New York: Academic Press, 1956.

50. Broad, C. D. Perception, Physics, and Reality. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1914.

51. Broad, C. D. The Mind and Its Place in Nature. London: Routledge & Kegan Paul, 1925.

52. Broad, C. D. "The Relevance of Psychical Research to Philosophy," Philosophy, 24:291-309 (1949). Reprinted in C. D. Broad, Religion, Philosophy, and Psychical Research. New York: Harcourt, Brace, 1953.

53. Brodbeck, M. "On the Philosophy of the Social Sciences," Philosophy of Science, 21:140-156 (1954).

54. Brunswik, E. "The Conceptual Focus of Some Psychological Symptoms," in P. L. Harriman (ed.), Twentieth Century Psychology. New York: Philosophical Library, 1946.

55. Brunswik, E. "Points of View," in Encyclopedia of Psychology (P. L. Harriman, ed.). New York: Philosophical Library, 1946.

56. Brunswik, E. "The Conceptual Framework of Psychology," International Encyclopedia of Unified Science, Vol. 10. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1952.

57. Buck, R. C. "On the Logic of General Behavior Systems Theory," in H. Feigl and M. Scriven (eds.). Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I,

The Foundations of Science and the Concepts of Psychology and Psychoanalysis, pp. 223-238. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

58. Burks, A. W. "Icon, Index and Symbol," Philosophical and Phenomenological Research, 9:673-689 (1949).

59. Burks, A. W. "The Logic of Causal Propositions," Mind, 60:363-382 (1951).

60. Carnap, R. Der Logische Aufbau der Welt. Berlin: Weltkreis, 1928.

61. Carnap, R. Scheinproblem in der Philosophic. Berlin: Weltkreis, 1928.

62. Carnap, R. "Psychologic in Physikalischer Sprache," Erkenntnis, 3:107-142 (1933).

63. Carnap, R. "Les Concepts Psychologiques et les Concepts Physiques, sont-ils Foncierement Differents?" Revue de Synthese, 10:43-53 (1935).

64. Carnap, R. "Testability and Meaning," Philosophy of Science, 3:420-468 (1936); 4:1-40 (1937).. Also reprinted by Graduate Philosophy Club, Yale University, New Haven, Conn., 1950. Also reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 47-92. New York: Appleton- Century-Crofts, 1953.

65. Carnap, R. The Logical Syntax of Language. New York: Harcourt, Brace, 1937.

66. Carnap, R. The Unity of Science. London: Kegan Paul, 1938.

67. Carnap, R. "Logical Foundations of the Unity of Science," International Encyclopedia of Unified Science, Vol. I, No. 1 (R. Carnap and C. W. Morris, eds.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938, 42-62. Reprinted in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 408-423. New York: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1949.

68. Carnap, R. "Foundations of Logic and Mathematics," International Encyclopedia of Unified Science, Vol. I, No. 3. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1939. A part ("The Interpretation of Physics") is reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 309-318. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

69. Carnap, R. Introduction to Semantics. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1942.

70. Carnap, R. "Empiricism, Semantics, and Ontology," Revue Internationale de Philosophic, 4:20-40 (1950). Reprinted in P. P. Wiener (ed.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 509-521. New York: Scribner, 1953. Also reprinted in L. Linsky (ed.), Semantics and the Philosophy of Language, pp. 208-230. Urbana (Ill.): Univ. of Illinois Press, 1952.

71. Carnap, R. "Meaning and Synonymy in Natural Languages," Philosophical Studies, 6:33-47 (1955).

72. Carnap, R. Meaning and Necessity, 2nd edition. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956.

73. Carnap, R. "The Methodological Character of Theoretical Concepts," in Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I, pp. 38-76. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

74. Castell, A. "The Critical and the Mechanical," The Philosophical Review, 60:1 (1951).

75. Chisholm, R. M. "Verification and Perception," Revue Internationale de Philosophic, 17:1-17 (1951).

76. Colby, K. M. Energy and Structure in Psychoanalysis. New York: Ronald Press Co., 1955.

77. Copi, I. M. "A Note on Representation in Art," Journal of Philosophy, 52:346-349 (1955).

78. Cory, D. "Are Sense-Data 'in' the Brain?" Journal of Philosophy, 65:533-548 (1948).

79. Cronbach, L. J., and P. M. Meehl. "Construct Validity in Psychological Tests," Psychological Bulletin, 52:281-302 (1955). Reprinted in H. Feigl and M. Scriven (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I, pp. 174-204. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

80. Culbertson, J. T. Consciousness and Behavior. Dubuque (Iowa): W. C. Brown Co., 1950.

81. Dennes, W. R. "Mind and Meaning," in G. P. Adams, J. Loewenberg, and S. C. Pepper (eds.)f The Nature of Mind, pp. 1-30. Berkeley: Univ. of California Press, 1936.

82. Deutsch, K. W. "Mechanism, Teleology, and Mind: The Theory of Communications and Some Problems in Philosophy and Social Science," Philosophical and Phenomenological Research, 12:185-223 (1951).

83. Dewey, J. Experience and Nature. LaSalle (Ill.): Open Court Pub. Co., 1926.

84. Dewey, J. "Conduct and Experience," in C. Murchison (ed.), Psychologies of 1930. Worcester (Mass.): Clark Univ. Press, 1930.

85. Drake, D. Mind and its Place in Nature. New York: Macmillan, 1925.

86. Drake, D. Invitation to Philosophy. Chicago: Houghton Mifflin Co., 1933.

87. Driesch, H. Mind and Body. London: Methuen, 1927.

88. Driesch, H. Philosophische Gegenwartsfragen. Leipzig: Verlag Emmanuel Rein-icke, 1933.

89. Ducasse, C. J. "On the Attributes of Material Things," Journal of Philosophy, 31:57-72(1934).

90. Ducasse, C. J. Nature, Mind, and Death. LaSalle (111): Open Court Pub. Co., 1951.

91. Ducasse, C. J. "Demos on 'Nature, Mind and Death,'" The Review of Metaphysics, 7:290-298 (1953).

92. Eccles, J. C. The Neurophysiological Basis of Mind. Oxford: The Clarendon Press, 1953.

93. Eddington, A. S. The Nature of the Physical World. New York: Macmillan, 1928.

94. Eddington, A. S. Science and the Unseen World. New York: Macmillan, 1929.

95. Elsasser, W. M. "Quantum Mechanics, Amplifying Processes, and Living Matter," Philosophy of Science, 18:300-326 (1951).

96. Elsasser, W. M. "A Reformulation of Bergson's Theory of Memory," Philosophy of Science, 20:7-21 (1953).

97. Elsasser, W. M. The Physical Foundation of Biology. New York: Pergamon Press, 1958.

98. Epstein, J. "Professor Ayer on Sense-Data," Journal of Philosophy, 53:401-415 (1956).

99. Farrell, B. A. "Causal Laws in Psychology," A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 23:30-44 (1949).

100. Farrell, B. A. "Critical Notice on The Concept of Mind' by Gilbert Ryle," British Journal of Psychology, 40:159-164 (1950).

101. Farrell, B. A. "Experience," Mind, 59:170-198 (1950).

102. Farrell, B. A. "Intentionality and the Theory of Signs," Philosophical and Phe-nomenological Research, 15:500-511 (1955).

103. Feigl, H. "Logical Analysis of the Psychophysical Problem," Philosophy of Science, 1:420-445 (1934).

104. Feigl, H. "Moritz Schlick," Erlcenntnis, 7:393-419 (1938).

105. Feigl, H. "Logical Empiricism," in D. D. Runes (ed.), Twentieth Century Philosophy, New York: Philosophical Library, 1943, pp. 371-416. Reprinted in H. Feigl and W. Sellars, Readings in Philosophical Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949. Reprinted (in part) in M. Mandelbaum, et al., Philosophic Problems, pp. 3-26. New York: Macmillan, 1957.

106. Feigl, H. "Operationism and Scientific Method," Psychological Review, 52:250- 259 (1945). Reprinted in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 498-509. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

107. Feigl, H. "Naturalism and Humanism," American Quarterly, 1:135-149 (1949). Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 8-18. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

108. Feigl, H. "Some Remarks on the Meaning of Scientific Explanation," in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 510-514. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

109. Feigl, H. "De Principiis Non Disputandum . . .? On the Meaning and the Limits of Justification," in M. Black (ed.), Philosophical Analysis, pp. 119-156. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1950.

110. Feigl, H. "Existential Hypotheses: Realistic Versus Phenomenalistic Interpretations," Philosophy of Science, 17:35-62 (1950).

111. Feigl, H. "Logical Reconstruction, Realism and Pure Semiotic," Philosophy of Science, 17:186-195 (1950).

112. Feigl, H. "The Mind-Body Problem in the Development of Logical Empiricism," Revue Internationale de Philosophic, 4:64-83 (1950). Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 612-626. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

113. Feigl, H. "Principles and Problems of Theory Construction in Psychology," in W. Dennis (ed.), Current Trends of Psychological Theory, pp. 174-213. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1951.

114. Feigl, H. "Scientific Method Without Metaphysical Presuppositions,'* Philosophical Studies, 5:17-19 (1954). Reprinted with minor alterations in H. Feigl and M. Scriven (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I, pp. 22-37. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

115. Feigl, H. "Functionalism, Psychological Theory, and the Uniting Sciences: Some Discussion Remarks," Psychological Review, 62:232-235 (1955).

116. Feigl, H. "Physicalism, Unity of Science and the Foundations of Psychology," in P. A. Schilpp (ed.), The Philosophy of Rudolf Carnap. LaSalle (Ill.): Open Court Pub. Co., 1963.

117. Feigl, H., and M. Brodbeck (eds.). Readings in the Philosophy of Science. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

118. Feigl, H., and W. Sellars (eds.). Readings in Philosophical Analysis. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

119. Feyerabend, P. K. "Carnap's Theorie der Interpretation theoretischer Systeme," Theoria, 21:55-62 (1955).

120. Feyerabend, P. K. "A Note on the Paradox of Analysis," Philosophical Studies, 7:92-96 (1956).

121. Findlay, J. N. "Is There Knowledge by Acquaintance?" A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 23:111-128 (1949).

122. Forster, H. Das Gedachtnis. Vienna: Franz Deuticke, 1948.

123. Forster, H. (ed.). Conferences on Cybernetics, Vols. 6-9. New York: Josiah Macy, Jr. Foundation, 1949-1952.

124. Frank, L. K., et al. Teleological Mechanisms. New York: The New York Academy of Sciences, 1948.

125. Frank, P. Modern Science and its Philosophy. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1949.

126. Frank, P. G. Philosophy of Science. New York: Prentice-Hall, 1957.

127. Frenkel-Brunswik, E. "Psychoanalysis and the Unity of Science," Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, 80:271-350 (1954).

128. Freytag, W. Der Realismus und das Transzendenzproblem. Halle: Niemeyer, 1902.

129. Fritz, C. A., Jr. "Sense Perception and Material Objects," Philosophical and Phenomenological Research, 16:303-316 (1956).

130. Gatschenberger, R. Symbola. Karlsruhe: G. Braun, 1920.

131. Gatschenberger, R. Zeichen, die Fundamente des Wissens. Stuttgart: From-mann, 1932.

132. Gellhorn, E. Physiological Foundations of Neurology and Psychiatry. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1953.

133. Ginsberg, A. "Hypothetical Constructs and Intervening Variables," Psychological Review, 61:119-131 (1954).

134. Ginsberg, A. "Operational Definitions and Theories," Journal of General Psychology, 52:223-245 (1955).

135. Goodman, N. The Structure of Appearance. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1951.

136. Goodman, N. "Sense and Certainty," Philosophical Review, 61:160-167 (1952).

137. Goodman, N. "The Revision of Philosophy," in S. Hook (ed.), American Philosophers at Work, pp. 75-92. New York: Criterion Books, 1956.

138. Grossmann, R. S. "Zur Logischen Analyse des Neobehaviorismus," Psycholog-ische Rundschau, Band VI/4:246-260 (1955).

139. Griinbaum, A. "Operationism and Relativity," Scientific Monthly, 79:228-231 (1954).

140. Guthrie, E. R. "Purpose and Mechanism in Psychology," Journal of Philosophy, 21:25 (1924).

141. Hampshire, S. "The Analogy of Feeling," Mind, 61:1-12 (1952).

142. Hart, H. L. A. "Is There Knowledge by Acquaintance?" A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 23:69-90 (1949).

143. Hathaway, S. R. "Clinical Intuition and Inferential Accuracy," Journal of Personality, 24:223-250 (1956).

144. Hayek, F. A. "The Facts of the Social Sciences," Ethics, 54:1 (1943).

145. Hebb, D. O. The Organization of Behavior, A Neuropsychological Theory. New York: Wiley, 1949.

146. Hempel, C. G. "The Logical Analysis of Psychology," Revue de Synthese, 10: 27-42 (1935). Reprinted in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 373-384. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

147. Hempel, C. G. "The Concept of Cognitive Significance: A Reconsideration," Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, 80:61-77 (1951).

148. Hempel, C. G. "Fundamentals of Concept Formation in the Empirical Sciences," International Encyclopedia of Unified Science, Vol. II, No. 7. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1952.

149. Hempel, C. G. "Problems and Changes in the Empiricist Criterion of Meaning," Revue Internationale de Philosophic, 4:41-63 (1950). Reprinted in L. Linsky (ed.), Semantics and the Philosophy of Language. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1952.

150. Hempel, C. G. "Reflections on Nelson Goodman's The Structure of Appearance," Philosophical Review, 62:108-116 (1953).

151. Hempel, C. G. "A Logical Appraisal of Operationism," Scientific Monthly, 79:215-220 (1954).

152. Hempel, C. G., and P. Oppenheim. "The Logic of Explanation," Philosophy of Science, 15:135-175 (1948). Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 319-352. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

153. Henle, P. "The Status of Emergence," Journal of Philosophy, 39:486-493 (1942).

154. Herrick, C. J. The Evolution of Human Nature. Austin: Univ. of Texas Press, 1956.

155. Hervey, H. "The Private Language Problem," Philosophical Quarterly, 7:63-79 (1957).

156. Heymans, G. Einfiihrung in die Metaphysik. Leipzig: Barth, 1921.

157. Hobart, R. E. "Free Will as Involving Determinism and Inconceivable Without It," Mind, 43:1-26 (1934).

158. Hofstadter, A. "Professor Ryle's Category-Mistake," Journal of Philosophy, 48: 257-270 (1951).

159. Holt, E. B. The Concept of Consciousness. London: G. Allen and Co., Ltd., 1914.

160. Hospers, }. An Introduction to Philosophical Analysis. New York: Prentice-Hall, 1953.

161. Hughes, G. E. "Is There Knowledge by Acquaintance?" A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 23:91-110 (1949).

162. Hull, C. L. "Mind, Mechanism, and Adaptive Behavior," Psychological Review, 44:1-32 (1937).

163. Jacobs, N. "Physicalism and Sensation Sentences," Journal of Philosophy, 34:22 (1937).

164. Jacoby, G. Allgemeine Ontologie der Wirklichkeir, Vol. 2. Halle: Niemeyer, 1955.

165. James, W. Principles of Psychology. New York: H. Holt and Co., 1890.

166. Juhos, B. Die ErJcenntnis und ihre Leistung. Vienna: Springer-Verlag, 1950.

167. Kaila, E. "Beitrage zu einer Synthetischen Philosophic," Annales Universitatis Aboensis, 4:9-208 (1928).

168. Kaila, E. "Physikalismus und Phanomenalismus," Theoria, 8:85-125 (1942).

169. Kaila, E. "Terminalkansalitat als die Grundlage eines Unitarischen Naturbe-griffs," Acts Philosophies Fennica, 10:7-122 (1956).

170. Kaplan, A. "Definition and Specification of Meaning," Journal of Philosophy, 63:281-288(1946).

171. Kaplan, A. and H. F. Schott, "A Calculus for Empirical Classes," Methodos, 3:165-190 (1951).

172. Kapp, R. O. Science vs. Materialism. London: Methuen, 1940.

173. Kapp, R. O. Mind, Life, and Body. London: Constable, 1951.

174. Kapp, R. O. Facts and Faith: The Dual Nature of Reality. New York: Oxford Univ. Press, 1955.

175. Kaufmann, F. Methodology of the Social Sciences. New York: Oxford Univ. Press, 1944.

176. Keller, F. S. The Definition of Psychology. New York: Appleton-Century-Crofts, 1937.

177. Kemeny, J. G., and P. Oppenheim. "On Reduction," Philosophical Studies, 7:6-19 (1956).

178. King, H. R. "Professor Ryle and the Concept of Mind," Journal of Philosophy, 48:9 (1951).

179. Kneale, W. "Induction, Explanation, and Transcendent Hypotheses," in W. Kneale, Probability and Induction, pp. 92-110. Oxford: The Clarendon Press, 1949. Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 353-367. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

180. Kneale, W. Probability and Induction. Oxford: The Clarendon Press, 1949.

181. Kohler, W. "Bemerkungen zum Leib-Seele-Problem," Deutsche Medizinische Wochenschrift, 50:1269-1270 (1924).

182. Kohler, W. "Ein altes Scheinproblem," Die Naturwissenschaften, 17:395-401 (1929).

183. Kohler, W. The Place of Values in a World of Facts. New York: Liveright, 1938.

184. Kohler, W. Dynamics in Psychology. New York: Liveright, 1940.

185. Kohler, W. Gestalt Psychology. New York: Liveright, 1947.

186. Kohler, W. "Direction of Processes in Living Systems," in P. G. Frank (ed.), The Validation of Scientific Theories, pp. 143-150. Boston: Beacon Press, 1954.

187. Kraft, V. The Vienna Circle (translated by A. Pap). New York: Philosophical Library, 1953.

188. Krech, D. "Dynamic Systems, Psychological Fields, and Hypothetical Constructs," Psychological Review, 57:283-290 (1950).

189. Krech, D. "Dynamic Systems as Open Neurological Systems," Psychological Review, 57:345-361 (1950).

190. Krikorian, Y. H. (ed.). Naturalism and the Human Mind. New York: Columbia Univ. Press. 1944.

191. Kiilpe, O. Die Realisierung. Leipzig: S. Hirzel, 1912.

192. Lashley, K. S. "Behaviorism and Consciousness," Psychological Review, 30:346 (1923).

193. Lean, Martin. Sense Perception and Matter. London: Routledge and Kegan Paul, 1953.

194. Lecomte Du Noiiy, P. Human Destiny. New York: Longmans, Green and Co., 1947.

195. Lewis, C. I. Mind and the World Order. New York: Scribner, 1929.

196. Lewis, C. I. "Some Logical Considerations Concerning the Mental," Journal of Philosophy, 38 (1941). Reprinted in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 385-392. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

197. Lewis, C. I. An Analysis of Knowledge and Valuation. LaSalle (Ill.): Open Court Pub. Co., 1946.

198. Lewis, C. I. "The Given Element in Empirical Knowledge," Philosophical Review, 61:168-175 (1952).

199. Lewy, C. "Is the Notion of Disembodied Existence Self-Contradictory?" Proceedings of the Aristotelian Society, 43:59-78 (1942-1943).

200. Lindzey, G. "Hypothetical Constructs, Conventional Constructs, and Use of Physiological Data in Psychological Theory," Psychiatry, 16:27-33 (1953).

201. Littman, R. A. "Mr. Ryle on "Thinking,"' Acta Psychologica, 10:381-384 (1954).

202. London, I. D. "Free Will as a Function of Divergence," Psychological Review, 55:41-47 (1948).

203. London, I. D. "Quantum Biology and Psychology," Journal of General Psychology, 46:123-149 (1952).

204. Lovejoy, A. O. The Revolt Against Dualism. New York: Norton & Co., 1930.

205. Mace, C. A. "Causal Laws in Psychology," A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 23:61-68 (1949).

206. Mach, E. The Analysis of Sensations. LaSalle (Ill.): Open Court Pub. Co., 1914.

207. Madden, E. N. "Discussion—Science, Philosophy and Gestalt Theory," Philosophy of Science, 20:329-331 (1953).

208. Margenau, H. The Nature of Physical Reality. New York: McGraw-Hill Book Co., 1950.

209. Margenau, H. "The Exclusion Principle and Its Philosophical Importance," Philosophy of Science, 11:187-208 (1944).

210. Marhenke, P. "The Constituents of Mind," in G. P. Adams, J. Loewenberg, and S. C. Pepper (eds.), The Nature of Mind, pp. 171-208. Berkeley: Univ. of California Press, 1936.

211. Marx, M. H. (ed.). Psychological Theory. New York: Macmillan, 1951.

212. Maze, J. R. "Do Intervening Variables Intervene?" Psychological Review, 61: 226-234(1954).

213. MacCorquodale, K., and P. E. Meehl. "On a Distinction between Hypothetical Constructs and Intervening Variables," Psychological Review, 55:95-107 (1948).

214. McCulloch, W. S. "Brain and Behavior," in Current Trends in Psychological Theory, pp. 165-178. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1951.

215. McCulloch, W. S. "Mysterium Iniquitatis—of Sinful Man Aspiring into the Place of God," in P. G. Frank (ed.), The Validation of Scientific Theories, pp. 159-170. Boston: Beacon Press, 1954.

216. MacKay, D. M. "Mentality in Machines," A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 26:61-86 (1952).

217. MacLeod, R. B. "The Phenomenological Approach to Social Psychology," Psychological Review, 54:193-210 (1947).

218. MacLeod, R. B. "New Psychologies of Yesterday and Today," Canadian Journal of Psychology, 3:199-212 (1949).

219. Meehl, P. E. "A Most Peculiar Paradox," Philosophical Studies, 1:47-48 (1950).

220. Meehl, P. E. "On the Circularity of the Law of Effect," Psychological Bulletin, 47:53-75 (1950). Reprinted as "Law and Convention in Psychology," in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 637-659. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.

221. Meehl, P. E., and W. Sellars. "The Concept of Emergence," in H. Feigl and M. Scriven (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I, pp. 239-252. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

222. Mehlberg, H. "Positivisme et Science," Studia Philosophica, 3:211-294 (1948).

223. Mellor, W. W. "Three Problems about Other Minds," Mind, 65:200-218 (1956).

224. Miller, D. S. "Is Consciousness 'A Type of Behavior'?" Journal of Philosophy, 8:322-327 (1911).

225. Miller, D. S. "The Pleasure-Quality and the Pain-Quality Analysable, not Ulti mate," Mind, 38:150, 215-218 (1929).

226. Miller, D. S. " 'Descartes' Myth' and 'Professor Ryle's Fallacy,' " Journal of Philosophy, 48:9 (1951).

227. Miller, J. G. Unconsciousness. New York: Wiley, 1942.

228. Morris, C. W. Six Theories of Mind. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1932.

229. Morris, C. W. Signs, Language, and Behavior. New York: Prentice-Hall, 1946.

230. Nagel, E. "The Meaning of Reduction in the Natural Sciences," in R. C. Stauffer (ed.), Science and Civilization, pp. 99-138. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin Press, 1949. Reprinted in P. P. Wiener (ed.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 531-548. New York: Scribner, 1953.

231. Nagel, E. "Are Naturalists Materialists?" Journal of Philosophy, 42:515-553 (1945). Reprinted in E. Nagel, Logic Without Metaphysics, pp. 19-38. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1956.

232. Nagel, E. "Mechanistic Explanation of Organismic Biology," Philosophical and Phenomenological Research, 11:3 (1951). Reprinted in S. Hook (ed.), American Philosophers at Work, pp. 106-120. New York: Criterion Books, 1956.

233. Nagel, E. Sovereign Reason. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1954.

234. Nagel, E. "Naturalism Reconsidered," Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 28:5-17 (1954-1955). Reprinted in E. Nagel, Logic Without Metaphysics, pp. 3-18. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1956.

235. Nagel, E. "A Formalization of Functionalism," in E. Nagel, Logic Without Metaphysics, pp. 247-283. Glencoe (Ill.): The Free Press, 1956.

236. Nagel, E., and C. G. Hempel. "Symposium: Problems of Concept and Theory Formation in the Social Sciences." Science, Language, and the Human Rights. American Philosophical Association, Vol. I. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1952.

237. Nelson, E. J. "A Defense of Substance," Philosophical Review, 56:491-509 (1947).

238. Nelson, E. J. "The Verification Theory of Meaning," Philosophical Review, 63: 182-192 (1954).

239. Northrop, F. S. C. The Logic of the Sciences and the Humanities. New York; Macmillan, 1947.

240. Northrop, F. S. C. "The Neurological and Behavioristic Psychological Basis of the Ordering of Society by Means of Ideas," Science, 107:411-417 (1948).

241. O'Connor, D. J. "Awareness and Communication," Journal of Philosophy, 52: 505-514(1955).

242. Pap, A. Elements of Analytic Philosophy. New York: Macmillan, 1949.

243. Pap, A. "Other Minds and the Principle of Verifiability," Revue Internationale de Philosophic, No. 17-18, Fasc. 3-4 (1951).

244. Pap, A. "The Concept of Absolute Emergence," British Journal for the Philosophy of Science, 2:8 (1952).

245. Pap, A. "Semantic Analysis and Psycho-Physical Dualism," Mind, 61:242 (1952).

246. Pap, A. "Reduction-Sentences and Open Concepts," Methodos, 5:17 (1953).

247. Pap, A. "Das Leib-Seele-Problem in der Analytischen Philosophic," Archiv fiir Philosophic, Band 5, Heft 2, 113-129 (1954).

248. Pap, A. Analytische Erkenntnistheorie. Vienna: Springer, 1955.

249. Pap, A. "Synonymy, Identity of Concepts and the Paradox of Analysis," Methodos, 7:115-128 (1955).

250. Paulsen, F. Introduction to Philosophy. New York: H. Holt and Co., 1895.

251. Penelhum, T. "Hume on Personal Identity," Philosophical Review, 64:571-589 (1955).

252. Pepper, S. C. "Emergence," Journal of Philosophy, 23:241-245 (1926).

253. Pepper, S. C. "A Criticism of a Positivistic Theory of Mind," in G. P. Adams, J. Loewenberg, and S. C. Pepper (eds.), The Nature of Mind, pp. 211-232. Berkeley: Univ. of California Press, 1936.

254. Pepper, S. C. "The Issue Over the Facts," in Meaning and Interpretation. Berkeley: Univ. of California Press, 1950.

255. Pepper, S. C. "A Neural Identity Theory," in S. Hook (ed.), Dimensions of Mind, pp. 37-56. New York: New York Univ. Press, 1960.

256. Place, U. T. "Is Consciousness a Brain Process?" British Journal of Psychology, 47:44-50 (1956).

257. Poincare, H. The Foundations of Science. New York: The Science Press, 1929.

258. Popper, K. R. Logik der Forschung. Vienna: Springer, 1935.

259. Popper, K. R. "Language and the Body-Mind Problem," Proceedings of the llth International Congress of Philosophy, 7:101-107 (1953).

260. Pratt, C. C. The Logic of Modern Psychology. New York: Macmillan, 1939.

261. Pratt, J. B. Matter and Spirit. New York: Macmillan, 1922.

262. Pratt, J. B. "The Present Status of the Mind-Body Problem," The Philosophical Review, 65:144-156 (1936). Reprinted in Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 9:144-166 (1935).

263. Pratt, J. B. Personal Realism. New York: Macmillan, 1937.

264. Price, H. H. Perception. London: Methuen, 1932.

265. Prince, M. "The Identification of Mind and Matter," Philosophical Review, 13:445-451 (1904).

266. Pumpian-Mindlin, E. (ed.). Psychoanalysis as a Science (with essays by E. R. Hilgard, L. S. Kubie, and the editor). Stanford: Stanford Univ. Press, 1952.

267. Putnam, H. "Mathematics and the Existence of Abstract Entities," Philosophical Studies, 7:81-88 (1956).

268. Quine, W. V. "On Mental Entities," in the Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, 80:3 (1950), Contributions to the Analysis and Synthesis of Knowledge.

269. Quine, W. V. "On What There Is," in W. V. Quine, From a Logical Point of View, pp. 1-19. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1953.

270. Quinton, A. M. "The Problem of Perception," Mind, 64:28-51 (1955).

271. Raab, F. V. "Free Will and the Ambiguity of 'Could,' " Philosophical Review, 64:60-77(1955).

272. Rashevsky, N. "Is the Concept of an Organism as a Machine a Useful One?" in P. G. Frank (ed.), The Validation of Scientific Theories. Boston: Beacon Press, 1954.

273. Reichenbach, H. Experience and Prediction. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938.

274. Reichenbach, H. Elements of Symbolic Logic. New York: Macmillan, 1947.

275. Reichenbach, H. The Rise of Scientific Philosophy. Berkeley: Univ. of California Press, 1951.

276. Reichenbach, H. "Are Phenomenal Reports Absolutely Certain?" Philosophical Review, 61:147-159 (1952).

277. Rescher, N., and P. Oppenheim. "Logical Analysis of Gestalt Concepts," British Journal for the Philosophy of Science, 6:89-106 (1955).

278. Rhees, R. "Can There be a Private Language?" A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 28:77-94 (1954).

279. Riehl, A. Introduction to the Theory of Science and Metaphysics. London: Kegan Paul, Trench and Co., 1894.

280. Roelofs, H. D. "A Case for Dualism and Interaction," Philosophical and Phe-nomenological Research, 15:451-476 (1955).

281. Rosenblueth, A., and N. Wiener. "Behavior, Purpose and Teleology," Philosophy of Science, 10:18-24 (1943).

282. Rosenblueth, A., and N. Wiener. "Purposeful and Non-Purposeful Behavior," Philosophy of Science, 17:318-326 (1950).

283. Rozeboom, W. R. "Mediation Variables in Scientific Theory," Psychological Review, 63:249-264 (1956).

284. Russell, B. Our Knowledge of the External World. New York: Norton & Co., 1929.

285. Russell, B. The Analysis of Matter. New York: Harcourt, Brace, 1927.

286. Russell, B. An Inquiry Into Meaning and Truth. New York: Norton & Co., 1940.

287. Russell, B. The Analysis of Mind. New York: Macmillan, 1921.

288. Russell, B. Human Knowledge. New York: Simon and Schuster, 1948.

289. Ruyer, R. Esquisse d'une Philosophic de h Structure. Paris: F. Alcan, 1930.

290. Ruyer, R. "Les Sensations Sont-elles dans Notre T£te?" Journal de Psychologic, 31:555-580 (1934).

291. Ruyer, R. Elements de Psycho-Biologie. Paris: Presses Univ. de France, 1946.

292. Ruyer, R. La Conscience et le Corps. Paris: Presses Univ. de France, 1950.

293. Ruyer, R. Neo-Finalisme. Paris: Presses Univ. de France, 1952.

294. Ryle, G. The Concept of Mind. London: Hutchinson's Univ. Libr., 1949.

295. Ryle, G. "The Physical Basis of Mind: A Philosophers' Symposium III," in P. Laslett (ed.), The Physical Basis of Mind, pp. 75-79. New York: Macmillan, 1950.

296. Samuel, V. "The Physical Basis of Mind: A Philosophers' Symposium I," in P. Laslett (ed.), The Physical Basis of Mind, pp. 65-69. New York: Macmillan, 1950.

297. Scheffler, I. "The New Dualism: Psychological and Physical Terms," Journal of Philosophy, 47:25 (1950).

298. Schlick, M. Allgemeine Erlcenntnislehre. Berlin: Springer, 1925.

299. Schlick, M. Gesammelte Aufsaetze. Vienna: Gerold & Co., 1938.

300. Schlick, M. "De la Relation des Notions Psychologiques et les Notions Phy-siques," Revue de Synthese, 10:5-26 (1935). Reprinted in English in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 393-407. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

301. Schlick, M. Problems of Ethics. New York: Prentice-Hall, 1939.

302. Schlick, M. "Positivism and Realism," Synthese, Vol. 7, 6-B (1948-1949) in Communications of the Institute for the Unity of Science, Boston.

303. Schrodinger, E. What is Life? Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1944.

304. Scriven, M. "The Mechancial Concept of Mind," Mind, 62:230-240 (1953).

305. Scriven, M. "Modem Experiments in Telepathy," Philosophical Review, 65: 231-251 (1956).

306. Scriven, M. "A Study of Radical Behaviorism," in H. Feigl and M. Scriven (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I, pp. 88-130. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

307. Sellars, R. W. The Philosophy of Physical Realism. New York: Macmillan, 1932.

308. Sellars, W. "Realism and the New Way of Words," Philosophical and Phenom-enological Research, 8:601-634 (1948). Reprinted in H. Feigl and W.

Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 424-456. New York: Appleton- Century-Crofts, 1949.

309. Sellars, W. "Aristotelian Philosophies of Mind," in V. J. McGill, M. Farber, and R. W. Sellars (eds.), Philosophy for the Future, pp. 544-570. New York: Macmillan, 1949.

310. Sellars, W. "Mind, Meaning, and Behavior," Philosophical Studies, 3:83-94 (1952).

311. Sellars, W. "A Semantical Solution of the Mind-Body Problem," Methodos, 5:45-84(1953).

312. Sellars, W. "Some Reflections on Language Games," Philosophy of Science, 21:204-228 (1954).

313. Sellars, W. "Is There a Synthetic A Priori?" Philosophy of Science, 20:121-138 (1953).

314. Sellars, W. "Inference and Meaning," Mind, 62:313-338 (1953).

315. Sellars, W. "Empiricism and the Philosophy of Mind," in H. Feigl and M. Scriven (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. I, pp. 253-329. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1956.

316. Sellars, W. "Empiricism and Abstract Entities," in P. A. Schilpp (ed.), The Philosophy of Rudolf Carnap. LaSalle (Ill.): Open Court Pub. Co., 1963.

317. Seward, J. P. "The Constancy of the I-V: A Critique of Intervening Variables," Psychological Review, 62:155-168 (1955).

318. Sheldon, W. H. "Are Naturalists Materialists?" Journal of Philosophy, 43:197-209 (1946).

319. Singer, E. A. Mind as Behavior. Columbus (Ohio): R. G. Adams and Co., 1924.

320. Skinner, B. F. "The Operational Analysis of Psychological Terms," Psychological Review, 52:270-277 (1945). Reprinted in H. Feigl and M. Brodbeck (eds.), Readings in the Philosophy of Science, pp. 585-594. New York: Appleton- Century-Crofts, 1953.

321. Skinner, B. F. Science and Human Behavior. New York: Macmillan, 1953.

322. Smith, M. B. "The Phenomenological Approach in Personality Theory: Some Critical Remarks," Journal of Abnormal and Social Psychology, 45:516-522 (1950).

323. Smythies, J. R. Analysis of Perception. London: Routledge & Kegan Paul, 1956.

324. Snygg, D., and Combs, A. W. "The Phenomenological Approach and the Problem of 'Unconscious' Behavior: A Reply to Dr. Smith." Journal of Abnormal and Social Psychology, 45:523-528 (1950).

325. Soal, S. C., and F. Bateman. Modern Experiments in Telepathy. New Haven: Yale Univ. Press, 1954.

326. Spilsbury, R. J. "Mentality in Machines." A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 26:27-60 (1952).

327. Stace, W. T. Theory of Knowledge and Existence. Oxford: Oxford Univ. Press, 1932.

328. Stevens, S. S. "Psychology and the Science of Science," Psychological Bulletin, 36:221-263 (1939). Reprinted in P. P. Wiener (ed.), Readings in Philosophy of Science, pp. 158-184. New York: Scribner, 1953.

329. Stevenson, C. L. Ethics and Language. New Haven (Conn.): Yale Univ. Press, 1944.

330. Stout, A. K. "Free Will and Responsibility," Proceedings of the Aristotelian Society, 37:213-230 (1937). Reprinted in W. Sellars and J. Hospers (eds.), Readings in Ethical Theory, pp. 537-548. New York: Appleton-Century-Crofts, 1952.

331. Stout, G. F. Mind and Matter. Cambridge (Eng.): Cambridge University Press, 1931.

332. Strong, C. A. Essays on the Natural Origin of Mind. London: Macmillan, 1930.

333. Taylor, R. "Comments on a Mechanistic Conception of Purposefulness," Philosophy of Science, 17:310-317 (1950).

334. Taylor, R. "Purposeful and Non-Purposeful Behavior: Rejoinder," Philosophy of Science, 17:327-332 (1950).

335. Tolman, E. C. "Psychology versus Immediate Experience," Philosophy of Science, 2:356-380 (1935).

336. Tolman, E. C. Collected Papers in Psychology. Berkeley: Univ. of California Press, 1951.

337. Tomas, J. "Can We Know the Contents of C. I. Lewis' Mind?" Philosophical and Phenomenological Research, 11:541-548 (1951).

338. Turing, A. M. "Computing Machinery and Intelligence," Mind, 59:433-460 (1950).

339. University of ^California Associates. "The Freedom of the Will," in Knowledge and Society. New York: D. Appleton-Century Co., 1938. Reprinted in H. Feigl and W. Sellars (eds.), Readings in Philosophical Analysis, pp. 594-615. New York: Appleton-Century-Crofts, 1949.

340. Wallraff, C. F. "On Immediacy and the Contemporary Dogma of Sense-Certainty," Journal of Philosophy, 50:2 (1953).

341. Watling, J. "Ayer on Other Minds," Theoria, 20:175-180 (1954).

342. Watling, J. "Inference from the Known to the Unknown," Proceedings of the Aristotelian Society, New Series 55:83-108 (1955).

343. Weber, A. O. "Gestalttheorie and the Theory of Relations," Journal of Philosophy, 35:589-606 (1938).

344. Weber, C. O. "Theoretical and Experimental Difficulties of Modem Psychology with the Body-Mind Problem," in P. L. Harriman (ed.), Twentieth Century Psychology, pp. 64-93. New York: Philosophical Library, 1946.

345. Weitz, M. "Professor Ryle's 'Logical Behaviorism,'" journal of Philosophy, 48:9(1951).

346. Wenzl, A. Das Leib-Seele-Problem. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1933.

347. White, M. Toward Reunion in Philosophy. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1956.

348. Wiener, N. Cybernetics. New York: Wiley, 1948.

349. Williams, D. C. "Scientific Method and the Existence of Consciousness," Psychological Review, 41:461-479 (1934).

350. Wilson, N. L. "Designation and Description," Journal of Philosophy, 50:369-383 (1953).

351. Wilson, N. L. "In Defense of Proper Names Against Descriptions," Philosophical Studies, 4:73-78 (1953).

352. Wilson, N. L. "Property Designation and Description," Philosophical Review, 64:389-404 (1955).

353. Wisdom, J. "Other Minds," Aristotelian Society Supplementary Volume, 20: 122-147 (1946).

354. Wisdom, J. Other Minds, Oxford: Blackwell, 1952.

355. Wisdom, J. O. "Mentality in Machines," A Symposium, Aristotelian Society Supplementary Volume, 26:1-26 (1952).

356. Wisdom, J. O. "Is Epiphenomenalism Refutable?" Proceedings of the 2nd International Congress of the International Union for the Philosophy of Science, 5:73-78 (1954).

357. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations. London and New York: Macmillan, 1953.

358. Woodger, J. H. Biological Principles. London: Kegan Paul, Trench & Co., 1929.

359. Woodger, J. H. Physics, Psychology and Medicine. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1956.

Послесловие десять лет спустя

Предшествующее эссе было закончено в феврале 1957 года и опубликовано весной 1958-го. За минувшие десять лет, особенно за последние пять-шесть, на меня обрушился настоящий поток откликов, необычайно интересных и побуждающих к размышлению. Одни из них содержались в книгах, другие — в эссе и статьях; приходили ко мне и рукописи, докторские диссертации, защищённые в Миннесотском университете и в других местах (некоторые из них до сих пор не опубликованы), а также множество писем. Я старался и продолжаю стараться отвечать на эту «обратную связь» как можно полнее в переписке. Кроме того, мне посчастливилось участвовать во множестве критических обсуждений с философами и учёными — на лекциях, симпозиумах, коллоквиумах, семинарах и других встречах в Миннесотском университете, в разных городах Соединённых Штатов, в Австрии (1964) и Австралии (1965). Многие новые работы, посвящённые тому или иному аспекту психофизической проблемы, непосредственно обращались к одной или нескольким моим публикациям; другие разбирали близкие, хотя и отличающиеся от моих, взгляды Дж. Дж. К. Смарта и других философов или учёных. Я глубоко признателен за все эти столь разные отклики. Они простирались от почти полного согласия до острой критики — как созидательной, так и разрушительной.

В следующих кратких замечаниях я смогу рассмотреть лишь небольшую часть этих опубликованных и неопубликованных мнений и возражений, ограничившись тем, что представляется мне наиболее существенным. Разумеется, при этом я рискую упустить из виду (но, надеюсь, не «подавить» и не «вытеснить») некоторые важные замечания. Сейчас разрабатываются новые подходы, которым ещё предстоит придать более законченную форму. О них я могу сказать лишь самое общее — главным образом потому, что пока не сумел вполне их понять, а тем более правильно и точно оценить.

Во всяком случае, я чувствую, что моя убеждённость в невозможности устранить психофизическую проблему одними только языковыми ухищрениями (60) получила некоторое подтверждение. Философская мода меняется, и теперь проблемы сознания и тела, по-видимому, снова оказались в центре оживлённых и содержательных философских дискуссий.

Начну с откровенного признания: несмотря на все существующие попытки разрешить или хотя бы точно прояснить те многочисленные загадки, из которых складывается психофизическая проблема, мне неизвестно ни одного вполне удачного решения. Моё собственное пространное эссе[1], написанное в 1957 году, теперь во многих отношениях представляется мне сомнительным. Ряд его уязвимых и проблематичных положений я сам весьма открыто обозначил и обсудил в разделе VI («Обзор нерешённых проблем. Предложения для дальнейшего анализа и исследования»).

Теперь я отчётливее, чем прежде, вижу, что нерешённые трудности сохраняются во всех трёх главных областях психофизической проблемы — как научных, так и понятийно-философских: в проблемах чувственного переживания, разумного познания и самости (*sentience, sapience, selfhood*). Особенно кратко и изящно проблему чувственного переживания предварительно сформулировала Джудит Экономос в самом начале своей докторской диссертации, завершённой в начале 1967 года в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. С её любезного разрешения я приведу довольно пространную цитату, внеся лишь незначительные стилистические изменения:

> Прежде всего я попытаюсь показать, в чём заключается затруднение, которое я считаю психофизической проблемой. Для этого я перечислю четыре положения: каждое из них кажется истинным, но согласовать их друг с другом трудно. Затем я вкратце рассмотрю различные решения психофизической проблемы, к которым подводят эти четыре положения, и постараюсь показать, что каждое из предлагаемых решений, по-видимому, противоречит одному из них. […]
>
> **Четыре положения**
>
> **1.** Люди испытывают ощущения, имеют мысли и другие ментальные состояния, которые сознают сами, тогда как другим людям они доступны лишь по сообщениям и поведению их носителей. Эти ощущения, мысли и прочее не расположены в пространстве, не обладают энергией и массой, не производят и не потребляют энергии.
>
> **2.** В мире существуют различные объекты, в том числе тела современных людей, состоящие из элементов, которые расположены в пространстве, обладают массой, производят, имеют и потребляют

энергию. Более того, словаря физических наук, по-видимому, достаточно для описания, а их законов — для объяснения поведения таких объектов.

3. Ощущения, мысли и другие ментальные состояния людей влияют на движения их тел, а некоторые события, происходящие с их телами или внутри них, влияют на их ощущения, мысли, воспоминания и прочее. При этом часто бывает, что ощущения, мысли и иные ментальные состояния вызывают телесные движения именно потому, что человек пожелал их совершить.

4. Наши понятия о ментальных вещах или событиях, с одной стороны, и о материальных вещах или событиях — с другой, логически независимы. Иначе говоря, нельзя обнаружить логического противоречия ни в предположении о мире, где существуют материальные предметы, но нет сознательных переживаний, ни в предположении о мире переживаний, в котором нет ничего, подходящего под описание материи.[2]

На первый взгляд эти четыре несовместимых положения, хотим мы того или нет, вынуждают нас занять агностическую позицию, столь выразительно сформулированную в прошлом веке немецким физиологом Э. Дюбуа-Реймоном в знаменитых словах *ignoramus et ignorabimus* — «не знаем и не узнаем». Однако большинство философов не устрашилось этой «мировой загадки» и пыталось — самыми разными способами — решить её или показать, что она мнимая. Я уже вкратце рассмотрел основные варианты такого «устранения» проблемы: радикальный материализм, физикализм в различных его формах, логический бихевиоризм, нейтральный монизм, феноменализм, оксфордский анализ языка и другие. Как я отмечал (60), несмотря на сильное влияние, которое оказали на меня годы в Венском кружке (1924–1930), я больше не считаю большинство психофизических загадок псевдопроблемами, возникающими из понятийной путаницы. Напротив, я полагаю — и придерживаюсь этого взгляда по меньшей мере последние тридцать пять лет, — что отношение ментального к физическому ставит перед нами ряд подлинных и сложных проблем: одни по преимуществу научные, другие — философские.

Здесь, пожалуй, сразу следует добавить, что я всё больше убеждаюсь в отсутствии резкой границы между хорошей наукой и здравомыслящей философией. Каждый крупный научный прорыв тре-

бует пересмотра наших понятийных схем. А заниматься философией в наше время, не принимая во внимание проблем и результатов науки, — занятие, мягко говоря, интеллектуально бесплодное, если не безответственное.

Отказавшись от пессимистического агностицизма, мы оказываемся перед труднейшей задачей: разработать по-настоящему всеобъемлющее и логически последовательное решение. Достичь последовательности здесь мучительно трудно — я слишком хорошо знаю это по собственным попыткам найти во всех отношениях удовлетворительный ответ. Особенно ясно это обнаруживается в проблеме чувственного переживания. Если мы хотим сохранить основные положения физикализма и в то же время отвергнуть эпифеноменализм (как, например, стремятся сделать Дж. Дж. К. Смарт и другие участники «единого фронта утончённых австралийских материалистов» — Д. М. Армстронг, Брайан Медлин, Р. Раутли), приходится принять «теорию центральных состояний сознания». По существу она утверждает, что «в принципе» физическое описание мира полно, то есть ничего не оставляет за своими пределами. Но показать это, конечно, непросто. Где же разместить кажущиеся «бездомными» качества непосредственного опыта и каким образом?

Первый шаг, разумеется, сделал Бертран Рассел (в частности, в книге «Человеческое познание»). «Бездомные» качества «на самом деле находятся в сознании»; а поскольку они ментальны, они представляют собой свойства церебральных процессов. Но что это за свойства? Судя по наиболее надёжным данным психонейрофизиологии, они, вероятнее всего, имеют «глобальный» характер: это конфигурационные, гештальтоподобные свойства нервных процессов, обладающих значительно более тонкой структурой, а тем более — их «микро-микро» составляющих, то есть атомных, субатомных и квантовых.

Один из способов особенно отчётливо обозначить проблему — спросить, действительно ли физикалистское объяснение может быть «полным». Однажды, апрельским днём 1954 года, мне посчастливилось обсуждать этот вопрос (наряду со многими более «осязаемыми» проблемами философии физики) с Альбертом Эйнштейном у него дома в Принстоне. Я спросил, не остаются ли качества непосредственного опыта за пределами идеально совершенного (разумеется, утопического) четырёхмерного физического

изображения Вселенной в духе Минковского. Мы метафорически называли эти качества «внутренней освещённостью» «узловатых скоплений мировых линий», изображающих живой, бодрствующий мозг. Эйнштейн ответил с присущим ему юмором (я перевожу с немецкого, где он употребил довольно грубоватое выражение): «Да ведь без этой “внутренней освещённости” [то есть чувственного переживания] мир был бы всего лишь кучей грязи!» Этот ответ позволяет предположить, что физикалистское описание — в его окончательном, утопическом виде — в одном смысле полно, а в другом неполно. Но выразить эту мысль так, чтобы она была и проясняющей, и последовательной, — как раз самая трудная и важная задача теории тождества.

Я надеялся, что мой подход, основанный на двойном знании и двойном обозначении, позволит добиться желаемого. В нём тождество устанавливается принципиально эмпирическим (синтетическим) путём. Если затем принять это тождество, можно избавиться от неприемлемого следствия эпифеноменализма. Аргументы, ссылающиеся на «каузальную действенность» удовольствия, неудовольствия, внимания, бдительности, желания и воления, которые нынешние неокартезианцы[3] продолжают использовать в защиту интеракционизма, на мой взгляд, не опровергают теории тождества. (Родственные доводы, опирающиеся на интенциональность и единство сознания, я рассмотрю, когда перейду к проблемам разумного познания и самости.)

Привычные интеракционистские высказывания обыденного языка, хотя и требуют логической осторожности, сами по себе не вызывают принципиальных возражений. Одно и то же событие — скажем, решение, волевой акт или внезапная боль — описанное одним способом феноменально, а другим физически, выступает каузальным предшественником «телесной» реакции или движения. И наоборот: физическое воздействие вызывает некоторое центральное состояние, которое на привычном языке феноменальных описаний называется ощущением, а на (утопическом) физическом языке описывается как свойство церебрального процесса.

Теперь мы подходим к решающему вопросу: предполагает ли моя разновидность гипотезы тождества существование «номологических довесков» (*nomological danglers*)? Во время наших многочисленных бесед мой замечательный и добрый друг профессор Дж.

Дж. К. Смарт пытался убедить меня, что эти «довески» мне вовсе не нужны. Но я упорствовал: мне было непонятно, как можно сохранить эмпирический (синтетический) характер отождествления, на котором по-своему настаивает и сам Смарт. Ведь оно должно каким-то образом отражать корреляции и изоморфизмы, которые психо(нейро)физиология постепенно, во всё большей мере, открывает. И всё же с самого начала размышлений над традиционной загадкой я был убеждён, что эти «довески» метафизически совершенно безобидны. Думаю, Смарт по существу прав: в окончательно сложившейся научной картине мира они не появятся и не смогут появиться.

Понять это помогает возвращение к моей научно-фантастической истории о марсианском сверхучёном. Предположим, что поведение животных и людей удаётся полностью объяснить, сведя его к основным физическим законам, а строение организмов — их начальные и граничные условия — описать исключительно в физических терминах. Тогда феноменальные термины становятся ненужными, как становятся ненужными специфические понятия биологии или физиологии. Все они будут «редуцированы» к понятиям «окончательной» физики — скажем, к чему-то подобному понятиям современной атомной, квантовой и полевой физики.

Вполне возможно, что набор качеств непосредственного опыта у марсианина, если он вообще им располагает (то есть не является «простым роботом»), никак не пересекается с нашим. В таком случае он совершенно не будет «знаком» с качествами наших непосредственных переживаний и не сможет испытывать того «сопереживания», на которое способны люди по отношению друг к другу. Физикалист, конечно, объяснит это принципиальными различиями между центральными состояниями и процессами марсианина и человека. Поэтому марсианин не будет знать, «как выглядят цвета», «как звучат музыкальные тона», «каково переживать радость, горе, восторг или подавленность» и так далее. Тем не менее он сможет объяснять и, возможно, предсказывать всё человеческое поведение с помощью своих микротеорий. Эти теории могут быть записаны в системе обозначений, отражающей образование понятий и совершенно отличной от нашей фундаментальной физики; и всё же его физика будет полностью переводима на наш язык, а наша — на его.

Возникает вопрос: есть ли в людях нечто такое, чего марсианин не «знает» и никогда не сможет узнать? Конечно, это снова вопрос

о «полноте». Думаю, Пол Э. Михл прав, утверждая (115), что обладание определённым набором непосредственных переживаний даёт познавательное преимущество: марсианину (теперь уже несколько другого типа) было бы гораздо легче объяснять и предсказывать человеческое поведение, если бы его собственный непосредственный опыт хотя бы отчасти совпадал с нашим. Но я настаиваю, что при достаточном времени и достаточном интеллекте даже марсианин с совершенно иным набором переживаний в принципе смог бы прийти к полному объяснению поведения землян — пусть с гораздо большими трудностями и гораздо медленнее.

Я склонен считать, что главный философский вопрос лежит в иной плоскости. Мне представляется, что мыслители, усматривающие «категориальную ошибку» в смешении феноменального и физического языков, по существу правы. Беда лишь в том, что у нас до сих пор нет точной и убедительной экспликации самого понятия категориальной ошибки — ошибки именно такого рода. Конечно, существуют и другие категориальные ошибки, например возникающие из смешения уровней в расселовской иерархии типов. Но не думаю, что теория типов имеет к рассматриваемому случаю отношение.

Первые многообещающие идеи в этом направлении, высказанные Р. Карнапом в «Логическом построении мира» (1928; ныне доступном и в английском переводе) и Гилбертом Райлом в «Понятии сознания» (1949), уже не кажутся мне достаточными. Причина проста: после недавней критики нельзя принять ни феноменалистскую (или нейтрально-монистическую) реконструкцию Карнапа, ни логико-лингвистический бихевиоризм Райла.

Приходится признать, что и особая формулировка, которую я предложил десять лет назад в своём пространном эссе, нуждается в пересмотре. Я уже понимал, что отождествления, законные и правдоподобные в естественных науках (хотя и вызывающие известные логико-методологические возражения), могут послужить нам образцом лишь тогда, когда психологию рассматривают как раздел биологии, то есть принимают понятийную схему интерсубъективной науки. К подобным отождествлениям относятся, например, температура = средняя кинетическая энергия молекул, поваренная соль = NaCl, менделевские факторы = гены, содержащие ДНК и РНК. При указанном условии утверждения «след кратковременной

памяти = реверберирующая нейронная цепь», «внимание и бдительность = активация ретикулярной формации мозга» и тому подобные по своему логическому и методологическому статусу ничем не отличаются от уже названных примеров. Можно добавить сюда и отождествление ферромагнетизма с определённым статистическим распределением спинов электронов в атомах железа.

Но даже такой способ формулировать отождествления был поставлен под сомнение Карнапом и Фейерабендом. Оба философа науки, возможно, и согласятся, что сама идея «отождествления» верна по существу, однако считают это понятие экспликандумом, который ещё предстоит прояснить. Более полная и точная экспликация, по Карнапу (личное сообщение), должна говорить о *слиянии* понятий; сходным образом можно говорить о *замещении* или *вытеснении* понятий более ранних научных теорий понятиями позднейшей, более точной и всеобъемлющей теории (67, 68, 69, 70). Однако здесь не место подробно разбирать этот важный вопрос.

Во всяком случае, теперь я согласен со Смартом (и, возможно, с Фейерабендом), что в понятийной системе теоретического естествознания нет места подлинно феноменальным терминам — терминам непосредственного переживания. Следующая аналогия почти наверняка способна ввести в заблуждение, и всё же я прибегну к ней как к «мостику» к развязке, которую предложу немного ниже. Суть моей мысли такова. В физических теориях обыденные, непосредственно-реалистические понятия цвета поверхности, качества звука, цветочного аромата, интенсивности тепла, ощутимой твёрдости и т. п. уступают место своим «понятиям-преемникам» (удачное выражение У. Селларса): частоте электромагнитных волн, частотным и иным характеристикам акустических волн, химической структуре «ароматических» соединений, молекулярному движению, атомному строению (например, алмаза) и т. д. Подобно этому, феноменальные предикаты, которыми описывают последовательные образы, ощущения, чувства, эмоции, настроения и прочее, должны быть заменены нейрофизиологическими, а в конечном счёте микрофизическими характеристиками, о которых мы пока имеем лишь довольно смутное представление.

Однако хорошая наука никогда не «объясняет что-либо прочь» — за исключением разве что «объектов» суеверий, иллюзий и галлюцинаций. Поэтому явления мира повседневного опыта — будь то

внешние, то есть происходящие за пределами кожи, внутренние, то есть внутри кожных покровов, или «внутренние» в другом, весьма коварном смысле слова «ментальный», — получают объяснение, но не объявляются несуществующими. «Понятия-преемники» могут очень сильно отличаться от своих «предшественников» — и обычно действительно отличаются. Им недостаёт тёплой привычности, красочной, почти рождественской образности и эмоциональной притягательности понятий здравого смысла. Зато их объяснительная сила и согласованность несравненно выше.

Уилфрид Селларс (155, 156) предложил весьма плодотворный анализ в том же духе, различив «манифестный образ» (*manifest image*) и «научный образ» (*scientific image*) мира. Однако в соответствии с тем, что я говорил в основном эссе о значении физических понятий, я предпочёл бы противопоставлять манифестный образ *научному пониманию мира*. Теперь я ещё твёрже убеждён, что прежде всего переосмысления и реконструкции требует само понятие «физического». Образы, столь полезные в эвристических и дидактических целях, не входят и не могут входить в познавательное значение физических понятий и гипотез.

Если вслед за Карнапом (32) истолковать физические теории посредством предложений Рамсея, станет ясно, что наше знание о «физическом мире» имеет «чисто структурный» характер. Иначе говоря, постулаты физических теорий вместе с правилами соответствия задают лишь «неявное» определение теоретических понятий физических наук. А поскольку понятия биологии и психологии — если физикализм верен! — сводимы к понятиям физики, то же самое относится и к понятиям всех поведенческих наук. Рассел и Шлик были, по существу, правы, говоря, что мы располагаем только знанием «физического мира» по («структурному») описанию. Но что тогда представляет собой, в отличие от него, «знание по знакомству», которым мы обладаем «субъективно», посредством интроспекции? Здесь я в основном по-прежнему придерживаюсь взгляда, изложенного десять лет назад: поскольку всякое знание имеет пропозициональный характер, высказывания, выражающие знание по знакомству, могут отражать лишь структуру того, что «дано в непосредственном опыте».

И вот перед нами снова загадка «невыразимых» квалиа непосредственного опыта. Пуанкаре, Эддингтон и другие выдающие-

ся учёные-философы придавали большое значение различию между «невыразимым» и «несообщаемым» содержанием непосредственно данного и его формами или структурами, которые можно выразить в высказываниях и передать другим. Как и прежде, я считаю это различение весьма плодотворным, но в то же время крайне обманчивым. Шлик сознавал таящиеся в нём опасности, однако и сам не сумел полностью их избежать. Теперь я постараюсь прояснить различие настолько, насколько смогу.

Первое и, пожалуй, самое важное — заметить принципиальную разницу между понятиями физических наук и понятиями интроспективно-феноменологической психологии. Можно сказать, что понятия физики не зависят от своего конкретного «закрепления» в качествах или модальностях непосредственного опыта; иными словами, они инвариантны относительно такого закрепления. Это можно показать на примере людей, слепых от рождения. «В принципе» они способны прийти к той же теоретической физике, астрономии, химии, биологии и поведенческой психологии, которые создали зрячие люди. Располагая современными электронными устройствами — фотоэлементами, спектроскопами, преобразователями, усилителями, радиоприборами и т. д., — а также достаточным временем и интеллектом, незрячий человек мог бы воспринимать через наушники или громкоговоритель определённые звуки и на этой основе прийти, по существу, к той же картине мира, что представлена в наших научных учебниках.

С необходимыми изменениями такую же философскую «научную фантастику» можно придумать о науке, построенной на осязании, обонянии или тепловых ощущениях. Если всё существующее и происходящее в мире удаётся с помощью специальных устройств каузально связать с какой-либо из наших чувственных модальностей, а чувствительность различения можно сделать достаточно высокой, то неважно, какие именно данные непосредственного опыта служат «наблюдаемыми» и тем самым «закрепляют» посредством правил соответствия теоретические понятия науки. Следовательно, «значение» физических понятий инвариантно относительно подобных «преобразований» основы наблюдения.

Совсем иначе обстоит дело со «значением» чисто феноменальных понятий — таких, как «красное», «тёплое», «печальное», «радостное». Я склонен даже сказать, что здесь перед нами другой

тип значения (если не другое значение самого слова «значение»). В пределах сугубо субъективной, интроспективной, феноменальной перспективы никакой инвариантности относительно преобразований модальностей не существует. Именно это я имел в виду, называя чисто феноменальные термины «всего лишь ярлыками» обозначаемых ими качеств.

Я, разумеется, признаю, что способность давать такие названия приобретается в ходе овладения языком (так, как это описывали Карнап, Райл и Скиннер[4]). Но к моему философскому тезису это не относится. Однажды приобретя способность обозначать качества, мы обнаруживаем у феноменальных терминов особое значение — точнее, тип значения или значимости, — радикально отличающийся от значения физических понятий. Обозначаемое этими терминами ограничено областью действительных и возможных данных непосредственного опыта, их непосредственно данных качеств и отношений. Понятия же интерсубъективных физических наук, хотя ради эмпирической значимости и должны быть «закреплены» посредством правил соответствия в феноменально данном, имеют «структурное» и неинтуитивное значение: их содержание существенным образом определяется («неявно») посредством постулатов.

Насколько я могу судить, всё это имеет для теории тождества следующие последствия. Поскольку хорошее и полное физикалистское (то есть физическое$_2$) описание мира содержит «понятия-преемники» для всех феноменальных понятий, в таком описании действительно не остаётся никаких «номологических довесков». Ничего важного оно не упускает — если, конечно, считать важными те пространственные, временные и каузальные свойства, без которых невозможно описывать мир, объяснять, предсказывать и восстанавливать его прошлое (в пределах, допускаемых фундаментальным детерминизмом или статистическими закономерностями, в какой бы мере они ни действовали).

Даже «закрепление в данных опыта» здесь представлено — но, разумеется, не так, как это принято понимать в традиционной эпистемологии, включая и моё прежнее изложение. В научном понимании мира теории восприятия, научения и языка, в конечном счёте выраженные в физических понятиях, становятся «преемниками» феноменолого-эпистемологического объяснения. Именно в

этом, по существу, и заключается всё состоятельное и защитимое в современном физикализме (включая австралийский материализм).

Много лет я возражал против материализма, считая его редукционизм неправомерным. Поэтому и пытался заменить его собственным вариантом теории тождества. Мне представлялось, что не только радикальные бихевиористы, но и материалисты каким-то образом подавляют «другую перспективу», прибегают к тому, что я называл «прикосновением Гиласа»: надев своего рода шоры, они превращают всё, к чему прикасаются, в «материю» либо в физические события и процессы. Однако сама возможность дать полное физическое описание мира как раз и составляет ту поразительную — логически случайную, но фундаментальную — особенность Вселенной и места человека в ней, которую развитие наук делает всё более правдоподобной. Ничто не «устраняется объяснением»; всё лишь охватывается единой понятийной системой, сколь бы непривычными ни были её основные понятия.

Но что же именно происходит с привычными феноменальными свойствами мира, каким мы знаем его из повседневной жизни? Пока ответим приблизительно и метафорически: их заменяют, преобразуют и вытесняют более строгие, последовательные, лучше согласующиеся друг с другом и плодотворные для объяснения свойства мира, представленные физическими понятиями. Чтобы вполне разобраться в этом «великом преобразовании», предстоит проделать ещё очень большую работу. Я понимаю, что моё прежнее объяснение, опиравшееся на «тождество», также необходимо основательно пересмотреть. В той форме, в какой оно было изложено десять лет назад, в нём содержались непреодолимые трудности, особенно если учитывать строгие требования лейбницевского определения тождества через неразличимость. Удовлетворись я всего лишь экстенсиональным тождеством, мне пришлось бы принять онтологию партикулярий (предпочтительно событий) с двойственными свойствами. Но это едва ли приблизило бы меня к тому последовательному монизму, который я надеялся обосновать.

Теперь мне кажется, что все чисто феноменальные высказывания содержат эгоцентрические универсалии — слова, обозначающие исключительно переживаемые квалиа, — а многие из них, кроме того, содержат эгоцентрические партикулярии, то есть слова «этот», «я», «сейчас», «здесь» и родственные выражения. В свя-

зи с этим важны работы Н. Гудмена, Г. Рейхенбаха, Б. Рассела, Й. Бар-Хиллела, У. Селларса и других, посвящённые анализу «эгоцентрических», «токен-рефлексивных» или «индексикальных» терминов в прагматическом контексте их употребления. Но до сих пор внимание логиков и аналитиков языка, по-видимому, привлекали лишь эгоцентрические партикулярии.

Было показано, что сама связь интерсубъективного языка с опытом пользующихся им «познающих субъектов» задаётся прагматическим контекстом их высказываний. В интерсубъективной системе науки единственность референции индексикальных терминов эксплицируется определёнными дескрипциями — единственными в своём роде характеристиками момента произнесения высказывания, говорящего, который его произносит, или места, где оно происходит. (В последнем предложении слово «происходит» следует понимать в смысле «вневременного настоящего».)

Поясню немного подробнее. Чтобы понять предложение с временным обозначением — например, с исторической датой, — я должен знать, в какой точке времени находится моё «нынешнее» переживание. Чтобы понять географическое или астрономическое обозначение места, я должен знать, «где я нахожусь» в пространстве. Это хорошо передаёт нелепая история о бойскауте, который во время долгого похода сказал товарищу: «Судя по этой карте, мы должны быть вон на той горе!» Пока мы не можем определить своё положение на «карте» мира Минковского, мы не поймём ни одного обозначения места или даты.

Но в интерсубъективном изображении мира Минковского «здесь» превращается всего лишь в одно место среди бесчисленных других, «я» — в одного человека (или организм) среди остальных, «сейчас» — в один момент среди прочих. В ходе такого преобразования, или «демократизации», утрачивается «экзистенциально остро переживаемая единственность» СЕЙЧАС, ЗДЕСЬ и Я. Ведь их заменяют такие определённые дескрипции, как «дата получения Г. Фейглом докторской степени», «место разрушений, причинённых смерчем 1965 года», «человек, в которого 12 декабря 1954 года попал метеорит». В обыденном и научном контексте «единственность» означает просто логически случайную единичность, которую, однако, можно эмпирически доказать или хотя бы сделать правдоподобной.

«Экзистенциально остро переживаемая единственность» СЕЙЧАС, ЗДЕСЬ и Я относится к непосредственному опыту. Соответствующие «термины-преемники» языка науки нейтральны по отношению к переживанию. Они лишены той эмоциональной, образной силы, которой обладают значения феноменально данных терминов, когда мы понимаем их, например, в условиях «экзистенциальной тревоги», говоря себе: «ИМЕННО СЕЙЧАС я должен принять решение», «ВОТ ЗДЕСЬ я построю дом», «ТОЛЬКО Я несу полную ответственность за ЭТОТ поступок».

Если суровые позитивисты не способны (или отказываются) понять эту «экзистенциально остро переживаемую» единственность, мне трудно им помочь. Передать свою мысль я могу лишь посредством какого-либо аргумента *ad hominem*, соединённого с остенсивными приёмами. Во всяком случае, я могу заверить позитивистов, что у меня нет ни малейшего желания строить экзистенциалистскую метафизику в духе Хайдеггера. Не принимаю я и витгенштейновского учения о невыразимом («О чём невозможно говорить, о том следует молчать»). Ведь только что я говорил — и, надеюсь, достаточно понятно — о вещах, о которых, по Витгенштейну, можно разве что «лепетать».

Строгую экспликацию роли индексикальных терминов должна дать семиотическая, или метаязыковая, дисциплина чистой прагматики. Однако если эта экспликация должна быть аналогична экспликациям чистого синтаксиса и чистой семантики, её придётся формулировать на интерсубъективно понятном метаязыке. Тогда «экзистенциальная единственность» вновь окажется вытесненной в область эмоциональной значимости, а её место займёт нейтральная, «трезвая и бесцветная» объективная характеристика.

Я думаю, что можно дать описание мира в духе Минковского, которое необходимо будет свободно от индексикальных терминов. Но такое описание невозможно ни полностью понять, ни практически использовать, не связав его посредством индексикальных выражений с опытом чувствующего и мыслящего, то есть человеческого существа. Это становится очевидным, если рассматривать изображение Минковского как карту «всего существующего» в пространстве-времени. Чтобы найти на этой карте «изображение» самого себя в определённый момент времени, мне пришлось бы исследовать её на всём, возможно бесконечном, протяжении, отыскивая именно то

переплетение мировых линий (или часть их совокупности), которое единственным образом характеризует меня в данный момент. (Если бы у меня существовал точный двойник, такой способ не сработал бы.) Но на практике я, конечно, просто указал бы на небольшой участок карты. Так можно наглядно показать употребление индексикальных терминов и избежать парадокса из истории о бойскаутах.

Мне кажется, что всё сказанное об индексикальных, или эгоцентрических, партикуляриях применимо, с необходимыми изменениями, и к индексикальным (эгоцентрическим) универсалиям. Я даже не смогу начать пользоваться публичным языком, если не понимаю приватного, эгоцентрического языка, предикаты которого — одноместные, двухместные и другие — обозначают переживаемые качества или отношения. Чтобы «зацепить», то есть связать, мой приватный язык с интерсубъективным языком науки, я должен быть способен знать по знакомству хотя бы некоторые феноменальные качества и отношения — красноту, нахождение между чем-либо и т. д. Например, поскольку показания стрелки прибора относятся к данным, которые могут подтверждать или опровергать физическую теорию, я должен уметь «распознавать» положение стрелки на шкале, «когда вижу его».

В предлагаемой мною реконструкции «конечными» данными наблюдения служат мои приватные впечатления — например, формы и цвета моего зрительного поля. Я понимаю, что здесь меня встретит буря возражений: всё это покажется повторением многократно раскритикованного учения о чувственных данных. Но, решительно отвергая феноменалистскую редукцию высказываний о физических предметах к высказываниям о чувственных данных, я не могу сказать, что на меня производят хоть какое-то впечатление аргументы философии обыденного языка, опирающиеся на обычное употребление слов «наблюдать», «видеть», «слышать».

Я бы возразил, что даже в обыденной речи эти слова далеко не всегда обозначают успешное достижение результата. Если я закрываю глаза и надавливаю пальцами на веки, то «вижу» калейдоскопически меняющиеся цветовые узоры; но я не «вижу» в смысле успешного восприятия внешний физический предмет. Если я испытываю знакомый «звон в ушах», то есть определённым образом «слышу звук», это вполне может быть не восприятием далёкого колокола, а переживанием, вызванным процессами внутри моего тела.

Надеюсь, ясно, что я ни на минуту не поддерживаю какую-либо разновидность феноменализма. Я даже не намерен защищать идею полноценного феноменального языка. Я утверждаю лишь следующее: совершив своеобразное усилие и отстранившись от привычной жизненной перспективы — вероятно, в чём-то подобно гуссерлевскому «вынесению за скобки» обычных и по большей части автоматических интерпретаций и умозаключений, — мы можем добраться до «данного». Я не вижу оснований считать «данное» в этом смысле мифом. Но признаю, что обычно оно представляет собой «редуцированный» или «разобранный» остаток куда более богатого опыта, включающего обширную понятийную структуру и «неявное знание».

Признаю также — и даже подчёркиваю, — что всё, что мы можем сказать о данных квалиа, имеет «структурный» характер. По крайней мере, «знание по знакомству» предполагает нечто гораздо большее, чем простое наличие переживания — то, что мы его испытываем, наслаждаемся им или страдаем от него, проживаем его. Даже простая классификация данного в опыте по качествам и модальностям требует хотя бы той понятийной структуры, которая образуется системой сходств и различий, а также степеней сходства и различия. Примером может служить топологическое упорядочение переживаемых цветов в хорошо известном цветовом октаэдре.

Около тридцати пяти лет назад, в пору расцвета позитивизма, я сказал бы, что значение чисто феноменальных терминов эмоционально и образно, но лишено познавательного содержания. Я назвал бы их значимость исключительно выразительной и вызывающей соответствующие переживания. Сегодня я так не считаю. Остенсивная связь, благодаря которой «закрепляются» все наши эмпирические понятия, несомненно выполняет познавательную функцию.

Кроме того, феноменальные описания сиюминутного непосредственного опыта — вовсе не простые «лающие звуки», то есть выражения вроде поведения при боли, когда мы кричим «Ой!», и не «признания» в райловском смысле. Они действительно притязают на истинность, пусть их истина и не может быть установлена по «критериям» в обычном значении слова. Такие описания находятся на самом нижнем пределе познания; по общему признанию, это «вырожденная» и «крайне обеднённая» разновидность знания. И всё

же именно они образуют «конечное» основание всех наших эмпирических притязаний на знание. Только в этом, и ни в каком другом смысле, я допускаю «методологически солипсистскую», или «эгоцентрическую», реконструкцию.

Данные непосредственного опыта представляют собой последнее основание подтверждения или опровержения всего нашего фактического знания. Чисто феноменальные утверждения не нуждаются ни в каких свидетельствах, помимо самого «данного». Я назвал бы их «самоочевидными», если бы традиционная эпистемология не злоупотребляла этим выражением. Разумеется, поскольку это всё-таки *утверждения* — произнесённые, записанные или каким-либо ещё образом символизированные, пусть даже «молча помысленные», — я не считаю их безошибочными, или «неисправимыми»: между мозгом и устами случается немало осечек. Более того, я настаиваю на их исправимости в широком контексте интерсубъективного общения и знания. Однако в этой (солипсистской) реконструкции именно они суть наименее сомнительные притязания на знание, на которых «в конечном счёте» основываются все более притязательные утверждения здравого смысла и фактических наук.

Если верны обсуждавшиеся выше разновидности структурализма и физикализма, то — выражаясь сперва на более привычном языке дуализма — конфигурационные, или гештальтные, свойства непосредственного опыта изоморфны определённым глобальным свойствам процессов нашего мозга. Поэтому, сколь странно это ни звучит, вполне возможно, что, занимаясь интроспективно-феноменологическим описанием непосредственного опыта, мы тем самым, сами того почти никогда не замечая, занимаемся и своего рода физиологией мозга — конечно, весьма грубой, расплывчатой и предварительной.

Таков мой нынешний ответ на каверзный вопрос: «Как сторонник теории тождества может размышлять о месте и роли непосредственных переживаний, если они должны быть тождественны мозговым процессам?» Хотя по причинам, о которых я уже говорил, я больше не стал бы употреблять слово «тождество» в строгом смысле, мой ответ остаётся простым. Человек, не знакомый с научными данными, давая феноменологическое описание, не знает, что одновременно описывает определённые свойства процессов своего моз-

га. Здесь перед нами то, что Куайн называет «референциальной непрозрачностью».

В некоторых отношениях это аналогично случаю с хозяйкой, которая говорит: «Суп теперь горячий», не подозревая, что тем самым имеет в виду и такое состояние супа, которое — в свете современной теории теплоты — характеризуется средней кинетической энергией составляющих его молекул. Во всех подобных случаях имеется по крайней мере тождество референции, или экстенсии; кроме того, налицо тождество некоторых, хотя не всех, структурных свойств, или интенсий. Интенсиональное тождество касается изоморфизма — одинаковости структуры — определённых глобальных, то есть статистических и/или гештальтных, свойств микросостояний и более непосредственно наблюдаемых свойств макросостояний.

По довольно общему признанию, собственно эпистемические характеристики — «известно», «неизвестно», «предполагается», «не предполагается», «подвергается сомнению» и т. д. — «интенсиональны» в более узком смысле слова. Ведь условие *salva veritate*, а тем более *salva necessitate*, при подстановке не требуется для обычных номологических или системных (теоретических), и в этом смысле интенсиональных, тождеств.

Разумеется, я по-прежнему согласен с Уилфридом Селларсом (154), Родериком Чизолмом (36), Стефаном Кёрнером (100) и другими в том, что явно интенциональные свойства — в брентановском смысле — не сводимы к физикалистскому описанию. Однако, как я вкратце отметил в основном эссе, это не представляется мне серьёзным изъяном физикализма. Согласно решающему анализу Селларса, подобная несводимость сопоставима с несводимостью логических категорий к психологическим или физиологическим — если не представляет собой её частный случай.

Логические категории и сформулированные через них принципы действительно «категориально» отличаются от категорий и принципов фактических наук. Конечно, логика — синтаксис и семантика — необходима на объектном языке или метаязыке всех наук, как формальных, так и фактических. Однако различие между логикой и психологией столь же фундаментально, как, скажем, между логикой и физикой. Не замечать этого различия — значит совершать одну из самых грубых категориальных ошибок. Она принципиально отличается от: (а) нарушения расселовского правила типов; (б) смеше-

ния языковых уровней — например, объектного языка и метаязыка; (в) смешения феноменальных понятий со строго физическими; (г) смешения диспозиций — способностей, склонностей, предрасположенностей — с происходящими событиями, эпизодами и процессами; (д) принятия чисто эмоциональных — образных, чувственных и/или мотивационных — выражений и обращений за предложения, имеющие познавательное значение. «Натуралистическая ошибка», то есть предполагаемый вывод от «есть» к «должно», представляет собой важный пример путаницы последнего рода. Итак, перед нами по меньшей мере шесть совершенно различных типов категориальных ошибок — а сколько ещё может существовать других!

Впрочем, всё сказанное требует некоторых существенных оговорок. Как весьма убедительно показал Пол Михл[5], некоторые логические категории незаменимы при молярно-психологическом объяснении языкового и вообще символического поведения. Рассмотрим, например, распознавание рассуждения, в котором допущена ошибка четырёх терминов (*quaternio terminorum*). Невозможно дать чисто физикалистскую характеристику мыслимого неограниченного множества стимульных конфигураций, образующих класс ошибок такого типа. Стимулы могут быть зрительными — рукописными или печатными знаками, — могут состоять из произнесённых звуков, щелчков азбуки Морзе, дымовых сигналов, жестов глухонемых и т. д.

Следовательно, в молярно-психологическом описании определяющий признак этих разнообразных стимулов, способных вызвать реакцию «ошибка четырёх терминов», можно задать только посредством логических категорий. Но если бы мы располагали идеальным, утопическим нейрофизиологическим, а в конечном счёте микрофизическим описанием процессов, происходящих, скажем, в мозге преподавателя логики, его конкретный ответ стал бы предсказуемым — по крайней мере в той мере, в какой здесь действует детерминизм — на основе чисто физического описания всех деталей поступающего стимула, процессов в мозге и ответной реакции. Тогда логические категории уже не понадобились бы для характеристики классов стимулов. Правда, конечные физические процессы остались бы совершенно «непрозрачными» для человека, неспособного произвести такую классификацию.

Это подобно случаю, когда мы предсказываем расположение музыкальных нот на бумаге, которые запишет композитор, пользуясь лишь физикалистскими терминами. Человеку, незнакомому с правилами нотной записи, такой предсказанный «результат» останется непонятным.

Но не следует понимать эти оговорки неверно. Всё, что происходит в «сознании» логика, математика, изобретателя, композитора и т. д., по своей природе является процессом, а значит — если физикализм верен — поддаётся описанию и объяснению посредством микропонятий и микрозаконов. Однако для молярного психолога вновь оказывается существенным понятие поведения, управляемого правилами. К счастью, оно вышло на первый план в исследованиях психолингвистов — Хомского, Фодора, Каца и других. Очевидно, следует различать поведение первого уровня, *соответствующее* правилу, и поведение второго уровня, *управляемое* правилом, когда оно уже включает отчётливую формулировку самих правил.

Так, обычный дедуктивный вывод вполне может протекать без явного осознания правил, которым он соответствует, — точно так же человек способен «правильно» играть в простую игру, не умея выразить её правила словами. Всё это относится к психологии научения, мотивации, символического поведения и смежным областям.

Во всяком случае, проблемы интенциональности — а вместе с ними и отношения логического к психологическому (или физиологическому, компьютерному, «роботологическому») — принципиально отличны от загадки отношения чувственного переживания к физическим процессам. Одни философы считают центральной в психофизической проблеме интенциональность, то есть проблему разумного познания; другие — проблему чувственного переживания; третьи — загадку самости. Хотя основное внимание я уделял первой из них — чувственному переживанию, — остальные считаю не менее важными. Но должен признаться, что и прежде, и теперь вопросы разумного познания и самости беспокоили меня куда меньше, чем проблема чувственного переживания.

Возвращаясь к ней, замечу, что некоторые аспекты даже интенциональности и самости вполне могут требовать феноменологического описания. Если взглянуть «сбоку» на отношение акта и объекта, как оно предстаёт в интроспекции восприятия, мышления, желания, воления и т. д., можно сказать, что мы «сознаём» интенцио-

нальность, или «направленность на предмет», соответствующих состояний сознания. Но подобно тому, как *совершение вывода*, в отличие от *выводимости* или *логического следования*, является психологическим процессом, осознание интенциональности — это ментальный эпизод. И если физикализм верен, в конечном счёте для таких процессов или эпизодов будет найдено эквивалентное физическое описание — их «преемник». Какими именно окажутся эти описания, должно выяснить будущее развитие нейрофизиологии.

Точно так же так называемые «понятийные» отношения — например, отношения между качествами, образующие топологическую феноменологию степеней сходства и различия, — должны иметь соответствия в определённых свойствах мозговых процессов, благодаря которым мы выносим различающие суждения, способные в конечном счёте выражаться в словесных и других реакциях. Но не следует смешивать этот топологический порядок с каузальным порядком, в котором возникает определённый чувственный эпизод. И там и там, несомненно, имеется некоторая разновидность изоморфизма между феноменальным и определёнными свойствами физических процессов, однако сами два порядка будут существенно различаться.

Точно так же широко обсуждаемые проблемы «природы личности», «единства сознания», «тождества Я», а возможно, и кантовского «синтетического единства апперцепции» невозможно разрешить исключительно на феноменологической основе. Данные феноменального опыта — например, относящиеся к непрерывности памяти или к постоянно (точнее, лишь часто) имеющейся возможности связывать нынешнее переживание с прежними и ожидать будущие — поддаются объяснению, лишь когда их выражают в соответствующих понятиях-преемниках и помещают в нейрофизиологический контекст. Психиатрические случаи раздвоения или множественности личности вполне можно было бы убедительно объяснить попеременным преобладанием отдельных подсистем в общей совокупности мозговых процессов.

Существует группа чрезвычайно трудных философских вопросов, в отношении которых мне удалось прийти только к самым предварительным выводам. Настоятельно необходимо понятийно прояснить различия — если они существуют — между разными разновидностями феноменологического описания, а возможно, и между

феноменологией вообще и интроспективной психологией. Э. Гуссерль и многие его ученики сосредоточили основное внимание на чистом созерцании «сущностей» и их будто бы априорных отношений. Мне кажется, результаты феноменологического усмотрения сущностей (*Wesensschau*) и анализа обыденного языка, осуществляемого Витгенштейном, Остином и их последователями, удивительно часто совпадают, несмотря на значительные различия в их притязаниях и акцентах.

То, что феноменологи считают «априорно необходимыми и синтетическими» высказываниями, находит соответствие — если не прямой эквивалент — в «понятийных необходимостях», обнаруживаемых аналитиками языка. Если, например, «логическую» несовместимость «определённых свойств» — красного и зелёного — в пределах одного «определимого» свойства, цвета, феноменологически усматривают как «внутреннее» отношение квалиа, сторонники Витгенштейна описывают ту же ситуацию как часть «грамматики» цветовых слов.

Хотя я сомневаюсь в обоих объяснениях[6], прежде всего следует признать, что такое «синтетическое априори» — вещь «мелкая» и незначительная по сравнению с «грандиозным» априори рационалистов и Канта, касающимся пространства, времени и причинности. Следует ли эксплицировать, реконструировать или истолковывать это скромное априори посредством синтаксических правил образования выражений или через «А-постулаты» — правила значения в духе Карнапа или Максвелла, — для нашего обсуждения несущественно. Я подозреваю, что феноменологически усматриваемые несовместимости (или необходимости) вполне могут оказаться фундаментальными психологическими ограничениями способности воображать или даже мыслить нечто. А если так, то в конечном счёте они могут получить нейрофизиологическое объяснение.

Интроспективная психология, как мне кажется, даёт высказывания логически смешанного характера. Если я подвергаю интроспекции свои нынешние ментальные состояния — ощущения, эмоции, настроения, намерения, желания, волевые акты — и сообщаю о них, как это бывает на психоаналитическом сеансе, эгоцентрические партикулярии (по крайней мере «я» и «сейчас») почти всегда входят в мои высказывания. Но когда я формулирую обнаруженную интроспективно психологическую закономерность — на-

пример, что сильное возбуждение всегда со временем стихает, — я отвлекаюсь от собственного случая и предлагаю обобщение. Это действительно отличается от результатов феноменологического созерцания «внутренних» отношений «сущностей». В той мере, в какой привычная интроспективная психология выражает свои притязания на знание в рамках «манифестного образа» мира, то есть мировоззрения здравого смысла, она сочетает субъективно-феноменальные понятия с интерсубъективно-научными — пространственными, временными и каузальными.

По общему признанию, манифестный образ, сколь бы полезен он ни был в повседневной жизни, логически неустойчив: в нём содержатся скрытые противоречия, а его объяснительные и предсказательные возможности весьма ограниченны. Бихевиоризм был и остаётся одним из удивительно успешных способов обеспечить как непротиворечивость, так и силу объяснения и предсказания. Разумеется, я имею здесь в виду *методологический бихевиоризм*, в отличие от логического или радикального бихевиоризма, который либо отрицает чисто менталистские утверждения, либо объявляет их бессмысленными.

В соответствии со сказанным выше я бы утверждал, что как только периферический бихевиоризм — примером которого служат выдающиеся работы и основная ориентация Б. Ф. Скиннера — дополняется теориями центральных состояний и процессов внутри организма, особенно в его нервной системе, он становится на путь к физикализму, образующему исходную гипотетическую схему настоящего философского анализа. В ходе этого «великого преобразования» большинство — а возможно, и все — понятия солипсистской (эгоцентрической) перспективы, равно как и манифестного образа, всё ещё насыщенного субъективными чертами, заменяются всецело интерсубъективным описанием.

Даже экзистенциалисты — например, Мартин Бубер — увидели это преобразование, хотя и выразили его чрезвычайно туманно, говоря о переходе от перспективы «Я — Ты» к перспективе «Оно», свойственной безличному объективному познанию. Я уже обсуждал понятия-преемники эгоцентрических партикулярий. Но наряду с ними радикальной объективации подвергаются и переживаемое течение времени — его «поток», — различие между прошлым, настоящим и будущим, «целевое» описание человеческих действий,

понимание причины как «вмешательства» (Коллингвуд), пронизанные оценками понятия моральной ответственности, свободы воли и «самости». Но и здесь ничто не «устраняется объяснением»: всё лишь получает новое описание в полностью «отстранённой» объективной системе понятий.

Шумные разговоры о «расколе нашей культуры» между естественными и гуманитарными науками вполне можно понять как следствие перемены «перспективы». Не существует двух различных видов реальности, зато существуют два способа задавать понятийную схему для её описания. И даже, как мне кажется, таких «перспектив», или схем, очень много. На одном полюсе находится чисто эгоцентрическое описание как «нижний предел», на другом — полностью физическое как «верхний предел». Между ними располагается множество промежуточных вариантов возможных манифестных образов. Аналитическим философам было бы полезно упражняться в том, чтобы делать явной понятийную схему каждой из этих «перспектив» посредством специальных реконструкций.

Хотя я предпочёл бы не раздражать своих трезвомыслящих читателей «метафизическими» рассуждениями, меня всё же подмывает сказать, что эгоцентрическое описание, непосредственно «прикрепляющее ярлыки» к качествам опыта, соприкасается с Бытием (не заставляйте меня содрогаться!) настолько непосредственно, насколько это возможно в нашем мире, тогда как все научные описания, благодаря их инвариантности относительно качества и модальности, имеют дело с Бытием лишь косвенно и структурно.

Ошибки, которую выдающийся позитивист, или «эмпириокритицист», Р. Авенариус осуждал как неправомерную «интроекцию»[7] субъективного опыта внутрь тела — головы, мозга — другого человека, легко избежать, если принять либо радикально эгоцентрическое, либо полностью физикалистское описание. Промежуточные варианты манифестного образа неизбежно ведут к противоречиям или хотя бы к парадоксам и апориям, возникающим из категориальных ошибок.

Конечно, я согласен с тем, что в мире повседневной жизни — не это ли на самом деле *Lebenswelt* феноменологов? — мы вполне хорошо понимаем друг друга, хотя язык «манифестного образа», строго говоря, непоследователен. Для обычного общения «интроекция» безвредна. Я подозреваю, что даже в меру сообразительный

человек, руководствующийся здравым смыслом, не помещает буквальным образом непосредственные переживания в мозг своего собеседника. Он никогда не рассчитывал бы буквально обнаружить там образы, ощущения, эмоции или настроения — даже в собственном мозге, если бы ему довелось исследовать его с помощью аутоцереброскопа.

В манифестном представлении мозг — это просто «кровавая масса» нервной ткани, которую можно увидеть, вскрыв человеку череп. Область феноменального пространства, занимаемая мозгом как видимым предметом, уже заполнена серовато-красным веществом. (Это прекрасно понимал ещё Лейбниц.) Поэтому даже обыватель, если он не совсем глуп, поймёт приписывание непосредственных переживаний другим людям в смысле контрфактического, а точнее, контртождественного высказывания: «Если бы я был тем человеком и находился сейчас в его конкретном положении, я испытывал бы такие-то переживания».

Таким образом, даже здравый смысл способен избегать парадоксов интроекции. То же относится и к собственному случаю: при аутоцереброскопическом наблюдении человек мог бы одновременно испытывать, например, музыкальные переживания и зрительные впечатления, которые служили бы подтверждающими данными для высказываний о процессах в его мозге.

Некоторых мыслителей соблазняла идея рассматривать категориальную несовместимость феноменального и физического языков как разновидность «дополнительности», аналогичную дополнительности в копенгагенской интерпретации квантовой механики. Думаю, аналогия эта, хотя и наводит на размышления, довольно слаба. Даже если оставить в стороне вопрос о состоятельности учения о дополнительности в самой теоретической физике, мне представляется, что взаимную исключительность феноменальной и физической понятийных схем следует эксплицировать через логику, или семиотику, соответствующих категорий, а не как формулировку свойства самого мира. При этом правила соответствия, связывающие физические термины с феноменальными, имеют «межкатегориальный» характер (см. Корнман, 46, 48). Их следует формулировать на семиотическом, семантикопрагматическом метаязыке.

Мой предварительный вывод, вероятно, уже очевиден: «интроекция» основывается на категориальной ошибке, состоящей в сме-

шении чисто эгоцентрического языка с объективным, интерсубъективным. Основное различие, повторю, проходит между непосредственным называнием и косвенным описанием, опирающимся на сеть законов, заданную теорией. Тем не менее научный язык позволяет приписывать другим людям непосредственные переживания: в терминах понятий-преемников определённая «структура» в понятийной сети физической науки приписывается некоторой области физического пространства-времени. То, чего при этом как будто недостаёт, восполняется упомянутыми контрфактическими (или контртождественными) высказываниями и их особой эмоциональной значимостью.

Образно-эмоциональная значимость, придающая понятиям физических наук характерный «исходный привкус» (*root flavor*), как я пытался показать, познавательно несущественна, хотя может быть очень важна с эвристической и дидактической точки зрения. Но значение субъективно-феноменальных понятий в эгоцентрической перспективе несомненно включает этот «исходный привкус». Неважно, что в семантической формулировке это оборачивается тривиальными утверждениями: «“Красное” обозначает красное», «“Тёплое” обозначает тёплое» и т. д. Именно таковы «правила входа в язык» в терминологии Уилфрида Селларса.

Заметьте: я сказал, что значение чисто феноменальных терминов *включает* их «исходный привкус», но вовсе не утверждал, будто даже в феноменальном языке он полностью определяет это значение. Не менее важно логическое место феноменального термина в структуре родственных терминов, показывающее положение данного quale среди более или менее сходных квалиа в пределах соответствующей модальности и положение самой этой модальности среди других.

Одна из важнейших задач, которую ещё предстоит решить на пути к более полному разрешению проблемы чувственного переживания, — точный логический анализ отношений различных феноменальных «пространств» — зрительного, осязательного, кинестетического, слухового и т. д. — к физическому пространству. Полезной отправной точкой могут послужить ставшие классическими соображения Шлика, Кёлера, Рассела и Рюйе. Особенно плодотворным недавним вкладом в эту работу мне представляется исследование Норберта Бишофа (20).

Другая важная задача, лишь намеченная выше, состоит в точной синтаксической, семантической и прагматической характеристике феноменального языка — или одного из возможных таких языков. До сих пор я не сумел придумать ничего лучше солипсистской реконструкции на основе онтологии событий, в которой феноменальные предикаты — элементаристские или конфигурационные — приписываются моментам феноменального времени, его «кажущимся настоящим». Я далеко не уверен в этом, но склонен думать, что подобная искусственная реконструкция могла бы допускать чисто субъективный язык, из которого были бы исключены все подлинно интерсубъективные, или физические, понятия. При этом данные, описанные на таком феноменальном языке, служили бы «конечным» основанием проверки всех интерсубъективных высказываний. Разумеется, для этого потребуются определённые правила соответствия.

Рискуя ввести читателя в заблуждение очень слабой и отдалённой аналогией, я предложу сравнить отношение эгоцентрического описания мира к интерсубъективному с отношением геоцентрического описания кинематики планетной системы к гелиоцентрическому. Подобно тому как петлеобразные, или попятные, движения в геоцентрическом описании исчезают после «коперниканского переворота», непосредственно данные качества и «привилегированные» эгоцентрические термины исчезают в интерсубъективном описании физикалистской картины мира.

И подобно тому как бессмысленно — если не нелепо — спрашивать «Где же эпициклы в гелиоцентрическом описании?[8]», столь же неуместен вопрос «Где в научном описании мира субъективно переживаемые качества?». Эти феноменальные качества *описываются*, но совершенно иначе — в «преобразованном» описании интерсубъективной науки. Думаю, сходный подход позволит разрешить затруднения, возникающие из модного ныне противопоставления «действий» и «движений».

Действия, рассматриваемые интенсионально — в силу их «интенциональности», — принадлежат манифестному образу мира, пронизанному эгоцентрической значимостью. В новой системе они представляются радикально преобразованным способом: именно как «движения» или, если это слово кажется уничижительным, как «процессы», происходящие при взаимодействии организмов друг с

другом и с окружающей средой. В конечном счёте все они описываются в физических понятиях.

К счастью, наиболее многообещающие направления современной теоретической психологии не обращают внимания на «философию сознания обыденного языка». Я признаю эвристическую ценность интуитивных, эмпатических, интроспективных и феноменологических подходов, но сомневаюсь, что они могут дать нечто большее, чем способ выдвигать гипотезы, которые затем всё равно приходится проверять — подтверждать или опровергать — обычными методами интерсубъективной науки.

Анализ обыденного языка, при всей его феноменологической проницательности, чреват возвращением к психологии здравого смысла, заключённой в «интуитивном понимании людей», которым и без того обладает всякий достаточно опытный человек. Именно эта «психология» весьма успешно служит в практических делах дипломатам, министрам, политикам, предпринимателям, родителям, нянькам и рыночным торговкам. Здесь немного неожиданного и почти ничего такого, что можно было бы включить, например, в теорию мотивации.

Оглядываясь на борьбу логических позитивистов против метафизики (или даже на попперовское разграничение научных и метафизических высказываний), я теперь считаю, что не столь уж важно — кроме как для «философской политики», — относить ли проблемы «реальности внешнего мира», «других сознаний» и «инвертированного спектра» к метафизике или к науке. Карнап, на мой взгляд не без оснований, объявлял их в той форме, в какой сам их излагал, псевдопроблемами; Поппер же считает их осмысленными, но метафизическими вопросами.

Я всегда признавал, что рассуждение, посредством которого мы мыслим ментальные состояния других людей и приводим доводы в пользу их существования, представляет собой крайнюю и вырожденную форму умозаключения по аналогии. Всё зависит от того, как понимать соответствующие фундаментальные контрфактические высказывания. Я считаю их вполне осмысленными, поскольку их контрфактический характер обусловлен некоторыми основополагающими естественными ограничениями непосредственной проверяемости. Но если признать эти ограничения — затруднение эгоцентрической перспективы, положение в настоящем моменте и про-

чие — фундаментальными особенностями нашей Вселенной, какими они и предстают в лучших научных и эпистемологических теориях, то, быть может, разнообразные философские апории и «парадоксы» существования утратят свой традиционный ореол таинственности. И более просвещённая философия наконец избавит нас от этих вечных затруднений[9].

Я слишком хорошо понимаю, что замечания, собранные в этом послесловии, настолько схематичны и импрессионистичны, что способны в лучшем случае подсказать направление дальнейшей, крайне необходимой работы по философскому анализу. Если не писать целую книгу под названием «Сознание и его место в природе»[10], к чему я вряд ли скоро приступлю, если вообще когда-нибудь приступлю, мне всё же показалось лучше изложить свои нынешние мысли при переиздании эссе десятилетней давности, чем хранить молчание.

Я обращаюсь к читателям с просьбой не оставлять психофизических загадок без внимания и благожелательно принять мои — возможно, весьма донкихотские — идеи. Во всяком случае, следует помнить, что всё моё рассуждение опирается на предпосылку научной приемлемости (физического) физикализма. Если будущие исследования приведут к принятию той или иной разновидности эмерджентизма или — *horribile dictu!* — дуалистического интеракционизма, большая часть моих размышлений превратится в логическое (надеюсь, не алогичное!) упражнение в рамках несостоятельной предпосылки.

Но коль скоро я теперь считаю философский анализ продолжением научного исследования, мне остаётся только просить разрешения применять в философской работе метод проб и ошибок, последовательных приближений — точно так же, как мы признаём его вполне уместным в преимущественно эмпирических и никогда не заканчивающихся научных поисках.

Примечания к послесловию

1. Джон Белофф (19) весьма лестно назвал мою работу «теорией тождества Рассела — Фейгла», а в другом месте (171) с большим юмором охарактеризовал её как «нечто прямо противоположное краткому изложению». Признаю: возможно, для своего объёма она была «несколько длинновата»!

2. В дальнейшем Джудит Экономос рассматривает в своей диссертации также проблемы разумного познания и особенно самости — и, на мой взгляд, отчасти с большим успехом.

3. Белофф, Дюкасс, Шеффер, Поппер и Чизолм — каждый по-своему — вновь выдвигают, на более утончённом уровне, старые аргументы Макдугалла, Бергсона и Дриша.

4. Этот момент подчёркивают часто повторяемые витгенштейновские доводы против возможности сугубо приватного языка. Я по-прежнему считаю эти доводы неверными или запутанными (см. 37, 45, 118, 175, 184).

5. Эти доводы представлены в готовящихся к публикации статьях Пола Михла, одна из которых должна появиться в предстоящем четвёртом томе Minnesota Studies in the Philosophy of Science.

6. Рассмотрим, например, сладкое и кислое как определённые свойства в рамках определимого свойства вкуса. Они вполне сочетаются, а значит, совместимы, что доказывается вкусом лимонада или сладких маринованных огурцов!

7. Не следует смешивать этот термин с фрейдовской «интроекцией». У Фрейда речь идёт о включении, например, образа отца в наше Сверх-Я.

8. Речь идёт не об исторических стадиях систем Птолемея и Коперника, а о современных кинематических описаниях геоцентрического и гелиоцентрического типов, учитывающих нынешние точные данные о расстояниях, ориентации и прочих характеристиках Солнца и планет. Эти две системы, конечно, логически эквивалентны и различаются лишь формальной простотой. Напротив, эгоцентрическое и физикалистское описания не являются Л-эквивалентными.

9. В готовящемся к печати эссе (78) Кит Гандерсон блестяще и весьма оригинально рассмотрел досадные затруднения, связанные как с «привилегированным доступом», так и с «недоступностью». Думаю, ему удалось дать наиболее адекватное интерсубъективное объяснение загадочных асимметрий субъективности.

10. Две замечательные книги с таким названием — Ч. Д. Броуда и Дюранта Дрейка — вышли в 1925 году! Вероятно, кому-то стоило бы, вооружившись современной аналитической изощрённостью, попытаться привести обсуждение в соответствие с нынешним состоянием науки и философии.

Избранная новая литература

После обширной библиографии к первоначальному эссе, которую читатели приняли с большой благодарностью, я вновь предлагаю пространный список трудов, показавшихся мне интересными, относящимися к делу и спорными. Однако количественный масштаб «взрыва книг и статей» после 1957 года столь огромен, что даже этот длинный перечень неизбежно неполон. Надеюсь, я не пропустил действительно важных публикаций.

1. Abelson, R. "Persons, P-Predicates, and Robots," American Philosophical Quarterly, 3:306-311 (1966).

2. Agassi, J. "Sensationalism," Mind, 75:l-24 (1966).

3. Albritton, R. "On Wittgenstein's Use of the Term 'Criterion,' " Journal of Philosophy, 56:845-857 (1959).

4. Aldrich, V. C. "Behavior, Simulating and Nonsimulating," Journal of Philosophy, 63:453-456 (1966).

5. Anderson, A. R. (ed.). Minds and Machines. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.

6. Arbib, M. A. Brains, Machines, and Mathematics. New York: McGraw-Hill Book Co., 1964.

7. Armstrong, D. M. A Materialistic Theory of Mind. (Forthcoming)

8. Armstrong, D. M. Bodily Sensations. London: Routledge & Kegan Paul, 1962.

9. Armstrong, D. M. "Is Introspective Knowledge Incorrigible?" Philosophical Review, 72:417-432 (1963).

10. Armstrong, D. M. "The Nature of Mind," Arts: Proceedings of the Sydney University Arts Association, 3:37-48 (1966).

11. Armstrong, D. M. Perception and the Physical World. New York: The Humanities Press, 1961.

12. Aune, B. "Feelings, Moods, and Introspection," Mind, 72:187-208 (1963).

13. Aune, B. Knowledge, Mind and Nature. New York: Random House, 1967.

14. Aune, B. "Feigl on the Mind-Body Problem," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

15. Aune, B. "On the Complexity of Avowals," in Max Black (ed.), Philosophy in America. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1965.

16. Ayer, A. J. The Concept of a Person and Other Essays. New York: St. Martin's Press, 1963; London: Macmillan & Co., 1963.

17. Ayer, A. J. (ed.). Logical Positivism. New York: The Free Press, 1959.

18. Ayer, A. J. "Verification and Experience," in A. J. Ayer (ed.), Logical Positivism. New York: The Free Press, 1959.

19. Beloff, J. The Existence of Mind. New York: The Citadel Press, 1962.

20. Bischof, N. "Erkenntnistheoretische Grundlagenprobleme der Wahrneh-mungspsychologie," Handbuch der Psychologic. Gottingen, Germany: Verlag fur Psychologic, Dr. C. J. Hogrefe, 1966.

21. Bischof, N. "Psychophysik der Raumwahrnehmung," Handbuch der Psy-chologie. Gottingen, Germany: Verlag fiir Psychologic, Dr. C. J. Hogrefe, 1966.

22. Blanshard, B. Reason and Analysis. LaSalle, Ill.: Open Court Pub. Co., 1962.

23. Brodbeck, M. "Meaning and Action," Philosophy of Science, 30:309-324 (1963).

24. Brodbeck, M. "Mental and Physical: Identity versus Sameness," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

25. Brody, N., and Paul Oppenheim. "Tensions in Psychology between the Methods of Behaviorism and Phenomenology," Psychological Review, 73: 295-305 (1966).

26. Brown, R. Explanation in Social Science. Chicago: Aldine Pub. Co., 1963.

27. Buck, R. "Non-Other Minds," in R. J. Butler (ed.), Analytical Philosophy. New York: Barnes & Noble, 1962.

28. Bunge, M. The Critical Approach to Science and Philosophy. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1964.

29. Cantril, H. "Sentio, Ergo Sum: 'Motivation' Reconsidered," Journal of Psychology, 65:91-107 (1967).

30. Cantril, H., and W. K. Livingston. "The Concept of Transaction in Psychology and Neurology," Journal of Individual Psychology, 19:3-16 (1963).

31. Capitan, W. H., and D. D. Merrill (eds.). Metaphysics and Explanation. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1965.

32. Carnap, R. Philosophical Foundations of Physics. New York: Basic Books, 1966.

33. Carnap, R. "Psychology in Physical Language," in A. }. Ayer (ed.), Logical Positivism. New York: The Free Press, 1959.

34. Caspari, E. "On the Conceptual Basis of the Biological Sciences," in R. G. Colodny (ed.), Frontiers of Science and Philosophy. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1962.

35. Castaneda, H. N. "Criteria, Analogy, and Knowledge of Other Minds," Journal of Philosophy, 59:533-546 (1962).

36. Castaneda, H. N. (ed.). Intentionality, Minds, and Perception. Detroit: Wayne State Univ. Press, 1967.

37. Castaneda, H. N. "The Private Language Argument," in C. D. Rollins (ed.), Knowledge and Experience. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1963.

38. Castell, A. The Self in Philosophy. New York: The Macmillan Co., 1965.

39. Chappell, V. C. (ed.). The Philosophy of Mind. Englewood Cliffs, N. }.: Prentice-Hall, 1962.

40. Chisholm, R. M. Perceiving: A Philosophical Study. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1957.

41. Chisholm, R. M. (ed.). Realism and the Background of Phenomenology. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960.

42. Chisholm, R. M. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice- Hall, 1966.

43. Coburn, R. C. "Recent Work in Metaphysics," American Philosophical Quarterly, 1:204-220(1964).

44. Coburn, R. C. "Shaffer on the Identity of Mental States and Brain Processes," Journal of Philosophy, 60:89-92 (1963).

45. Cook, J. W. "Wittgenstein on Privacy," Philosophical Review, 74:281-314 (1965).

46. Cornman, J. W. "The Identity of Mind and Body," Journal of Philosophy, 59:486-492(1962).

47. Cornman, J. W. "Linguistic Frameworks and Metaphysical Questions," Inquiry, 7:129-142 (1964).

48. Comman, J. W. Metaphysics, Reference and Language. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1966.

49. Craik, K. J. W. The Nature of Psychology. New York: Cambridge Univ. Press, 1966.

50. Culbertson, J. T. The Mind of Robots. Urbana, Ill.: Univ. of Illinois Press, 1963.

51. Drange, T. Type Crossings. The Hague and Paris: Mounton & Co., 1966.

52. Ducasse, C. J. The Belief in a Life after Death. Springfield, Ill.: Thomas Pub. Co., 1961.

53. Eccles, J. C. (ed.). Brain and Conscious Experience. New York: Springer-Verlag, 1966.

54. Eccles, J. C. The Brain and the Unity of Conscious Experience. London: Cambridge Univ. Press, 1965.

55. Ekstein, R. "The Psychoanalyst and His Relationship to the Philosophy of Science," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press. 1966.

56. Elsasser, W. M. Atom and Organism. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1966.

57. Feigl, H. "Critique of Intuition According to Scientific Empiricism," Philosophy East and West, 8:1-16 (1958).

58. Feigl, H. "From Logical Positivism to Hypercritical Realism," Proceedings of the Xllth International Congress of Philosophy (Mexico City), 5:427-436(1964).

59. Feigl, H. "Matter Still Largely Material," Philosophy of Science, 29:39-46 (1962).

60. Feigl, H. "Mind-Body, Not a Pseudoproblem," in S. Hook (ed.), Dimensions of Mind. New York: New York Univ. Press, 1960. Reprinted in Jordan Scher (ed.), Theories of the Mind. New York: The Free Press, 1960.

61. Feigl, H. "Other Minds and the Egocentric Predicament," Journal of Philosophy, 55:978-987 (1958).

62. Feigl, H. "Philosophical Embarrassments of Psychology," American Psychologist, 14:115-128 (1959). Reprinted in Psychologische Beitrage, 6:340- 364 (1962).

63. Feigl, H. "Philosophy of Science," in Richard Schlatter (ed.), Humanistic Scholarship in America. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.

64. Feigl, H. "Physicalism, Unity of Science and the Foundations of Psychology," in P. A. Schilpp (ed.), The Philosophy of Rudolf Carnap. LaSalle, Ill.: Open Court Pub. Co., 1963.

65. Feigl, H. "The Power of Positivistic Thinking: An Essay on the Quandaries of Transcendence," Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association, 36:21-41 (1963).

66. Feigl, H. "Why Ordinary Language Needs Reforming" (with G. Maxwell), Journal of Philosophy, 58^:488-498 (1961).

67. Feyerabend, P. K. "How to Be a Good Empiricist—a Plea for Tolerance in Matters Epistemological," in Bernard Baumrin (ed.), Philosophy of Science: The Delaware Seminar, Vol. 2. New York: John Wiley & Sons, 1963.

68. Feyerabend, P. K. "Materialism and the Mind-Body Problem," Review of Metaphysics, 17:49-66 (1963).

69. Feyerabend, P. K. "Mental Events and the Brain," Journal of Philosophy, 60:295-296(1963).

70. Feyerabend, P. K. "Problems of Empiricism," in R. G. Colodny (ed.), Beyond the Edge of Certainty. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1965.

71. Fink, D. G. Computers and the Human Mind. Garden City, N.Y.: Doubleday & Co., 1966.

72. Flew, A. (ed.). Body, Mind, and Death. New York: The Macmillan Co., 1964.

73. Fodor, J. A. "Explanations in Psychology," in Max Black (ed.), Philosophy in America. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1965.

74. Gale, R. M. "The Egocentric Particular and Token-Reflexive Analyses of Tense," Philosophical Review, 73:213-228 (1964).

75. Garnett, A. C. "Body and Mind—the Identity Thesis," Australasian /ournal of Philosophy, 43:77-81 (1965).

76. George, F. H. The Brain as a Computer. New York: Pergamon Press, 1962.

77. Grossmann, R. The Structure of Mind. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1965.

78. Gunderson, K. "Asymmetries and Mind-Body Perplexities," in H. Feigl and G. Maxwell (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. IV. (Forthcoming)

79. Gunderson, K. "Cybernetics," in Paul Edwards (ed.), Encyclopedia of Philosophy. New York, 1967.

80. Gunderson, K. "Cybernetics and Mind-Body Problems." Presented at the meetings of the American Philosophical Association, Eastern Division, New York, December 29, 1965. (Forthcoming in Methodos)

81. Gunderson, K. "Descartes, La Mettrie, Language, and Machines," Philosophy, 39:193-222 (1964).

82. Gunderson, K. "The Imitation Game," in Alan Ross Anderson (ed.), Minds and Machines. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1964. Reprinted from Mind.

83. Gustafson, D. F. (ed.). Essays in Philosophical Psychology. Garden City, N.Y.:Doubleday&Co., 1964.

84. Hampshire, S. (ed.). Philosophy of Mind. New York: Harper & Row, 1966.

85. Hampshire, S. Thought and Action. London: Basil Blackwell, 1958.

86. Handy, R. Methodology of the Behavioral Sciences. Springfield, Ill.: Thomas Pub. Co., 1964.

87. Harris, E. E. The Foundations of Metaphysics in Science. New York: The Humanities Press, 1965.

88. Hawkins, D. The Language of Nature. San Fraweisco: W. H. Freeman & Co., 1964.

89. Hayek, F. A. The Sensory Order. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1963.

90. Hesse, M. B. Models and Analogies in Science. London: Sheed & Ward, 1963.

91. Hillman, D. J. "On Grammars and Category-Mistakes," Mind, 22:224-234 (1963).

92. Hirst, R. J. (ed.). Perception and the External World. New York: The Macmillan Co., 1965.

93. Hook, S. (ed.). Dimensions of Mind. New York: New York Univ. Press, 1960.

94. Jonas, H. The Phenomenon of Life. New York: Harper & Row, 1966.

95. Kenny, A. Action, Emotion and Will. New York: The Humanities Press, 1963.

96. Kim, J. "On the Psycho-Physical Identity Theory," American Philosophical Quarterly, 3:227-235 (1966).

97. Kneale, W. C. "Broad on Mental Events and Epiphenomenalism," in P. A. Schilpp (ed.), The Philosophy of C. D. Broad. New York: Tudor Pub. Co., 1959.

98. Koch, S. "Psychology and Emerging Conception of Knowledge as Unitary," in T. W. Wann (ed.), Behaviorism and Phenomenology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

99. Kohler, W. "A Task for Philosophers," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

100. Korner, S. Experience and Theory. New York: The Humanities Press, 1965; London: Routledge & Kegan Paul, 1965.

101. Kraft, V. Erkenntnislehre. Vienna: Springer-Verlag, 1960.

102. Lehrer, K. (ed.). Freedom and Determinism. New York: Random House, 1966.

103. Levi, I., and S. Morgenbesser. "Belief and Disposition," American Philosophical Quarterly, 1:221-232 (1964).

104. Lewis, D. K. "An Argument for the Identity Theory," Journal of Philosophy, 63:17-25 (1966).

105. Libet, B. "Cortical Activation in Conscious and Unconscious Experience," Perspectives in Biology and Medicine, 9:77-86 (1965).

106. Madden, E. H. "Problems in the Philosophy of Mind," Southern Journal of Philosophy, 4:33-40 (1966).

107. Madden, E. H. Philosophical Problems of Psychology. New York: Odyssey Press, 1962.

108. Malcolm, N. "Behaviorism as a Philosophy of Psychology," in T. W. Wann (ed.), Behaviorism and Phenomenology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

109. Malcolm, N. "Explaining Behavior," Philosophical Review, 76:97-104 (1967).

110. Malcolm, N. "Knowledge of Other Minds," Journal of Philosophy, 55:969- 978 (1958).

111. Mandelbaum, M. Philosophy, Science and Sense Perception. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964.

112. Margolis, J. "Brain Processes and Sensations," Theoria, a Swedish Journal of Philosophy and Psychology, 31:133-138 (1965).

113. Martin, C. B., and Max Deutscher. "Remembering," Philosophical Review, 75:161-196(1966).

114. Matson, W. I. "Why Isn't the Mind-Body Problem Ancient?" in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

115. Meehl, P. E. "The Compleat Autocerebroscopist: A Thought-Experiment on Professor Feigl's Mind-Body Identity Thesis," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

116. Miles, T. R. "The 'Mental'-'Physical' Dichotomy," Aristotelian Society Proceedings, 64:71-84 (1964).

117. Morgenbesser, S., and J. Walsh (eds.). Free Will. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1962.

118. Mundle, C. W. K. "Private Language and Wittgenstein's Kind of Behavior-ism," Philosophical Quarterly, 16:35-46 (1966).

119. Nagel, E., and R. Brandt (eds.). Meaning and Knowledge. New York: Harcourt, Brace & World, 1965.

120. Nagel, E. The Structure of Science. New York: Harcourt, Brace & World, 1961.

121. Nagel, T. "Physicalism," Philosophical Review, 74:339-356 (1965).

122. Nelson, J. O. "An Examination of D. M. Armstrong's Theory of Perception," American Philosophical Quarterly, 1:154-160 (1964).

123. Passmore, J. A Hundred Years of Philosophy, second edition. New York: Basic Books, 1966.

124. Pepper, S. C. Concept and Quality. Berkeley: Univ. of California Press, 1967.

125. Perkins, M. "Emotion and the Concept of Behavior," American Philosophical Quarterly, 3:291-298 (1966).

126. Perkins, M. "Two Arguments against a Private Language," Journal of Philosophy, 57:443-459 (1965).

127. Pollock, J. L. "Criteria and Our Knowledge of the Material World," Philosophical Review, 76:28-60 (1967)

128. Popper, K. R. Conjectures and Refutation. New York: Basic Books, 1962.

129. Popper, K. R. Of Clouds and Clocks. Arthur Holly Compton Memorial Lecture presented at Washington University. St. Louis, Mo.: Washington University, 1965.

130. Popper, K. R. The Logic of Scientific Discovery. New York: Basic Books, 1959.

131. Pratt, C. C. "Free Will," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

132. Price, H. H. "Appearing and Appearances," American Philosophical Quarterly, 1:3-19 (1964).

133. Price, II. H. "The Nature and Status of Sense-Data in Broad's Epistemology," in P. A. Schilpp (ed.), The Philosophy of C. D. Broad. New York: Tudor Pub. Co., 1959.

134. Putnam, H. "Brains and Behavior," in R. J. Butler (ed.), Analytical Philosophy, second series. New York: Barnes & Noble, 1965.

135. Putnam, H. "How Not to Talk about Meaning," in R. S. Cohen and M. W. Wartofsky (eds.), Boston Studies in the Philosophy of Science, Vol. II. New York: The Humanities Press, 1965.

136. Putnam, H. "Psychological Concepts, Explication and Ordinary Language," Journal of Philosophy, 54:95-100 (1957).

137. Putnam, H. "Robots: Machines or Artificially Created Life," Journal of Philosophy, 61:668-691 (1964).

138. Quinton, A. "The Soul," Journal of Philosophy, 59:393-409 (1962).

139. Rankin, K. W. "Referential Identifiers," American Philosophical Quarterly, 1:1-11 (1964).

140. Rescher, N. "The Revolt against Process," Journal of Philosophy, 59:410-417(1962).

141. Rorty, R. "Mind-Body Identity, Privacy, and Categories," Review of Metaphysics, 19:24-54 (1965).

142. Routley, R., and V. Macrae. "On the Identity of Sensations and Physiological Occurrences," American Philosophical Quarterly, 3:87-110 (1966).

143. Russell, B. My Philosophical Development. New York: Simon & Schuster, 1959.

144. Scher, J. (ed.). Theories of the Mind. New York: The Free Press, 1962.

145. Schilpp, P. A. (ed.). The Philosophy of Rudolf Carnap. Library of Living Philosophers. LaSalle, Ill.: Open Court Pub. Co., 1963.

146. Schlick, M. "The Foundation of Knowledge," in A. J. Ayer (ed.), Logical Positivism. New York: The Free Press, 1959.

147. Schrb'dinger, E. Mind and Matter. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1958.

148. Scriven, M. "The Limitations of the Identity Theory," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

149. Scriven, M. "The Logic of Criteria," Journal of Philosophy, 56:857-868 (1959).

150. Scriven, M. Primary Philosophy..New York: McGraw-Hill Book Co., 1966.

151. Scriven, M. "Scientific Method: The Foundation of Psychology," Psychology. Boston: Allyn and Bacon, 1961.

152. Scriven, M. "Views of Human Nature," in T. W. Wann (ed.), Behaviorism and Phenomenology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

153. Sellars, W. S. "The Identity Approach to the Mind-Body Problem," Review of Metaphysics, 18:430-451 (1965).

154. Sellars, W. S. "Notes on Intentionality," Journal of Philosophy, 61:655-665 (1964).

155. Sellars, W. S. "Philosophy and the Scientific Image of Man," in R. G. Colodny (ed.), Frontiers of Science and Philosophy. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1962.

156. Sellars, W. S. Science, Perception and Reality. New York: The Humanities Press, 1963; London: Routledge & Kegan Paul, 1963.

157. Sellars, W. S. "The Refutation of Phenomenalism: Prolegomena to a Defense of Scientific Realism," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

158. Sellars, W. S. "Theoretical Explanation," in Bernard Baumrin (ed.), Philosophy of Science: The Delaware Seminar, Vol. 2. New York: John Wiley & Sons, 1963.

159. Shaffer, }. A. "Persons and Their Bodies," Philosophical Review, 75:59-77 (1966).

160. Shaffer, J. A. "Could Mental States Be Brain Processes," Journal of Philosophy, 58:813-822 (1961).

161. Shaffer, J. A. "Recent Work on the Mind-Body Problem," American Philosophical Quarterly, 2:81-104 (1965).

162. Shapere, D. "Meaning and Scientific Change," in R. G. Colodny (ed.), Mind and Cosmos. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1966.

163. Shwayder, D. S. The Stratification of Behaviour. New York: The Humanities Press, 1965.

164. Simon, H. A. "Thinking by Computers," in R. G. Colodny (ed.), Mind and Cosmos. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1966.

165. Skinner, B. F. "Behaviorism at Fifty," in T. W. Wann (ed.), Behaviorism and Phenomenology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

166. Smart, J. J. C. "Conflicting Views about Explanation," in R. S. Cohen and M. W. Wartofsky (eds.), Boston Studies in the Philosophy of Science, Vol. II. New York: The Humanities Press, 1965.

167. Smart, J. J. C. "Materialism," Journal of Philosophy, 60:651-662 (1963).

168. Smart, J. J. C. "Tensed Statements: A Comment," Philosophical Quarterly, 12:264(1962).

169. Smart, J. J. C. Philosophy and Scientific Realism. New York: The Humanities Press, 1963; London: Routledge & Kegan Paul, 1963.

170. Smart, J. J. C. "The Identity Thesis—a Reply to Professor Garnett," Australa-sian Journal of Philosophy, 43:82-83(1965).

171. Smythies, J. R. (ed.). Brain and Mind. New York: The Humanities Press, 1965; London: Routledge & Kegan Paul, 1965.

172. Spiegelberg, H. "Toward a Phenomenology of Experience," American Philosophical Quarterly, 1:325-332 (1964).

173. Stegmiiller, W. Hauptstromangen der Gegenwartsphilosophie. Stuttgart: A. Kroner Verlag, 1965.

174. Stevens, S. S. "Quantifying the Sensory Experience," in P. K. Feyerabend and G. Maxwell (eds.), Mind, Matter, and Method. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1966.

175. Stoker, M. A. G. "Memories and the Private Language Argument," Philosophical Quarterly, 16:47-53 (1966).

176. Strang, C. "The Perception of Heat," Aristotelian Society Proceedings, 61: 239-252 (1961).

177. Strawson, P. F. Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics. Garden City, N.Y.: Doubleday & Co., 1963.

178. Swartz, R. J. Perceiving, Sensing, and Knowing. Garden City, N.Y.: Doubleday & Co., 1965.

179. Taylor, C. The Explanation of Behavior. New York: The Humanities Press, 1964.

180. Taylor, R. Action and Purpose. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.

181. Taylor, R. Metaphysics. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963.

182. Thalberg, I. "Tenses and 'Now/ " Philosophical Quarterly, 13:3-15 (1963).

183. Thomas, G. "Abilities and Physiology," Journal of Philosophy, 61:321-327(1964).

184. Thomson, J. J. "Private Languages," American Philosophical Quarterly, 1:20-31 (1964).

185. Thorpe, W. H. Science, Man and Morals. Ithaca, N.Y.: Cornell Univ. Press, 1966.

186. Turner, M. B. Philosophy and the Science of Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, 1967.

187. Van Peursen, C. A. Body, Soul, Spirit: A Survey of the Body-Mind Problem. London: Oxford Univ. Press, 1966.

188. Vesey, G. N. A. (ed.). Body and Mind. London: Allen & Unwin, 1964.

189. Vesey, G. N. A. The Embodied Mind. London: Allen & Unwin, 1965.

190. Wann, R. W. (ed.). Behaviorism and Phenomenology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

191. Wellman, C. "Wittgenstein's Conception of a Criterion," Philosophical Review, 71:433-447 (1962).

192. White, A. R. The Philosophy of Mind. New York: Random House, 1967.

193. Williams, D. C. Principles of Empirical Realism. Springfield, Ill.: Thomas Pub. Co., 1966.

194. Wisdom, J. O. "Some Main Mind-Body Problems," Aristotelian Society Proceedings, 60:187-210 (1959-1960).

195. Wittgenstein, L. The Blue and Brown Books. New York: Harper & Bros., 1958.

196. Wittgenstein, L. Philosophische Bemerkungen. Oxford: Basil Blackwell, 1964.

197. Wolman, B. B. (ed.), and E. Nagel (consulting ed.). Scientific Psychology. New York: Basic Books, 1965.

198. Wright, S. "Biology and the Philosophy of Science," Monist, 48:265-290 (1964).

199. Wyburn, G. M. (ed.). Human Senses and Perception. Torojato: Univ. of Toronto Press, 1964.

200. Ziff, P. "The Simplicity of Other Minds," Journal of Philosophy, 62:575-584(1965). LATE ADDENDA The following essays and articles (except the first two on the list) are forthcoming. They present a bold and new approach of realistic structuralism. I expect that this reconstruction—though in important points differing from my own—may yet offer the most illuminating solution of the sentience issue of the mind-body problems.

201. Maxwell, Grover. "The Ontological Status of Theoretical Entities," in H. Feigl and G. Maxwell (eds.), Minnesota Studies in the Philosophy of Science, Vol. III. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1962.

202. Maxwell, Grover. "Philosophy and the Causal Theory of Perception," Graduate Review of Philosophy, 6:9-21 (1964).

203. Maxwell, Grover. "Remarks on Perception and Theoretical Entities," in R. G. Colodny (ed.), Pittsburgh Studies in the Philosophy of Science, Vol. IV. Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1967.

204. Maxwell, Grover. "Scientific Methodology and the Causal Theory of Perception," in I. Lakatos and A. Musgrave (eds.), Problems in the Philosophy of Science. Amsterdam: North Holland Press, 1967.

205. Maxwell, Grover. "Reply" [to Professors Quine, Popper, Ayer, and Kneale], in I. Lakatos and A. Musgrave (eds.), Problems in the Philosophy of Science. Amsterdam: North Holland Press, 1967.

206. Maxwell, Grover. "Epistemology and Metaphysics as Natural Sciences," in P. A. Schilpp (ed.), The Philosophy of Karl Popper. LaSalle, Ill.: Open Court Pub. Co., forthcoming.

Именной указатель

Авенариус, Р., 4, 69, 102, 137, 180.

Адамс, Д. К., 93 (прим.), 136, 141, 148, 151, 154.

Айер, А. Дж., 15, 29–30 (прим.), 35 (прим.), 68, 69–72 (прим.), 96 (прим.), 137, 142, 155, 188–189, 195, 198.

Александер, Г. Г., vi, 122 (прим.), 137.

Аристотель, 27, 98, 230.

Армстронг, Д. М., vii, 160, 187, 193, 252 (прим.), 271, 272 (прим.), 283–284 (прим.), 291.

Бак, Р. К., 133, 139, 188.

Бар-Хиллел, Й., 96 (прим.), 101 (прим.), 137, 169.

Бейтман, Ф., 24, 155.

Бек, Л. У., 33 (прим.), 69 (прим.), 137–138.

Белофф, 186 (прим.), 188.

Бергман, Г., 54 (прим.), 138.

Бергсон, Г., 10, 76, 98, 142, 186 (прим.).

Бёркс, А. У., 40 (прим.), 96 (прим.), 140.

Берлин, И., 69 (прим.), 138, 140, 153.

Бишоф, Н., 182, 188.

Блок, Н., 283 (прим.).

Блум, Г. Ф., 130 (прим.), 138.

Блэк, М., 5, 29 (прим.), 88, 118 (прим.), 138, 143, 188, 191, 233 (прим.), 260 (прим.).

Боринг, Э. Г., v, 93 (прим.), 130 (прим.), 138–139.

Бошан, С., 109.

Брандт, Р., 193, 258 (прим.).

Брейн, У. Р., 130 (прим.), 139.

Брейтуэйт, Р. Б., 33 (прим.), 69 (прим.), 139.

Брентано, Ф., 58, 174, 299.

Бриллюэн, Л., 130 (прим.), 139.

Броуд, К. Д., vi, 69 (прим.), 139, 186 (прим.), 192, 194.

Брунсвик, Э., v, 118 (прим.), 139, 144.

Брэдли, М. К., 243 (прим.).

Бубер, М., 179.

Валльраф, К. Ф., 155.

Вертгеймер, М., 15.

Винер, Н., 15, 130 (прим.), 140, 149, 152, 155–156.

Витгенштейн, Л., v, 6, 30 (прим.), 61, 118 (прим.), 156, 170, 178, 186 (прим.), 187, 189, 193, 197, 214, 223, 225, 226 (прим.), 228, 238, 248–253, 291–292.

Вуджер, Дж. Г., 156, 230 (прим.).

Вундт, У., 17.

Гандерсон, К., vii, 186 (прим.), 191.

Гарднер, М., 240 (прим.).

Гартман, Э. фон, 69.

Гаскинг, Д. А. Т., 223.

Гексли, Т. Г., 72.

Гелльгорн, Э., 130 (прим.), 144.

Гемпель, К. Г., vi, 5, 10 (прим.), 30 (прим.), 54 (прим.), 70, 88, 145, 150.

Геринг, Э., 54.

Геченбергер, Р., v, 93, 144.

Гинзберг, А., 32 (прим.), 144.

Гич, П., 260 (прим.).

Гоббс, Т., 17 (прим.).

Гольбах, барон д', 4.

Госс, Ф., 240–241.

Грюнбаум, А., vi, 30 (прим.).

Гудмен, Н., 29 (прим.), 68, 84, 144–145, 169.

Гуссерль, Э., 60, 172, 178.

Гуттенплан, С., 271 (прим.).

Гэлбрейт, Дж. К., 255.

Дарвин, К., 19.

Декарт, Р., 53, 149, 191, 238.

Демокрит, 238.

Джейкобс, Н., 26 (прим.), 70 (прим.), 146.

Джеймс, У., 46, 66 (прим.), 146.

Джексон, Ф., 273, 276, 287.

Дрейк, Д., v, 69, 93 (прим.), 141, 186 (прим.).

Дриш, Г., 8, 18, 132, 141, 186 (прим.).

Дьюи, Дж., 96 (прим.), 141.

Дэвис, М. К., 276 (прим.).

Дюбуа-Реймон, Э., 123, 159.

Дюкасс, К. Дж., 8, 141–142, 186 (прим.), 190.

Земон, Р., 54.

Кайла, Э., v, 55 (прим.), 146.

Калбертсон, Дж. Т., 130 (прим.), 141, 189.

Кант, И., 63, 98, 177–178, 291, 295.

Капп, Р. О., 8, 11, 146.

Карнап, Р., v, 4–6, 8, 11, 29–30 (прим.), 32, 37, 51 (прим.), 60, 67–69, 70–71 (прим.), 73, 88, 95, 104, 107 (прим.), 119, 136, 140–141, 143, 154, 163–165, 167, 178, 184, 188–190, 195, 280 (прим.), 282.

Кастелл, А., 63, 141, 189.

Кауфман, Ф., 26 (прим.), 70 (прим.), 146.

Кац, Дж., 176.

Кёлер, У., v, 15, 52, 54, 93 (прим.), 105 (прим.), 107, 118, 130 (прим.), 131, 147, 182, 192.

Келлер, Г., 77, 146.

Кемени, Дж. Г., 10 (прим.), 147.

Кёрнер, С., 174, 192.

Колби, К. М., 130 (прим.), 134, 141.

Коллингвуд, Р. Г., 6, 180.

Корнман, Дж., 181, 189.

Коффка, К., 15.

Крейг, У., 70.

Креч, Д., 130 (прим.), 147.

Кронбах, Л. Дж., 32 (прим.), 70 (прим.), 141.

Куайн, У. В., 5, 84, 118 (прим.), 151–152, 174, 198, 250, 266 (прим.).

Куинтон, А. М., 118 (прим.), 152, 194.

Кюльпе, О., 69.

Лавджой, А. О., 69, 148.

Лайкан, У. Г., 274 (прим.).

Лакатос, И., 298.

Ланге, Ф. А., 244, 250 (прим.).

Леви, К., 29 (прим.), 148.

Лейбниц, Г. В. фон, 85, 104, 112, 123, 168, 181.

Лин, М., 118 (прим.), 147.

Линдзи, Г., 32 (прим.), 148.

Локк, Дж., 17 (прим.), 234.

Лотце, Г., 131.

Льюис, Д. К., 192, 257, 271, 272–274 (прим.), 276 (прим.), 279–280 (прим.), 282–284 (прим.), 286–288 (прим.).

Льюис, К. И., v, 26 (прим.), 29 (прим.), 97 (прим.), 147–148, 155.

Лэшли, К. С., 5, 131, 147.

Майкл, М., 266 (прим.), 276 (прим.).

Макдугалл, У., 8, 186 (прим.).

Маккаллох, У. С., 15, 105, 130 (прим.), 149.

Маккей, Д. М., 65 (прим.), 149, 240.

Маккоркодейл, К., 32 (прим.), 148.

Максвелл, Г., vii, 178, 187–188, 190–196, 198.

Мандельброт, Б., 278.

Маргенау, Г., 55 (прим.), 148.

Мартин, Ч. Б., 137, 147, 179, 188, 193, 223, 238 (прим.), 240 (прим.), 243 (прим.), 250 (прим.), 252.

Мах, Э., 4, 14 (прим.), 69, 118, 148.

Медлин, Б., vii, 160.

Мейз, Дж. Р., 32 (прим.), 148.

Меллор, У. У., 71 (прим.), 149.

Мендель, Г., 31, 163.

Метерлинк, М., 98.

Миллер, Д. С., 17 (прим.), 26, 66 (прим.), 149.

Милль, Дж. С., 17 (прим.), 60, 69.

Минковский, Г., 98, 161, 169–170.

Михл, П. Э., vi, vii, 11–12, 14, 21–22, 32 (прим.), 41 (прим.), 70 (прим.), 127, 133, 141, 148–149, 163, 186 (прим.), 193.

Монтегю, Р., 261 (прим.).

Нагель, Э., vi, 10 (прим.), 26 (прим.), 54 (прим.), 63 (прим.), 86, 149–150, 193, 197, 243 (прим.).

Нельсон, Э. Дж., 69 (прим.), 145, 150, 193.

Немироу, Л., 273, 274 (прим.).

Нил, У. К., 33 (прим.), 69 (прим.), 147, 192, 198.

Нортроп, Ф. С. К., vi, 130 (прим.), 150.

Нуи, Л. де, 108.

Ньютон, И., 8, 12, 22, 56, 62, 227, 255.

Оккам, У., 22, 226.

Олдрич, В. К., v, 29 (прим.), 137, 187.

Оппенгейм, П., 10 (прим.), 54 (прим.), 145, 147, 152, 188, 226 (прим.), 266.

Остин, Дж. Л., 71 (прим.), 137, 145, 178.

Пап, А., vi, 15–16, 26 (прим.), 30 (прим.), 35 (прим.), 54 (прим.), 57 (прим.), 63 (прим.), 69–72 (прим.), 133, 147, 150–151.

Парджеттер, Р., 287.

Патнэм, Г., vi, 10 (прим.), 39 (прим.), 151, 194, 226 (прим.), 250 (прим.), 264 (прим.), 266.

Паули, У., 55.

Паульсен, Ф., 93 (прим.), 151.

Пеппер, С. К., v, 96 (прим.), 136, 141, 148, 151, 194.

Пирс, К. С., 66 (прим.).

Питтс, У., 15.

Платон, 36, 84.

Плейс, У. Т., 139, 141, 147, 149, 151, 213–214, 223, 225 (прим.), 229 (прим.), 231 (прим.), 236 (прим.), 239 (прим.), 240, 245, 271.

Поппер, К. Р., v, 29 (прим.), 30, 88, 151, 184, 186 (прим.), 194, 198, 293.

Прайор, Э., 287.

Прайс, Г. Г., 29 (прим.), 118, 151, 194.

Пратт, Дж. Б., 8, 69, 151.

Пратт, К. К., 69, 105 (прим.), 151, 194.

Пуанкаре, Г., 97 (прим.), 151, 165.

Рааб, Ф., 17 (прим.), 152.

Райл, Г., vi, 5, 66 (прим.), 88, 112, 118 (прим.), 142, 146–149, 153, 156, 163, 167, 172, 214, 223, 226 (прим.), 248, 271, 282, 291–293.

Рамсей, Ф. П., 280.

Рассел, Б., v, 4–5, 17 (прим.), 29 (прим.), 33 (прим.), 36, 54, 69, 88, 93 (прим.), 96 (прим.), 104, 112, 118, 130, 152, 160, 163, 165, 169, 174, 182, 186 (прим.), 195, 244.

Раутли, Р., 160, 195.

Рейхенбах, Г., vi, 29 (прим.), 51 (прим.), 63 (прим.), 68, 69 (прим.), 79, 88, 93 (прим.), 96 (прим.), 152, 169, 253 (прим.).

Решер, Н., 54 (прим.), 152, 194.

Риль, А., v, 93 (прим.), 152.

Рис, Р., 30 (прим.), 118 (прим.).

Розебум, У. Р., vi, 32 (прим.), 152.

Рюйе, Р., 93 (прим.), 107, 153, 182.

Сантаяна, Г., 69.

Саппес, П., 243 (прим.).

Селларс, Р. В., v, 69, 93 (прим.), 153.

Селларс, У., vi, vii, 5, 11–12, 21–22, 40 (прим.), 59 (прим.), 60, 67–68, 69 (прим.), 88, 96 (прим.), 101 (прим.), 118 (прим.), 119, 133, 137, 140, 142–143, 145, 148–149, 153–155, 164–165, 169, 174, 182, 195, 255 (прим.).

Сиджвик, Г., 17 (прим.).

Сингер, Э. А., 66 (прим.), 154.

Скиннер, Б. Ф., v, 5, 30 (прим.), 88, 154, 179, 196.

Скривен, М., vi, 24, 32 (прим.), 52 (прим.), 65 (прим.), 66, 70 (прим.), 73, 98, 135, 139, 141, 143, 149, 153–154, 195.

Смайтиз, Дж. Р., 154, 196, 236 (прим.).

Смарт, Дж. Дж. К., vii, 157, 160, 162, 164, 196, 223, 225, 241, 243, 255, 262, 271, 283.

Соул, С. К., 24.

Спилсбери, Р. Дж., 65 (прим.), 155.

Спиноза, Б., 93, 96, 100.

Стаут, А. К., 17 (прим.), 155.

Стивенс, С. С., v, 17 (прим.), 50 (прим.), 155, 196.

Стивенсон, К. Л., 17 (прим.), 155.

Стронг, К. А., v, 69, 93 (прим.), 155.

Стросон, П. Ф., 244 (прим.), 252 (прим.).

Сьюард, Дж. П., 32 (прим.), 154.

Тарский, А., 243 (прим.).

Тихий, П., 276 (прим.).

Толмен, Э. К., v, 69, 155, 213, 223.

Тьюринг, А. М., 65 (прим.), 155.

Уайт, М., 84, 156, 197.

Уайтхед, А. Н., v, 9.

Уиздом, Дж., 71 (прим.), 156, 197, 251.

Уилер, Дж. А., 243 (прим.).

Уильямс, Б. А. О., 252 (прим.).

Уильямс, Д. К., 156, 197, 257 (прим.).

Уотлинг, Дж., 35 (прим.), 69 (прим.), 71–72 (прим.), 73, 96 (прим.), 155–156.

Файнберг, Дж., 272 (прим.).

Фаррелл, Б. А., 142, 235 (прим.).

Фейгл, Г., vi, 30 (прим.), 32–33 (прим.), 63 (прим.), 67–68, 69–70 (прим.), 73, 95, 101 (прим.), 137–143, 145, 147–149, 153–155, 169, 186 (прим.), 187, 190–191, 193, 198, 225 (прим.), 227, 229 (прим.), 231 (прим.), 254, 266 (прим.).

Фейерабенд, П. К., vii, 30 (прим.), 73, 112, 143, 164, 187–188, 190–196, 249, 255.

Фёрстер, Г. фон, 130 (прим.).

Фехнер, Т., 98.

Филд, Х., 282.

Фогт, К., 250.

Фодор, Дж., 176, 191.

Фреге, Г., 60, 228, 260 (прим.).

Фрейд, З., 22, 24, 134, 186 (прим.), 292.

Фрейтаг, У., 69 (прим.), 144.

Хайдеггер, М., 170.

Хамберстоун, И. Л., 276 (прим.).

Хебб, Д. О., 130 (прим.), 133, 145.

Хенле, П., 54 (прим.), 145.

Херви, Х., 251 (прим.).

Хобарт, Р. Э., 17 (прим.), 26, 146.

Холт, Э. Б., 69, 146, 151.

Хомский, Н., 176.

Хоторн, Дж., 276 (прим.).

Хук, С., 144, 150–151, 190, 192, 258 (прим.).

Хэмпшир, С., 71–72 (прим.), 96 (прим.), 145, 191.

Чизолм, Р. М., 118 (прим.), 141, 174, 186 (прим.), 189.

Шеффер, Дж., v, 186 (прим.), 189, 195–196, 249 (прим.), 259.

Шлик, М., v, 17 (прим.), 54 (прим.), 69, 71 (прим.), 93 (прим.), 97 (прим.), 137, 142, 153, 165–166, 182, 195.

Шопенгауэр, А., 6.

Эддингтон, А. С., 74, 97 (прим.), 142, 165.

Эдриан, Э. Д., 105, 130 (прим.), 136–137.

Эйнштейн, А., v, 14 (прим.), 48, 160–161.

Экклз, Дж. К., 130 (прим.), 142, 190.

Экономос, Дж., vii, 158, 186 (прим.).

Эльзассер, У. М., 10, 142, 190.

Эпштейн, Дж., 142.

Эшби, У. Р., 130 (прим.), 137.

Юм, Д., 4, 17 (прим.), 40, 69, 109, 113, 118, 151, 291, 298.

Якоби, Г., 93 (прим.), 146.

Предметный указатель

Res cogitans, 45, 240.

Res extensa, 45, 240.

Анализ, 6–8, 14–15, 23, 26–27, 33, 42, 63–64, 68, 72–73, 81–82, 88–89, 91, 97, 99, 112–113, 118, 134–135, 159, 174, 178–179, 182, 184–185, 214, 226, 245, 247, 253, 255, 257 (прим.), 263, 265, 271, 276–280, 282, 284–285, 287, 291–293, 295–304.

Априори синтетическое, 63, 178.

Аргумент знания, 273–274, 276–277.

Бессознательное, 18, 24, 45, 61, 81, 91, 134.

Биофизика, 10, 133.

Бихевиоризм, 3–6, 14, 21, 26–27, 29, 31–32, 52, 57, 64, 66, 68, 72, 80, 94, 112, 115, 127–128, 159, 163, 168, 179, 213–214, 226, 241, 251, 253, 263–266, 282–283, 292, 296.

Бритва Оккама, 22, 226.

Верификация, 83.

Взаимное определение переживаний, 264–265, 280–281.

Виды вещей, 63, 85, 99, 123, 129, 163, 220, 286, 288.

Витализм, 8–9, 13, 18–20, 24, 93 (прим.), 126, 132.

Восприятие, 9, 17, 24, 33, 35, 47–48, 63, 75, 77, 80 (прим.), 87–88, 91, 98–103, 108–109, 111–112, 166–167, 171, 176, 240, 247, 254–255, 294, 298–299, 301–302, 304–305.

Время, 11, 14, 40, 45, 48, 54, 62–63, 95, 98, 107–108, 131, 167, 170, 178, 182–183, 231, 243–244, 267, 272.

Вторичные качества, 233–234, 280, 301, 303–305.

Гештальттеория, 11, 15, 45, 54, 118, 121, 132–133, 160, 174.

Гипотетические (теоретические) конструкты, 21, 68, 94, 102.

Данное, 15, 28–30, 39–40, 44, 57, 61, 69, 73, 97, 100, 109, 113, 116, 118, 130, 165, 172–173, 183, 231–232, 234, 245–247, 260, 263, 276, 304.

Данные, 15, 29, 39, 41, 44, 47, 50–51, 61, 68, 71, 88, 93, 111, 118–119, 121–122, 124, 167, 169, 171, 231, 233–234, 236, 245–247.

Двумерный анализ необходимости, 220, 276–277.

Детерминизм, 11–14, 16–18, 20–22, 25–26, 57, 60, 128, 167, 175, 243.

Диспозиции, 5, 22, 46, 54, 59, 63–64, 68, 104, 109, 134, 175, 214, 228, 263, 265, 266 (прим.), 283, 296.

Дуализм, 8–9, 34, 39, 45, 49–50, 56, 58, 63, 71, 81, 92, 105–106, 110–111, 125, 127, 132–133, 173, 185, 214, 226 (прим.), 227, 235, 238, 241, 244–246, 248, 254, 258 (прим.), 263, 269, 299.

Жёсткие десигнаторы, 285, 288–289.

Жук в коробке, 238, 239 (прим.), 250.

Закон Видемана — Франца, 85.

Законы, 8–12, 14–15, 20, 22, 31, 33, 48, 55–57, 59, 69, 71, 78, 81–83, 86–88, 104–105, 114, 123–124, 129, 162, 167, 178, 227, 241, 244, 254, 260, 263, 265–269, 272, 278, 286.

Знакомство, 28, 30, 41–43, 57, 72, 74–81, 87, 89, 92, 95–97, 100, 102, 105, 110–111, 117–118, 124–126, 128–130, 165, 171–172, 299.

Знание, 7, 28, 30, 41–43, 74–76, 79, 81, 89, 92, 95–97, 105, 110–111, 129–130, 165, 172, 221, 273–274, 276–277, 298–299.

Значение, 11 (прим.), 30, 32–33, 44, 60, 66, 71–72, 80, 85, 97, 100–101, 108, 123, 167, 169, 172, 182, 215–216, 218, 226, 228, 232, 234, 236–239, 245, 247, 250 (прим.), 251–252, 254, 258, 263, 268, 272, 276–278, 280–281, 283, 285, 288–289, 297, 300–301.

Идеализм, 6, 25, 125, 233, 278, 282.

Изоморфизм, 4, 8, 14–16, 54, 105, 110, 118, 120–121, 133, 162, 174, 177, 264, 272–273, 275.

Имена контингентные и неконтингентные, 261 (прим.), 277, 284.

Импликация экстенсиональная, 94.

Индукция, 15, 17, 19, 22, 38, 52, 66, 73, 80 (прим.), 110, 125, 129, 133.

Инстанцирование, 271–273.

Интеллект, 10, 23, 51–52, 60–62, 66, 102, 160, 163, 166, 273, 286, 291.

Интенсия и значение, 174.

Интенциональность, 6, 9, 23, 34, 53, 58–59, 61–62, 91, 108, 161, 174, 176, 183, 259, 263, 299–300, 302.

Интеракционизм, 4, 8–10, 12, 14, 16, 18–22, 24–25, 39, 58, 71, 92, 125, 132–133, 161, 185.

Интроекция, ошибочность, 102–103, 180–181, 186 (прим.).

Интроспекция и нейрофизиологическое знание, 5, 16, 21, 24–25, 29, 37, 43, 45, 50, 68, 76, 80, 91, 93, 97, 104, 107, 111–112, 118, 120, 165–167, 174, 176, 178, 183, 213, 218, 220, 222, 233, 235, 237, 239, 241, 247, 259, 263, 298–299, 301.

Категориальные ошибки, 5, 46, 91, 102, 104, 117, 119, 163, 174–175, 180–181, 294.

Каузальная действенность, 262–263, 288–289.

Каузальная роль, 258, 260–266, 268–269, 279–280, 282, 284–285, 287–288, 297, 299, 302.

Каузальная теория сознания, 291, 298–299, 301, 303.

Квантовая физика, 9, 11, 20, 55, 62, 68, 87, 131, 160, 162, 181, 275.

Кибернетика и психофизическая проблема, 11, 15, 54, 130 (прим.), 133, 247.

Круг в определении, 280–281, 298.

Логические конструкции, 4, 7, 31, 33, 64, 68, 74, 88–89, 96, 103–104, 119–120.

Манифестный образ мира, 165, 179–181, 183, 255 (прим.).

Материализм, 4, 6, 18, 25, 27, 72, 125, 159, 168, 213, 235–238, 240, 243–246, 248, 250, 253–255, 257–258, 262, 267–268, 271–275, 277–278, 283–285, 294, 298–299, 302–305.

Ментальность, 11, 34, 45, 51–52, 54, 56, 60–61, 68, 74, 110, 159, 283, 293–296, 298, 300.

Метафизика, 3–4, 13, 22–23, 25, 39 (прим.), 40, 76, 93 (прим.), 95, 100, 113–114, 125, 162, 170, 180, 184, 235, 245, 254, 259.

Механика, 9, 12, 16 (прим.), 62, 67, 86 (прим.), 122, 181, 227, 255.

Мозг вне тела, 252–253.

Мозговые процессы, 15, 18, 27, 49, 51, 74, 94, 96–98, 101, 104–105, 108, 110, 112–113, 121, 124, 132–133, 173, 175, 177, 181, 213–223, 225–226, 229–230,

232–238, 239 (прим.), 240–241, 245, 249–250.

Монадология Лейбница, 123, 186 (прим.).

Монизм, 4, 8, 25, 34, 50, 69, 81, 93, 105, 110, 125–127, 135, 159, 163, 168, 249, 261 (прим.).

Мысли, 9, 16 (прим.), 20, 28, 37, 39, 41, 44 (прим.), 52 (прим.), 53, 58–60, 63, 65, 72–73, 79, 83, 87, 89, 91–93, 102–104, 108, 113, 124, 129, 130 (прим.), 134–135, 157–159, 161–162, 164, 169, 177, 181, 185, 220, 246, 250–251, 255, 259, 286, 293, 301, 304.

Направленность на предмет, 177, 259, 299–300, 302.

Народная психология, 279–284, 286–287.

Народная психофизика, 280.

Натуралистическая ошибка, 175.

Научение, 51–52, 59, 61, 109, 126–127, 131, 167, 176, 213, 215, 218–219, 221–222, 234, 236 (прим.), 239–240, 249–250, 254–255, 266, 269, 292–295, 305.

Нейрофизиология, 4, 6, 9–10, 13–15, 17, 25–26, 31–33, 37, 40, 45, 49, 54, 56–57, 59, 67, 71, 73, 78, 81, 87, 91–95, 97, 100–103, 105–112, 116, 119–121, 124, 126, 129–130, 132, 134, 160, 164, 175, 177–178, 230, 234, 245–246, 285.

Непосредственные переживания, 5–6, 9, 12, 15, 16 (прим.), 21–22, 30, 38–39, 51–52, 56–58, 69–72, 74–75, 80–82, 90–93, 95, 101–103, 105–107, 111, 115, 118–119, 126–130, 162, 164, 173–174, 181–182, 235, 246.

Номологическая сеть, 33, 77, 89–90, 95, 105, 114, 119–120, 127.

Номологические довески, 161, 167, 227, 241, 254.

Нормы, обоснование, 38 (прим.), 59.

Общая теория систем, 133.

Объяснение, 8, 10–11, 19–20, 58–59, 64, 88, 104, 115, 123, 126, 130, 132–134, 168, 178, 213–214, 217, 219–220, 222, 226–228, 231, 234–235, 239, 241, 243–246, 248–250, 252–254, 257, 260, 262, 266–269, 273, 279, 292, 294, 296–300, 302, 304–305.

Объяснительная достаточность физики, 58–59, 64, 126, 133, 266–267.

Операционализм, 6, 28, 30, 32, 66 (прим.), 110, 250.

Описание, 36, 41, 45–46, 50, 58, 64, 74, 76, 91–92, 97, 108–109, 118, 124, 130, 161, 167, 169, 172–173, 177, 183, 222, 227, 229, 233, 280–281, 283.

Определение, 44, 66, 170, 172, 213–217, 220, 226, 229, 231–232, 234–235, 244–246, 253–254, 257 (прим.), 258, 261–268, 275–276, 279–281, 284 (прим.), 286–287, 292, 294–305.

Опыт, 4–5, 9, 15, 21, 25, 27–29, 36, 41–44, 51, 54, 56, 60–61, 64, 66, 68–69, 72, 75, 78–83, 90–92, 95, 97–99, 110, 112, 119, 122, 124, 126, 129, 131, 160, 162–163, 165–167, 169–170, 172–173, 180, 222, 246, 248, 249 (прим.), 252–255, 301.

Относительность, 9, 14 (прим.), 48, 86 (прим.), 251, 255.

Ощущения, 5, 17, 21, 49, 87, 91, 106–107, 111, 131, 158–159, 161, 164, 166, 178, 181, 214, 220–222, 225–230, 232–235, 237, 245–247, 249–254, 272, 280, 296, 302–303.

Память, 10, 39, 41–43, 74–75, 80 (прим.), 83, 87 (прим.), 90, 108, 128, 131, 164, 177.

Панвитализм. См. Витализм.

Панпсихизм, 93 (прим.), 98, 125–126.

Параллелизм, 4, 8–10, 12, 14–17, 34, 58, 71–72, 81, 92, 104, 110, 113, 122–123, 125, 127, 131, 219, 263, 267.

Парапсихологические исследования, 24, 134–135, 294.

Парапсихология, 24, 134–135, 284, 294.

Партикулярии, 96 (прим.), 116, 168–169, 171, 178–179, 257 (прим.), 259.

Поведение, 9, 11, 19, 22, 31, 44 (прим.), 52–53, 55–56, 59–62, 64, 67, 80–81, 87, 90–92, 94, 105, 126, 133, 158–159, 163, 175–176, 213–214, 226, 228, 244–245, 250–253, 264–265, 267–268, 279–283, 296–299.

Подсознательное, 45.

Подтверждение, 12, 14–17, 19–22, 28–29, 31–33, 37–39, 43–44, 48 (прим.), 49, 64, 70–71, 73, 75, 77, 79, 81–83, 90, 94–96, 99–102, 104, 110, 112, 115–116, 118–119, 123, 128–129, 133, 157, 171, 173, 181, 183, 299.

Позитивизм, 4, 6, 12, 14, 30, 40, 66 (прим.), 69, 89, 101, 113–115, 159, 170, 172, 180, 184, 293.

Понятийная система, 9, 47, 49, 63, 102–103, 120, 125, 159–160, 163–164, 168, 180–181.

Понятия, 32 (прим.), 39, 66, 74–75, 80, 89, 94, 104, 106, 117, 118 (прим.), 124, 133, 164–168, 175, 177, 179–182, 250, 278, 283–284, 291–298, 300–303.

Последовательные образы, 94, 164, 220–222, 225–226, 228–230, 232, 234–237, 245, 248, 263, 266.

Правила, 11, 20, 31–32, 38–39, 53, 55–57, 67–68, 70, 72, 83, 85, 89, 95, 100–101, 117, 119, 165–167, 176, 178, 181–183, 214, 216–217, 221, 236 (прим.), 237–238, 248–249, 258, 272, 278–279, 281, 295.

Прагматизм, принцип, 66 (прим.).

Предложения Рамсея, 165, 234–235, 251, 257 (прим.), 276–277, 280, 291, 298, 300–301, 304.

Предметная нейтральность, 235, 248, 249 (прим.), 283.

Предотвращение, 287.

Предпосылки науки, метафизические, 39 (прим.), 281.

Предсказание, 8, 11–13, 19–20, 55–57, 59, 63, 73–74, 78–79, 121, 162–163, 167, 175–176, 179.

Приватность, 30, 36, 38–41, 43, 44 (прим.), 80, 95, 129, 171, 186 (прим.), 214, 237, 239.

Принцип запрета Паули, 55.

Принцип Маха, 14 (прим.).

Принцип экономии, 22, 96, 110–111, 226, 241, 255, 258.

Причинность, 17, 107–108, 113, 128, 178, 218, 220, 227–228, 234–235, 253, 258, 262–269, 274, 280, 287–288, 295–300.

Прозрачность ментальных состояний, 300–301.

Простота, 227, 241, 278, 291, 297, 304.

Пространство, 11, 31, 34, 39–40, 45–49, 57, 63, 77, 95, 98, 103, 107–108, 120, 131, 158, 167, 169–170, 178–179, 181–182.

Протокольные предложения, 43, 222.

Психоанализ, 32, 45, 61, 81, 91, 102 (прим.), 109–110, 134, 178.

Психокинез, 24, 65 (прим.).

Психологизм, 60, 213, 221–222, 239, 244, 249, 252, 279–284, 286–287, 293, 304.

Психология, 3–5, 7–8, 10–11, 13, 19, 21, 24, 26–27, 32 (прим.), 37, 39, 45, 47–48, 54, 59–61, 66–70, 72, 74, 77–78, 83, 91, 103–105, 118, 127, 134–135, 163,

165–166, 174–179, 184, 213, 221, 239, 244, 249, 252, 279–284, 286–287, 304.

Психология актов, 8.

Психофизиология, 14, 17, 24, 27, 48, 57, 88, 90, 92, 99–100, 105–107, 111, 113, 119, 130, 133, 135.

Психофизическая проблема, 3, 6–7, 9–10, 21, 23–26, 33–34, 57–58, 60, 68, 91, 115, 125, 127, 130, 133, 135, 157–159, 176, 292–293.

Реализация, 288.

Реализм, 28, 30, 32, 68–69, 84, 88, 93, 97, 99, 101, 104, 113–115, 119, 130, 164, 221, 262–263, 265, 271, 288.

Редукционизм, 4–6, 26, 69, 168, 271, 274–275.

Редукция и отождествление в научных теориях, 4–6, 8, 10, 26, 32, 69, 83, 115, 162, 168, 171–172, 241, 271, 274–275.

Референция, 31–32, 37, 53, 58, 70, 73, 80–85, 87, 91, 93–95, 97, 100–102, 111–112, 114, 116–118, 121, 124, 129–130, 133, 169, 174, 260, 282, 284–285, 287–288.

Свидетельства, 25, 29, 32–33, 38–39, 43, 62, 67, 70, 73–74, 82–83, 86, 90, 94–95, 97, 99–102, 104–105, 107, 110–116, 119, 123–124, 130–131, 134, 173, 239–240, 249, 252–253, 266, 294.

Свобода воли, 6, 17, 22, 25, 180.

Семантическая неопределённость, 276, 278, 283.

Семантический дискурс, 26, 59.

Сознание, 3, 8–9, 13, 15, 17, 24, 26, 29 (прим.), 39, 52 (прим.), 53, 58, 60–61, 65, 66 (прим.), 68, 71 (прим.), 91–92, 95, 99, 107–111, 115, 122–123, 126, 128–129, 131–132, 135, 157, 160–161, 163, 176–177, 184–185, 213–218, 220–221, 245, 292.

Сознания других людей и низших животных, 15, 52 (прим.), 68, 71 (прим.), 184, 215, 253, 257 (прим.).

Солипсизм, 73, 103, 119, 173, 179, 183.

Структурализм, 97, 173.

Субстанция, 13–14, 21, 40, 49, 96, 100, 246.

Супервентность, 271–278, 283–284.

Сущности, 89, 96, 216–218, 221, 238, 243–244, 249, 251–254, 257 (прим.), 259, 263, 288, 294.

Телеологический аргумент (аргумент от замысла), 19.

Телеология, 6, 9, 52–54, 56, 62, 126, 132.

Теорема Крейга, 70.

Теории, 22, 28, 56, 67, 83, 85–86, 95–97, 99–100, 113, 119, 123, 135, 164, 167–168, 184, 266, 269.

Теория двойного знания, 92–93, 161.

Теория двух аспектов, 4, 96, 100.

Теория типов, 163.

Теория тождества ментального и физического, 34, 83, 86, 90, 92, 96, 98, 105, 110, 113, 115, 121–123, 125, 127, 129, 161, 167–168, 174, 186 (прим.), 257–262, 267, 284, 287–288.

Теория тождества Рассела — Фейгла, 186 (прим.).

Теория тождества типов, 287.

Теория тождества экземпляров, 287.

Теория центральных состояний сознания, 31–32, 37–38, 70, 74, 87, 159, 161–162, 179.

Термодинамика классическая, 9, 67, 86 (прим.).

Тождество, 26–27, 31–34, 36, 60, 70–71, 73–74, 79–81, 83–96, 98–102, 104–106, 109–115, 117, 121–123, 125, 127, 129–130, 133–134, 161, 163–164, 167–168, 173–174, 177, 181–182, 186

(прим.), 215, 218–219, 230, 238, 260, 264, 276, 284.

Тождество контингентное, 232, 271, 284.

Тождество строгое, 173–174, 229–231.

Токен-рефлексивные термины, 96 (прим.), 169.

Универсалии, 43, 45–46, 84–85, 94, 104, 113, 119, 168, 171, 257 (прим.).

Условные высказывания, 31, 72, 114, 122, 181–182, 184.

Учение о чувственных данных, 111, 118, 171, 231, 233–234, 236, 245–247.

Феноменализм, 3–4, 6, 17–18, 25, 28, 30, 58, 68–72, 81, 88, 92, 93 (прим.), 99, 101, 104, 113–115, 125–126, 130, 159–161, 163, 171–172, 221–222, 233–234, 236, 285, 301–302.

Феноменальная данность, 61.

Феноменологическая ошибка, 213, 220–222, 245.

Физикализм, 4–5, 8, 10–11, 29, 57, 68, 71, 75, 87–88, 121, 159–162, 165, 167–168, 173–177, 179–180, 183, 185, 186 (прим.), 213, 227, 233, 246–247, 250, 253 (прим.), 266, 269, 295, 299, 302, 305.

Физическое, 4, 9, 11, 46, 48, 58, 61–63, 68–70, 74, 97, 101–102, 104, 114–115, 117, 121, 125, 133, 164–168, 175, 177, 181–184, 213.

Функциональные состояния, 264 (прим.).

Холизм и гештальтпсихология, 11, 15, 34, 45, 54–56, 62, 118, 121, 132–133, 160, 174, 274, 304.

Чувства, 39–40, 43, 47, 49–50, 57, 75, 77, 82, 106, 113, 124–125, 131, 166–167, 171–172, 180, 182–183, 239, 294.

Эволюция, 4, 19, 24, 51, 56, 62, 93 (прим.), 126–127, 240–241, 253.

Эгоцентрические выражения, 96 (прим.), 99, 116, 168–169, 171, 173, 178–180, 182–184, 186 (прим.).

Экстенсия теоретических понятий, 174.

Экстрасенсорное восприятие, 24, 134–135.

Электродинамика, 16 (прим.), 62, 86 (прим.).

Эмерджентность, 4, 8–14, 21–22, 24–25, 34, 54–57, 62, 67, 93 (прим.), 133–134, 185, 233, 244, 246, 253.

Эмпиризм, 37, 60, 77, 82, 89, 95–96, 99, 101, 109, 127, 238, 240, 267, 269, 296, 301.

Эпистемология, 4, 6–7, 10, 14–15, 22–23, 27–28, 30, 64, 68–69, 77, 82, 88–89, 93 (прим.), 96, 99, 101, 111, 114, 119–120, 123, 135, 167, 173, 185, 304.

Эпифеноменализм, 4, 13, 17–18, 25, 58, 71–72, 81, 92, 125–126, 160–161, 240–241, 263, 267–269.

Язык, 5–6, 11, 30, 41, 43, 44 (прим.), 51, 66–68, 70, 80, 87, 93, 95, 101, 104, 116–119, 130, 133, 161–163, 171–172, 174–175, 178, 181–184, 186 (прим.), 216–217, 236–239, 246–247, 250, 252–255, 262, 277, 301.

Язык вещей, 5, 29, 88, 246.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Уллин Плейс

Является ли сознание мозговым процессом?[*]

Институт экспериментальной психологии Оксфордского университета

Тезис о том, что сознание (consciousness) представляет собой процесс в мозге, выдвигается как обоснованная научная гипотеза, которую нельзя отвергнуть по одним лишь логическим основаниям. Обсуждаются условия, при которых два ряда наблюдений рассматриваются как наблюдения одного процесса, а не двух независимых, но коррелирующих процессов. Предполагается, что сознание можно отождествить с определённым рисунком мозговой активности, если интроспективные наблюдения субъекта удаётся объяснить через коррелирующие с ними мозговые процессы. Утверждается, что задача физиологического объяснения интроспективных наблюдений кажется труднее, чем она есть, из-за «феноменологической ошибки»: ошибочного представления, будто описания того, как вещи нам являются, описывают действительное положение дел в некоей загадочной внутренней среде.

I. Введение

Взгляд, согласно которому существует особый класс событий — ментальные события, не поддающиеся описанию в понятиях физических наук, — уже не пользуется среди философов и психологов тем всеобщим и беспрекословным признанием, каким пользовался прежде. Однако современный физикализм, в отличие от материализма XVII–XVIII веков, носит бихевиористский характер. Сознание с этой точки зрения — либо особый тип поведения, по выражению Толмена, «опробование» или «бегание взад-вперёд» (Tolman,

[*] Статья впервые опубликована: Place U. T. Is Consciousness a Brain Process? // *British Journal of Psychology*. 1956. Vol. 47, No. 1. P. 44–50. — *Прим. пер.*

1932, p. 206), либо диспозиция вести себя определённым образом: зуд, например, есть временная склонность чесаться. В случае когнитивных понятий — «знать», «полагать», «понимать», «помнить» — и волевых понятий — «хотеть», «намереваться» — анализ через поведенческие диспозиции, по-моему, в основном правилен (Wittgenstein, 1953; Ryle, 1949). Но, по-видимому, остаётся неподатливый остаток понятий, связанных с сознанием, переживанием, ощущением и мысленными образами: здесь не обойтись без какого-то объяснения через внутренние процессы (Place, 1954). Конечно, нельзя исключить, что со временем найдётся удовлетворительное бихевиористское объяснение и этого остатка. Однако здесь я предположу, что это невозможно и что высказывания о боли и покалывании, о том, как вещи выглядят, звучат и ощущаются, о сновидениях и картинах, возникающих перед мысленным взором (mind's eye), отсылают к событиям и процессам, в некотором смысле приватным или внутренним для того, кому они приписываются. Я хочу поставить вопрос: неизбежно ли это предположение обязывает нас к дуализму, согласно которому ощущения и мысленные образы образуют особую категорию процессов сверх физических и физиологических процессов, с которыми, как известно, они коррелируют? Я буду доказывать, что признание внутренних процессов не влечёт дуализма и что тезис о сознании как процессе в мозге нельзя отвергнуть по логическим основаниям.

II. «Есть» определения и «есть» состава

С самого начала подчеркну: защищая тезис о сознании как процессе в мозге, я не пытаюсь доказать, будто, описывая сновидения, фантазии и ощущения, мы говорим о процессах в нашем мозге. Иначе говоря, я не утверждаю, что высказывания об ощущениях и мысленных образах сводимы к высказываниям о мозговых процессах или допускают такой анализ — подобно тому как «когнитивные высказывания» анализируются через высказывания о поведении. Утверждение, будто высказывания о сознании являются высказываниями о мозговых процессах, очевидно ложно. Это видно из того, что: а) вы можете описывать свои ощущения и мысленные образы, ничего не зная о мозговых процессах или даже об их суще-

ствовании; б) высказывания о собственном сознании и высказывания о собственных мозговых процессах проверяются совершенно разными способами; в) высказывание «X испытывает боль, но в его мозге ничего не происходит» не содержит противоречия. Я хочу утверждать другое: высказывание «сознание есть процесс в мозге», хотя и не необходимо истинно, не является и необходимо ложным. По-моему, оно ни внутренне противоречиво, ни самоочевидно; это обоснованная научная гипотеза, подобно гипотезе «молния есть движение электрических зарядов».

Почти общепринятый взгляд, будто тождество сознания и мозговых процессов можно исключить по одним лишь логическим основаниям, возникает, как я подозреваю, из-за неразличения того, что можно назвать «есть» определения (is of definition) и «есть» состава (is of composition). Я имею в виду различие между функцией слова «есть» в высказываниях «квадрат есть равносторонний прямоугольник», «красное есть цвет», «понимать указание — значит уметь действовать надлежащим образом в надлежащих обстоятельствах» и его функцией в высказываниях «его стол — старый упаковочный ящик», «её шляпа — пучок соломы, связанный бечёвкой», «облако — масса взвешенных капелек воды или других частиц». У этих двух типов высказываний есть общее: в обоих случаях осмысленно добавить «и больше ничего». Этим они отличаются от высказываний, в которых «есть» служит связкой предикации. Например, «Тоби восемьдесят лет, и больше ничего», «её шляпа красная, и больше ничего» или «жирафы высокие, и больше ничего» — бессмыслица. Это логическое свойство можно выразить так: в обоих случаях и грамматическое подлежащее, и грамматическое сказуемое представляют собой выражения, адекватно характеризующие то положение дел, на которое они оба указывают.

Но в другом отношении эти группы резко различаются. Высказывания вроде «квадрат есть равносторонний прямоугольник» необходимы: они истинны по определению. Напротив, «его стол — старый упаковочный ящик» — контингентное высказывание, проверяемое наблюдением. В случаях «квадрат есть равносторонний прямоугольник» или «красное есть цвет» значения выражений, образующих грамматические подлежащее и сказуемое, связаны так,

что всякий раз, когда применимо первое, должно быть применимо и второе. Если нечто можно описать как красное, его непременно можно описать и как имеющее цвет. В случае «его стол — старый упаковочный ящик» такой связи между значениями «его стол» и «старый упаковочный ящик» нет. Просто в данном случае оба выражения применимы к одному объекту и одновременно адекватно его характеризуют. Те, кто считает высказывание «сознание есть мозговой процесс» логически несостоятельным, по-моему, исходят из ошибочного предположения: если значения двух высказываний или выражений никак не связаны, они не могут оба адекватно характеризовать один объект или одно положение дел. Если нечто есть состояние сознания, оно не может быть мозговым процессом, ведь непротиворечиво предположение, что человек чувствует боль, хотя внутри его черепа ничего не происходит. Но тогда по той же логике пришлось бы заключить, что стол не может быть старым упаковочным ящиком: ведь можно без противоречия предположить, что у человека есть стол, но нет старого упаковочного ящика.

III. Логическая независимость выражений и онтологическая независимость сущностей

Разумеется, между случаем стола и ящика и случаем сознания и мозгового процесса есть важное различие. «Его стол — старый упаковочный ящик» — единичное суждение об одном определённом случае, тогда как «сознание есть процесс в мозге» — общее, или универсальное, суждение обо всех без исключения состояниях сознания. Достаточно ясно, по-моему, что, живи мы в мире, где все столы без исключения были бы упаковочными ящиками, понятия «стол» и «упаковочный ящик» не обладали бы в нашем языке нынешней логической независимостью. Стол был бы разновидностью упаковочного ящика примерно так же, как красное — разновидность цвета. По-видимому, существует языковое правило: если данный вид объектов или положений дел обладает двумя признаками либо наборами признаков, один из которых присущ только этому виду, то выражение для признака или набора признаков, определяющего данный вид, всегда влечёт выражение для другого

признака или набора. Если бы это правило не знало исключений, следовало бы, что всякое выражение, логически независимое от другого выражения, однозначно характеризующего определённый вид объектов или положений дел, должно указывать на признак или набор признаков, не связанных с данным объектом или положением дел ни обычно, ни необходимо. Именно потому, полагаю я, что правило действует почти повсеместно, мы обычно вправе заключать от логической независимости двух выражений к онтологической независимости обозначаемых ими положений дел. Это объяснило бы и несомненную убедительность аргумента, будто сознание и мозговые процессы должны быть независимыми сущностями, поскольку логически независимы выражения, которыми на них указывают, и более общий любопытный факт: вопросы об устройстве мироздания нередко обсуждаются и зачастую решаются на основании одной лишь логики.

Я полагаю, что переход от логической независимости двух выражений к онтологической независимости обозначаемых ими сущностей не работает для мозговых процессов и сознания, потому что это один из сравнительно немногих случаев, когда указанное правило неприменимо. Исключения, как я предполагаю, встречаются там, где операции, необходимые для проверки наличия двух наборов признаков объекта или положения дел, редко, если вообще когда-либо, могут выполняться одновременно. Хороший пример — облако и масса взвешенных капелек или других частиц. Облако — большая полупрозрачная масса с шерстистой фактурой, висящая в атмосфере и непрерывно, калейдоскопически меняющая форму. Однако вблизи оказывается, что оно состоит из множества непрерывно движущихся мельчайших частиц, обычно капелек воды. На основании второго наблюдения мы заключаем, что облако и есть масса мельчайших частиц, и больше ничего. Но логической связи между облаком и массой мельчайших частиц в нашем языке нет: говорить об облаке, не состоящем из взвешенных частиц, непротиворечиво. Нет противоречия и в предположении, что облака состоят из плотной волокнистой ткани; более того, многие роли облаков в сказках и мифологии, по-видимому, как раз предполагают такую консистенцию. Отсюда ясно, что «облако» и «масса мельчайших взвешенных частиц» имеют совершенно разные

значения. Но мы не заключаем, будто перед нами непременно две вещи — масса взвешенных частиц и облако. Причина, на мой взгляд, такова: хотя признаки облака и массы взвешенных частиц неизменно сопряжены, мы никогда не производим одновременно наблюдения, необходимые для проверки «это облако», и наблюдения, необходимые для проверки «это масса мельчайших взвешенных частиц». Микроструктуру облака мы можем наблюдать, лишь оказавшись внутри него, а тогда невозможно наблюдать те признаки, по которым издали мы называем его облаком. Эти переживания настолько различны, что мы описываем их разными словами: то, что издали является облаком, вокруг нас становится туманом или дымкой.

IV. Когда два ряда наблюдений относятся к одному событию?

Пример с облаком и взвешенными частицами выбран потому, что это один из немногих случаев общего суждения с «есть» состава, не требующих научных подробностей. Он полезен тем, что выявляет связь между повседневными употреблениями «есть» состава, как в примере со столом и ящиком, и более специальными — вроде «молния есть движение электрических зарядов», где аналогия с сознанием и мозговым процессом особенно заметна. Недостаток примера с облаком в том, что он не проясняет в достаточной мере главный вопрос: как устанавливается тождество положений дел, обозначаемых двумя выражениями? И то, что перед нами облако, и то, что перед нами масса взвешенных частиц, проверяется обычным зрительным наблюдением. Более того, можно утверждать, что тождество обозначаемых сущностей устанавливается благодаря непрерывности двух рядов наблюдений при приближении к облаку или удалении от него. Между наблюдениями мозговых процессов и наблюдениями сознания такой непрерывности нет. Более пристальное интроспективное рассмотрение никогда не обнаружит прохождение нервных импульсов через тысячу синапсов, подобно тому как более пристальное рассмотрение облака обнаруживает массу взвешенных частиц. Операции, необходимые для проверки высказываний о сознании и о мозговых процессах, в корне различны.

Чтобы найти параллель этому обстоятельству, рассмотрим другие случаи, когда утверждается тождество чего-то, устанавливаемого обычным наблюдением, и чего-то, устанавливаемого специальными научными процедурами. Я выбрал утверждение, что молния есть движение электрических зарядов. Как и в случае сознания, сколько бы мы ни всматривались в молнию, самих зарядов мы не увидим. И как операции, позволяющие установить природу собственного состояния сознания, радикально отличаются от операций, позволяющих установить природу мозговых процессов, так и операции, устанавливающие появление молнии, радикально отличаются от операций, устанавливающих движение электрических зарядов. Что же заставляет нас считать эти два ряда наблюдений наблюдениями одного события? Одной систематической корреляции — всякий раз, когда есть молния, движутся заряды — недостаточно. Существует бесчисленное множество корреляций, при которых у нас нет ни малейшего соблазна говорить об одном наблюдаемом событии. Например, движение приливов систематически коррелирует с фазами Луны, но отсюда мы не заключаем, что записи высоты прилива — записи фаз Луны или наоборот. Мы говорим о каузальной связи двух независимых событий или процессов.

Ответ, по-видимому, таков: мы считаем два ряда наблюдений наблюдениями одного события, когда специальные научные наблюдения, помещённые в контекст надлежащей совокупности теорий, непосредственно объясняют наблюдения обыкновенного человека. Так, мы заключаем, что молния — не что иное, как движение электрических зарядов, потому что знаем: движение зарядов в атмосфере, происходящее, когда сообщают о молнии, вызывает зрительную стимуляцию того типа, которая и побуждает наблюдателя сообщить о вспышке. В случае Луны и прилива такой прямой каузальной связи между фазами Луны и наблюдениями человека, измеряющего высоту прилива, нет. Каузальная связь существует между Луной и приливами, а не между Луной и измерением приливов.

V. Физиологическое объяснение интроспекции и феноменологическая ошибка

Если это объяснение верно, для установления тождества сознания и определённых мозговых процессов нужно показать, что интроспективные наблюдения, о которых сообщает субъект, объяснимы через процессы, как известно происходившие в его мозге. В свете этого предположения особенно интересно, что физиолога, в отличие от философа, когда он не понимает, как сознание может быть процессом в мозге, беспокоит не мнимая противоречивость такой мысли, а кажущаяся невозможность объяснить сообщения субъекта о сознательных процессах через известные свойства центральной нервной системы. Сэр Чарльз Шеррингтон ставит проблему так:

> «Цепь событий от солнечного излучения, попадающего в глаз, до сокращения мышц зрачка, с одной стороны, и до электрических изменений в коре мозга — с другой, представляет собой совершенно понятные звенья последовательности физического “причинения”, которые благодаря науке доступны пониманию. Но во второй цепи за стадией реакции коры мозга следует — или её сопровождает — совершенно необъяснимое для нас событие либо ряд событий. Наука не помогает нам понять ни сами эти события, ни их причинную связь с предшествующим; они кажутся несоизмеримыми ни с одним из приведших к ним событий. “Я” “видит” Солнце: ощущает двумерный диск яркости на “небе”, которое само представляет собой менее яркое поле, над головой имеющее форму несколько уплощённого купола, покрывающего “я” и сотню других видимых вещей. Нет ни малейшего намёка, что всё это находится внутри головы. Зрение проникнуто тем странным свойством, которое называют “проекцией”, — выводом, не подкреплённым рассуждением, что видимое находится на “расстоянии” от видящего “я”. Сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть: последовательность событий достигает этапа, на котором физическая ситуация в мозге приводит к психической, но последняя не содержит никакого намёка ни на мозг, ни на другую часть тела… По-видимому, приходится предположить два непрерывных ряда событий: один физико-химический, другой психический, — а временами взаимодействие между ними» (Sherrington, 1947, p. xx–xxi).

Как физиолога едва ли убедит философское утверждение о противоречии в предположении, что сознание есть мозговой процесс, так и философа едва ли убедят соображения, приведшие Шеррингтона к двум рядам событий — физико-химическому и психическому. При всей эмоциональной убедительности аргумент Шеррингтона опирается на довольно простую логическую ошибку, которую, к сожалению, слишком часто допускают психологи и физиологи, а в прошлом нередко допускали и философы. Эту ошибку я назову «феноменологической». Она состоит в предположении, будто, описывая своё переживание — то, как вещи выглядят, звучат, пахнут, ощущаются на вкус или на ощупь, — субъект описывает буквальные свойства объектов и событий на некоем внутреннем кино- или телеэкране, который в современной психологической литературе обычно называют «феноменальным полем». Если, например, считать, что, сообщая о зелёном последовательном образе, субъект утверждает возникновение внутри себя буквально зелёного объекта, перед нами явно оказывается сущность, которой нет места в мире физики. В случае зелёного последовательного образа в окружении субъекта нет зелёного объекта, соответствующего описанию. Нет ничего зелёного и в его мозге; во всяком случае, ничто зелёное не могло бы возникнуть там в момент сообщения о появлении последовательного образа. Мозговые процессы не относятся к вещам, к которым правильно применять понятия цвета.

Феноменологическая ошибка, на которой держится этот аргумент, зависит от другого ошибочного предположения: раз способность описывать окружающие вещи зависит от их осознания, наши описания вещей первично описывают сознательное переживание и лишь вторично, косвенно и посредством вывода — объекты и события вокруг нас. Предполагается, что, поскольку мы узнаём вещи по виду, звучанию, запаху, вкусу и осязательным ощущениям, мы сначала описываем их феноменальные свойства, то есть свойства вызываемых ими в нас видов, звуков, запахов, вкусов и ощущений, а из феноменальных свойств выводим реальные. На деле всё наоборот. Сначала мы учимся распознавать реальные свойства окружающих вещей. Конечно, мы узнаём их по виду, звучанию, запаху, вкусу и на ощупь; но это не означает, что прежде описания самих вещей мы должны научиться описывать их вид, звучание, запах,

вкус и осязательные качества. Напротив: лишь научившись описывать окружающие вещи, мы можем научиться описывать их осознание. Мы описываем сознательный опыт не через мифологические «феноменальные свойства», якобы присущие мифологическим «объектам» в мифологическом «феноменальном поле», а через действительные физические свойства конкретных физических объектов, событий и процессов, обычно — пусть и не в данном случае — вызывающих тот род переживания, который мы пытаемся описать. Иначе говоря, называя последовательный образ зелёным, мы не утверждаем, что есть нечто — последовательный образ, — имеющее зелёный цвет. Мы говорим, что испытываем переживание того рода, какое обычно возникает при взгляде на зелёное световое пятно и какое мы научились так описывать.

Избавившись от феноменологической ошибки, мы увидим, что задача объяснения интроспективных наблюдений через мозговые процессы отнюдь не непреодолима. Ничто из сказанного интроспектирующим субъектом о сознательных переживаниях не противоречит тому, что физиолог мог бы сказать о мозговых процессах, побуждающих субъекта именно так описывать окружение и его осознание. Если субъект говорит, что неподвижный на самом деле огонёк кажется движущимся, для объяснения этого интроспективного наблюдения физиологу или физиологическому психологу достаточно показать: мозговой процесс, заставляющий субъекта так описывать переживание, относится к тому типу процессов, который обычно возникает при наблюдении действительно движущегося объекта и потому обычно побуждает сообщать о движении объекта вокруг него. Когда будет выяснен механизм описания человеком происходящего вокруг, для объяснения его способности к интроспекции останется объяснить две вещи: как он отличает случаи, когда привычное словесное описание соответствует стимульной ситуации, от случаев, когда оно ей не соответствует; и как и почему, сомневаясь в уместности привычного описания, он учится предварять обычные описательные протоколы оговорками «по-видимому», «кажется», «выглядит», «ощущается» и так далее.

Я глубоко признателен участникам неформальных обсуждений этой темы на философском факультете Университета Аделаиды. В

особенности — г-ну Ч. Б. Мартину за настойчивую и проницательную критику моих ранних попыток защитить тезис о сознании как мозговом процессе; профессору Д. А. Т. Гаскингу из Мельбурнского университета за прояснение многих логических вопросов; и профессору Дж. Дж. К. Смарту за моральную поддержку и ободрение в том, что часто казалось безнадёжным делом.

Литература

Place U. T. (1954). The concept of heed. *British Journal of Psychology*. 45. P. 243–255.

Ryle G. (1949). *The Concept of Mind*. London: Hutchinson.

Sherrington, Sir Charles (1947). Foreword to the 1947 edition of *The Integrative Action of the Nervous System*. Cambridge University Press.

Tolman E. C. (1932). *Purposive Behaviour in Animals and Men*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.

Wittgenstein L. (1953). *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell.

Рукопись получена 30 ноября 1954 года.

Джон Смарт

Ощущения и мозговые процессы[*]

Предположим, я сообщаю, что сейчас вижу округлый последовательный образ (after-image) с размытыми краями, желтоватый по краям и оранжевый в центре. О чём именно я сообщаю[1]? Можно ответить так: я вообще ни о чём не сообщаю. Говоря, что мне кажется, будто на стене виднеется округлое желтовато-оранжевое световое пятно, я выражаю своего рода *побуждение* — побуждение сказать, что на стене есть такое пятно, хотя, возможно, знаю, что на самом деле его там нет. Вероятно, именно такую позицию занимает Витгенштейн в *«Философских исследованиях»* (см. §§ 367, 370). Точно так же, «сообщая» о боли, я в действительности ни о чём не сообщаю — или, если угодно, сообщаю в весьма необычном смысле этого слова, — а совершаю нечто вроде усложнённой болевой гримасы. (См. § 244: «Словесное выражение боли заменяет крик, а не описывает его». Но не описывает ли оно *чего-*

---

[*] Статья впервые опубликована: Smart J. J. C. Sensations and Brain Processes // *The Philosophical Review*. 1959. Vol. 68, No. 2 (April). P. 141–156. — *Прим. пер.*

[1] Отправной точкой этой статьи послужили аргументы У. Т. Плейса: «Is Consciousness a Brain Process?» (*British Journal of Psychology*, XLVII, 1956, p. 44–50). Мне довелось обсуждать тезис Плейса во многих университетах США и Австралии. Надеюсь, настоящая статья отвечает на не рассмотренные им возражения и представляет его тезис в менее уязвимом виде. Статья призвана также дополнить работу Г. Фейгла «The 'Mental' and the 'Physical'» (*Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, II, p. 370–497), в которой защищается в основном тот же тезис, что и у Плейса.

нибудь другого[2]?) Обычно я предпочитаю говорить о последовательном образе, а не о боли, поскольку слово «боль» привносит нечто несущественное для моей задачи: понятие страдания (distress). На мой взгляд, из «ему больно» следует «он страдает», то есть находится в определённом состоянии возбуждения[3]. Так и слова «мне больно» могут не просто «заменять болевое поведение», но отчасти о чём-то сообщать. Однако в этом предмете сообщения нет ничего загадочного: речь идёт о состоянии возбуждения, которое допускает бихевиористский анализ. По возможности я хотел бы избежать другого предположения: будто «мне больно» — это подлинное сообщение о чём-то несводимо психическом. И точно так же я хочу отвергнуть предположение, будто, говоря «я вижу желтовато-оранжевый последовательный образ», человек сообщает о чём-то несводимо психическом.

Почему я хочу это отвергнуть? Прежде всего из-за бритвы Оккама. Мне кажется, наука всё настойчивее подводит нас к взгляду на организмы как на физико-химические механизмы[4]: по-видимому, однажды даже человеческое поведение удастся объяснить механистически. С точки зрения науки в мире, похоже, нет ничего, кроме всё более сложных сочетаний физических составляющих. И только в одном месте обнаруживается исключение: в сознании (consciousness). Иначе говоря, чтобы полностью описать происходящее в человеке, пришлось бы упомянуть не только физические процессы в его тканях, железах, нервной системе и т. д., но и состояния его сознания: зрительные, слуховые и осязательные ощущения, всевозможные боли. То, что эти состояния *коррелируют* с мозговыми процессами, не решает проблемы: сказать, что они с ними *коррелируют*, — значит признать их чем-то существующим

---

[2] Некоторые знакомые мне философы, которые, в отличие от меня, лично знали Витгенштейна, сочли бы такое его истолкование слишком бихевиористским. Однако мне оно представляется весьма естественным прочтением его опубликованных слов. Независимо от того, действительно ли таковы были взгляды Витгенштейна, сама эта позиция, несомненно, интересна и важна. Здесь я хочу рассмотреть её как возможную альтернативу и тезису о мозговых процессах, и откровенному дуализму старого образца.

[3] См.: Ryle. *The Concept of Mind* (New York, 1949), p. 93.

[4] Об этом см.: Paul Oppenheim and Hilary Putnam. «Unity of Science as a Working Hypothesis», в: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, II, p. 3–36; см. также мою заметку «Plausible Reasoning in Philosophy», *Mind*, LXVI (1957), p. 75–78.

«сверх» этих процессов. Нельзя установить корреляцию чего-либо с самим собой. Можно установить корреляцию между следами и взломщиками, но не между взломщиком Биллом Сайксом и взломщиком Биллом Сайксом. Таким образом, ощущения, состояния сознания, как будто остаются единственным родом сущего за пределами физикалистской картины. По разным причинам я просто не могу поверить, что дело обстоит именно так. Прямо скажем, мне кажется невероятным, чтобы всё можно было объяснить средствами физики — разумеется, вместе с описанием того, как соединены части, ведь, грубо говоря, биология относится к физике так же, как радиотехника к электромагнетизму, — за исключением возникновения ощущений. Воспользуемся выражением Фейгла: такие ощущения были бы «номологическими довесками» (nomological danglers)[5]. Редко замечают, насколько странными должны были бы быть законы, на которых держатся эти довески. Иногда спрашивают: «Почему не может существовать психофизических законов совершенно нового рода, подобно тому как законы электричества и магнетизма были новыми с точки зрения ньютоновской механики?» Конечно, в будущем мы почти наверняка откроем фундаментальные законы новых типов, но я ожидаю, что они будут связывать простые составляющие — например, те элементарные частицы, которые тогда будут в ходу. Не могу поверить, что фундаментальные законы природы могли бы связывать простые составляющие с конфигурациями из, возможно, миллиардов нейронов — и бог знает скольких миллиардов миллиардов элементарных частиц, — устроенными так, словно главное их назначение состоит в работе сложного механизма отрицательной обратной связи. Такие фундаментальные законы не походили бы ни на что из известного науке. В них было бы что-то подозрительное. Я просто не в силах поверить ни в сами номологические довески, ни в законы, на которых они держатся. Если бы казалось, что какой-то философский аргумент вынуждает нас признать подобные вещи, я заподозрил бы в нём подвох. Во всяком случае, цель этой статьи — показать, что философских аргументов, вынуждающих нас стать дуалистами, нет.

---

[5] Feigl. *Op. cit.*, p. 428.

Всё это в значительной мере исповедание веры, но оно объясняет, почему мне так близка позиция Витгенштейна — в том виде, как я её понимаю. Ведь с этой точки зрения ощущений в некотором смысле нет. Человек — огромное скопление физических частиц, и никаких ощущений или состояний сознания сверх этого не существует. Есть лишь факты, относящиеся к поведению этого огромного механизма: например, он выражает побуждение — поведенческую диспозицию — сказать «на стене желтовато-красное пятно» или производит усложнённый аналог болевой гримасы, то есть говорит «мне больно». Правда, Витгенштейн пишет, что ощущение — «не нечто», но всё же «и не ничто» (§ 304). Однако это может означать лишь то, что у слова «боль» есть употребление. Боль — это нечто, но лишь в том безобидном смысле, в каком обыкновенный человек в первом параграфе *«Оснований арифметики»* Фреге отвечает на вопрос «что такое число один?»: «нечто». Замечу: утверждая, что сказать «я вижу желтовато-оранжевый последовательный образ» — значит выразить побуждение произнести высказывание о физическом объекте «на стене желтовато-оранжевое пятно», я имею в виду, что произнесение первой фразы отчасти и есть проявление диспозиции[6], которую представляет собой это побуждение. Это не *сообщение* о наличии у меня такого побуждения — подобно тому как слова «я люблю тебя» обычно не являются сообщением о том, что я кого-то люблю. Слова «я люблю тебя» — просто часть поведения, в котором проявляется диспозиция любить кого-то.

Хотя по указанным причинам я весьма склонен принять такое «экспрессивное» толкование высказываний об ощущениях, мне всё же не кажется, что оно вполне достигает цели. Возможно, я недостаточно его продумал, но, по-моему, когда человек говорит «я вижу последовательный образ», он *действительно* о чём-то сообщает; а говоря «мне больно», делает нечто большее, чем просто «заменяет болевое поведение». И это «нечто большее» не сводится

---

[6] Витгенштейн не любил слово «диспозиция». Я пользуюсь им, чтобы вкратце — и, возможно, неточно — передать приписываемый ему взгляд. Повторю: я не утверждаю, что верно истолковываю Витгенштейна. Некоторые из тех, кто знал его лично, понимают его иначе. Это лишь позиция, которую я извлекаю из его опубликованных слов и которая, по-моему, важна и заслуживает обсуждения сама по себе.

к сообщению о страдании. Однако я вовсе не уверен, что, признав это, мы тем самым признаём нефизические корреляты мозговых процессов. Почему бы ощущениям не быть просто мозговыми процессами определённого рода? Разумеется, против взгляда, согласно которому сообщения об ощущениях суть сообщения о мозговых процессах, выдвигаются как хорошо известные, так и менее известные философские возражения. Но я постараюсь показать, что они далеко не столь убедительны, как принято считать.

Прежде всего попытаюсь точнее сформулировать тезис о том, что ощущения суть мозговые процессы. Он не утверждает, например, будто «последовательный образ» или «боль» означает то же самое, что и «мозговой процесс типа X», где вместо «X» подставлено описание определённого типа мозгового процесса. Тезис состоит в том, что, поскольку слова «последовательный образ» или «боль» служат сообщением о процессе, они сообщают о процессе, который *оказывается* мозговым. Следовательно, этот тезис не предполагает, что высказывания об ощущениях *можно* процессах[7]. *перевести* в высказывания о мозговых Не предполагает он и одинаковой логики этих двух видов высказываний. Он утверждает только следующее: поскольку высказывание об ощущении сообщает о чём-либо, предметом сообщения в действительности служит мозговой процесс. Ощущения — не что-то сверх мозговых процессов. Нации — не что-то «сверх» граждан, но это не мешает логике высказываний о нациях существенно отличаться от логики высказываний о гражданах и не гарантирует переводимости первых во вторые. (Впрочем, я не хочу утверждать, будто отношение высказываний об ощущениях к высказываниям о мозговых процессах очень похоже на отношение высказываний о нациях к высказываниям о гражданах. Например, то, что нации — не что-то сверх граждан, *не является случайным обстоятельством*. Я привожу пример с нациями лишь для отрицательного вывода: из различия логики высказываний об A и логики высказываний о B ещё не следует, что A — нечто сверх B.)

Замечания о тождестве. Говоря, что ощущение есть мозговой процесс или что молния есть электрический разряд, я употребляю «есть» в смысле строгого тождества. Именно так оно употребляет-

[7] См.: Place. *Op. cit.*, p. 45, вверху; Feigl. *Op. cit.*, p. 390, вверху.

ся в суждении «7 тождественно наименьшему простому числу, большему 5» — в данном случае необходимом. Утверждая, что ощущение есть мозговой процесс или что молния есть электрический разряд, я не имею в виду лишь пространственную или временную непрерывность ощущения с мозговым процессом либо молнии с разрядом. Напротив, говоря, что прославленный генерал — тот же самый человек, что и мальчик, крадший яблоки, я имею в виду только следующее: генерал, которого я вижу перед собой, — временной срез[8] того же четырёхмерного объекта, более ранний временной срез которого — мальчик, крадущий яблоки. Однако четырёхмерный объект, поздний временной срез которого есть генерал-передо-мной, *тождествен в строгом смысле* четырёхмерному объекту, один из ранних временных срезов которого есть мальчик-за-кражей-яблок. Я различаю эти два смысла выражения «тождествен», чтобы ясно показать: учение о мозговых процессах утверждает тождество в строгом смысле.

Теперь рассмотрю возможные возражения против того, что процессы, о которых сообщается в высказываниях об ощущениях, в действительности происходят в мозге. С некоторыми из этих возражений большинство из нас познакомились ещё на первом курсе философского факультета. Тем больше оснований присмотреться к ним повнимательнее. Другие возражения будут менее очевидными и более тонкими.

Возражение 1. Любой неграмотный крестьянин может прекрасно говорить о своих последовательных образах, о том, как ему что-то видится или ощущается, о своих болях, ничего при этом не зная о нейрофизиологии. Человек может, подобно Аристотелю, считать мозг органом охлаждения тела, и это нисколько не помешает ему высказывать истины о собственных ощущениях. Следовательно, то, о чём мы говорим, описывая ощущения, не может быть мозговыми процессами.

Ответ. С таким же успехом можно утверждать, что народ лежебок, которые никогда не видели Утренней звезды, не знали о её

---

[8] См.: J. H. Woodger. *Theory Construction* (Chicago, 1939), p. 38 (*International Encyclopedia of Unified Science*, vol. 2, no. 5). Здесь я позволяю себе говорить несколько вольно. О возможных ошибках, связанных с таким способом выражения, см. мою заметку «Spatialising Time», *Mind*, LXIV (1955), p. 239–241.

существовании или никогда не задумывались о выражении «Утренняя звезда», зато прекрасно пользовались выражением «Вечерняя звезда», не мог бы посредством последнего выражения указывать на тот же объект, на который мы указываем словами «Утренняя звезда» и который так описываем[9].

Возможно, вы возразите, что Утренняя звезда в некотором смысле не вполне то же самое, что Вечерняя звезда, а лишь нечто пространственно-временно непрерывное с нею. Иначе говоря, вы можете сказать, что Утренняя звезда не есть Вечерняя звезда в выделенном мною строгом смысле тождества. Пожалуй, это возражение можно предупредить: пусть лежебоки будут новозеландцами, а любители вставать рано — англичанами. Тогда то, что новозеландцы описывают как «Утреннюю звезду», могло бы быть в точности тем же самым — в строгом смысле, — что англичане описывают как «Вечернюю звезду». И всё же они могли бы не знать об этом.

Однако есть более убедительный пример. Возьмём молнию[10]. Современная физика говорит нам, что молния — электрический разряд определённого типа, возникающий вследствие ионизации облаков водяного пара в атмосфере. Именно в этом, как сейчас полагают, состоит истинная природа молнии. Заметьте: здесь нет двух вещей — вспышки молнии и электрического разряда. Есть одна вещь, вспышка молнии, которую наука описывает как электрический разряд между облаком ионизированных молекул воды и землёй. Это совсем не то же самое, что объяснять след присутствием взломщика. Мы говорим, что молния на самом деле, по своей истинной природе, открытой наукой, есть электрический разряд. (Истинная природа следа не состоит в том, чтобы быть взломщиком.)

Чтобы предупредить не относящиеся к делу возражения, уточню: под «молнией» я понимаю общедоступный наблюдению физический объект — молнию, а не зрительное чувственное данное молнии. Я утверждаю, что этот общедоступный наблюдению физический объект и есть электрический разряд, а не просто его коррелят. Чувственное данное — или, по крайней мере, наличие тако-

[9] Ср.: Feigl. *Op. cit.*, p. 439.
[10] См.: Place. *Op. cit.*, p. 47; также Feigl. *Op. cit.*, p. 438.

го данного, «вид» молнии — с моей точки зрения, вполне может быть коррелятом электрического разряда. Ведь я считаю его состоянием мозга, *вызванным* молнией. Но нам не следует смешивать ощущения молнии с самой молнией, как не следует смешивать ощущения стола с самим столом.

Итак, ответ на возражение 1 состоит в том, что возможны контингентные высказывания вида «А тождественно В», и человек вполне может знать, что нечто есть А, не зная, что оно есть В. Неграмотный крестьянин способен говорить о своих ощущениях, ничего не зная о мозговых процессах, точно так же как он способен говорить о молнии, ничего не зная об электричестве.

Возражение 2. То, что ощущения определённого типа сопровождаются определёнными мозговыми процессами, — лишь контингентный факт, если это вообще факт. Более того, возможно — хотя, пожалуй, и крайне маловероятно, — что наши нынешние физиологические теории однажды устареют так же, как древняя теория, связывавшая психические процессы с происходящим в сердце. Следовательно, сообщая об ощущении, мы не сообщаем о мозговом процессе.

Ответ. Это возражение, несомненно, доказывает, что, говоря «я вижу последовательный образ», мы не можем *иметь в виду* что-либо вроде «во мне происходит такой-то мозговой процесс». Но отсюда не следует, что то, *о чём мы сообщаем*, — наличие последовательного образа — *на деле* не является мозговым процессом. «Я вижу молнию» не *означает* «я вижу электрический разряд». В самом деле, логически возможно, хотя и крайне маловероятно, что электрическую теорию молнии однажды отвергнут. Опять-таки, «я вижу Вечернюю звезду» не *означает* того же, что «я вижу Утреннюю звезду», и всё же «Вечерняя звезда и Утренняя звезда — одно и то же» есть контингентное суждение. Возможно, своей кажущейся убедительностью возражение 2 отчасти обязано теории значения типа «“Фидо” — Фидо»: если бы значением выражения было то, что оно называет, то из различия значений слов «ощущение» и «мозговой процесс», конечно, *следовало бы*, что они не могут называть одно и то же.

Возражение 3[11]. Пусть возражения 1 и 2 не доказывают, что ощущения — нечто сверх мозговых процессов, зато они доказывают, что качества ощущений — нечто сверх качеств мозговых процессов. Иначе говоря, возможно, нам и удастся не признавать несводимо психические процессы, но не несводимо психические *свойства*. Предположим, мы отождествляем Утреннюю звезду с Вечерней звездой. Тогда должны существовать свойства, из которых логически следует свойство быть Утренней звездой, и совсем другие свойства, из которых следует свойство быть Вечерней звездой. Точно так же должны существовать свойства — например, быть жёлтой вспышкой, — логически отличные от тех, о которых говорит физикалистское описание.

Более того, может показаться, что возражение сразу достигает цели. Ведь возьмём свойство «быть жёлтой вспышкой». Кажется, оно неизбежно выходит за пределы физикалистской системы, в которой я пытаюсь работать: либо «жёлтое» — объективное эмерджентное свойство физических объектов, либо это способность вызывать жёлтые чувственные данные, причём во втором употреблении слово «жёлтое» обозначает чисто феноменальное, доступное интроспекции качество. Поэтому мне придётся ненадолго отвлечься и пояснить, как я трактую вторичные качества. Я сосредоточусь на цвете.

Прежде всего введём понятие нормального воспринимающего субъекта. Один человек ближе к норме, чем другой, если способен различать цвета там, где другой этого сделать не может. Например, если А способен выделить лист салата из кучи капустных листьев, а В не способен, хотя может выделить его из кучи свекольных листьев, то А ближе к норме, чем В. (Я предполагаю, что А и В не дают времени различить листья по небольшим отличиям в форме и т. п.) От понятия «ближе к норме, чем» нетрудно перейти к понятию «нормальный». Разумеется, эскимосы могут различать самые тонкие оттенки на синем конце спектра, а готтентоты — на красном. В таком случае понятие нормального воспринимающего субъекта представляет собой некоторую идеализацию, подобно

[11] Кажется, первым это возражение высказал мне профессор Макс Блэк. По-моему, оно самое тонкое из всех рассмотренных мною, и я менее всего уверен, что сумел удовлетворительно на него ответить.

понятию «среднего Солнца» при астрономическом измерении времени. Сейчас нет необходимости вдаваться в эти тонкости. Я утверждаю, что «это красное» означает примерно следующее: «Нормальному воспринимающему субъекту было бы трудно выделить это из кучи лепестков герани, но он выделил бы это из кучи листьев салата». Разумеется, это не точное значение: можно знать значение слова «красное», ничего не зная ни о герани, ни даже о нормальных воспринимающих субъектах. Суть, однако, в том, что человека можно *научить* говорить «это красное» о тех объектах, которые нормальному воспринимающему субъекту было бы трудно выделить среди лепестков герани, и т. д. (Заметьте: даже дальтоник может с основанием утверждать, что нечто красное, хотя в качестве «измерителя цвета» ему, конечно, придётся использовать другого человека, а не самого себя.) Такое объяснение вторичных качеств позволяет понять, почему они не играют существенной роли в физике. Ведь различия, которые способен или неспособен проводить чрезвычайно сложный нейрофизиологический механизм, едва ли будут соответствовать простым и непроизвольным различиям в природе.

Таким образом, я истолковываю цвета как способности — в локковском смысле — вызывать у людей различительные реакции определённого рода. Конечно, это также способности вызывать у людей ощущения, что ещё ближе к объяснению Локка. Но я как раз и доказываю, что эти ощущения можно отождествить с мозговыми процессами.

Как же мне ответить на возражение, что ощущение можно отождествить с мозговым процессом, лишь если оно обладает каким-то феноменальным свойством, которого нет у мозговых процессов и которое позволяет, так сказать, закрепить одну из сторон отождествления?

Моё предложение таково. Говоря «я вижу желтовато-оранжевый последовательный образ», человек говорит примерно следующее: «*Происходит нечто похожее на то, что происходит, когда* мои глаза открыты, я бодрствую и передо мной лежит хорошо освещённый апельсин, то есть когда я действительно вижу апельсин». (И нет причин, по которым человек не мог бы сказать то же самое при наличии веридического чувственного данного, если по-

нимать «похожее» в последнем предложении так, что нечто может быть похоже и на само себя.) Заметьте: выделенные курсивом слова «происходит нечто похожее на то, что происходит, когда» — всё это квазилогические, или предметно-нейтральные (topic-neutral), слова. Этим объясняется, почему сообщения древнегреческого крестьянина о своих ощущениях могли быть нейтральными по отношению как к дуалистической метафизике, так и к моей материалистической метафизике. Этим объясняется, как ощущения могут быть мозговыми процессами, хотя сообщающий о них ничего не знает о мозговых процессах. Ведь он сообщает о них лишь в самом отвлечённом виде: «происходит нечто похожее на то, что происходит, когда…». Подобным образом человек может сказать «в комнате кто-то есть» и тем самым истинно сообщить, что в комнате находится врач, даже если никогда не слышал о врачах. (В комнате не два человека — «кто-то» и врач.) Такое понимание высказываний об ощущениях объясняет и особую неуловимость «непосредственных переживаний» (raw feels): почему, похоже, никому не удаётся приписать им сколько-нибудь определённые свойства[12]. С моей точки зрения, непосредственные переживания бесцветны по той же самой причине, по которой бесцветно *нечто*. Это не означает, что у ощущений нет свойств: если они мозговые процессы, свойства у них, безусловно, есть. Это означает лишь, что, говоря об их сходстве или различии, мы не обязаны знать или называть эти свойства.

Таков мой ответ на возражение 3. Его убедительность зависит от того, можем ли мы сообщить, что одно похоже на другое, не умея указать, в каком отношении они похожи. Я не уверен, возможно это или нет; именно поэтому я считаю возражение 3 самым сильным из тех, с которыми мне приходится иметь дело.

Возражение 4. Последовательный образ не находится в физическом пространстве. Мозговой процесс находится. Следовательно, последовательный образ не есть мозговой процесс.

Ответ. Это *ignoratio elenchi* — возражение не по существу. Я утверждаю не то, что последовательный образ есть мозговой процесс, а то, что переживание последовательного образа есть мозговой процесс. В интроспективном сообщении говорится именно о

[12] См.: B. A. Farrell. «Experience», *Mind*, LIX (1950), особенно p. 174.

переживании. Точно так же, если мне возразят, что последовательный образ желтовато-оранжевый, а заглянувший в ваш мозг хирург не увидит там ничего желтовато-оранжевого, я отвечу: здесь описывается переживание видения желтовато-оранжевого, а само переживание не есть нечто желтовато-оранжевое. Поэтому утверждение, что мозговой процесс не может быть желтовато-оранжевым, ещё не означает, что он не может на деле быть переживанием желтовато-оранжевого последовательного образа. В некотором смысле последовательных образов или чувственных данных не существует, хотя существует переживание образа. Это переживание описывается косвенно, на языке материальных объектов, а не на феноменальном языке, поскольку такого языка нет[13]. Описывая переживание, мы, по существу, говорим, что оно похоже на то, которое возникает, когда мы, например, действительно видим желтовато-оранжевое пятно на стене. Деревья и обои могут быть зелёными, но переживание видения или представления дерева либо обоев — нет. (А если его и называют зелёным или жёлтым, то лишь в производном смысле.)

Возражение 5. О движении молекул в мозге осмысленно сказать, что оно быстрое или медленное, прямолинейное или круговое, но говорить так о переживании видения чего-то жёлтого бессмысленно.

Ответ. Пока мы ещё не придали смысла разговорам о переживаниях как о быстрых или медленных, прямолинейных или круговых. Но я и не утверждаю, что «переживание» и «мозговой процесс» имеют одно значение или хотя бы одинаковую логику. У слов «кто-то» и «врач» разная логика, но мы не заключаем отсюда, что говорить о ком-то, кто звонит по телефону, — значит говорить о ком-то сверх, скажем, врача. Обыкновенный человек, сообщая о переживании, сообщает, что нечто происходит, но оставляет от-

[13] Д-р Дж. Р. Смайтиз утверждает, что языку чувственных данных можно обучить независимо от языка материальных объектов («A Note on the Fallacy of the 'Phenomenological Fallacy'», *British Journal of Psychology*, XLVIII, 1957, p. 141–144). Я в этом не так уверен: прежде чем мы сможем обучить человека правилу, должны существовать общедоступные критерии того, что он применил его неверно. Пожалуй, пользуясь методом д-ра Смайтиза, человек мог бы выучить цветовые слова *случайно*. Разумеется, я не отрицаю, что можно научиться языку чувственных данных в том смысле, что можно научиться сообщать о своих переживаниях. Не стал бы отрицать этого и Плейс.

крытым вопрос, что именно: происходит ли это в твёрдой материальной среде, в какой-нибудь газообразной или даже, быть может, в какой-нибудь непространственной среде — если это вообще имеет смысл. Я утверждаю лишь, что «переживание» и «мозговой процесс» могут на деле обозначать одно и то же. Если это так, мы без труда можем принять соглашение, которое позволит осмысленно говорить о переживании в терминах, подходящих для физических процессов. Это будет не изменением существующих правил употребления слов о переживании, а дополнением к ним.

Возражение 6. Ощущения *приватны*, мозговые процессы *общедоступны*. Если я искренне говорю «я вижу желтовато-оранжевый последовательный образ» и не допускаю словесной ошибки, то я не могу ошибаться. А насчёт мозгового процесса могу: учёный, заглядывающий в мой мозг, может оказаться жертвой иллюзии. Кроме того, осмысленно сказать, что два или несколько человек наблюдают один и тот же мозговой процесс, но не что два или несколько человек сообщают об одном и том же внутреннем переживании.

Ответ. Это показывает, что у языка интроспективных сообщений и языка материальных процессов разная логика. Очевидно, пока теория мозговых процессов не будет значительно усовершенствована и широко признана, для высказывания «Смит испытывает такое-то переживание» не будет никаких критериев, *кроме* интроспективных сообщений самого Смита. Поэтому мы приняли языковое правило: обычно слово Смита принимается за окончательное.

Возражение 7. Я могу вообразить, что превратился в камень и всё же продолжаю видеть образы, чувствовать боль и т. д.

Ответ. Я могу вообразить, что электрическая теория молнии ложна и молния — чисто оптическое явление. Могу вообразить, что молния не есть электрический разряд. Могу вообразить, что Вечерняя звезда не есть Утренняя звезда. Но она ею является. Возражение показывает только, что у слов «переживание» и «мозговой процесс» разные значения. Оно не показывает, что переживание на деле не есть мозговой процесс.

Пожалуй, это возражение почти совпадает с тем, которое можно выразить формулой: «То, что может ни из чего не состоять, не

может состоять из чего-либо»[14]. Аргумент таков: согласно тезису о мозговых процессах, тождество мозгового процесса и переживания контингентно. Значит, логически возможно, чтобы не было ни мозгового процесса, ни вообще процесса какого-либо другого рода — ни в сердце, ни в почках, ни в печени. Переживание было бы, а «соответствующего» физиологического процесса, с которым его можно было бы эмпирически отождествить, — нет.

Подозреваю, что возражающий мыслит переживание как призрачную сущность. Но тогда оно всё-таки состоит из чего-то, а не из ничего. На его взгляд, оно состоит из призрачной материи, а на мой — из мозговой. Возможно, в ответ скажут[15], что переживание просто и не имеет составных частей, а потому всё-таки ни из чего не состоит. По-моему, это игра словами: если принимать её всерьёз, замечание «то, что может ни из чего не состоять, не может состоять из чего-либо» можно превратить в априорный аргумент против Демокрита и атомизма, в пользу Декарта и бесконечной делимости. И было бы странно, если бы подобный вопрос можно было решить априори. Поэтому слово «состоять» нужно понимать в очень слабом смысле, позволяющем сказать, что даже неделимый атом состоит из чего-то — именно из самого себя. Дуалист в действительности не может утверждать, что переживание способно ни из чего не состоять. Ведь он полагает, что переживания — нечто сверх материальных процессов, то есть своего рода призрачная материя. Или, возможно, рябь в лежащей в их основе призрачной материи. Я признаю, что гипотеза дуалиста вполне понятна. Но я утверждаю, что переживания следует отождествлять не с призрачной материей, а с мозговой. Это другая гипотеза и, по-моему, весьма правдоподобная. Рассматриваемый аргумент не может опровергнуть её априори.

Возражение 8. Возражение о «жуке в коробке» (см.: Витгенштейн, «Философские исследования», § 293). Как описания переживаний, если это подлинные сообщения, вообще могли бы закрепиться в языке? Ведь у любого языкового правила должны быть общедоступные критерии правильного применения.

---

[14] Этим возражением я обязан г-ну Ч. Б. Мартину. Насколько я понимаю, он больше не намерен его отстаивать — во всяком случае, в нынешнем виде.

[15] Так ответил не сам Мартин, а один из его студентов.

Ответ. Переход от описания того, как обстоят дела, к описанию того, что мы чувствуем, — это просто переход от безоговорочного «это так» к «это выглядит так». Иначе говоря, там, где неискушённого человека тянуло бы сказать «на стене световое пятно, которое движется всякий раз, когда я перевожу взгляд» или «в меня втыкают булавку», мы научились сдерживать это побуждение и говорить «*кажется*, на обоях световое пятно» или «*такое чувство, будто* в меня втыкают булавку». Интроспективное сообщение говорит нам о состоянии сознания человека так же, как слова «я вижу световое пятно» или «я чувствую, как в меня втыкают булавку». От соответствующего высказывания о восприятии оно отличается тем, что: а) в высказывании о восприятии человек «выходит за пределы свидетельств своих чувств», описывая окружающую обстановку; б) в интроспективном сообщении он воздерживается от описательных характеристик, которые склонен приписать окружающему, — возможно, потому, что подозревает их несоответствие действительному положению дел. С психологической точки зрения переход от разговора об окружающем к разговору о состоянии своего сознания состоит просто в торможении описательных реакций, которые не оправданы одними лишь видимостями, и в растормаживании реакций, обычно подавляемых, поскольку человек усвоил, что в данных обстоятельствах они едва ли могут надёжно указывать на состояние окружающей обстановки[16]. Сказать, что нечто кажется мне зелёным, — значит сказать, что моё переживание похоже на то, которое возникает у меня, когда я вижу нечто действительно зелёное. В ответе на возражение 3 я отметил крайнюю открытость, или общность, высказываний, сообщающих о переживаниях. Это объясняет, почему языка приватных качеств не существует. (Так же как «кто-то», в отличие от слова «врач», — бесцветное слово[17].)

---

[16] Этим замечанием я обязан Плейсу, высказавшему его в переписке.

[17] Если возражение о «жуке в коробке» справедливо, оно направлено против *любой* позиции — в том числе картезианской, — согласно которой интроспективные сообщения являются подлинными сообщениями. Поэтому оно не затрагивает более слабого тезиса, который я хотел бы отстоять: *если* интроспективные сообщения о «переживаниях» действительно являются сообщениями, *то* то, о чём они сообщают, на деле есть мозговые процессы.

Если меня спросят, чем отличаются мозговые процессы, которые, на мой взгляд, являются переживаниями, от тех, которые ими не являются, я смогу лишь ответить, что сейчас это неизвестно. Но мне вовсе не кажется беспочвенной догадка, что это различие отчасти может совпадать с различием между восприятием (perception) и приёмом информации (reception), в терминологии д-ра Д. М. Маккея, а тот тип мозгового процесса, который представляет собой переживание, можно было бы отождествить с тем, что Маккей называет активной «реакцией сопоставления» (matching response)[18].

Я рассмотрел ряд возражений против тезиса о мозговых процессах. В заключение хочу сказать несколько слов о логическом статусе самого этого тезиса. У. Т. Плейс, по-видимому, считает его самой обыкновенной научной гипотезой[19]. Если так, то отчасти он прав, а отчасти нет. Если мы выбираем, скажем, между тезисом о мозговых процессах и тезисом о процессах в сердце, печени или почках, вопрос чисто эмпирический, и данные решительно свидетельствуют в пользу мозга. В сердце, печени и почках просто не происходит процессов нужного рода, да и строение этих органов не обладает необходимой сложностью. Но если мы выбираем между тезисом о процессах в мозге, сердце, печени или почках, то есть какой-либо формой материализма, с одной стороны, и эпифеноменализмом — с другой, вопрос уже не эмпирический. Нельзя помыслить эксперимент, который позволил бы сделать выбор между материализмом и эпифеноменализмом. Это не обычный эмпирический вопрос науки. Скорее он напоминает спор между английским натуралистом XIX века Филипом Госсом[20] и придерживавшимися общепринятых взглядов геологами и палеонтологами его времени. По Госсу, Земля была сотворена около 4000 года до н. э., точно как описано в Книге Бытия, — со смятыми слоями горных пород, «свидетельствами» эрозии и прочим, со всевозможными окаменелостями, каждая в надлежащем слое, словно обычная эволюционная история действительно имела место. Ясно, что эта теория в не-

[18] См. его статью «Towards an Information-Flow Model of Human Behaviour», *British Journal of Psychology*, XLVII (1956), p. 30–43.

[19] *Op. cit.*

[20] См. занимательный рассказ о книге Госса *Omphalos* у Мартина Гарднера: *Fads and Fallacies in the Name of Science* (2nd ed., New York, 1957).

котором смысле неопровержима: никакие данные не могут ей противоречить. Отвлечёмся от теологического контекста гипотезы Филипа Госса, исключив тем самым возражения богословского характера вроде: «Что за странный Бог, который идёт на такие ухищрения, чтобы нас обмануть?» Допустим, утверждается, что Вселенная просто возникла в 4004 году до н. э. и что начальные условия повсюду были именно такими, какими они были в 4004 году до н. э.; в частности, наша планета возникла с наносами в реках, размытыми утёсами, окаменелостями в горных породах и т. д. Ни один учёный не принял бы такую гипотезу всерьёз, хотя она и согласуется со всеми возможными данными. Она нарушает принципы экономии и простоты. Слишком многое пришлось бы признать необъяснимыми исходными фактами. Почему кости птеродактиля именно таковы? Объяснить это эволюцией птеродактилей из более ранних форм жизни уже было бы невозможно. Нам пришлось бы просто *принять* миллионы фактов о мире, каким он был в 4004 году до н. э.

Мне кажется, выбор между теорией мозговых процессов и эпифеноменализмом — вопрос того же рода. Разумеется, мы предполагаем, что бихевиористская редукция интроспективных сообщений невозможна. Если признать, что нет убедительных философских аргументов, вынуждающих нас принять дуализм, и что теория мозговых процессов и дуализм в равной мере согласуются с фактами, то, по-моему, принципы экономии и простоты решительно склоняют чашу весов в пользу теории мозговых процессов. Как я уже отмечал, дуализм предполагает множество несводимых психофизических законов весьма странного рода, на которых держатся «номологические довески». Эти законы приходится просто принимать на веру, и примириться с ними ничуть не легче, чем с несводимыми фактами палеонтологической истории Земли, которые навязывает нам теория Филипа Госса.

Джон Смарт

Университет Аделаиды

Джон Смарт[1]

Материализм[*]

Прежде всего объясню, что я понимаю под «материализмом», а затем попытаюсь защитить это учение[2]. Под «материализмом» я понимаю теорию, согласно которой в мире нет ничего сверх сущностей, постулируемых физикой — или, разумеется, будущими, более совершенными физическими теориями. Иначе говоря, я не связываю материализм с физикой бильярдных шаров XIX века. Менее наглядные частицы современной физики тоже считаются материей. Для моих целей материей считается и энергия: в современной физике между ними, собственно, нет резкой границы. Не полагаю я также, что материализм влечёт детерминизм. Если физика индетерминистична на микроуровне, такой должна быть и теория материалиста. Материализм, по-моему, совместим с широким кругом представлений о природе материи и энергии. Например, если материя и энергия состоят из областей особой кривизны абсолютного пространства-времени, с «червоточинами» и всем прочим[3], это всё ещё совместимо с материализмом: можно по-прежнему утвер-

---

[*] Статья впервые опубликована: Smart J. J. C. Materialism // *The Journal of Philosophy*. 1963. Vol. 60, No. 22 (24 October). P. 651–662. Авторское примечание к заголовку в оригинале обозначено звёздочкой; здесь оно включено в общую нумерацию под № 1. — *Прим. пер.*

[1] Доклад для симпозиума «Материализм» на шестидесятом ежегодном собрании Восточного отделения Американской философской ассоциации, 27 декабря 1963 года.

[2] Благодарю д-ра Ч. Б. Мартина и г-на М. К. Брэдли за замечания к ранней версии статьи. Я внёс небольшие изменения, но объём не позволяет разобрать некоторые их принципиальные возражения.

[3] См.: J. A. Wheeler. «Curved Empty Space-Time as the Building Material of the Physical World: An Assessment», в: E. Nagel, P. Suppes, A. Tarski, eds. *Logic, Methodology and Philosophy of Science* (Stanford University Press, 1962).

ждать, что в конечном счёте мир целиком состоит из фундаментальных сущностей физики — пространственно-временных точек.

Как видим, *моё* понимание материализма шире, чем у Бертрана Рассела в предисловии к *«Истории материализма»* Ланге[4]. Однако в некоторых отношениях моё определение уже, чем определения некоторых авторов, называвших себя «материалистами». Я хочу прямо установить: существование несводимо «эмерджентных» законов или свойств — например, в биологии или психологии — несовместимо с материализмом. Согласно защищаемому здесь взгляду, в биологии нет несводимых законов или свойств, как нет их в электронике. Зная «естественную историю» супергетеродинного радиоприёмника — его электрическую схему, — физик может объяснить его поведение и свойства, например способность принимать определённую радиостанцию, вещающую на частоте 25 мегагерц, одними законами физики. Как электроника физически объясняет работу супергетеродинов и тому подобного, так биология даёт — или приближается к тому, чтобы дать, — физические и химические объяснения работы организмов и их частей. Биологу нужна естественная история, как инженеру нужны схемы, но ни тому ни другому не нужны нефизические законы[5].

Теперь ясно, почему я определяю материализм именно так. Я хочу отрицать существование в мире нефизических сущностей и нефизических законов. В частности, хочу отвергнуть психофизический дуализм[6]. Я хочу также отвергнуть всякую теорию «эмерджентных свойств»: несводимо нефизические свойства мне почти столь же неприемлемы, как несводимо нефизические сущности.

Популярные богословы иногда возражают материалистам: «Любовь не поместишь в пробирку». Что ж, гравитационное поле тоже не поместишь в пробирку, разве что в весьма натянутом

---

[4] F. A. Lange. *The History of Materialism*, trans. E. C. Thomas, 3rd ed., with an Introduction by Bertrand Russell (New York: Harcourt Brace, 1925).

[5] Подробнее см. мою статью «Can Biology Be an Exact Science?», *Synthèse*, 11 (1959), p. 359–368.

[6] В последние годы существенно дуалистические теории предлагаются в довольно изощрённой форме; например: P. F. Strawson. *Individuals* (London: Methuen, 1959). Существенно дуалистический характер позиции Стросона виден из его признания логической совместимости этой позиции с бестелесным существованием.

смысле. Но понятие гравитационного поля ничем не противоречит материализму в моём определении.

Так и любовь: пусть она ускользает от пробирок, но не от материалистической метафизики. Её можно истолковать как определённый образ телесного поведения или, пожалуй лучше, как внутреннее состояние человеческого организма, объясняющее это поведение. Дуалист, анализирующий любовь как внутреннее состояние, может назвать его состоянием души; материалист назовёт его состоянием мозга. По-моему, значительная часть нашей обыденной речи о ментальном не дуалистична и не материалистична, а нейтральна между ними. Поэтому нематериалистическое выражение ещё не обязательно антиматериалистично.

Но как быть с сознанием (consciousness)? Можно ли понять наличие последовательного образа или болевого ощущения как нечто материальное — состояние или процесс в мозге? Кажется, мы непосредственно осознаём боль и последовательные образы, причём осознаём их как нечто отличное от нейрофизиологического состояния или процесса. Например, последовательный образ может быть зелёным с красными крапинками; нейрофизиолог же, заглянув в мозг, едва ли увидит нечто зелёное с красными крапинками. Однако такое возражение материализму основано на путанице, которую У. Т. Плейс назвал «феноменологической ошибкой»[7]. Сказать, что образ или чувственное данное зелёное, — не значит сказать, что сознательное переживание этого образа или данного зелёное. Это значит, что переживание того же рода возникает, когда в нормальных условиях мы смотрим, например, на зелёное яблоко. Яблоки и неспелые бананы могут быть зелёными, но переживания их видения — нет. Образ или чувственное данное можно назвать зелёным в производном смысле, но тревожиться из-за этого незачем: согласно защищаемому мною взгляду, образы и чувственные данные не входят в состав мира, хотя процессы переживания образа или данного — действительные процессы в мире. Переживание зелёного чувственного данного само не зелёное: это процесс в сером веществе. В мире есть водопроводчики, но нет

[7] U. T. Place. «Is Consciousness a Brain Process?», *British Journal of Psychology*, 47 (1956), p. 44–50.

среднего водопроводчика; есть и переживание чувственного данного, но нет самого чувственного данного.

Можно возразить: признав, что яблоки и неспелые бананы бывают зелёными, я признал цвета эмерджентными свойствами, несводимыми в рамках физикалистского мышления. Из-за нехватки места за ответом отсылаю к моей статье «Colours», *Philosophy*, 36 (1961), p. 128–142. Там цвета объясняются через различительные реакции нормальных воспринимающих субъектов, а понятие нормального цветового восприятия определяется без обращения к понятию цвета. Цветовые классификации объясняются как классификации по весьма своеобразным различительным реакциям сложного нейрофизиологического механизма. Неудивительно, что ничему простому в физике они не соответствуют. Взаимно однозначной корреляции цвета и длины волны нет: одному цвету соответствуют бесконечно многие смеси волн разной длины, то есть все они вызывают одинаковую различительную реакцию нормального воспринимающего субъекта.

Сообщая, что лимон жёлтый, мы реагируем на лимон. Сообщая, что лимон выглядит жёлтым, мы реагируем на своё внутреннее состояние. Слова «мне кажется, передо мной жёлтый лимон» означают примерно следующее: происходящее во мне похоже на то, что происходит, когда передо мной действительно жёлтый лимон, глаза открыты, освещение дневное и так далее. Иными словами, речь о непосредственном опыте производна от речи о внешнем мире. А поскольку непосредственный опыт описывается через типичную стимульную ситуацию — или, как мы увидим, для некоторых слов о боли и тому подобном через типичную ситуацию *реагирования*, — сама эта речь нейтральна между материализмом и дуализмом. Мы сообщаем о внутренних процессах как о похожих или непохожих на происходящее внутри в типичных ситуациях. Но дуалист поймёт их как процессы в нематериальной субстанции, а материалист — как процессы внутри черепа.

Речь о непосредственных переживаниях производна от языка физических объектов. Это относится и к большей части языка телесных ощущений и боли. Колющая боль — внутренний процесс, похожий на происходящее, когда в вас втыкают булавку. Разумеется, колющая боль возникает и тогда, когда булавку в вас действи-

тельно втыкают: в этой статье я понимаю «похожее» так, что нечто похоже и на само себя. Это видно, если подумать, что анализ из предыдущего абзаца означает для веридического чувственного данного жёлтого лимона. Однако не все слова об ощущениях работают подобно «колющей боли». Возьмём «ноющую боль» (ache). Возможно, здесь ссылку на типичную стимульную ситуацию следует заменить ссылкой на типичную реакцию. Вместо «происходящее во мне похоже на происходящее, когда передо мной жёлтый лимон» будет нечто вроде «происходящее во мне похоже на происходящее, когда я стону, вскрикиваю и так далее». Во всяком случае, наш взгляд не исключает следующей возможности: дети, усвоив способ говорить о внутренних процессах как о похожих или непохожих на происходящее в типичной ситуации, затем в некоторых случаях начинают просто классифицировать их по сходству между собой. Например, все ноющие боли больше похожи друг на друга, чем любая из них — на зуд. Иначе говоря, можно сообщать о сходстве или различии внутренних процессов — а тем самым и о самих процессах, — даже когда язык не связан тесно со стимульной ситуацией или реакцией. Заметьте: я по-прежнему отрицаю интроспективное восприятие какого-либо нефизического свойства, например *ноющего характера боли* (achiness). Назвать процесс ноющей болью — просто отнести его к другим процессам, которые ощущаются похожими; класс таких процессов и образует ноющие боли.

Здесь наверняка возникнет важное возражение. Скажут, что всё в каком-нибудь отношении похоже на всё остальное. Как же сообщения об ощущениях могут классифицировать их по одним лишь сходствам и различиям? Если же речь о сходстве и различии благодаря общим или необщим свойствам, не придётся ли признать свойства вроде *ноющего характера боли*, выходящие за понятийные ресурсы физикалистской теории?

В отвлечённом виде аргумент впечатляет, но становится менее убедительным, если продумать на примере кибернетического устройства, что значит распознавать сходства и различия. Представим машину, распознающую сходство и различие круглых, квадратных и треугольных пластинок. Вероятно, легче построить машину, которая просто печатает на ленте «похожи» или «не похо-

жи», чем машину, сообщающую, в чём именно сходство: в округлости, квадратности или треугольности. Кроме того, можно согласиться, что всё похоже на всё, и всё же утверждать, что некоторые вещи гораздо более похожи, чем другие. Возьмём понятие следования правилу, столь важное для философии Витгенштейна[8]. Допустим, один человек продолжает ряд 0, 1, 2, 3, … до 1000, а затем пишет 1001, 1002, 1003, 1004, … Здесь нам, конечно, хочется сказать, что после 1000 он делает то же самое, что и до 1000. Теперь другой человек пишет 0, 1, 2, 3, …, 1000, 1002, 1004, …; третий — 0, 1, 2, 3, …, 1000, 1001, 1002, 1003, 1005, 1007, 1011, 1013, … Согласно объяснению Витгенштейна, по-видимому, второй и третий тоже могли бы сказать, что после 1000 делают то же, что и прежде. Для этих случаев тоже есть правила: например, «прибавляй по единице до 1000, затем по два до 2000, по три до 3000 и так далее» и «прибавляй по единице до 1001, а затем продолжай по простым числам». Правила сложнее первоначального; к тому же их, как и первое, можно истолковать по-разному. Всё это можно уступить Витгенштейну. Но отсюда не следует, что одни последовательности ни в каком смысле не могут быть объективно более похожими, чем другие. Нельзя утверждать, будто продолжения ряда 0, 1, 2, 3, … в виде 1002, 1004, 1006, … или 1001, 1002, 1003, 1005, 1007, 1011, 1013, … так же похожи на ряд до 1000, как продолжение 1001, 1002, 1003, … Это видно, если учесть: машина для печати ряда 0, 1, 2, 3, …, 1001, 1002, 1003, 1004, … могла бы быть проще, то есть содержать меньше деталей, чем машина для любого из двух других рядов. Следовательно, сходство и различие сами по себе объективны, хотя и имеют степени.

Я заключаю: утверждать, что некоторые внутренние процессы похожи или непохожи друг на друга, вовсе не бессодержательно, даже если мы не указываем, в каком отношении они похожи. Наши сообщения о непосредственном опыте поэтому весьма открыты, или, по выражению Райла, «предметно-нейтральны». Они не обязывают нас ни к материализму, ни к дуализму, но вполне *совме-*

[8] *Philosophical Investigations*, trans. G. E. M. Anscombe (Oxford: Blackwell, 1953), § 185 и далее.

стимы с защищаемой мною гипотезой: эти внутренние процессы суть мозговые процессы[9].

Могут сказать: тогда у вас не может быть критерия правильности, когда вы сообщаете об ощущении просто как о *похожем* на прежнее (ср.: Витгенштейн, *«Философские исследования»*, § 258). Но обязан ли я иметь такой критерий? На мой взгляд, мой внутренний механизм просто устроен так, что я реагирую именно этим способом. И я могу *фактически* реагировать правильно, хотя у меня нет критерия, позволяющего признать реакцию правильной. Сообщая о внутренних процессах как о сходных, я могу всегда, или хотя бы в большинстве случаев, сообщать о действительно сходных процессах. Более того, обыденная или научная психология, а в будущем, возможно, электроэнцефалография могут дать косвенные свидетельства правильности наших сообщений о таком сходстве. У торгового автомата, выдающего шоколадку лишь при опускании шиллинга или монеты, неотличимой от него по размеру и форме, несомненно, нет критерия размера и формы. Но его реакции верны: за шестипенсовую монету он шоколадку не выдаст.

Важно понимать: если защищаемый мною взгляд верен, сознательные переживания должны быть процессами, включающими миллионы нейронов; поэтому их существенные сходства и различия вполне могут быть статистическими. Как отметил П. К. Фейерабенд[10], это объясняет, как ощущение или мозговой процесс может быть ясным или смутным, чётким или нечётким, а также почему ощущение кажется простой сущностью, хотя детали мозгового процесса непросты. Мозговые процессы вполне могут иметь статистические свойства, которые бессмысленно приписывать отдельным нейронам, тем более отдельным молекулам или атомам. Фейерабенд сравнивает это с плотностью жидкости: понятие осмысленно применимо лишь к большому статистически однород-

---

[9] Джером Шеффер в интересной статье «Mental Events and the Brain», *The Journal of Philosophy*, 60, no. 6 (14 March 1963), p. 160–166, считает неправдоподобным, что во внутреннем опыте мы замечаем мозговые процессы (p. 163–164). Если мой взгляд верен, мы действительно замечаем мозговые процессы, но лишь «предметно-нейтрально»: не замечаем, *что* они мозговые. Мне это не кажется неправдоподобным — во всяком случае, не столь неправдоподобным, как нефизические сущности или свойства.

[10] В неопубликованной работе 1963 года.

ному ансамблю частиц, но не к отдельной частице или малой группе. Материалистическая гипотеза, заметьте, не предполагает подобия сознания в отдельном атоме или даже в отдельном нейроне. Сознательное переживание — очень сложный процесс, охватывающий огромное число нейронов. Именно процесс, а не вещество. Материалисту не нужно принимать грубую и нелепую мысль Фогта, будто мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет желчь[11]. Здесь с Витгенштейном можно безусловно согласиться: мысль — не *вещество*. Эта сторона его мысли особенно привлекательна: если бы объяснение ментальных понятий через телесное поведение было адекватным, оно прекрасно согласовывалось бы с физикалистской картиной мира, которую, по соображениям научной правдоподобности, я считаю нужным защищать. Я отличаюсь от Витгенштейна тем, что хочу понимать мысль как внутренний процесс и согласовать гипотезу с физикализмом, отождествляя внутренние процессы с мозговыми. Беда Витгенштейна в том, что он слишком склонен к операционализму[12].

Это, пожалуй, видно из § 293 *«Философских исследований»*. Витгенштейн возражает там против склонности понимать «грамматику выражения ощущения по образцу “объекта и обозначения”». При такой попытке, говорит он, «объект выпадает из рассмотрения как несущественный». По-моему, столь же решительно он возразил бы против более уместной здесь модели *процесса* и имени. Не уверен, насколько буквально следует понимать слово «имя». Нам ведь достаточно предикатов — например, «…есть боль». Витгенштейн рассматривает человека, который говорит «есть боль» или «это боль». В языке куайновского типа вообще не было бы имён. Поэтому поймём «имя» несколько шире: тогда можно, например, назвать «электрон» именем электронов. Строго говоря, «…есть электрон» — предикат, истинный обо всём, что является электроном. Применим теперь витгенштейновский аргумент о «жуке в коробке» к электронам (§ 293). Человек видит жука только в своей коробке — как, согласно отвергаемому Витген-

---

[11] См.: Lange. *Op. cit.*, vol. II, p. 312.

[12] К этому выводу меня в значительной мере привело влияние коллеги Ч. Б. Мартина. См. также: H. Putnam. «Dreaming and ‘Depth Grammar’», в: R. J. Butler, ed. *Analytical Philosophy* (Oxford: Blackwell, 1962).

штейном взгляду, только я могу быть знаком со своей болью. Но с электронами дело ещё хуже: их буквально не видит никто. Мы знаем о них лишь по наблюдаемым воздействиям на макроскопические тела. Значит, основания Витгенштейна не считать боль объектом давали бы ещё более сильные основания не считать объектами и электроны[13].

Не сомневаюсь, что последнее соображение его не смутило бы. Думаю, он скорее сказал бы: электроны — грамматические фикции; понимать их нужно через гальванометры и тому подобное, как боль — через стоны и тому подобное. На вопрос «Не являешься ли ты всё-таки замаскированным бихевиористом? Не сводится ли твоя мысль к тому, что всё, кроме человеческого поведения, — фикция?» он отвечает: «Если я говорю о фикции, то о *грамматической* фикции» (§ 307). Конечно, называя боль грамматической фикцией, философ не отрицает существования боли. Но он отрицает, что боль есть нечто «сверх» болевого поведения, если воспользоваться полезным выражением Джона Уиздома. Такой философ — не грубый бихевиорист, отрицающий боль, но его вполне можно назвать бихевиористом более тонкого рода. Зачем стесняться это признавать? Те же самые основания, которые ведут Витгенштейна к бихевиоризму в отношении боли, должны вести его к столь же изощрённому инструментализму в отношении электронов.

Не здесь оспаривать инструментализм относительно теоретических сущностей физики. Но я предложу одно соображение, а затем аналогичное — об ощущениях. Можем ли мы помыслить Вселенную, состоящую лишь из роя электронов, протонов, нейтронов и тому подобного, которые никогда не соединялись и не соединятся в макроскопические объекты? По-видимому, да. Пусть такое предположение противоречит некоторым космологическим теориям и, возможно, станет несовместимо с самой физикой, если физика и космология однажды сольются в единую теорию. Тогда электроны, протоны и так далее могли бы существовать без макроскопиче-

[13] См. превосходную статью: Helen Hervey. «The Private Language Problem», *Philosophical Quarterly*, 7 (1957), p. 63–79, особенно p. 67.

ских объектов[14]. Но среднего водопроводчика не могло бы быть без водопроводчиков, а наций — без их членов. Этим доводом я обязан Ч. Б. Мартину. Поэтому неясно, в каком смысле электроны и протоны можно считать грамматическими фикциями. Теперь по аналогии спросим: в каком смысле Витгенштейн мог бы признать грамматическими фикциями болевые переживания? Не очевидно, что здесь вообще есть ясный смысл.

Возьмём такой пример[15]. На некотором будущем уровне физиологической техники мы, возможно, сумеем поддерживать жизнь человеческого мозга *in vitro* (вне тела). Отвлечёмся от нравственной стороны опыта и предположим, что он проведён. Подходящими электродами, введёнными в соответствующие части мозга, мы вызываем у него иллюзии восприятия вещей, боль, ощущения движения несуществующими конечностями и так далее. Этот мозг мог бы даже мыслить словами: язык он мог выучить до помещения в условия *in vitro*, а посредством подходящих электродных сигналов можно было бы даже создать у него иллюзию обычного усвоения языка. Перед нами аналог Вселенной электронов без макроскопических объектов: здесь есть ментальные переживания, но нет поведения. Это наглядно показывает, что для психологии существенно происходящее в центральной нервной системе, а не на лице, в гортани или конечностях. Конечно, происходящее на лице, в гортани и конечностях даёт психологу наблюдательные данные для постулирования происходящего в центральной нервной системе. Если переживания постулируются по поведению, а не являются грамматическими фикциями, построенными из него, случай мозга *in vitro* объясним. Грамматическая фикция — нечто, не существующее сверх того, из чего она построена; а сущности, постулируемые гипотезой, могли бы существовать, даже если бы получить какие-либо свидетельства в их пользу было невозможно. Могли бы быть электроны без макроскопических тел и процессы в центральной нервной системе без присоединённого тела, а значит, и без телесного поведения. Разумеется, я не отрицаю, что для моз-

[14] Аналогичный аргумент на основе газообразной Вселенной использует B. A. O. Williams: «Mr. Strawson on Individuals», *Philosophy*, 36 (1961), p. 309–332; см. p. 321–322.

[15] Насколько я знаю, Д. М. Армстронг тоже использует этот пример для той же цели.

га *in vitro* у нас могли бы быть иные свидетельства, например электроэнцефалографические[16].

Верно, что Витгенштейн спорит с человеком, утверждающим, будто он знает, что такое боль, лишь по собственному случаю. Я так не утверждаю. По-моему, ощущения — постулируемые процессы в других людях, а также процессы, о сходстве и различии которых мы можем сообщать, когда они происходят в нас. Если нельзя заглянуть в коробку другого, не беда: когда жук в сравнении означает не боль, а электрон, вообще никто ни в какую коробку не заглядывает. У нас есть очень хорошие косвенные свидетельства, что все электроны похожи друг на друга и непохожи, скажем, на протоны.

Я предположил, что, вопреки собственным оговоркам, Витгенштейн всё же своего рода бихевиорист. Я предположил также, что такой бихевиоризм не более состоятелен, чем аналогичный инструментализм в отношении теоретических сущностей физики. И всё-таки философия сознания (mind) Витгенштейна, будь её можно принять, была бы очень привлекательна. Подобно защищаемому мною анализу, она совместима с материализмом: не навязывает ни эмерджентных свойств, ни нефизических сущностей. Но даже замаскированный, витгенштейновский бихевиоризм терпит неудачу: как я доказывал, он не объясняет первостепенной важности центральной нервной системы. Пример мозга *in vitro* показывает, что для боли существенно происходящее в мозге, а не в руках, ногах, гортани или рту. Кроме того, трудно принять, что так называемые «сообщения» о внутреннем опыте — всего лишь заместители поведения, как если бы сообщение о боли заменяло болевую гримасу. То, что обыденный язык вправе называть эти заместители поведения «сообщениями», мало смягчает парадоксальность теории.

Можно спросить, почему я требую, чтобы состоятельная философия сознания была совместима с материализмом в моём определении. Вот одна причина. Как в ходе эволюции животных могло бы внезапно возникнуть нефизическое свойство или сущность? Изменение гена — изменение сложной молекулы, вызывающее из-

---

[16] Г. Рейхенбах в *Experience and Prediction* (University of Chicago Press, 1938), одной из лучших защит физикализма, предлагает сходное понимание переживаний как постулируемых сущностей; см. §§ 19 и 26.

менение биохимии клетки. Оно может повлечь изменение формы или организации развивающегося эмбриона. Но какой химический процесс мог бы вызвать появление чего-то нефизического? Ни один фермент не способен катализировать производство призрака! Возможно, скажут: нефизическое возникает как побочный продукт — всякий раз, когда появляется определённая сложная физическая структура, несводимый внефизический закон создаёт и нефизическую сущность. Такие законы совершенно выходили бы за рамки обычных научных представлений и были бы совершенно необъяснимы — «номологические довески», по выражению Герберта Фейгла[17]. По меньшей мере, защитив материалистическую философию сознания, мы значительно упростим нашу космологическую картину.

Защищая материализм, я пытался показать, что материалистическое и при этом небихевиористское объяснение ощущений вполне согласуется с обыденным языком сообщений об ощущениях. Места хватило лишь на часть обычных аргументов против материализма. Например, я не рассмотрел аргумент от предполагаемой неисправимости (incorrigibility) сообщений о внутреннем опыте. В другом месте я доказывал, что, даже будь такая неисправимость фактом, дуалисту она создавала бы не меньшую трудность, чем материалисту[18].

И всё же обыденному языку свойственен и дуалистический оттенок: он отчасти закрепляет метафизику обыкновенного человека — дуализм тела и души. Поэтому мы не можем надеяться согласовать с материалистической метафизикой весь обыденный язык, даже если бы хотели. Иначе говоря, трудно решить, где провести границу между неметафизическим обыденным языком и метафизикой обыкновенного человека. Но попытка согласовать устойчивое ядро обыденного языка с материализмом, по-моему, стоит усилий. Во-первых, некоторые черты этого языка, вероятно, ещё очень долго останутся неизменными. Ведь восприятие макроскопических объектов во многом зависит от врождённых механизмов,

---

[17] См. его работу «The ‘Mental’ and the ‘Physical’», в: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, vol. 2 (1958), p. 370–497.

[18] См. мою заметку «Brain Processes and Incorrigibility», *Australasian Journal of Philosophy*, 40 (1962), p. 68–70.

а не от выработанных обучением. Возьмём, например, восприятие объектов как трёхмерных. Во-вторых, язык цвета, вероятно, будет нужен нам и впредь, сколь бы антропоцентричным он ни был. Цветовые классификации зависят от устройства человеческого зрения, и пока сохраняется наша нынешняя физиология, сохранится и язык цвета. Впрочем, с этими оговорками мне близка и мысль П. К. Фейерабенда: защищая материализм, мы обязаны доказывать его совместимость с обыденным языком не больше, чем, защищая общую теорию относительности, обязаны доказывать её совместимость с ньютоновской теорией[19]. Они действительно несовместимы: например, смещение перигелия Меркурия не согласуется с ньютоновской теорией, но следует из общей теории относительности. Поэтому, возможно, Фейерабенд прав, что научное понятие боли не обязано — и даже не должно — быть экстенсионально эквивалентным обыденному. Понятие планетной орбиты в общей теории относительности тоже не вполне совпадает по объёму с ньютоновским: орбита Меркурия подходит под первое, но не под второе. Так что, даже если бы несовместимость материализма с ядром обыденного языка была доказана, его, возможно, удалось бы защитить с позиций Фейерабенда. И всё же, как Дж. К. Гэлбрейт в *«Обществе изобилия»* предпочитает по возможности спорить с тем, что он называет «общепринятой мудростью», на её собственной почве, так и я считаю полезным встречаться с некоторыми друзьями-философами по возможности на их почве — в анализе обыденного языка. И весьма вероятно, что у обыденного языка восприятия и внутреннего опыта больше достоинств, чем у общепринятой мудрости прошлого поколения экономистов: мы не сталкиваемся со стремительно меняющейся Вселенной или физиологией человека, как экономист — со стремительно меняющимся человеческим окружением.

Джон Смарт

Университет Аделаиды

[19] А Уилфрид Селларс доказывает, что «научный образ» следует резко отделять от «манифестного образа»; вероятно, он сказал бы, что здесь я неправомерно переношу элементы манифестного образа в научный.

Дэвид Льюис

Аргумент в пользу теории тождества[*]

I. Введение

Теория психофизического тождества — это гипотеза, согласно которой каждое переживание (experience)[1] тождественно некоторому физическому состоянию[2] — не с необходимостью, а фактически. Точнее, некоторому нейрохимическому состоянию. Я утверждаю: если мы принимаем материалистическую рабочую гипотезу, что физические явления допускают только чисто физические объяснения, мы обязаны принять и теорию тождества. Это более сильное утверждение, чем то, которое делает большинство сторонников

---

[*] Статья впервые вышла в: Lewis D. K. An Argument for the Identity Theory // *The Journal of Philosophy*. 1966. Vol. 63, No. 1. P. 17–25. Позже Льюис внёс дополнительные примечания в: Lewis D. K. *Philosophical Papers. Volume 1*. Oxford: Oxford University Press, 1983. P. 99–107. Данный перевод печатается из последнего источника, то есть с дополнительными примечаниями Льюиса. — *Прим. пер.*

[1] Здесь переживания в общем случае следует понимать как универсалии (universals), а не как абстрактные партикулярии (abstract particulars). Меня интересует, например, боль — переживание, которое возникает у многих людей многократно; или боль определённого рода — переживание, которое по меньшей мере *могло бы* быть общим для разных людей в разное время. И то и другое — универсалии, способные многократно получать конкретное воплощение. Вторая универсалия уже первой, как багряный цвет определённого оттенка уже красного, но всё же это универсалия. Меня не интересует отдельная боль определённого человека в определённый момент — абстрактная сущность, которая сама не может повториться, а может лишь быть подобной, в лучшем случае совершенно подобной, другим отдельным болям у других людей или в другое время. Такие абстрактные партикулярии можно было бы отождествить с парами, состоящими из универсалии и одного её конкретного воплощения; либо оставить их неанализируемыми, элементарными сущими, как это делает Дональд К. Уильямс в «On the Elements of Being», *Review of Metaphysics* 7 (1953): 3–18 и 171–192. [Всё примечание, кроме первого предложения, добавлено в октябре 1969 года.]

[2] Состояния также в общем случае следует понимать как универсалии. Я не буду различать процессы, события, явления и состояния в строгом смысле слова.

этой теории: они говорят лишь, что мы вправе её принять и что её стоит принять ради той или иной экономии либо изящества. Мне нет нужды обосновывать теорию тождества соображениями экономии[3], поскольку, на мой взгляд, она может и должна опираться на более прочное основание.

Мой аргумент таков. Определяющая характеристика всякого переживания — или типа переживания — как такового есть его каузальная роль (causal role), совокупность его наиболее типичных причин и следствий. Но мы, материалисты, полагаем, что эти каузальные роли, принадлежащие переживаниям с аналитической необходимостью, фактически выполняются некоторыми физическими состояниями. Поскольку такие физические состояния обладают определяющими характеристиками переживаний, они и должны быть этими переживаниями.

Мой аргумент устроен так же, как другой аргумент, который едва ли вызовет у нас возражения. Возьмём цилиндрические кодовые замки для велосипедных цепей. Определяющая характеристика их отпертого состояния — каузальная роль этого состояния, совокупность его наиболее типичных причин и следствий: набор правильной комбинации обычно отпирает замок, а отпертый замок обычно открывается, если слегка потянуть за него. Это всё, что нам нужно знать, чтобы приписывать замку отпертое или запертое состояние. Однако мы можем узнать, что в действительности внутри замка находится ряд дисков с прорезями; набор комбинации обычно совмещает эти прорези, а при их совмещении замок обычно открывается, если слегка потянуть за него. Значит, совмещение прорезей выполняет ту каузальную роль, которую мы с аналитической необходимостью приписывали отпертому состоянию как его определяющую характеристику — для этих замков. Следовательно, совмещение прорезей тождественно отпертому состоянию этих замков. Это одно и то же состояние.

---

[3] Поэтому меня не затрагивает возражение Брандта, что теория тождества не имеет явного преимущества в экономии перед одной из разновидностей дуализма. «Doubts about the Identity Theory», в: *Dimensions of Mind*, Sidney Hook, ed. (New York: NYU Press, 1960), p. 57–67.

II. Что утверждает теория тождества

Нужно ясно понимать: теория тождества утверждает, что некоторые физические состояния суть переживания, доступные интроспекции процессы или виды деятельности, а не предполагаемые интенциональные объекты этих переживаний — то, *что* переживается. Если такие объекты действительно существуют отдельно от переживаний, объектами которых они являются, или хотя бы как их абстрактные части, то и они вполне могут быть чем-то физическим. Возможно, они тоже нейронные; возможно, это абстрактные составляющие достоверно воспринимаемого окружения; возможно, что-то ещё — или их вовсе нет. Но это уже другой вопрос. Поэтому я не утверждаю, будто, например, переживание видения красного само есть некое красное нейронное состояние.

Шеффер доказывал, что теория тождества невозможна: переживания, понимаемые как абстрактные партикулярии, с аналитической необходимостью не имеют пространственной локализации, тогда как нейронные события, также понимаемые как абстрактные партикулярии и будто бы являющиеся переживаниями, локализованы в той или иной части нервной системы субъекта[4]. Но я не вижу оснований считать, что принцип пространственной нелокализованности переживаний обладает аналитической или какой-либо иной необходимостью. Скорее это метафизический предрассудок, с которым мы не обязаны считаться. Если же в каком-то смысле аналитически истинно, что переживания не локализованы, этот смысл здесь несущественен. Быть может, в нашем дотеоретическом мышлении мы считаем локализованными в первичном смысле лишь конкретные сущности, а абстрактные — только в производном смысле, благодаря тому, что они присущи локализованным конкретным сущностям. Но этот возможный источник аналитической нелокализованности переживаний не годится для аргумента Шеффера. Ведь нейронные события — тоже абстрактные сущности. Какая бы нелокализованность ни принадлежала переживаниям потому, что они абстрактны, а не потому, что они ментальны,

[4] «Could Mental States Be Brain Processes?» *Journal of Philosophy* 58, no. 26 (Dec. 21, 1961): 813–822.

она в той же мере должна принадлежать и нейронным событиям. Поэтому различить их на этом основании нельзя.

Теория тождества говорит, что высказывания, приписывающие переживания (experience-ascriptions), имеют тот же референт, что и некоторые высказывания, приписывающие нейронные состояния: и те и другие отсылают к нейронным состояниям, которые являются переживаниями. Она не говорит, что у этих высказываний один и тот же смысл. Смысл у них разный: в первом случае мы указываем на состояние, задавая каузальную роль, которая принадлежит ему контингентно, в силу каузальных законов; во втором — подробно описывая само состояние. Поэтому из теории тождества не следует, что всё истинное о переживаниях как таковых истинно также о нейронных состояниях как таковых, или наоборот. Ведь истина о вещах какого-либо рода *как таковых* касается не одних лишь этих вещей: она касается их вместе со смыслом выражений, посредством которых мы указываем на них как на вещи данного рода[5]. Поэтому бессмысленно перечислять расхождения между тем, что истинно о переживаниях как таковых, и тем, что истинно о нейронных состояниях как таковых. Мы можем объяснить эти расхождения, не отрицая психофизического тождества и не признавая его тождеством какого-то неполноценного рода.

Нельзя отождествлять само переживание со свойством, которое мы приписываем человеку, говоря, что он испытывает это

[5] Здесь я, конечно, лишь применил к состояниям учение Фреге о смысле и референте. См.: «On Sense and Reference», в: *Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*, ed. by Peter Geach and Max Black (New York: Oxford University Press, 1960), p. 56–78.

переживание[6]. Первое — то самое состояние, которое выполняет определённую, определяющую его каузальную роль; второе — свойство *находиться в* том самом состоянии, которое выполняет эту каузальную роль. Это различие позволяет ответить на следующее возражение: поскольку высказывания, приписывающие переживания, и описания нейронных состояний, по общему признанию, никогда не синонимичны, а свойства тождественны тогда и только тогда, когда они приписываются синонимичными выражениями, переживания и нейронные состояния не могут быть тождественными свойствами. Возражение действительно устанавливает нетождественность, но не между переживаниями и нейронными состояниями. Было бы несправедливо упрекать теорию тождества в том, что для её защиты требуется такое подозрительно тонкое различие: аналогичное различие необходимо и в других случаях. Например, синий — это цвет моих носков. Но синий — не то свойство, которое приписывают вещам, говоря, что они того же цвета, что и мои носки: выражения «…синее» и «…того же цвета, что мои носки» не синонимичны.

---

[6] Здесь я намерен отрицать все тождества вида «*α* тождественно свойству иметь *α*», где *α* — имя переживания, которое можно определить как имя состояния, выполняющего заданную каузальную роль. Например, я отрицаю, что боль тождественна свойству испытывать боль. Согласно моей теории, «боль» — *контингентное* имя, то есть имя с разными денотатами в разных возможных мирах: в любом мире «боль» называет то состояние, которому в этом мире случается выполнять каузальную роль, определяющую боль. Если состояние *X* выполняет эту роль в мире *V*, а другое состояние *Y*, несовместимое с *X*, — в мире *W*, то «боль» называет *X* в *V* и *Y* в *W*. С другой стороны, выражение «свойство испытывать боль» я понимаю как *неконтингентное* имя состояния или свойства *Z*, которое в любом мире принадлежит тем вещам, которые в этом мире испытывают боль, то есть тем, которые обладают в этом мире состоянием, называемым в этом мире словом «боль». (Состояния я считаю свойствами особого рода: свойствами вещей в определённые моменты времени.) Таким образом, в *V* свойство *Z* принадлежит тем вещам, которые обладают *X* в *V*, а в *W* — тем, которые обладают *Y* в *W*; следовательно, *Z* не тождественно ни *X*, ни *Y*. Ричард Монтегю в «On the Nature of Certain Philosophical Entities», *Monist* 53 (1969): 172–173, возражает, что я как будто отрицаю логическую истину, частными случаями которой являются все тождества вида «*α* тождественно свойству иметь *α*», где *α* — *неконтингентное* имя состояния, которое, контингентно или необходимо, является переживанием. Я согласился бы, что такие тождества логически истинны. Но я отрицаю не их, поскольку утверждаю, что обычные имена переживаний — «боль» и тому подобные — суть *контингентные* имена состояний. [Это примечание добавлено в октябре 1969 года.]

III. Первая посылка: переживания определяются каузальными ролями

Первая из двух моих посылок, обосновывающих теорию тождества, — принцип, согласно которому определяющая характеристика всякого переживания как такового есть его каузальная роль. Определяющая каузальная роль переживания может быть выражена конечной[7] совокупностью условий, задающих его типичные причины и типичные следствия в различных обстоятельствах. Эти условия с аналитической необходимостью истинны о данном переживании и в совокупности отличают его от всех других.

Моя первая посылка развивает и обобщает теорию Смарта, согласно которой высказывания о собственных переживаниях, по существу, имеют вид «То, что происходит во мне, похоже на то, что происходит во мне, когда…», с последующим указанием типичных стимулов, вызывающих переживания, или типичных реакций на них[8]. Я хочу явно добавить следующее: при необходимости на месте многоточия может стоять сложное логическое сочетание высказываний; оно должно задавать типичные причины или следствия переживания, а не просто сопутствующие ему явления; к этим типичным причинам и следствиям могут относиться и другие переживания; наконец, формула применима не только к сообщениям о переживаниях от первого лица.

Это не материалистический принцип, и он не приписывает материализм всякому, кто говорит о переживаниях. Скорее он объясняет язык, общий для всех, кто считает переживания чем-то реальным и признаёт их действенность за пределами их собственной сферы. Он нейтрален по отношению к теориям — равно как и к отсутствию каких-либо теорий — о том, что представляют собой эти

---

[7] Можно без ущерба допустить и бесконечную совокупность условий, если она рекурсивна. Но я сомневаюсь, что это послабление необходимо.

[8] *Philosophy and Scientific Realism* (New York: Humanities Press, 1963), ch. 5. Смарт напрасно уступает, признавая, что его формула в действительности не переводит высказывания о собственных переживаниях. К этой уступке приводит неудачный пример: «Я испытываю боль» нельзя перевести как «То, что происходит во мне, похоже на то, что происходит, когда в меня втыкают булавку», поскольку понятие боли можно было бы ввести, не упоминая булавок. Однако это возражение не затрагивает перевод «То, что происходит во мне, похоже на то, что происходит, когда (то есть когда и потому что) повреждается моя кожа».

реальные и действенные переживания: нейронные состояния или нечто подобное, пульсации эктоплазмы или нечто подобное, либо просто переживания, и ничего больше. Однако он не нейтрален по отношению ко всем существующим теориям отношения ментального (mind) к телесному. Эпифеноменалистский и параллелистский дуализм исключаются как противоречивые, поскольку отрицают действенность переживаний. По той же причине исключается бихевиоризм, понимаемый как последовательный диспозиционный анализ всех ментальных состояний, включая переживания[9]: он отрицает реальность переживаний, а тем самым — и их действенность. Ведь чистая диспозиция — фиктивная сущность. Выражения, которые якобы обозначают диспозиции, лучше понимать как синкатегорематические — не имеющие самостоятельного значения — части высказываний о закономерностях, в которых, как мы говорим, проявляются диспозиции.

И всё же принцип, согласно которому переживания определяются своими каузальными ролями, сам восходит к бихевиоризму. Он наследует открытие бихевиористов: в якобы каузальных связях между переживанием, типичными обстоятельствами его возникновения и его проявлениями каким-то образом содержится компонент аналитической необходимости. Но мой принцип в нескольких отношениях улучшает первоначальную бихевиористскую форму этого открытия.

Во-первых, он позволяет считать переживания чем-то реальным — и потому следствиями обстоятельств, в которых они возникают, и причинами их проявлений, как и полагает здравый смысл.

Во-вторых, он позволяет включать другие переживания в число типичных причин и следствий, посредством которых определяется данное переживание. Такая возможность крайне важна: без неё мы не смогли бы, определяя переживания через их каузальные роли, отдать должное доступности интроспекции — столь существенной особенности всякого переживания. Ведь доступность переживания интроспекции состоит в его свойстве надёжно вызывать другие — последующие или одновременные — переживания, интенциональ-

---

[9] Любая теория сознания и тела совместима с диспозиционным анализом ментальных состояний, отличных от переживаний, или с так называемым «методологическим бихевиоризмом».

но направленные на него и позволяющие нам его осознавать. В общем случае бихевиоризм не даёт необходимой свободы взаимного определения переживаний. Он допускает такое взаимное определение, лишь если его в принципе можно устранить; а это возможно только тогда, когда переживания можно расположить в иерархии по порядку определения. Мы же можем допустить взаимное определение без такого ограничения. Можно ожидать, что мы получим семейства переживаний, определяемых друг через друга, но это не создаст для нас трудностей. Не будет оснований отождествлять что-либо с одним переживанием из такого семейства, не учитывая остальных, — но почему такие основания вообще должны быть? Если нечто выполняет определяющую каузальную роль переживания из подобного семейства, то лишь благодаря тому, что само принадлежит каузальному изоморфу этого семейства: системе состояний с тем же рисунком каузальных связей друг с другом и с теми же каузальными связями с состояниями вне семейства, то есть со стимулами и поведением. Изоморфизм гарантирует: если семейство *целиком* отождествить с его изоморфом, то переживания этого семейства будут выполнять свои определяющие каузальные роли. Тем самым изоморфизм требует от нас признать тождество всех переживаний семейства с соответствующими им состояниями в его каузальном изоморфе[10].

В-третьих, мы не обязаны определять переживание через причины и следствия всех без исключения его случаев — и только их. Можно ограничиться тем, чтобы отождествить переживание с состоянием, которое *обычно* вызывается такими-то причинами и *обычно* вызывает такие-то следствия, ничего не говоря о его причинах и следствиях в небольшом числе исключительных случаев. Определения через причины и следствия в типичных случаях достаточно, чтобы установить, что представляет собой переживание. А то, что у него есть и другие характеристики, помимо определяющей каузальной роли, придаёт смысл утверждениям о наличии пе-

---

[10] Патнэм рассматривает аналогичный случай применительно к машинам: семейство «логических», или «функциональных», состояний, определяемых их каузальными ролями и друг через друга, и каузально изоморфную систему «структурных» состояний, определяемых иначе. Он не отождествляет коррелирующие логические и структурные состояния. «Minds and Machines», в: *Dimensions of Mind*, p. 148–179.

реживания в некоторых исключительных случаях, когда отсутствуют его определяющие типичные причины и следствия, — и, равным образом, отрицанию переживания в некоторых случаях, когда эти причины и следствия налицо. Бихевиоризм не признаёт, что переживание — нечто отличное от определяющих его обстоятельств возникновения и проявлений. Поэтому он вынужден требовать, чтобы переживание определялось через них посредством строго необходимого и достаточного условия. Иначе бихевиорист располагает лишь частичной экспликацией переживания через критерии. А она всегда даёт лишь предположение о наличии или отсутствии переживания, сколько бы мы ни знали о поведении субъекта и о закономерностях, которые могут им управлять. Отказ от требования строго необходимого и достаточного условия можно только приветствовать. Каждый, кто пытался осуществить программу бихевиоризма, знает: обычно нетрудно найти условия, *почти* необходимые и достаточные для переживания. Вся работа — и вся сложность, из-за которой становится невероятным, чтобы найденные условия неявно знал каждый говорящий, — связана с попыткой охватить несколько исключительных случаев. Некоторые нетипичные случаи переживаний вообще невозможно охватить бихевиористски: например, случай совершенного актёра, который делает вид, что испытывает переживание, на самом деле его не испытывая; или случай полностью парализованного человека, неспособного проявить какое-либо из своих действительных переживаний. В обоих случаях предполагается, что притворство или паралич сохраняются до конца жизни субъекта, что бы ни случилось, в силу закономерностей, столь же строгих, как те, посредством которых бихевиорист пытается определять переживания.

Возможно, истолковывать всякое предполагаемое чисто диспозиционное состояние как состояние, определяемое каузальной ролью, — хорошая стратегия анализа. В целом её преимущества те же, что мы уже видели: состояние признаётся реальным и действенным; становится допустимым неограниченное взаимное определение этого состояния и других состояний того же рода;

становится понятно, как состояние иногда может возникать вопреки тому, что его определяющие проявления блокированы[11].

Я не берусь доказывать свой принцип, согласно которому определяющие характеристики переживаний как таковых суть их каузальные роли. Его можно было бы подтвердить, предъявив множество подходящих аналитических высказываний о том, что различные переживания обычно имеют такие-то причины и следствия. Многие такие высказывания уже собраны бихевиористами; я принимаю их, хотя несколько иначе объясняю их статус. Бихевиоризм пользуется широким признанием. Я готов ограничиться доводом, что мой принцип способен вместить то, что в бихевиоризме истинно, и избежать связанных с ним трудностей.

IV. Вторая посылка: объяснительная достаточность физики

Моя вторая посылка — правдоподобная гипотеза о существовании единой системы научных теорий того типа, какие мы принимаем сегодня, которые вместе дают истинное и исчерпывающее объяснение всех физических явлений, то есть всех явлений, описываемых в физических терминах. Эта система едина в том смысле, что теории в ней образуют последовательные уровни: теория, описывающая какое-либо явление, объясняется теориями, описывающими явления, из которых оно состоит, вместе с тем, как именно оно из них состоит. То же верно и для этих последних явлений — и так далее, вплоть до фундаментальных частиц или полей, подчиняющихся немногим простым законам, как это, более или менее успешно, предполагает современная теоретическая физика. Изложение гипотезы, согласно которой мы вправе надеяться найти такую единую физикалистскую систему научных теорий, и свидетельства её правдоподобия я заимствую у Оппенгейма и Патнэма[12].

---

[11] Куайн предлагает так трактовать те диспозиционные состояния, которые стоит сохранить, в *Word and Object* (Cambridge, Mass.: MIT Press, and New York: Wiley, 1960), p. 222–225: это «встроенные, устойчивые структурные черты» ("built-in, enduring structural traits").

[12] «Unity of Science as a Working Hypothesis», в: *Minnesota Studies in the Philosophy of Science* 2 (Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1958), Herbert Feigl, Michael Scriven, and Grover Maxwell, eds., p. 3–36.

Уверенность в объяснительной достаточности физики — существенная часть, хотя и не всё содержание, любого полноценного материализма. Это эмпирическое основание, на котором материализм возводит надстройку онтологических и космологических учений, в том числе теорию тождества. Кроме того, это традиционная и определяющая рабочая гипотеза естествознания: всё, что современные учёные говорят против неё, — либо пораженчество, либо философия. Я доказываю, что всякий, кто разделяет эту уверенность, обязан принять теорию тождества.

Моя вторая посылка не исключает существования нефизических явлений; сама по себе она не является онтологическим тезисом. Она отрицает только то, что нам когда-либо понадобится объяснять физические явления через нефизические. Физические явления либо допускают физическое объяснение, либо совершенно необъяснимы в той мере, в какой зависят от случайности, — причём и сама эта зависимость допускает физическое объяснение, — либо представляют собой исходные факты, допустимые с методологической точки зрения. С ними могут сосуществовать какие угодно нефизические явления, даже в том же пространстве-времени, при единственном условии: эти нефизические явления совершенно недейственны по отношению к физическим. Они могут вообще не быть связаны с физическими явлениями; могут быть каузально независимыми, но по какой-то причине безупречно коррелировать с некоторыми физическими явлениями, — таковы переживания согласно параллелизму; могут быть эпифеноменами, вызываемыми некоторыми физическими явлениями, но сами не вызывающими ни одного из них, — таковы переживания согласно эпифеноменализму. Если это эпифеномены, они могут даже безупречно коррелировать с некоторыми физическими явлениями в силу каузального закона.

V. Вывод аргумента

Но ни одно из этих допустимых нефизических явлений не может быть переживанием. Ведь все они должны быть совершенно недейственными по отношению ко всем физическим явлениям. Между тем все поведенческие проявления переживаний суть физиче-

ские явления или включают их и потому не могут быть следствиями чего-либо недейственного по отношению к физическим явлениям. Согласно первой посылке, поведенческие проявления относятся к типичным следствиям, определяющим всякое переживание. Значит, ничто не может быть переживанием, если оно недейственно по отношению к физическим явлениям. А значит, ничто не может быть переживанием, если оно — нефизическое явление того рода, который допускается второй посылкой. Из двух посылок следует, что переживания суть те или иные физические явления.

И едва ли можно сомневаться в том, какие именно это физические явления. Мы ещё далеки от того, чтобы положительно установить, что нейронные состояния выполняют определяющие каузальные роли переживаний. Но нам неизвестны никакие другие физические явления, которые, в согласии с тем, что мы знаем, могли бы их выполнять. Поэтому, если наша уверенность в физическом объяснении исключает нефизические явления, остаются только нейронные состояния. Если бы удалось показать, что нейронные состояния не выполняют нужных каузальных ролей, нам было бы нелегко спасти уже сам материализм.

Может показаться, что одна из версий эпифеноменализма избегает моего аргумента. Пусть переживания — нефизические эпифеномены, в точности коррелирующие, согласно каузальному закону, с некоторыми одновременными физическими состояниями, которые сами допускают лишь физическое объяснение, если вообще допускают какое-либо. Утверждается, что закон корреляции делает переживания и их физические корреляты каузально эквивалентными. Стало быть, нефизические переживания всё-таки имеют свои определяющие физические следствия, хотя для объяснения этих следствий переживания не нужны. Поэтому вторая посылка не нарушается: нефизические переживания лишь сверхдетерминируют следствия своих физических коррелятов. Мой ответ таков. В лучшем случае эта позиция даёт нам нефизические переживания рядом с физическими, дублируя их, — а её сторонники имеют в виду совсем не это. Кроме того, неверно, будто физическое состояние и его эпифеноменальный коррелят каузально эквивалентны. Эта позиция использует изъян стандартной регулярностной теории причинности. Мы и по другим основаниям знаем: теорию необхо-

димо исправить так, чтобы она различала подлинные причины и мнимые причины — их эпифеноменальные корреляты. Лампочка с надписью «питание включено» не заставляет двигатель работать, даже если она безупречно и закономерно коррелирует с электрическим током, который действительно приводит двигатель в движение. После надлежащего исправления нефизический коррелят лишится своей мнимой каузальной роли и тем самым утратит статус переживания. Так что эта версия эпифеноменализма не служит контрпримером.

Дуализм обыкновенного человека утверждает, что переживания — нефизические явления, вызывающие привычную совокупность как физических, так и нефизических следствий. Это достойный противник: он готов подвергнуть себя эмпирическому опровержению и со временем станет неправдоподобным благодаря дальнейшему развитию физикалистского объяснения. Я стремился не дать дуализму найти надёжную запасную позицию в учении о том, что переживания нефизичны и физически недейственны. Верно, что существование таких явлений не может быть опровергнуто никакими научными теориями и данными, сколько бы их ни было. Беда в другом: эти явления не могут быть тем, что мы называем переживаниями. Они могут быть лишь нефизическими эпифеноменами или коррелятами физических состояний, которые и являются переживаниями. Если они не сами переживания, то не смогут выручить дуализм, когда тот окажется в затруднении. А если не смогут, то ни у кого не будет причин в них верить. Такие вещи, возможно, существуют — но никакой роли они не играют.

Дэвид Льюис

Редукция ментального[*]

Я реалист и редуктивный материалист в отношении ментального (mind). Я считаю, что ментальные состояния контингентно тождественны физическим — в частности, нейронным — состояниям. Моя позиция очень близка к «австралийскому материализму» Плейса, Смарта и особенно Армстронга. Как и Смарт с Армстронгом, я бывший последователь Райла и отчасти сохраняю его наследие. А вот «функционалист» ли я — не знаю: слишком уж спорно само это слово.

Супервентность и анализ

Мой редукционизм в отношении ментального начинается как часть *априорного* редукционизма в отношении всего. Этот мир, как и любой возможный мир, состоит из вещей, которые инстанцируют фундаментальные свойства, а попарно, по трое и так далее — фундаментальные отношения. Фундаментальных свойств немного. Например, свойство быть клубом, кадкой или пабом — искусственная мешанина, условие, которому самые разные вещи удовлетворяют самыми разными способами. Фундаментальное, или «совершенно естественное», свойство — его полная противоположность. Его экземпляры в точности разделяют некоторую сторону своей внутренней природы. То же относится и к отношениям[1]. Я принимаю как *априорный* принцип, что истинность всякого кон-

---

[*] Статья впервые опубликована: Lewis D. K. Reduction of Mind // Guttenplan S., ed. *A Companion to the Philosophy of Mind*. Oxford: Blackwell, 1994. P. 412–431. — *Прим. пер.*

[1] См.: David Lewis. «New Work for a Theory of Universals», *Australasian Journal of Philosophy*, 61 (1983), p. 343–377; David Lewis. *On the Plurality of Worlds* (Blackwell, 1986), p. 59–69.

тингентного суждения должна каким-то образом обеспечиваться структурой совместного инстанцирования (coinstantiation) фундаментальных свойств и отношений. Вся истина о мире, включая его ментальную часть, супервентна на этой структуре. Если бы два возможных мира были в точности изоморфны по структуре совместного инстанцирования фундаментальных свойств и отношений, они тем самым были бы совершенно одинаковы *вообще*[2].

Одна из задач физики — составить перечень всех фундаментальных свойств и отношений, встречающихся в мире. Ведь другая её задача — открыть фундаментальные законы природы, а в них могут входить лишь фундаментальные свойства и отношения[3]. *Априорной* гарантии у нас нет, но мы вправе полагать, что современная физика уже значительно продвинулась к полному и правильному перечню. Не стоит забывать, насколько хорошо изучена физическая природа обычной материи в обычных условиях[4]. И мы вправе надеяться, что будущая физика завершит эту работу в том же характерном для неё духе. Например, можно считать массу и заряд фундаментальными свойствами, а ещё не открытые фундаментальные свойства — такими же свойствами очень малых вещей, образующих очень большие классы точных дубликатов. Можно также считать, что одни и те же фундаментальные свойства и отношения, подчиняющиеся одним и тем же законам, встречаются и в живой, и в неживой части мира, и там, где есть ощущения, и там, где их нет, и у умных, и у глупых. Словом, если оптимистически продолжить линию прежних успехов физики, можно предварительно принять, что все действительно встречающиеся фундаментальные свойства и отношения физические. Это и есть тезис материализма.

Такое название он получил, когда лучшей физикой была физика одной лишь материи. Теперь наша лучшая физика признаёт и других носителей фундаментальных свойств: части пронизывающих мир полей, части каузально активного пространства-времени.

---

[2] См.: David Lewis. «Critical Notice of D. M. Armstrong, *A Combinatorial Theory of Possibility*», *Australasian Journal of Philosophy*, 70 (1992), p. 211–224.

[3] Lewis. «New Work for a Theory of Universals», p. 365–370.

[4] Gerald Feinberg. «Physics and the Thales Problem», *Journal of Philosophy*, 63 (1966), p. 5–17. [Выходные данные уточнены: в источнике ошибочно указаны т. 66 и с. 5–13. — *Прим. пер.*]

Но менять из-за этого название и отказываться от наших интеллектуальных предков было бы педантизмом. Или, что ещё хуже, дешёвым рекламным трюком — вроде распоряжения British Rail впредь называть пассажиров второго класса «клиентами стандартного класса».

Если материализм истинен, как я и полагаю, то *априорная* супервентность всего на структуре совместного инстанцирования *фундаментальных* свойств и отношений даёт *апостериорную* супервентность всего на структуре совместного инстанцирования фундаментальных *физических* свойств и отношений. Материалистическая супервентность должна быть контингентной. Чтобы это обеспечить, добавим ограничение, отсылающее к действительности: если два мира физически изоморфны и ни в одном из них нет фундаментальных свойств или отношений, чуждых действительному миру, то эти миры совершенно одинаковы *вообще*. Если отвлечься от миров с чуждыми нам свойствами и отношениями, вся истина супервентна на физической истине. В частности, супервентна вся истина о ментальном. Перед нами, таким образом, общее ядро всех материалистических теорий сознания[5].

Материалист, остановившийся на этом, уже сказал достаточно, чтобы подвергнуться серьёзной атаке. Особенно чётко её формулирует Фрэнк Джексон[6]. Мэри заперта в комнате, где всё, что она видит, чёрное или белое. Она изучает физику цвета, цветового зрения и цветовых переживаний — и любую другую физику, какую вы сочтёте существенной, — пока не узнает её всю. Затем Мэри впервые сама видит цвет и наконец узнаёт, каково это — видеть цвет. Что за знание она приобрела? Может показаться, что она исключила некоторые возможности, которые оставались открытыми при всех её прежних знаниях: отличила действительный мир от других возможных миров, в точности совпадающих с ним во всех существенных физических отношениях. Но если материалистическая супервентность истинна, произошло не это.

Материалисты по-разному объясняют, что происходит в таких случаях. Я сам, вслед за Немироу, считаю это случаем знания-уме-

---

[5] Lewis. «New Work for a Theory of Universals», p. 361–365.

[6] Frank Jackson. «Epiphenomenal Qualia», *Philosophical Quarterly*, 32 (1982), p. 127–136.

ния: Мэри приобретает новые способности воображения[7]. Другие говорят, что она вступает в новые отношения знакомства, приобретает новые средства ментальной репрезентации или просто впервые видит цвет. Эти предположения не обязательно исключают друг друга. Много чернил потрачено и на вопрос, можно ли в каком-то смысле назвать эти перемены приобретением «нового знания», «нового убеждения» или «новой информации». Но для материалиста главное не то, что происходит, а то, чего *не происходит*: Мэри не отличает действительный мир от других миров, которые являются его физическими дубликатами, но не дубликатами *вообще*.

Представим сетку из миллиона крошечных точек — пикселей, — каждую из которых можно сделать светлой или тёмной. Светлые и тёмные точки образуют картину со множеством интересных внутренних гештальт-свойств. Здесь так и напрашиваются редукционистские замечания. Да, картина действительно существует. Да, она действительно обладает этими гештальт-свойствами. Однако и картина, и её свойства сводятся к расположению светлых и тёмных пикселей. Они не представляют собой ничего сверх пикселей. Они не добавляют ни одной истины к тем, чья истинность уже обеспечивается пикселями. В перечне всего существующего их можно было бы не упоминать, и от этого перечень не стал бы неполным. И так далее.

По-моему, всё это очевидно верно. Картина сводится к пикселям. И причина в том, что она супервентна на пикселях: различие в картине или её свойствах невозможно без различия в расположении светлых и тёмных пикселей. Более того, эта супервентность асимметрична: не всякое различие в пикселях сказывается на гештальт-свойствах картины. И это супервентность большого на малом и многом. В таком случае, утверждаю я, супервентность и есть редукция. Материалистическая супервентность ментального и всего остального на расположении атомов в пустоте — или того, что займёт их место в истинной физике, — ещё один такой случай.

---

[7] Laurence Nemirow. «Physicalism and the Cognitive Role of Acquaintance»; David Lewis. «What Experience Teaches». Обе работы в: W. G. Lycan, ed. *Mind and Cognition: A Reader* (Blackwell, 1990).

И всё же тысячи людей говорят, будто преимущество формулировки материализма через супервентность состоит именно в том, что она позволяет избежать редукционизма! Не стоит надеяться решить этот спор ссылкой на какое-нибудь бесспорное определение «редукционизма». Сам термин спорен, и некоторые участники спора стремятся лишь к тому, чтобы, какую бы позицию они ни занимали, «редукционизмом» называлось что-нибудь другое.

Во всяком случае, материалистическая супервентность означает: для всего ментального существуют физические условия, достаточные для его наличия, и физические условия, достаточные для его отсутствия. В эти условия войдут утверждения о полноте некоторых перечней: например, что у электрона только такие-то квантовые числа и что он реагирует только на такие-то силы. Но такое условие справедливо назвать «физическим», ведь оно отвечает на вопрос того рода, которым физика действительно занимается. И как бы ни был устроен мир, если в нём нет фундаментальных свойств или отношений, чуждых действительному миру, одно из этих двух условий выполнится. Пока ничто не мешает предположить, что условия, связанные с данным ментальным феноменом, могут быть сложными и разнородными — даже бесконечно сложными и разнородными. Но если нас интересует лишь то, как этому ментальному феномену найти место в мире фундаментальной физики, степень сложности и разнородности условий несущественна.

Может показаться неудовлетворительным, что физические условия всегда определяют наличие или отсутствие ментального феномена. Ведь иногда вопрос может быть расплывчатым и не иметь определённого ответа. Краткий ответ на это возражение от расплывчатости таков: если бы оно показывало, что ментальное, несмотря на супервентность, несводимо к фундаментальной физике, оно точно так же показывало бы несводимость кипения — что нелепо. Ведь граница между слабым побулькиванием и кипением тоже расплывчата.

Более развёрнутый ответ состоит из трёх частей. (1) Если физическое определяет ментальное настолько, насколько его вообще что-либо определяет, материалистическая супервентность сохраняется. Совершенное ментальное сходство двух физически изоморфных миров означает, в частности, что любой ментальной не-

определённости в одном из них в точности соответствует такая же неопределённость в другом. (2) Если неясно, применима ли некоторая упрощённая ментальная классификация, будет вполне определённо применима другая, более тонкая. Определённым может быть не то, любите вы его или не любите, а то, что вы находитесь в некотором неоднозначном состоянии духа, не поддающемся простому описанию. (3) Если всякая неопределённость возникает лишь потому, что мы не определились со значением слов (semantic indecision)[8], то в самих вещах никакой неопределённости нет. Как мы могли бы вызвать к существованию нечто несводимо ментальное одним лишь тем, что не решили, на какой именно сводимый феномен указываем?

Может показаться, что, когда супервентность гарантирует физические условия, достаточные для наличия или отсутствия данного ментального феномена, это достаточность не того рода, какой нужен. Следование необходимо, но не *априорно*. Например, можно захотеть сказать, что Мэри из чёрно-белой комнаты действительно приобрела новое знание, впервые увидев цвет. Хотя узнанное ею необходимо следовало из всей прежде известной ей физики, она оставалась в неведении, поскольку оно не следовало *априорно*.

Краткий ответ на это возражение от необходимости *апостериори* таков: если бы оно показывало несводимость ментального к фундаментальной физике, то точно так же показывало бы несводимость кипения — что нелепо. Ведь тождество кипения с определённым процессом, описанным в терминах фундаментальной физики, необходимо *апостериори*, если вообще что-нибудь таково.

Более развёрнутый ответ, вслед за Джексоном, опирается на «двумерный» анализ необходимости *апостериори*[9]. Двумерный подход отрицает существование необходимых *апостериорных* пропозиций. Однако одно предложение φ может двумя разными способами соотноситься с двумя разными пропозициями: необхо-

---

[8] Lewis. *On the Plurality of Worlds*, p. 212–213.

[9] Frank Jackson. «Armchair Metaphysics», в: J. O'Leary Hawthorne, M. Michael, eds. *Philosophy in Mind* (Kluwer, 1994); Robert Stalnaker. «Assertion», *Syntax and Semantics*, 9 (1978), p. 315–332; M. K. Davies, I. L. Humberstone. «Two Notions of Necessity», *Philosophical Studies*, 38 (1980), p. 1–30; Pavel Tichý. «Kripke on Necessity *A Posteriori*», *Philosophical Studies*, 43 (1983), p. 225–241.

димой и контингентной, причём последнюю можно знать только *апостериори*. Допустим, мы принимаем такое понимание значения, при котором наши языковые конвенции иногда фиксируют значения лишь как функцию контингентных фактов. Например, значение слова «кипит» ставится в зависимость от того, какое физическое явление окажется носителем роли кипения. Тогда, истолковав предложение φ в соответствии со значениями его слов, установленными в мире W_1, мы получим пропозицию H_1; в соответствии со значениями, установленными в W_2, — H_2, и так далее. Назовём их пропозициями, *горизонтально выражаемыми* предложением φ в различных мирах; пусть H — пропозиция, горизонтально выражаемая им в действительном мире. Пропозиция, *диагонально выражаемая* предложением φ, — это пропозиция D, истинная в любом мире W тогда и только тогда, когда пропозиция, горизонтально выражаемая предложением φ в W, истинна в W. Поэтому, зная D, мы знаем, что φ горизонтально выражает какую-то истину, но можем не знать какую. Предложение φ необходимо *апостериори* тогда и только тогда, когда H необходимо, а D познаваемо лишь *апостериори*. Аналогично: пропозиция P *с необходимостью влечёт*, что φ, тогда и только тогда, когда P влечёт H; но P *априорно влечёт*, что φ, тогда и только тогда, когда P влечёт D. Нас беспокоило, что, если φ говорит о ментальном, а истинность посылки P обеспечивается фундаментальной физикой, P может влечь, что φ, необходимо, но не *априорно*. Но если дело в этом и вы считаете это существенным, возьмите другую пропозицию Q: пусть она истинна в точности в тех мирах, где φ горизонтально выражает ту же пропозицию H, что и в действительности. Q истинна. Поскольку всё материалистически супервентно, истинность Q, как и P, обеспечивается фундаментальной физикой. Вместе P и Q *априорно* влекут, что φ. Тем самым разрыв между физическими посылками и ментальным выводом закрыт. Тот, кто хочет открыть его вновь — например, чтобы согласовать материалистическую супервентность с предполагаемым неведением Мэри, — должен каким-то образом показать несостоятельность двумерного анализа необходимости *апостериори*.

Если нас интересует лишь то, как ментальное находит место в мире физики, работа закончена: материалистическая супервентность даёт полный ответ. Но стоит немного расширить круг интересов, и мы увидим, что среди супервентных черт мира ментальное должно быть чем-то весьма необычным. Таких черт бесчисленно много. В нашем игрушечном примере с картиной и пикселями число супервентных свойств равно двум в степени «два в миллионной степени». При материалистической супервентности оно будет намного больше. Даже бесконечное кардинальное число беттри — скромная оценка. Подавляющее большинство супервентных черт мира задаётся лишь бесконечно разнородными дизъюнкциями бесконечно сложных физических условий. Поэтому мы не в силах обнаруживать эти черты, давать им имена или мыслить о каждой из них по отдельности. Но ментальные черты мира нам вполне доступны. Конечные скопления частиц — мы сами — способны их отслеживать. Значит, в них должна быть какая-то простота. Быть может, тонкая, заметная лишь при правильно выбранном взгляде. Вспомните множество Мандельброта: ошеломляющая сложность — и короткий, простой рецепт. Но как-то эта простота должна присутствовать. Выявить её — задача понятийного анализа.

Законодатели мод объявляют анализ устаревшим. Но без него я не вижу способа установить, заслуживает ли какая-либо черта мира названия из нашего традиционного ментального словаря. Отказаться следует не от самого анализа, а лишь от некоторых упрощённых целей, которые ему ставят. Нужно учитывать неопределённость значения: всякий интересный предмет анализа, скорее всего, окажется расплывчатым и неоднозначным. Нередко конкретный анализ может лишь выбрать один из допустимых вариантов значения, оставаясь в пределах этой неопределённости. Нужно также допустить семантический принцип «достаточно хорошо» (satisficing): анализ может показать, что требуется для идеального соответствия имени, но неидеальные носители могут соответствовать ему достаточно хорошо. Иногда идеальный случай вообще невозможен. Тогда вопрос о том, насколько точное соответствие имени можно считать достаточным, неизбежно останется неопределённым.

Я предлагаю не готовые анализы, а рецепт их получения. Мы все многое знаем о том, как устроена наша ментальная жизнь. Будем рассматривать его как теорию — народную психологию (folk psychology). Это наше общее знание, но оно неявно, как и знание грамматики. Мы умеем отличать отдельные предсказания и объяснения, согласующиеся с её принципами, но не умеем систематически излагать сами принципы[10]. Народная психология — мощный инструмент предсказания. Мы способны вести себя самыми разными способами, которые показались бы странными и непонятными; и именно такое поведение народная психология правильно предсказывает как редкое. Правда, особенно нас занимают вопросы за пределами её предсказательных возможностей — отчего неблагодарные критики и могут с некоторым основанием жаловаться на отсутствие *интересных* предсказаний! Народная психология складывалась тысячелетиями внимательного наблюдения друг за другом. Это не последнее слово в психологии, но в пределах её возможностей — а они велики — мы вправе считать её в основном правильной.

Народная психология касается каузальных отношений между ментальными состояниями, стимулами восприятия и поведенческими реакциями. Она говорит, как ментальные состояния, по отдельности или в сочетании, способны вызывать поведение и как они склонны меняться под воздействием стимулов восприятия и других ментальных состояний. Тем самым она связывает с каждым ментальным состоянием типичную каузальную роль. Вот и рецепт анализа. Допустим, нам удалось выявить все неявно известные общие принципы народной психологии. Если *M* — имя ментального состояния в народной психологии, народная психология утверждает, что состояние *M* обычно выполняет определённую каузальную роль; назовём её *M*-ролью. Тогда мы анализируем *M* как «состояние, обычно выполняющее *M*-роль». Народная психология неявно определяет термин *M*; нам остаётся сделать это определение явным.

---

[10] Вопреки David Lewis. «Psychophysical and Theoretical Identifications», *Australasian Journal of Philosophy*, 50 (1972), p. 249–258, выявление общих принципов народной психологии — не просто собирание банальностей.

Поскольку каузальные роли ментальных состояний включают другие ментальные состояния, можно опасаться круга в определении. Средство от него в главном предложил ещё Рамсей[11]. Допустим, например, что в народной психологии есть лишь три имени ментальных состояний: *L*, *M*, *N*. Свяжем с этой тройкой имён сложную каузальную роль для тройки состояний, включающую и каузальные отношения внутри тройки; назовём её *LMN*-ролью. Народная психология утверждает, что состояния *L*, *M*, *N* совместно выполняют *LMN*-роль. Отсюда следует, что *M* выполняет производную роль: быть вторым в тройке состояний, совместно выполняющих *LMN*-роль. Приняв её за нашу *M*-роль, продолжим, как раньше. Скажем, что имена *L*, *M*, *N определяются друг через друга*. Определение всех трёх через *LMN*-роль даётся единым пакетом.

Круга можно опасаться и по другой причине. Каузальные роли ментальных состояний включают реакции на стимулы восприятия. Но существенная черта стимула часто представляет собой вторичное качество — например, цвет. Заменить вторичное качество описанием стимула в чисто физических терминах нельзя: мы вышли бы за пределы знаний народной психологии. Если же анализировать вторичное качество через характерные ментальные состояния, которые оно склонно вызывать, круг замкнётся. Значит, взаимное определение нужно продолжить. Включим в народную психологию народную психофизику (folk psychophysics). Она утверждает, например, что пара из определённого цвета и соответствующего ощущения совместно выполняет сложную каузальную роль, лишь отчасти состоящую в том, что первый склонен вызывать второе. Теперь у нас есть производная роль для имени цвета и другая — для имени ощущения: соответственно, быть первым или вторым членом пары, совместно выполняющей эту сложную роль.

Сходная трудность возникает и с поведением, которое способны вызывать ментальные состояния. Нередко, описывая поведение

---

[11] F. P. Ramsey. «Theories», в: Ramsey. *The Foundations of Mathematics* (Routledge & Kegan Paul, 1931), p. 212–236; Rudolf Carnap. «Replies and Expositions», в: P. A. Schilpp, ed. *The Philosophy of Rudolf Carnap* (Cambridge University Press, 1963), p. 958–966. См. также: David Lewis. «How to Define Theoretical Terms», *Journal of Philosophy*, 67 (1970), p. 427–446; перепечатано в: Lewis. *Philosophical Papers*, vol. 1 (Oxford University Press, 1983); Lewis. «Psychophysical and Theoretical Identifications».

как действие, мы тем самым уже предполагаем определённые ментальные состояния. Сказать, что вы ударом ноги передали мяч товарищу по команде, — значит описать ваше поведение. Но такое описание многое предполагает о том, как, согласно вашим убеждениям, это поведение должно было послужить вашим желаниям; предполагает наличие мяча, игровой площадки и другого игрока, а также социальных фактов, объединяющих игроков в команды. Снова угроза круга? Снова нужно взаимное определение? Не знаю, как могло бы работать такое дальнейшее взаимное определение; да и стоит вовремя остановиться, пока народная психология не разрослась в обыденную теорию всего *жизненного мира*!

Описание поведения в чисто физических терминах — угол колена, скорость стопы — устранило бы эти предпосылки. Но, как и в случае стимулов, оно вышло бы за пределы знаний народной психологии. Кроме того, такие описания никогда не подошли бы к поведению негуманоидных инопланетян; а мы не должны с порога отвергать предположение, что народная психология применима и к ним, и к нам.

К счастью, есть третий способ описать поведение. Когда вы ударили по мячу, ваше тело двигалось так, что, *если бы* вы находились на ровной поверхности при обычной земной силе тяжести, перед вами в нужном месте был бы мяч, а поодаль в нужном месте — товарищ по команде, *то* удар ноги по мячу направил бы его по траектории в пределах досягаемости товарища. Такое описание доступно обыденному пониманию. Люди не дадут его сами собой, но способны признать правильным. Оно ничего не предполагает о ваших ментальных состояниях — даже о том, есть ли они у вас; ничего — о действительном наличии мяча, поля, силы тяжести и товарища; ничего — о вашей гуманоидной форме, кроме наличия какой-то ноги. С таким же успехом оно могло бы описывать поведение бездумного механизма в облике инопланетянина с ногой, который дёргается в свободном падении. Я не предлагаю на деле пользоваться этими описаниями поведения в форме «если — то». Смысл в другом: сама их доступность показывает, как снять предпосылки с наших обычных описаний.

Если *M* означает «состояние, обычно выполняющее *M*-роль», а роль выполняется лишь несовершенно, что делать? Тогда надо до-

вольствоваться достаточно хорошим соответствием: пусть имя *M* достанется состоянию, которое соответствует ему не вполне. А если ничто даже приблизительно не выполняет *M*-роль? Тогда у имени *M* нет референта. Граница между этими случаями расплывчата. Возьмём пример из другой теории, вводящей термины: я полагаю неопределённым, указывает ли «дефлогистированный воздух» на кислород или ни на что. Но, несмотря на устрашающие рассказы об обратном, народная психология находится в гораздо лучшем положении, чем теория флогистона. Можно спокойно признать, что ничто не соответствует именам народной психологии идеально; но не стоит сомневаться в существовании состояний, соответствующих им достаточно хорошо.

Что делать, если *M*-роль или *LMN*-роль оказывается выполнена двумя разными состояниями или тройками? Раньше я считал, что и в таком случае у имени *M* нет референта[12]. Теперь я думаю, что иногда, а быть может и всегда, лучше признать референциальную неоднозначность имени. В этом я следую Филду; такой подход совместим с трактовкой Карнапа, хотя из неё и не следует[13]. Заметьте: перед тем же выбором мы стоим с выражениями вроде «луна Марса»; и здесь я теперь склонен признать скорее неоднозначность референции, чем её отсутствие.

Мой рецепт анализа, как и аналитический бихевиоризм Райла, предполагает аналитические истины, ограничивающие каузальные отношения ментальных состояний к поведению. Разумеется, необходимых связей между раздельными существованиями у нас нет: необходимость здесь словесная. Само состояние могло бы не выполнять своей каузальной роли, но тогда оно не соответствовало бы своему ментальному имени. Однако ограничения достаточно слабы, чтобы быть правдоподобными. Состояние, обычно выполняющее роль, не обязано выполнять её неизменно; кроме того, состояние может достаточно хорошо соответствовать имени благодаря роли, выполняемой несовершенно. Поэтому обычные кошмары бихевиориста нам не страшны. У нас найдётся место убеждённому

---

[12] David Lewis. «How to Define Theoretical Terms»; «Psychophysical and Theoretical Identifications».

[13] Hartry Field. «Theory Change and the Indeterminacy of Reference», *Journal of Philosophy*, 70 (1973), p. 462–481; Carnap. *Loc. cit.*

обманщику, готовому при любых обстоятельствах вести себя так, словно его ментальные состояния не те, каковы они на деле. Найдётся место человеку с полным и неизлечимым параличом, богатой ментальной жизнью и вообще без поведенческих диспозиций. Найдётся место даже безумцу, у которого каузальные связи ментальных состояний с поведением, стимулами и друг с другом совершенно разлажены[14]. И всё же допустимо не всё. В какой-то момент — а где именно, зависит от неопределённости значения — странные рассказы о ментальных состояниях, систематически нарушающих принципы народной психологии, теряют смысл: в какой-то момент эти состояния утрачивают всякое право на свои имена народной психологии. В этом отношении аналитический бихевиоризм был прав. Процитирую своего ближайшего союзника в этих вопросах: «…внешнее физическое поведение и склонности к поведению каким-то образом входят в наше обычное понятие ментального. Какой бы ни была истинная теория сознания, ей предстоит вернуть долг бихевиоризму и заключить с ним мир»[15].

Описывая ментальное состояние *M* как носитель *M*-роли, мы даём то, что Смарт называет предметно-нейтральным описанием (topic-neutral description)[16]. Оно ничего не говорит о том, какого рода состояние выполняет эту роль. Оно может быть нефизическим или физическим; а если физическим — состоянием нейронной активности мозга, рисунком токов и зарядов в кремниевом чипе или дребезгом огромной конструкции из пивных банок. Какое состояние выполняет *M*-роль и тем самым соответствует имени *M* — вопрос *апостериорный*. Но если материалистическая супервентность истинна и всякая черта мира супервентна на фундаментальной физике, носитель роли — то или иное физическое состояние: иных состояний попросту нет. Наших знаний достаточно, чтобы исключить чип и банки и поддержать гипотезу, что роль выполняет некоторый рисунок нейронной активности. Узнав больше,

---

[14] David Lewis. «Mad Pain and Martian Pain», в: N. Block, ed. *Readings in Philosophy of Psychology*, vol. 1 (Harvard University Press, 1980); перепечатано с послесловием в: Lewis. *Philosophical Papers*, vol. 1 (Oxford University Press, 1983).

[15] D. M. Armstrong. *A Materialist Theory of Mind* (Routledge & Kegan Paul, 1968), p. 68.

[16] J. J. C. Smart. «Sensations and Brain Processes», *Philosophical Review*, 68 (1959), p. 141–156.

мы узнаем, какой именно. Тогда у нас будут посылки аргумента в пользу психофизического отождествления[17]:

ментальное состояние M = носитель M-роли (по результатам анализа),

физическое состояние P = носитель M-роли (по данным науки),

следовательно, $M = P$.

Вот как понятийный анализ способен выявить простую — или, во всяком случае, гораздо менее чем бесконечно сложную — формулу, по которой, когда мы будем знать достаточно, сможем выделить ментальную черту мира среди бесчисленных других черт, также супервентных на фундаментальной физике.

Анализы каузальных ролей сохраняли бы силу, даже если бы материалистическая супервентность оказалась ложной. Они могли бы и тогда приводить к психофизическим отождествлениям. Даже в мире, кишащем духами, каузальные роли — у нас, если не у духов, — могли бы выполняться физическими состояниями, которые тем самым соответствовали бы именам народной психологии. А могли бы выполняться и нефизическими состояниями. Тогда, знай мы достаточно парапсихологии, у нас были бы посылки аргумента в пользу психонефизического отождествления.

Когда наш аргумент даёт отождествление $M = P$, тождество контингентно. Как это возможно? Ведь всякое тождество — самотождество, и ничто не могло бы не быть тождественно самому себе. Но этого и не требуется. Контингентно — и познаваемо только *апостериори*, — какие физические или иные состояния выполняют какие каузальные роли. Поэтому, если M означает «носитель M-роли», контингентно, какое состояние служит референтом M; контингентно, имеет ли некоторое одно состояние одновременно имена M и P; следовательно, контингентна истинность $M = P$.

Крипке настойчиво апеллирует к интуиции, что некоторые имена ментальных состояний, в особенности «боль», — жёсткие де-

---

[17] См.: David Lewis. «An Argument for the Identity Theory», *Journal of Philosophy*, 63 (1966), p. 17–25; перепечатано с дополнениями в: Lewis. *Philosophical Papers*, vol. 1 (Oxford University Press, 1983); Lewis. «Psychophysical and Theoretical Identifications». Независимое и одновременное изложение той же позиции, с гораздо более подробным разбором возможных определяющих каузальных ролей, см. в: Armstrong. *A Materialist Theory of the Mind*.

сигнаторы: то есть их референты не зависят от контингентных обстоятельств[18]. У меня самого такой интуиции нет, поэтому нежёсткость, предполагаемая анализом каузальных ролей, меня нисколько не тревожит.

Вот аргумент, что «боль» — не жёсткий десигнатор. Вспомните случай сильной боли, которую невозможно было спутать с чем-либо или не замечать. Все, кроме некоторых философов и целителей верой, согласятся: существует состояние, действительно выполняющее роль боли — или достаточно близкое к этому; оно называется «болью»; и тогда вы находились в этом состоянии. Пока я ничего не предполагаю ни о его природе, ни о том, почему оно соответствует своему имени. Теперь представьте неосуществившуюся ситуацию, в которой вместо действительного носителя роль боли выполняет другое состояние; вы находитесь в этом другом состоянии; а во всём остальном ситуация как можно ближе к действительной. Можете ли вы отличить действительную ситуацию от этой неосуществившейся альтернативы? Я считаю, что нет — во всяком случае, без трудоёмкого исследования. Но если «боль» — жёсткий десигнатор, то в альтернативной ситуации вам не больно, и вы могли бы с лёгкостью их различить. Значит, «боль» — не жёсткий десигнатор.

Философские аргументы никогда — ну, почти никогда — не бывают неопровержимыми. Их задача — помочь изложить позицию, а не вынудить к согласию. В данном случае оппонент мог бы ответить: если действительный носитель роли боли не физическое, а особое нефизическое состояние, то вы и вправду можете различить эти две ситуации. Он мог бы согласиться со мной, что будь действительный носитель роли физическим состоянием, это было бы невозможно — иначе нейрофизиология была бы проще, чем она есть, — и вместе с интуицией жёсткости использовать это для *сведения к абсурду* материализма. Я же не понимаю, какое отношение физическая или нефизическая природа действительного носителя роли имеет к различимости двух ситуаций. Разговоры о «феноменальном характере» и тому подобном не помогают. Либо в них уже заложено философское учение, предполагающее доказы-

[18] Saul Kripke. *Naming and Necessity* (Blackwell, 1980), p. 147–148.

ваемое, либо они лишь повторяют бесспорный факт: боль есть вид переживания[19].

Если в разных мирах разные состояния выполняют роли народной психологии и соответствуют именам народной психологии — и если, как можно предположить, такие различия не всегда требуют разных законов природы, — вариации возможны и в пределах одного мира. Ведь возможность подчиняется принципу рекомбинации: грубо говоря, любой возможный вид вещей может сосуществовать с любым другим[20]. Насколько мы знаем, вариации могут существовать даже в нашем мире. Возможно, есть инопланетяне и, возможно, скоро появятся искусственные интеллекты, у которых роли народной психологии выполняют — или почти выполняют — состояния, очень отличные от состояний человеческой нервной системы. По-видимому, по крайней мере некоторые роли выполняются у некоторых животных; возможно, между видами есть различия. Вариации могут существовать даже внутри человечества. Это зависит от того, насколько наша организация жёстко задана устройством нервной системы и насколько генетически различается это устройство.

Но не следует обнаруживать мнимые вариации, упуская общие описания. Представьте два механических калькулятора одной конструкции. Когда они складывают столбцы чисел, переносимая величина записывается в регистр; какой именно регистр для этого служит, выбирается переключателем. Не говорите, что роль переноса семнадцати выполняется в одной машине состоянием регистра *A*, а в другой — состоянием регистра *B*. Скажите, что в обеих машинах эту роль выполняет состояние регистра, выбранного переключателем. Равносильно этому можно говорить о состоянии достаточно большой части калькулятора, включающей переключатель и оба регистра. Если некоторые из нас совершают определённую мыслительную операцию левым полушарием, а другие — правым, перед нами может быть аналогичный случай.

---

[19] Воображаемый оппонент согласился бы с обсуждением у Крипке: *Naming and Necessity*, p. 144–155. Но я не предполагаю, что Крипке согласился бы с ним. Во всяком случае, вложенные мною в уста оппонента слова — не слова Крипке.

[20] Lewis. *On the Plurality of Worlds*, p. 86–92.

Если *M* означает «носитель *M*-роли», а носители роли варьируются, наши психофизические тождества нужно ограничить: не просто *M* = *P*, а «*M* у *K* = *P*», где *K* — вид, у которого *M*-роль выполняет *P*. Человеческая боль может быть одним состоянием, а марсианская — другим[21]. Как и при контингентности, то есть вариациях между мирами, при вариациях внутри одного мира изменчивость никак не затрагивает само отношение тождества: она касается референции ментального имени.

Угроза вариаций побудила многих отступить от тождества типов (type-type identity) к тождеству экземпляров (token-token identity). Они не скажут *M* = *P*, где *M* и *P* — имена состояния, общего для разных вещей в разное время, то есть свойства, которым вещи обладают в определённые моменты. Но скажут *m* = *p*, где *m* и *p* — ментальное и физическое имена отдельного, неповторимого события. Тождества экземпляров вполне хороши в своём производном качестве, но отказываться от тождеств типов было совершенно незачем. Ведь наши ограниченные тождества вида «*M* у *K* = *P*» попрежнему являются тождествами типов.

Но разве у нас хотя бы нет выбора? Нельзя ли переформулировать анализ каузальных ролей через роли экземпляров — и не приведёт ли он тогда к тождествам экземпляров? В конце концов, тип выполняет каузальную роль только через причины и следствия своих экземпляров. Следствия боли — это следствия событий боли. Вслед за Джексоном, Парджеттером и Прайор я полагаю, что такая переформулировка была бы непростой[22]. Каузальных отношений больше одного. Помимо причинения есть предотвращение. Оно тоже может входить в каузальные роли народной психологии: например, боль обычно мешает целиком сосредоточиться на чёмлибо другом. Предотвращение не удаётся прямо трактовать как каузальное отношение экземпляров, потому что предотвращённых экземпляров не существует — во всяком случае, в этом мире. Его лучше понимать как отношение типов.

Если бы отступление понадобилось, лучше было бы отступить к тождеству подтипов. Пусть *MK* обозначает конъюнктивное свой-

---

[21] Lewis. «Mad Pain and Martian Pain».

[22] Frank Jackson, Robert Pargetter, Elizabeth Prior. «Functionalism and Type-type Identity Theories», *Philosophical Studies*, 42 (1982), p. 209–225.

ство находиться в состоянии *M* и принадлежать к виду *K*; аналогично для *PK*. Нужны ли нам на самом деле психофизические тождества вида *MK* = *PK*? Близко, но, по-моему, не совсем верно. Во-первых, «*M* у *K*» — не то же самое, что *MK*: первое, в отличие от второго, может встречаться и у чего-либо, не принадлежащего к виду *K*. Во-вторых, *M*-роль у вещей вида *K* выполняет само *P*, а не *PK*.

Нежёсткость означает, что в разных возможных случаях *M* — разные состояния; вариативность означала бы, что это разные состояния в разных действительных случаях. Но разве мы не считаем, что существует *одно* свойство находиться в состоянии *M*, общее для всех — действительных или возможных, любого вида, — о ком истинно, что они находятся в *M*? Такое свойство есть: любое возможное *X* обладает им тогда и только тогда, когда находится в состоянии, выполняющем *M*-роль для вида *X* в мире *X*[23]. Выражение «находиться в *M*» можно, по крайней мере в одном удачном прочтении, считать жёстким десигнатором этого свойства. Однако само это свойство не выполняет *M*-роли. Оно не может выполнять ни её, ни какой-либо другой каузальной роли, поскольку чрезмерно дизъюнктивно; поэтому ни одно событие по своей сущности не является обладанием этим свойством[24]. Признать его каузально действенным — значит допустить нелепый двойной счёт причин. Это всё равно что сказать, будто мясо, пожаренное в Футскрее, приготовилось потому, что обладало свойством быть либо пожаренным в Футскрее, либо сваренным в Бандуре. Только ещё хуже: дизъюнкция была бы гораздо длиннее и разнороднее.

Поскольку крайне дизъюнктивное свойство находиться в *M* не выполняет *M*-роли, я утверждаю, что оно не может быть референтом *M*. Многие со мной не согласны. Им хотелось бы, чтобы *M* оказалось жёстким десигнатором свойства, общего для всех находящихся в *M*. Поэтому свойство, которое я называю «находиться в *M*», они называют просто *M*; а свойство, которое я называю *M*, — носитель *M*-роли — они называют «реализацией *M*». Их выбор не-

---

[23] В «How to Define Theoretical Terms» я называл это «диагонализированным смыслом» *M*.

[24] David Lewis. «Events», в: Lewis. *Philosophical Papers*, vol. 2 (Oxford University Press, 1986).

верен, поскольку нелепо отрицать каузальную действенность самого *M*. И всё же это лишь поверхностная ошибка: они говорят о нужных свойствах, хотя называют их неверно.

Досадно, что этот поверхностный вопрос иногда принимают за границу «функционализма». Иногда принимают, иногда нет — вот почему я и не знаю, функционалист ли я.

Тем, кто считает «боль» жёстким десигнатором крайне дизъюнктивного свойства, придётся оспорить мой аргумент о нежёсткости «боли». При этом им вряд ли захочется утверждать, что можно различить ситуации, в которых роль боли выполняется поразному. Значит, им следует оспорить первый шаг и отрицать, что действительный носитель роли боли называется «болью». Я считаю такое отрицание *сведением к абсурду*.

Дэвид Армстронг

Каузальная теория сознания[*]

Только ли анализом понятий занимается философия?

Что философия может внести в решение проблемы отношения ментального (mind) к телесному? Лет двадцать назад многие англоязычные философы ответили бы: «Ничего, кроме анализа различных ментальных *понятий*». За знанием о вещах, считали они, следует обращаться к науке. Философия может лишь прояснить наши понятия об этих вещах.

Отступление от вещей к понятиям было отнюдь не легкомысленным. С XVII века главным интеллектуальным фактом нашей культуры стало невероятное расширение знаний и в естественных, и в рациональных науках — математике и логике. Повседневность даёт нам некоторые простые истины. Но, по-видимому, только наука позволяет идти дальше них — и с поразительными результатами.

Успех науки вызвал кризис философии. Что ей осталось делать? Отчасти проблему заметил уже Юм, и, несомненно, Кант; но по-настоящему остро она встала лишь в XX веке, с Венским кружком и Витгенштейном. По Витгенштейну, философии остаётся развязывать интеллектуальные узлы, ею же завязанные, достигая умственного освобождения и даже некоторого просветления, но не знания. Немного позже Райл предложил более оптимистичный взгляд: положительная, хотя и суженная роль философии — нано-

---

[*] Статья впервые опубликована: Armstrong D. M. The Causal Theory of the Mind // *Neue Hefte für Philosophie*. 1977. H. 11. S. 82–95. Позднее включена в: Armstrong D. M. *The Nature of Mind and Other Essays*. University of Queensland Press, 1981. P. 16–31. Перевод по этой редакции. — *Прим. пер.*

сить на карту «логическую географию» понятий, устанавливать их взаимные отношения и способы анализа.

В целом позиция Райла оказалась популярнее витгенштейновской. В конце концов, она сохраняла за философией особую, пусть сильно уменьшившуюся область, где та ещё могла царствовать. У профессиональных философов было больше надежд остаться при работе!

Однако с тех пор философы «аналитической» традиции вновь перешли от витгенштейновского и даже райлианского пессимизма к более традиционному пониманию роли и задач философии. Многие теперь согласились бы, что её главная задача — объяснить наиболее общую природу вещей и человека или хотя бы участвовать в таком объяснении. К этому большинству я причисляю и себя.

Почему произошёл поворот назад? Неужели прежняя тяга философа определять природу вещей априорным рассуждением оказалась слишком сильна? Или, выражаясь по-фрейдовски, перед нами просто возвращение вытесненного? Думаю, нет. Сильно повлияло понимание того, что философы, якобы отказавшиеся от онтологических и других содержательных вопросов ради одного исследования понятий, на деле тайком проносили ответы и на эти вопросы. Они не признавали собственных взглядов, но взгляды никуда не исчезали. И, что с их точки зрения гораздо хуже, именно они придавали форму ответам на понятийные вопросы.

Например, в *«Понятии сознания»* (1949) Гилберт Райл, отрицая свой бихевиоризм, как будто защищал взгляд на человека и его сознание, чрезвычайно близкий к бихевиоризму. Во многих случаях казалось, что именно этот взгляд на психофизическую проблему приводил его к определённому анализу отдельных ментальных понятий, а не наоборот. Подобные примеры подсказывали: если философам не избежать содержательных взглядов, а эти взгляды неизбежно влияют на анализ понятий, лучше высказывать и обсуждать их открыто, а не позволять им проявляться в искажённой, поскольку непризнанной, форме.

Возвращению аналитических философов к вопросам о самих вещах способствовало и более глубокое понимание природы научного исследования. Для философской традиции, ориентированной на науку, — а западная философия в целом такова, — рассмотре-

ние научных методов неизбежно важно. Постепенно стало ясно, что прежде научное исследование слишком часто понимали в чрезмерно позитивистском, сенсуалистском и ориентированном на наблюдение духе. Здесь исключительно важным оказалось влияние Карла Поппера. По мере признания центральной роли гипотез, теории и рассуждения в научном исследовании граница науки и философии стала казаться по меньшей мере подвижнее. Вновь появилась надежда, что философия способна внести вклад в содержательные вопросы.

У философа есть особые умения: формулировать и оценивать аргументы, в том числе выявлять и делать явными скрытые посылки; обнаруживать двусмысленности и противоречия; и, пожалуй прежде всего, анализировать понятия. Но, утверждаю я, из наличия этих умений не следует, что в их применении и состоит *цель* философии. Скорее это особые *средства* достижения дальнейших целей. Райл ошибался, принимая анализ понятий за конечную задачу философии. Анализ — средство, которым философ вносит вклад в большие общие вопросы не о понятиях, а о вещах.

Применительно к психофизической проблеме суждения философа не обязаны иметь какую-то особую природу. К ним могли бы прийти психолог, нейрофизиолог, биохимик или кто-то ещё; более того, именно результаты и программы этих наук могут подсказать их философу. Особым будет способ выстраивания аргумента. Имеет ли он какую-либо ценность для поиска истины, нужно решать в каждом случае отдельно. Априорных оснований полагать, что особые философские методы внесут вклад в психофизическую проблему, нет. Но нет и априорных оснований считать этот вклад бесполезным.

Понятие ментального состояния

Философия философии — пожалуй, не самый радостный и благодарный предмет размышлений. Обратимся к самой психофизической проблеме в надежде, что её рассмотрение подтвердит только что высказанные общие замечания.

Сегодня, рассматривая психофизическую проблему, следует, по-видимому, учитывать следующее. Нынешнее научное знание

делает вероятным чисто физико-химическое объяснение человеческого тела. Всё вероятнее, что тело и мозг человека устроены и работают по тем же физическим принципам, что и прочая, неорганическая материя. Различия между камнем и человеческим телом, похоже, заключаются лишь в чрезвычайно сложной материальной организации живого тела, которой нет у камня. Кроме того, есть довольно веские свидетельства, что именно состояние мозга полностью определяет состояние сознания (consciousness) и вообще наше ментальное состояние.

Всё это небесспорно; нетрудно представить данные, которые разрушили бы такую картину. В частности, я считаю возможным, пусть и едва, что парапсихологические исследования дадут свидетельства, не вмещающиеся в физико-химический взгляд на мозг. Но допустим, что физико-химическое понимание его работы верно, как я и полагаю. Тогда естественно заключить: ментальные состояния не просто *определяются* соответствующими состояниями мозга, а на деле *тождественны* им — состояниям мозга, не имеющим никаких свойств, кроме физических.

Аргумент прост; для его построения и понимания его силы философское умение едва ли необходимо! Но хотя многие современные мыслители приняли бы вывод, другие, включая немало философов, его отвергают. Очень многим казалось априорно очевидным, что ментальные состояния не могут быть физическими состояниями мозга. Никто ведь не отождествит число с обломком скалы: достаточно ясно, что эти сущности относятся к разным категориям. Точно так же, считали они, восприятие или чувство печали должно быть вещью иной категории, чем электрохимический разряд в центральной нервной системе.

Здесь, по-моему, философы могут внести полезный вклад. Это вопрос о ментальных понятиях: допускает ли наше понятие ментального состояния осмысленную гипотезу, что ментальные состояния — физические состояния мозга? Если философ покажет *осмысленность*, то есть непротиворечивость, такого суждения, приведённый научный аргумент можно будет принять за веское основание его истинности.

Я считаю отождествление ментальных состояний с физическими состояниями мозга вполне осмысленным. Это становится ясно,

когда мы правильно анализируем ментальные понятия. Признаю: сам я принял этот анализ потому, что он позволял такое отождествление. Но подобный путь совершенно обычен и правомерен при построении теорий. Каковы бы ни были мотивы, анализ должен говорить сам за себя, сопоставляться с соперниками и оцениваться как правдоподобный или неправдоподобный независимо от отождествления, которое он допускает.

Проблему можно поставить по-кантовски: «Как возможно, чтобы ментальные состояния были физическими состояниями мозга?» Решение примет вид анализа понятия ментального состояния, *правдоподобного самого по себе* и допускающего такое отождествление. Так философ расчищает дорогу содержательному учению первостепенной важности — истинному или ложному: чисто физикалистскому взгляду на человека.

Предлагаемый анализ можно назвать каузальным анализом ментальных понятий. Согласно ему, понятие ментального состояния существенно включает — и исчерпывается — понятием состояния, *способного вызывать определённые следствия или быть следствием определённых причин*.

Пример каузального понятия — понятие *яда*. Это понятие чего-то, что при введении в организм вызывает болезнь и/или смерть[1]. Перед нами лишь грубый анализ: действительное строение понятия сложнее и тоньше. Если А вольёт расплавленный свинец в горло В и тот умрёт, вряд ли можно сказать, что А его отравил. Чтобы вещь называлась ядом, она должна действовать определённым способом: грубо говоря, биологическим, а не чисто физическим. Далее, яд можно ввести в организм, а организм не умрёт и даже не заболеет — например, если быстро дать противоядие. Или количества яда окажется недостаточно для вреда. Возможны и другие оговорки.

Но главное в понятии яда — это понятие *того, что, каково бы оно ни было, вызывает определённые следствия*. Отсюда возможность *научного отождествления* ядов: открытия, что вещество не-

[1] «Любое вещество, которое, будучи введено в живой организм или поглощено им, уничтожает жизнь или вредит здоровью» ("Any substance which, when introduced into or absorbed by a living organism, destroys life or injures health"). *Shorter Oxford Dictionary*, 3rd edn., revised 1978.

которого рода, например цианид, есть яд, а затем и того, что именно делает его ядовитым.

Яды называются ядами благодаря своим активным способностям; но многие вещи относятся к определённым родам благодаря своим *пассивным* способностям. Хрупкие предметы хрупки потому, что имеют диспозицию ломаться и рассыпаться от резкого удара. Тем самым остаётся возможность эмпирически установить, какие вещи хрупки и что делает их такими.

Если же понятия разных ментальных состояний — это понятия того, что разными способами способно вызывать определённые следствия и быть следствием определённых причин, в том, что ментальные состояния окажутся физическими состояниями мозга, не будет ничего загадочного.

Понятие ментального состояния — понятие чего-то, обычно выступающего причиной определённых следствий и следствием определённых причин. Что это за следствия и причины? Следствия — определённые формы поведения человека в данном состоянии. Например, желание пищи — состояние человека или животного, обычно вызывающее поиск и потребление пищи. Причины ментальных состояний — объекты и события в окружении человека. Ощущение зелёного, например, — характерное следствие воздействия на глаза находящейся поблизости зелёной поверхности.

Общая схема анализа особенно очевидна и правдоподобна применительно к *целям*. Если человек ставит целью пойти на кухню поесть, совершенно естественно понимать эту цель как внутреннюю причину, вызывающую или склонную вызывать именно такой ход поведения. Кроме того, хорошо известно, что характеризовать цели иначе, *чем через* то, к чему они склонны приводить, мы не умеем. Как отличить цель пойти на кухню поесть от цели пойти в спальню прилечь? Только по различным результатам, к которым они ведут. Этот факт поддерживал бихевиоризм. Но ещё правдоподобнее объяснить его тем, что понятие цели каузально. Дополнительная гипотеза, что две цели по своей природе суть разные физические рисунки активности или состояния центральной нервной системы, — естественное, хотя и не логически неизбежное дополнение к каузальному анализу.

Простые модели очень полезны для понимания сложных представлений, но это лестницы, которые после подъёма, возможно, придётся отбросить. Крайне важно понимать: логическое строение ментальных понятий гораздо сложнее, чем у простых каузальных понятий вроде яда. Это неудивительно. Для яда вызываемое им следствие — грубое и очевидное явление; и уровень каузального объяснения, содержащийся в одном названии «яд», прост и груб. Следствия ментальных состояний — всё то сложное поведение, которым человек и высшие животные отличаются от остальных объектов мира. К тому же различия в поведении сложно соотнесены с различиями действующих ментальных причин. Поэтому каузальные структуры, предполагаемые ментальными понятиями, и должны быть чрезвычайно сложными и тонкими.

Например, цель правдоподобно понимать как внутреннюю причину, которая направляет или склонна направлять человека либо животное через ряд действий к определённому конечному состоянию. Но это ещё не всё. Цель является целью, лишь если производит поведенческие следствия *определённым способом*. Его можно обозначить так: цели — причины, *чувствительные к информации*. Они направляют поведение, используя *восприятия и убеждения*: восприятия и убеждения о текущей ситуации действующего лица и её развитии, а также убеждения о том, как устроен мир. Например, в само понятие цели достичь X входит следующее: эта причина перестаёт действовать, «выключается», если субъект воспринимает X как достигнутое или иным образом приходит к убеждению, что X достигнуто.

Здесь особый вид причины — цель — объясняется через *другие* ментальные феномены: восприятия и убеждения. Значит, для чисто каузального анализа даже понятия цели придётся дать чисто каузальный анализ восприятий и убеждений. Можно понимать поведение человека как совместное действие двух наборов причин: его целей и его восприятий мира и/или убеждений о мире. Но восприятия и убеждения — совсем не то, что цели; каузальный анализ должен отвести им совершенно разные каузальные роли в порождении поведения.

Думаю, это можно сделать, объяснив восприятия и убеждения как *карты* мира. Это структуры внутри нас, моделирующие внеш-

ний по отношению к ним мир. Модель создаётся в нас самим миром. Тогда цели можно считать движущими причинами, использующими такие карты.

Перед нами лишь набросок, требующий и разработки, и оговорок. При разработке выясняется следующее: как понятие цели невозможно объяснить без понятий восприятия и убеждения, так и последние невозможно объяснить без понятия цели. Это видно, например, если поставить юмовский вопрос: чем убеждение отличается от простого рассмотрения той же пропозиции? По-видимому, лишь тем, что убеждения — карты, в свете которых мы готовы *действовать*, то есть потенциальные слуги наших целей. Логическая зависимость цели от восприятия и убеждения и обратная зависимость восприятия и убеждения от цели не являются кругом в определении. Они показывают, что соответствующие понятия *должны вводиться вместе — или не вводиться вовсе*. Само по себе это неудивительно. Соотносительные, взаимно предполагающие друг друга понятия обычны: муж и жена, солдат и армия. Нет мужей без жён и жён без мужей; нет солдат без армии и армии без солдат. Но если цель, восприятие и убеждение — соотносительные понятия и разные виды чисто каузальных понятий, их строение явно сложнее строения простого понятия яда. Под ментальные понятия подпадает сложная, взаимосвязанная совокупность каузальных факторов, вместе отвечающих за поведение человека и высших животных, которое мы связываем с наличием у них ментальной жизни.

Таким образом, разработка каузальной теории ментальных понятий оказывается чрезвычайно сложной задачей. В самой общей формулировке она, по выражению Имре Лакатоса, скорее *исследовательская программа* понятийного анализа, чем разработанная теория. Я пытался показать перспективность программы, предложив хотя бы в общих чертах каузальный анализ всех основных понятий в *«Материалистической теории сознания»* (1968). А довольно краткое объяснение понятий убеждения, знания и вывода дополнил в *«Убеждении, истине и знании»* (1973).

Два примера ментальных понятий, требующих особенно сложного и тонкого каузального анализа, — интроспективное осознание (introspective awareness), то есть один из смыслов «сознания»,

и мысленные образы. Интроспективное осознание можно анализировать как ментальное состояние, представляющее собой «восприятие» ментальных состояний: карту самих каузальных факторов. Наличие мысленных образов — ментальное состояние, которое нельзя объяснить в *непосредственно* каузальных терминах, а можно лишь через сходство с соответствующими восприятиями, объясняемыми через каузальную роль.

Теперь можно отметить два преимущества каузальной теории. Во-первых, философы и другие авторы часто замечают, что область ментального призрачна, а природа ментальных состояний необычайно неуловима и трудна для понимания. Это подкрепляло дуалистические, или картезианские, теории, согласно которым сознания суть вещи совсем иного рода, чем материальные объекты. Но если каузальный анализ верен, факты допускают другое объяснение. Дуалисты смутно уловили следующее: прямое знакомство с ментальным в интроспективном осознании — знакомство с чем-то, что осознаётся лишь как прямо или косвенно каузально связанное с поведением. Например, мы часто, хотя и не всегда, интроспективно осознаём свои цели и желания. При этом осознаётся наличие внутри нас факторов, направляющих нас в определённую сторону, но не собственная природа этих факторов. Этот пробел в осознании дуалисты истолковывают как нематериальность. На деле, если каузальный анализ верен, оснований для такого толкования нет; а если физикалистское отождествление природы причин верно, толкование просто ложно.

Во-вторых, каузальный анализ обещает ещё более впечатляющее подтверждение: объяснение известной философской особенности всех или почти всех ментальных состояний — их *интенциональности* (intentionality). Особенно на неё обращал внимание Брентано: ментальные состояния могут быть направлены на объекты или положения дел, которые не обязаны существовать. Стремление человека имеет цель, но она может никогда не осуществиться. Убеждение имеет содержание, но то, в чём человек убеждён, может не соответствовать действительности. Способность ментальных состояний «указывать» на несуществующее кажется весьма особенной. Брентано считал, что интенциональность полностью отделяет ментальное от материального.

Но возьмём понятие яда. Разве оно не даёт простую миниатюрную модель интенциональности ментальных состояний? Яды — вещества, способные при введении в организм вызывать болезнь и смерть. Можно сказать, что именно на это они «указывают». И всё же яд может не произвести своего действия: он не перестаёт быть ядом, если противоядие нейтрализует обычный эффект.

Не может ли интенциональность ментальных состояний быть в принципе не более загадочной, хотя и несравненно более сложной, чем смерть, таящаяся в яде? Промежуточный случай — механизм самонаводящейся ракеты. При определённой настройке ракета «указывает» на некоторую мишень, имитируя направленность целей на их предметы. Механизм приведёт ракету к мишени лишь в «стандартных» обстоятельствах: можно представить множество факторов, срывающих его работу. Для успешной работы понадобится устройство, в котором развивающаяся ситуация отражается на «карте»: например, текущий курс ракеты. Такая карта — простейший аналог восприятия; поэтому нанесённый на неё курс можно считать подобием интенционального объекта восприятия. По той или иной причине — например, из-за поломки гироскопа — карта может быть «неверной».

То, что самонаводящиеся ракеты строят целеполагающие люди, намеренно воплощая в них грубую модель собственных целей, не опровергает аналогию. Такие ракеты могли бы быть природными образованиями; а лишённые ментальности объекты, работающие сходным, но гораздо более сложным образом, в природе есть. Пример — живая клетка.

Итак, каузальный анализ ментальных понятий обещает объяснить и прозрачность (transparency), и интенциональность ментальных состояний. Но нередко спрашивают, в каком смысле это вообще «анализ». Нагромождение сложностей достаточно ясно показывает: такие анализы не представляют собой *синонимичных переводов* высказываний, содержащих ментальные термины. Если же синонимичные переводы невозможны, что именно значит «анализ понятий»?

Я не очень ясно представляю, как следует ответить на это возражение. Но оно явно предполагает, что всякий понятийный анализ есть утверждение о синонимии предложений, а это, по-моему,

слишком просто. Вернёмся к яду: то, что яды убивают, явно не эмпирический факт, узнаваемый из опыта. Способность произвести этот эффект — ядро нашего понятия яда. Не будь такой способности, вещь неправильно было бы называть ядом. И всё же точно перевести предложения со словом «яд» в предложения без этого слова и без его синонимов чрезвычайно трудно. Даже в таком простом случае совсем не ясно, выполнима ли задача.

Поэтому я считаю перевод предложений с сохранением синонимии слишком строгим требованием к предполагаемому понятийному анализу. Какое более мягкое требование можно предъявить, сохранив право говорить об анализе? Не знаю. Несомненно, здесь нужно прояснить само понятие понятия и его связь с языком. Я склонен считать эту связь гораздо менее тесной, чем предполагают многие философы. Понятия связаны прежде всего с убеждениями и мышлением, а те, по-моему, в значительной степени логически независимы от языка, сколь бы тесна ни была во многих случаях эмпирическая связь. Тогда анализ понятий, хотя и проводится словами, не обязательно является исследованием *слов*. Компромиссное предложение: быть может, он исследует некую «глубинную структуру» — воспользуемся освящённым модой выражением, — лежащую в основе употребления определённых слов и предложений. Хотелось бы, чтобы я мог продвинуть этот вопрос дальше.

Проблема вторичных качеств

Обсуждение каузальной теории ментальных понятий будет неполным, если ничего не сказать о *вторичных качествах*. В случае целей и намерений их «прозрачность» весьма заметна. Известно, что интроспекция различает такие состояния только по разным объектам. Не столь очевидно, однако, что такой же прозрачностью обладает *восприятие*. Зрение включает переживание цвета и зрительной протяжённости; осязание — целый неясный круг осязательных свойств, в том числе осязательную протяжённость; слух, вкус и обоняние — переживания звуков, вкусов и запахов. Можно утверждать, что эти феноменальные качества наделяют разные восприятия разными качествами. Непрозрачность ещё заметнее у

телесных ощущений. Боль, зуд, щекотка и покалывание — ментальные состояния, хотя и не самого высокого порядка; каждое, кажется, обладает собственными качествами. Правдоподобно также различать особые качества разных эмоций. Если восприятие, телесные ощущения и эмоции включают качества, это как будто опровергает чисто каузальный анализ. Тогда перед нами не просто «то, что», известное лишь по каузальной роли.

Однако сила этого рассуждения далеко не ясна. Мы отличаем намерение от того, что намереваемся сделать; так же нужно отличать восприятие от воспринимаемого. И намерение, и восприятие — ментальные состояния, но ни предмет намерения, ни предмет восприятия в общем случае не есть нечто ментальное. Предмет намерения может не осуществиться, быть лишь интенциональным объектом; то же можно сказать и о воспринимаемом. Поэтому феноменальные качества правдоподобно считать качествами не восприятия, а воспринимаемого. «Зрительная протяжённость» — форма, размер и так далее, которые воспринимаются как свойства некоторого зрительного объекта, не обязательно существующего. Цвет, кажется, — качество этого объекта. То же относится к остальным феноменальным качествам. Даже качества телесных ощущений, *по-видимому*, принадлежат не ментальным состояниям, а частям тела: это более или менее мимолётные качества того места, где локализуется ощущение. Только для эмоций естественно отнести качество к ментальной стороне, а не к объектной. Но здесь не так ясно, существуют ли вообще особые эмоциональные качества. Разных сочетаний телесных ощущений, связанных с разными эмоциями, может оказаться достаточно для их феноменологически адекватного описания.

Поэтому ещё не ясно, угрожают ли феноменальные качества каузальному анализу ментальных понятий. Но некоторые из них совершенно определённо угрожают учению, к которому этот анализ должен вести, — материализму, или физикализму.

Качества цвета, звука, тепла и холода, вкуса и запаха, а также качества, кажущиеся присущими телесным ощущениям и, возможно, эмоциям, затрудняют положение современного материалиста. Он стремится объяснить мир и человека лишь через *физические* свойства — те, к которым физик обращается при объяснении явле-

ний. Материалист не связан *нынешним* набором физических свойств, но связан тем набором, к которому физик в конечном счёте придёт. Ясно, что цвет, звук, вкус и запах — так называемые «вторичные качества» — никогда не станут свойствами, используемыми физиком.

Правдоподобно, однако, что с разными вторичными качествами связаны вполне приемлемые для физика свойства. Физические поверхности, *кажется*, имеют цвет. Они не только кажутся излучающими световые волны, но несомненно их излучают; разные смеси длин волн связаны с различиями цвета. Так же разные звуки связаны с разными звуковыми волнами, а различия температуры — с различиями средней кинетической энергии молекул нагретого тела. Задача материалиста решалась бы очень просто, если бы вторичные качества можно было отождествить с этими физически приемлемыми свойствами. Качества телесных ощущений отождествлялись бы с разными видами стимуляции телесных рецепторов. Если у эмоций есть особые качества, их, вероятно, отождествили бы с некоторыми состояниями мозга, связанными с определёнными эмоциями.

Но здесь философ-материалист встречается с новой проблемой. Прежде он спрашивал: «Как возможно, чтобы ментальные состояния были физическими состояниями мозга?» На это ответила каузальная теория ментальных понятий. Теперь вопрос таков: «Как возможно, чтобы вторичные качества были чисто физическими свойствами своих объектов?» Каузальный анализ как будто бессилен. Попытка проанализировать, например, красноту каузально даст нечто вроде «те свойства физической поверхности, каковы бы они ни были, которые обычно вызывают в нас *ощущения красного*». Но это лишь бесполезно переносит проблему со свойства поверхности на свойство ощущения. Либо ощущения красного включают только физически приемлемые свойства, либо что-то ещё. Во втором случае материализм ложен. В первом — если это просто физические состояния мозга, имеющие лишь физические свойства, — материалист сталкивается с вопросом: «Как возможно, чтобы ощущения красного были физическими состояниями мозга?» Ответить на него не легче, чем на первоначальный вопрос о красноте поверхностей. А каузальный анализ ощущений красного как ха-

рактерных следствий воздействия красных поверхностей, конечно, возвращает нас по кругу.

Главная трудность вторичных качеств, например красноты, — их *неанализируемость*. Между ними есть определённые отношения сходства и так далее, поэтому назвать их совершенно простыми нельзя. Но они просты в том смысле, что не поддаются анализу. Невозможно полностью объяснить понятие красноты, не задействовав само понятие красноты. Многим философам это казалось и кажется непреодолимым препятствием для отождествления красноты, скажем, с определёнными сочетаниями излучаемых световых волн.

Но я не так уверен. По-моему, можно защищать мысль, что вторичные качества лишь *кажутся* простыми, а на деле непросты. Быть может, их простота только *эпистемологическая*, а не онтологическая: относится к нашему осознанию, а не к их устройству. Лучшую модель дают явления, известные благодаря гештальтпсихологам. Можно понять, что вещи или ситуации обладают особым свойством, и не суметь его проанализировать. Например, увидеть, что несколько людей в чём-то похожи, но не уяснить, в чём именно сходство. Мы осознаём, что они похожи, но не умеем определить или конкретизировать сходство. Позднее психологическое исследование, возможно, уточнит его природу — и результат окажется для нас полной неожиданностью. Так что вторичные качества, возможно, на деле сложны; более того, это могут быть сложные характеристики именно того рода, какого требует материализм, но восприятие не позволяет нам схватить их сложность.

Между предложенной моделью и случаем вторичных качеств есть два различия. Во-первых, воспринимая неопределимое сходство людей, мы не склонны искать его в одном простом качестве. Сходство не поддаётся определению, но мы смутно сознаём его сложность. Во-вторых, когда исследование установит его конкретную природу, наше внимание можно обратить на отдельные признаки, определяющие сходство, и мы сумеем каждый из них наблюдать.

Но хотя эти различия несомненны, я не думаю, что они исключают отождествление вторичных качеств с физически приемлемыми характеристиками объектов. Почему бы сложному свойству не

казаться простым? Добавить такое условие к модели, по-видимому, непротиворечиво. Отсюда следует, что восприятие вторичных качеств включает элемент иллюзии, но противоречия в этом нет. Верно и то, что здесь иллюзию невозможно преодолеть внутри самого восприятия: нельзя увидеть окрашенную поверхность как поверхность, излучающую определённые световые волны. Хотя порой, кажется, можно *услышать* звук как колебание воздуха. Но отождествление цвета со световыми волнами, пусть и чисто *теоретическое*, всё ещё кажется возможным. А если оно возможно, у нас есть общие научные основания считать его *правдоподобным*.

Представленное здесь учение о ментальных состояниях и вторичных качествах, по-моему, обещает ответить на многие традиционные философские возражения против материалистического, или физикалистского, объяснения мира. Как я подчёркивал, положительное обоснование материализма выходит за пределы профессиональной компетенции философа: здесь он должен опираться на данные учёного, прежде всего физика. Но по меньшей мере он может нейтрализовать возражения против материализма, выдвинутые другими философами.